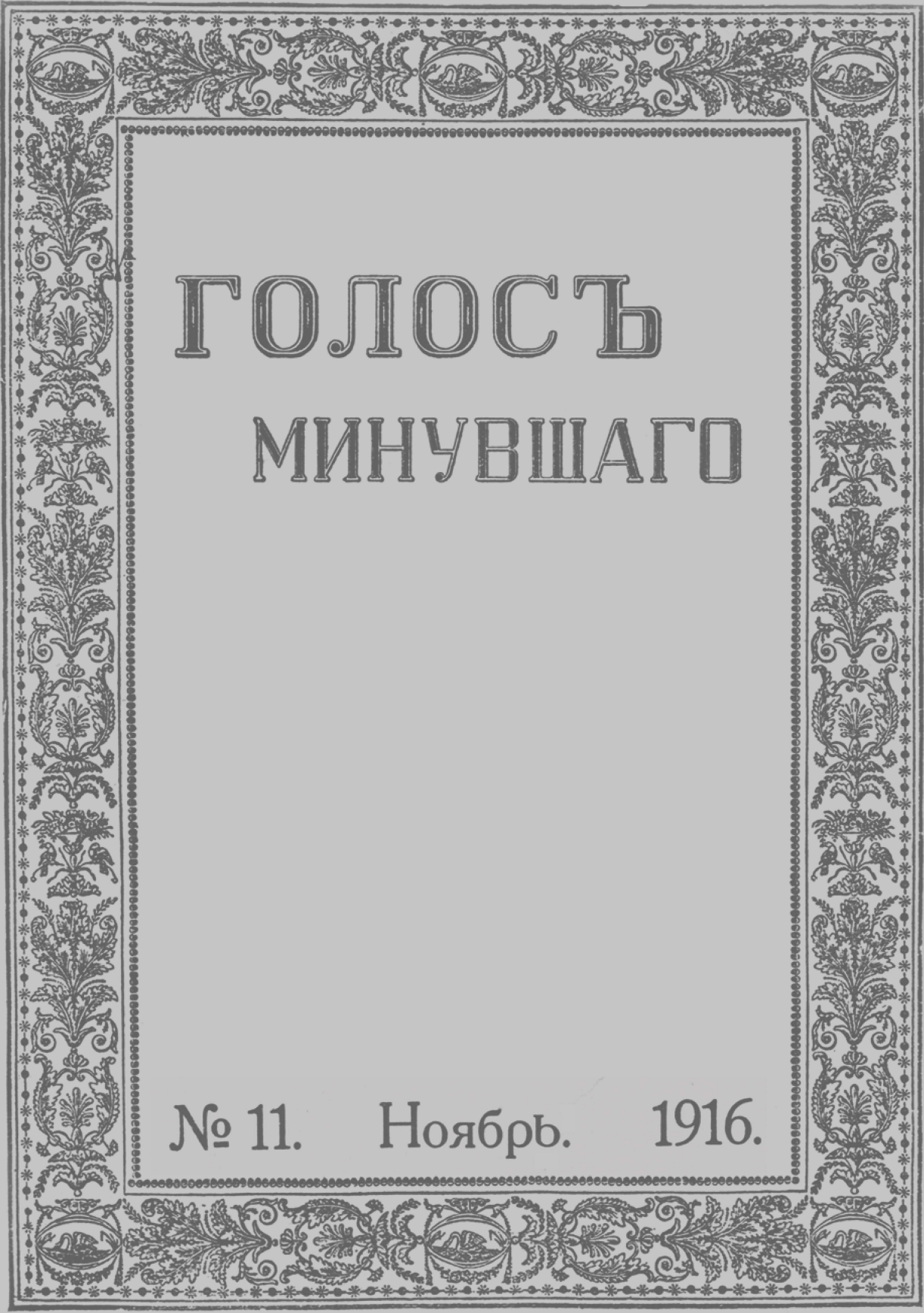

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 11. Ноябрь. 1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
1. В. И. Семевскій. Петрашевцы: студенты Толстовъ и Г. П. Данилевскій, мѣщанинъ П. Г. Шапошниковъ, литераторъ Катеневъ и Б. И. Утинъ. (Съ портретомъ Шапошникова).	5
2. Е. П. Карповъ. Марія Гавриловна Савина	29
3. Н. А. Качаловъ. Записки. III. Жизнь въ деревнѣ	62
4. И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. IV. Наступленіе реализма.	99
5. В. Евгеньевъ. И. А. Гончаровъ, какъ членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати	117
6. Ф. Ф. Тищенко. Л. Н. Толстой (воспоминанія и характеристика)	157
7. Илья Гинцбургъ. Художники въ гостяхъ у Л. Н. Толстого	191
8. А. П. Новицкій. «Сорокъ лѣтъ» Н. И. Костомарова и Л. Н. Толстой	198
9. Ел. Бакунина. Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого	202
10. Мелочи прошлаго. 1. Д. М. Россійскій. Неизданный вариантъ стих. Надсона. 2. Ф. А. Дюбюкъ. Наказъ редактора-славянофила (И. С. Аксакова). 3. Н. I. Шатиловъ. М. Н. Катковъ (ст.). 4. А. З. Попельницкій. «Прогрессъ»—слово запретное; Ѳ. А. Барыковъ о членахъ Гл. Ком. по крестьян. дѣлу. 5. К. В. Сивковъ. Москва въ 1792 г.	204
11. Шимонъ Аскеназы. Имп. Елизавета Алексѣевна и кн. Адамъ Чарторыйскій	211
12. В. Д. Бончъ-Бруевичъ. Новое о сектѣ іеговистовъ	221
13. Критика и библиографія. М. М. Клевенскій. Н. Котляревскій. Канунъ освобожденія. Е. Н. Щепкинъ. Собраніе сочиненій В. И. Григоровича. В. М. Фишеръ. Д. Дарскій. «Радость земли». В. С. Федина. А. А. Фетъ. В. В. Міяковскій. В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе». П. А. Берлинъ. С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. М. В. Бердоносозъ. К. А. Кузнецовъ. Англійская палата общинъ при Тюдорахъ. В. Е. Сыроѣчковскій. Г. М. Бѣлоцерковскій. Тула и тульскій уѣздъ въ XVI—XVIII в. К. В. Сивковъ. Исторія московскаго купеческаго общества т. IV. Б. Д. Федоровъ. Положеніе 19 февраля 1861 г. А. З. Попельницкій и Ред. Къ пятидесятилѣтію императорскаго русскаго историческаго общества. С. П. Мельгуновъ. «Историческія Извѣстія». Новыя книги	229
14. Объявленія.	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія IV)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО (†)

№ 11. Ноябрь. 1916.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страст. бульв., Путинковскій пер., соб. домъ.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. В. И. Семевскій. Петрашевцы: студенты Толстовъ и Г. П. Данилевскій, мѣщанинъ П. Г. Шапошниковъ, литераторъ Катеневъ и Б. И. Утинъ. (Портретъ Шапошникова)	5
2. Е. П. Карповъ. Марія Гавриловна Савина:	29
3. Н. А. Качаловъ. Записки. III. Жизнь въ деревнѣ	62
4. И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. IV. Наступленіе реализма.	99
5. В. Евгеньевъ, И. А. Гончаровъ, какъ членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати	117
6. Ф. Ф. Тищенко. Л. Н. Толстой (воспоминанія и характеристика)	157
7. Илья Гинцбургъ. Художники въ гостяхъ у Л. Н. Толстого.	191
8. А. П. Новицкій. «Сорокъ лѣтъ» Н. И. Костомарова и Л. Н. Толстой	198
9. Ел. Баунина. Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого	202
10. Мелочи прешлаго. 1. Д. М. Россійскій. Неизданный вариантъ стих. Надсона. 2. Ф. А. Дюбюкъ. Наназъ редактора-славянофила (И. С. Аксакова). 3. Н. И. Шатиловъ. М. Н. Катковъ (ст.). 4. А. З. Попельницкій. «Прогрессъ»—слово запретное; О. А. Барыковъ о членахъ Гл. Ком. по крестьян. дѣлу. 5. К. В. Сивковъ. Москва въ 1792 г.	204
11. Шимонъ Аскеназы. Имп. Елизавета Алексѣевна и кн. Адамъ Чарторыйскій	211
12. В. Д. Бончъ-Бруевичъ. Новое о сектѣ іеговистовъ	221
13. Критика и библиографія. М. М. Клевенскій. Н. Котляревскій. Канунъ освобожденія. Е. Н. Щепкинъ. Собраніе сочиненій В. И. Григоровича. В. М. Фишеръ. Д. Дарскій. «Радость земли». В. С. Федина. А. А. Фетъ. В. В. Міяковскій. В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе». П. А. Берлинъ. С. Ф. Лобровичъ. На книжномъ посту. М. В. Бердоносовъ. К. А. Кузнецовъ. Англійская палата общинъ при Теодорахъ. В. Е. Сыроѣчковскій. Г. М. Вѣлоцерковскій. Тула и тульскій уѣздъ въ XVI—XVIII в. К. В. Сивковъ. Исторія московскаго купческаго общества т. IV. Б. Д. Федоровъ. Положеніе 19 февраля 1861 г. А. З. Попельницкій и Ред. Къ пятидесятилѣтію императорскаго русскаго историческаго общества. С. П. Мельгуновъ. «Историческія Извѣстія». Новыя книги.	229
14. Объявленія.	

Петрашевцы.

Студенты Толстовъ и Г. П. Данилевскій, мѣщанинъ П. Г. Шапошниковъ, литераторъ Катеневъ и Б. И. Утинъ.

Большинство петрашевцевъ пропагандировало свои идеи среди интеллигентнаго общества. Правда, извѣстно, что Петрашевскій пытался перестроить жизнь своихъ немногихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ соответствіи, насколько онъ считалъ это возможнымъ, съ ученіемъ Фурье, поселивъ ихъ вмѣсто отдѣльныхъ избъ въ одномъ большомъ зданіи, говсрять, что онъ, будто бы, пытался иной разъ вести пропаганду среди дворниковъ и вообще просто-народья, установлено, что Ястржембскій старался возбудить противъ правительства одного извозчика. Григорьевъ написалъ «Солдатскую Бесѣду», очевидно, для распространенія среди солдатъ, Филипповъ составилъ для народнаго чтенія объясненіе десяти заповѣдей. Но все же эта сторона дѣятельности петрашевцевъ была гораздо менѣе значительна, чѣмъ распространеніе ученія Фурье и различныхъ радикальныхъ и социалистическихъ идей среди интеллигенціи.

Интересно поэтому отмѣтить привлеченіе къ дѣлу петрашевцевъ нѣсколькихъ лицъ, которыя стремились вести пропаганду и въ народѣ, хотя весьма мало успѣвшихъ чтебы то ни было сдѣлать въ этомъ направленіи: это были мѣщанинъ, владѣлецъ табачной лавочки въ Петербургѣ, Петръ Григ. Шапошниковъ и его знакомые студентъ Толстовъ и литераторъ Катеневъ. Довольно случайно, вслѣдствіе знакомства съ двумя послѣдними лицами, были привлечены къ дѣлу петрашевцевъ студентъ Григ-Петр. Данилевскій, извѣстный впослѣдствіи авторъ историче-

скихъ романовъ, и юноша Бор. Исааков. Утинъ, впоследствии профессоръ петербургскаго университета. На роли этихъ лицъ въ дѣлѣ петрашевцевъ я и останавлиюсь въ настоящемъ очеркѣ.

І. Толстовъ.

Среди знакомыхъ Петрашевскаго былъ студентъ петербургскаго университета Толстовъ, который посѣщалъ его не по пятницамъ (въ эти дни никто его тамъ не встрѣчалъ, да и въ своемъ показаніи онъ говоритъ, что избѣгалъ посѣщенія общественныхъ собраний), а въ другое время; Петрашевскій бесѣдовалъ съ нимъ въ свойственномъ ему тонѣ рѣзко критическаго отношенія къ современной русской дѣйствительности ¹⁾. Вѣроятно, Петрашевскому были извѣстны и попытки Толстова пропагандировать радикальныя идеи. Толстовъ являлся какъ бы связующимъ звеномъ между Петрашевскимъ и мѣщаниномъ Шапошниковымъ, также занимавшимся пропагандою ²⁾.

Изъ подробнаго показанія Толстова во время слѣдствія видно, что, еще учась въ провинціальной гимназій, онъ сталъ отрицательно относиться къ явленіямъ окружающей его жизни и разнымъ проклятымъ вопросамъ: учителя казались ему «несносными педантами», онъ «задумывался надъ Вольтеромъ, уже знакомъ былъ съ безсонными ночами». Въ 17 лѣтъ онъ поступилъ въ московскій университетъ, повидимому, на юридическій факультетъ и здѣсь имъ нерѣдко овладѣвало чувство неудовлетворенности и тоски: «Меня занимали вопросы: зачѣмъ я живу? что меня ждетъ? есть ли будущее? стоитъ ли жизнь труда? Если есть Богъ, гдѣ же Его милосердіе? Создать человѣка и заставить страдать. Если его нѣтъ, зачѣмъ же мучиться, не лучше ли самоубійство? Но самоубійство есть безсиліе; но это значитъ признать себя побѣжденнымъ», думалъ онъ, «а это оскорбляло» его, это «язвило» его самолюбіе, какъ заявилъ Толстовъ въ своемъ признаніи въ слѣдственной комиссіи. Онъ продолжалъ жить съ такимъ «холоднымъ, безсильнымъ отчаяніемъ». Сначала онъ «былъ озлобленъ, потомъ сдѣлался угрюмымъ»; товарищи въ насмѣшку называли его Гамлетомъ. Переходнаго экзамена онъ не выдержалъ, смерть отца оставила его безъ всякихъ средствъ, но «наука стала открывать» ему «свои сокровища, вопросы мало-по-малу разрѣшались». Въ это время «съ кафедръ университета уже гремѣлъ Редкинъ ³⁾».

¹⁾ Ср. мою статью о Петрашевскомъ въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г., № 6, стр. 48, 54, № 8, стр. 12.

²⁾ Нужно замѣтить, что большинство показаній Толстова, Шапошникова и ихъ третьяго знакомаго Катенева не сохранилось.

³⁾ П. Г. Редкинъ началъ лекціи юридической энциклопедіи въ московскомъ университетѣ съ ноября 1835 г.

Онъ говорилъ: «Изучайте науку, трудитесь, въ ней... найдете утѣшеніе... она есть истина, она сдѣлаетъ васъ свободными. Горечь и трудъ обратятся вамъ въ сладость, не сама ли она, эта божественная истина, говоритъ вамъ: «приидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ успокою вы». Толстовъ «весь погрузился въ міръ науки», и въ ней «нашелъ успокоеніе». Онъ восторгался и искусствомъ, и сдѣлался горячимъ поклонникомъ Мочалова, Санковской и другихъ актеровъ.

Вѣроятно, неудача на экзаменахъ побудила его перейти изъ московскаго университета въ петербургскій, гдѣ мы видимъ его студентомъ уже восточнаго факультета. Подобно Д. Д. Ахшарумову, онъ мечталъ о поѣздкѣ на востокъ. Петербургъ съ его «строкою во всемъ субординаціею» не понравился Толстову. Онъ казался ему «какимъ-то военнымъ лагеремъ,... гдѣ все скоровано,... все подъ какимъ-то гнетомъ». Передъ его глазами только и мелькали «или чиновникъ въ оборванномъ вицъ-мундирѣ, забитый, жалкій, съ труженическимъ лицомъ, бѣжащій въ должностъ, либо солдатъ, либо убогій чухонецъ, либо иностранецъ». Университетъ произвелъ на него также непріятное впечатлѣніе:

«Каждый студентъ глядѣлъ... какимъ-то франтомъ, а не поклонникомъ науки. Ихъ обезьянничество съ студентовъ германскихъ меня оскорбило. Названія ... буршей, фуксовъ и проч. надоѣли. Потомъ самые обычаи ... глупо-дѣтскіе, напр. сажать студента, сдѣлавшаго провинность на «фершицъ», т. е. не говорить съ нимъ, или ... судить «судомъ чести», или посылать бранное слово дурака для вызова на дуэль, «на рапирахъ», — составляющую болѣе предлогъ для попойки. И я былъ одинъ изъ дѣятелей, способствовавшихъ уничтоженію подобныхъ обычаевъ, которыхъ, благодаря Бога, нынѣ уже вовсе не слышно стало. Напримѣръ, если сажали человѣка на фершицъ, то я нарочно говорилъ съ нимъ; ко мнѣ являлся обыкновенно студентъ и говорилъ: вамъ посылаетъ такой-то дурака. Я осматривалъ его съ головы до ногъ и отвѣчалъ: «Очень любопытно васъ видѣть, но что, впрочемъ, я съ дураками не имѣю привычки знакомиться», и т. п. фразами и прочими выходками боролся».

Въ началѣ 1846 г. Толстовъ познакомился съ А. В. Ханыковымъ, который бывалъ еще въ это время у Петрашевскаго и увлекался ученіемъ Фурье. Онъ велъ съ нимъ споры о религіи. «Отвлеченное религіозно-философское направленіе» было уже «порвано» у Толстова, но когда Ханыковъ «утверждалъ, что христіанство еще не есть окончательный моментъ въ развитіи человечества, что оно еще не представляетъ полнаго выхода, что оно

уже и падаетъ», Тостовъ съ жаромъ возражалъ ему, хотя самъ уже не былъ убѣжденъ въ справедливости своихъ возраженій. Сравнивая себя съ Ханыковымъ, онъ говоритъ, что образованіе его, Толстова, было «германское», а образованіе Ханыкова «французское». Все, что касалось до міра нравственнаго, до міра идей, все это было, (по его словамъ), «обработано германцами. Все, что касалось до положительной жизни,—надъ всѣмъ этимъ болѣе трудились французы». Бесѣдуя съ Ханыковымъ о системѣ Фурье, онъ спорилъ съ нимъ «противъ каждаго пункта», а между тѣмъ уже многое въ ней ему не нравилось, и если онъ «не сдѣлался фурьеристомъ вполне, то только потому, что не хотѣлъ вдаваться въ крайность, быть одностороннимъ, а хотѣлъ большаго, чего-то совершенно полнаго». Онъ сталъ смотрѣть на жизнь «съ любовью», ему «казалось преступнымъ отказаться отъ ея наслажденій», на которыя, по его мнѣнію, человѣкъ имѣетъ право уже съ самаго рожденія ¹⁾, а между тѣмъ «всѣ страдаютъ, всѣ находятся въ дурномъ положеніи».

Ища причинъ этого печальнаго явленія, онъ сталъ винить во всемъ государя. «Онъ виноватъ во всемъ, я думалъ. Слышалъ, что кто-нибудь бралъ взятку,—виноватъ былъ государь, зачѣмъ ставитъ такихъ чиновниковъ. Встрѣчалъ оборваннаго нищаго,—опять виноватъ былъ государь,—зачѣмъ сорить деньги въ Палермо. Однимъ словомъ, во всемъ, во всемъ виноватъ былъ одинъ человѣкъ, государь мой, я ни въ чемъ не хотѣлъ оправдать его, ни одна мысль не приходила въ голову въ его защиту... Онъ былъ причина всеобщаго бѣдствія въ глазахъ моихъ, онъ не любитъ подданныхъ, онъ эгоистъ; онъ самъ знаетъ, что не правъ предъ подданными, и только схватилъ народъ въ свою желѣзную руку. Если случалось, что я видѣлъ его портретъ на Невскомъ, я говорилъ, что безсовѣстно лѣстять его лицу. Если я встрѣчалъ его, бѣдущаго, завернувшись въ шинель, съ надвинутой на чело каской,—онъ казался мнѣ скрытымъ злодѣемъ, мрачнымъ тираномъ. Я убѣжденъ былъ, что въ настоящее время жизни человѣчества форма монархическая уже сдѣлалась стара, что одно лицо не можетъ удовлетворить всѣмъ вопросамъ и потребностямъ, возникающимъ въ государствѣ, но это нисколько не оправдывало въ глазахъ моихъ государя. Напротивъ, я думаю, что это онъ и самъ знаетъ, и что если не хочетъ сложить съ себя короны, то только потому, что это было бы противно его эгоизму, что онъ не хочетъ пожертвовать этимъ благомъ народному, потому что для него счастье свое дороже народнаго блага».

¹⁾ Въ своемъ показаніи онъ мѣстами выражается въ стилѣ фурьеристской фразеологіи: «Жизнь міра цвѣла само собой вѣчно юно, вѣчно роскошно».

Съ Петрашевскимъ Толстовъ познакомился у Ханыкова въ началѣ 1849 года. Агентъ Антонелли донесъ Липранди, что 6 февраля 1849 г. встрѣтилъ у Петрашевскаго Толстова, «молодого человѣка, лѣтъ 23-хъ или 24-хъ, характера до чрезвычайности либеральнаго и эксцентрическаго». Антонелли отмѣтилъ, что, судя по всему, Петрашевскій находится съ Толстовымъ «въ очень короткихъ отношеніяхъ..., и между ними существуетъ какая-то таинственность». Онъ заключилъ это и изъ того, что они «всячески старались выжить его вонъ, какъ человѣка лишняго», и когда онъ всталъ, чтобы уйти, то Петрашевскій, не давъ ему слова выговорить, поспѣшилъ протянуть ему руку для прощанія. Во время этого свиданія съ Петрашевскимъ, Толстовъ между прочимъ сказалъ, что «во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства столько противорѣчій и отсутствія здраваго смысла, что для произведенія революціи каждый день представляется по нѣскольку случаевъ». Когда Петрашевскій и Толстовъ стали очень низко сѣбивать умственные способности принца Ольденбургскаго, а Антонелли, желая выказать себя человѣкомъ умѣреннымъ, сталъ его защищать, то Толстовъ сказалъ ему: «Если вы держитесь подобныхъ правилъ, то въ васъ нѣтъ никакого благороднаго чувства, и я удивляюсь, какъ человѣкъ образованный и, слѣдовательно, съ здравымъ взглядомъ на вещи, можетъ имѣть подобныя идеи». О Ханыковѣ Толстовъ отзывался, какъ о человѣкѣ «весьма благородномъ», и говорилъ, что возлагаетъ на него большія надежды. Антонелли сообщилъ также, что Толстовъ поступаетъ учителемъ во вновь открывающееся земледѣльческое училище въ Галерной улицѣ и будетъ тамъ преподавать законовѣдѣніе для сельскихъ хозяевъ. Съ этою цѣлью онъ составлялъ съ Петрашевскимъ программу, которую долженъ былъ въ скоромъ времени представить въ училище. Донесеніе Антонелли было сообщено шефу жандармовъ, гр. Орлову, вслѣдствіе чего тотъ, «видя въ Толстовѣ мысли чрезвычайно свободныя и нравъ до крайности буйный», приказалъ «обставить» его двумя другими агентами—Василіемъ Шапошниковымъ и Наумовымъ. Не только Толстовъ бывалъ у Петрашевскаго, но и Петрашевскій навѣщалъ Толстова.

Эти невѣжественные агенты стали очень усердно доносить о словахъ Толстова, намѣреніяхъ и поступкахъ. Онъ выразилъ надежду, что Наумовъ, рекомендованный ему друзьями, будетъ ему полезенъ: они дадутъ ему «наставленія, какъ дѣйствовать на дворовыхъ людей, крестьянъ и мѣщанъ, а въ особенности на раскольниковъ: скоро будутъ готовы бюллетени, отпечатанные въ вольной типографіи, и онъ долженъ будетъ переслать ихъ въ свое мѣсто». На выраженное Наумовымъ опасеніе, что объ

этомъ узнаетъ правительство, и что тогда онъ пропасть, Толстовъ отвѣчалъ: «Да, они окружили насъ со всѣхъ сторонъ фискалами; конечно, наши дѣйствія очень ограничены, но у насъ приняты свои мѣры предосторожности. Конечно, они могутъ насъ, нѣсколько человѣкъ, взять и сдѣлать, что хотятъ, но они думаютъ, что у насъ теперь, какъ прежде, какой-нибудь одинъ полкъ взбунтуется, и мы будемъ дѣйствовать силою. Нѣтъ, у насъ теперь все иначе, мы дѣйствуемъ не такъ». Толстовъ полагалъ, что для пропаганды довольно пятисотъ человѣкъ, и когда ихъ дѣятельность принесетъ свои плоды «и будутъ всѣ недовольны», а правительство усилить свой гнетъ, то отовсюду будутъ подавать прошенія, и правительство растеряется, «а наши будутъ дѣйствовать въ полной силѣ. Многіе изъ насъ», продолжалъ Толстовъ, «отправились внутрь Россіи и вліяютъ на всѣ классы народа, особенно учителя на юношество, снабженные, наставленіемъ, какъ дѣйствовать. Вотъ онъ (государь) окружилъ себя войскомъ,—для насъ и то ничего, у насъ и тамъ много (такихъ), которые дѣйствуютъ и будутъ продолжать свое дѣйствіе ¹⁾». Очень сомнительно, чтобы эти рассказы Толстова имѣли какое-либо фактическое основаніе.

Черезъ два дня агенты донесли, что Толстовъ показывалъ Наумову нѣкоторыя сочиненія Петрашевскаго по вопросамъ экономическимъ и читалъ ему тетрадку, которую ранѣе показывалъ профессору университета и которую хотѣлъ напечатать, но профессоръ не посовѣтовалъ представлять ее въ цензуру, потому что выпустить ее не позволятъ, «а только обратишь этимъ на себя вниманіе». Толстовъ хотѣлъ давать Наумову «по тетрадкѣ своихъ сочиненій, которыхъ у нихъ до тридцати», но у него не было дома перваго номера. Онъ пожелалъ познакомить его и съ Ханыковымъ, такъ какъ у того «есть разныя, полезныя для васъ сочиненія». Онъ прочелъ имъ также изъ исторіи Устрялова (т. II, стр. 18) о Петрѣ ²⁾, говорилъ и относительно другихъ императоровъ, но совѣтовалъ имъ быть осторожными и не «вдругъ умствовать», чтобы не вызвать наблюденія со стороны начальства.

Изъ донесеній агентовъ мы узнаемъ, какъ Толстовъ пытался вести пропаганду. Однажды съ Наумовымъ онъ ѣхалъ на из-

¹⁾ Донесеніе агентовъ В. Шапошникова и Наумова отъ 20 марта 1849 г.

²⁾ Вѣроятно, слѣдующее мѣсто въ 4 изд. 1849 г.: «Жалѣютъ, что воспитаніе не дало лучшаго направленія его великимъ способностямъ, что первые любимцы внушили ему безотчетную привязанность ко всему иноземному, презрѣніе ко всему Русскому, что много вводилъ онъ лишняго, много уничтожалъ полезнаго, и заботясь о просвѣщеніи подданныхъ, мало думалъ о собственномъ образованіи; не умѣлъ обуздывать своихъ страстей и не всегда возвышался надъ своимъ вѣкомъ, коему платилъ дань подобно всѣмъ слабымъ смертнымъ».

возчикъ и спросилъ его, откуда онъ и изъ какихъ крестьянъ; оказалось, что онъ крѣпостной ярославскаго помѣщика Демидова. На вопросъ Толстова: «много ли земли у тебя», мужикъ отвѣчалъ: «какая земля, батюшка!» а на вопросъ о величинѣ оброка сообщилъ, что платитъ 120 рублей (конечно ассигнаціями). «Конечно, ты бьешься и ночь, и день, чтобъ заработать», замѣтилъ Толстовъ. «Такъ, батюшка», отвѣчалъ извозчикъ: «Небось, твой баринъ поигрываетъ въ карточки и попиваетъ?»—«Да, батюшка, слышалъ, что поигрываетъ; онъ служить въ полку».—«Зачѣмъ же платите? вѣдь вы уже слышали, что отходите отъ господъ».—«Слышали, батюшка, да молва-то объ этомъ давно идетъ, а ничего нѣтъ, Богъ знаетъ, когда это будетъ».—«Сами, дураки, виноваты, зачѣмъ платите,—какой тутъ Богъ... скажите «нѣтъ»».—«Отдерутъ, батюшка».—«Какое отдерутъ, за вами послѣдуютъ другіе и всѣ,—шутка ли—120 рублей... Вы, ребята, дураки, не знаете, куда все это идетъ, съ васъ берутъ и васъ и бьютъ, а вы все Богъ, да Богъ». Извозчикъ сказалъ: «Ахъ, батюшка, какъ бы это хорошо было».

Толстовъ давалъ Наумову наставленія, какъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Онъ показывалъ ему тетрадки «Петрашевскаго или отъ Петрашевскаго», но у него не оказалось дома первыхъ 15 номеровъ. Изложеніе велось въ нихъ, видимо, въ извѣстной системѣ, такъ какъ, по словамъ Толстова, начинать чтеніе съ 16-го номера нельзя. Агентъ очень путанно передалъ слова Толстова, о чемъ говорится въ этихъ тетрадкахъ: онѣ содержатъ въ себѣ «признаніе въ народѣ равенства, чтобы каждый понималъ», что «каждый благородный человѣкъ долженъ проживать столько, сколько заслуживаетъ, и тогда мы будемъ видѣть, куда что дѣвается. Для этого со временемъ мы вытребуемъ отъ правительства всѣ акты и увидимъ, куда что растрчено».

О Петрашевскомъ и Ханыковѣ Толстовъ говорилъ, что это «настоящіе люди». По его словамъ, Ханыковъ сначала былъ неостороженъ, «очень смѣло говорилъ, но теперь дѣйствуетъ иначе, не барабаня». Толстовъ обѣщалъ «познакомить съ нимъ Наумова, и тогда онъ узнаетъ ихъ планъ», а пока совѣтовалъ ему учиться. Онъ сказалъ, что дастъ ему прочесть повѣсть, въ которой изображены два лица,—мужъ и жена;—первый, значить, государь, а жена—Россія; «она любитъ мужа, и онъ ее. Сначала любить, потомъ она его болѣе и болѣе любить, а онъ становится дерзновеннѣй и хуже, отнимаетъ у нея постепенно волю, потомъ рождаются у нихъ дѣти, подрастаютъ и, видя суровость отца, обращаются къ матери и просятъ ее, но она отвѣчаетъ, что многое время несла иго рабства, и вамъ остается или просить его, или совсѣмъ истребить. Дѣти отвѣчаютъ, что если такъ, то лучше совсѣмъ истребить».

Толстовъ разсказывалъ также, что онъ написалъ повѣсть и приносилъ ее профессору, но, когда выразилъ желаніе ее напечатать, тотъ замѣтилъ: «Васъ за это отдерутъ». «Нужды нѣтъ, что отдерутъ, только бы напечатали», отвѣчалъ Толстовъ. Профессоръ возразилъ: «Не только не напечатаютъ и отдерутъ, но еще и сошлютъ; я совѣтую вамъ убрать ее и поберечь до времени».

Для характеристики Толстова интересно его показаніе по поводу донесенія агента Наумова, что, говоря о студентѣ Фонъ-Визинѣ ¹⁾, онъ выразился: «нашъ Фснъ-Визинъ», и хотѣлъ познакомить съ нимъ Наумова. «Если я употребилъ слово *нашъ*, то ни въ какомъ иномъ смыслѣ, какъ въ смыслѣ челоуѣка съ либеральными понятіями, не сочувствующаго нашему образу правленія—и только. Если я сказалъ, что надо его, Наумова, познакомить съ Фонъ-Визинымъ, то судилъ по себѣ, т.-е., что пріятно встрѣтить либерала изъ низшаго круга общества. Всѣ мои сношенія съ Фонъ-Визинымъ ограничивались тѣмъ, что, заходя къ нему, если попадалась газета, мы читали ее, и по крайней мѣрѣ я съ полнымъ сочувствіемъ слушалъ» рѣчи Ледрю Роллена или Луи Блана.—«Я не могу сказать даже, положи руку на сердце, что было болѣе по душѣ Фонъ-Визину: республика ли или ограниченная монархія. Если говорили о государственномъ переворотѣ, то, казалось мнѣ, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что для этого нужно народное образованіе, созрѣлость народа, какъ и я мыслилъ. Разсуждали, что хорошо бы было, если бы была свободная цензура; что было бы хорошо, если бы была заведена типографія русскихъ книгъ за границей... Говоря о системѣ Фурье, онъ выражался, что она въ основныхъ началахъ своихъ хороша», но было бы крайностью «слѣдовать ей вполнѣ, и самъ Фурье фаланстеръ свой представляетъ, какъ нѣчто отдаленное» (напротивъ, онъ утверждалъ, что если бы въ 1822 г. сдѣлать первый опытъ, то въ 1826 г. фаланстеры покрыли бы собой весь земной шаръ). Сочѣствовать же народному просвѣщенію словомъ,—по мнѣнію Фонъ-Визина, болѣе опасно, чѣмъ полезно. «Такъ я жилъ», продолжаетъ Толстовъ; «и если высказывалъ вольныя идеи, то потому, что былъ въ душѣ либераль. И если попадался подъ руку мнѣ подобный вольнодумецъ, я былъ душевно радъ этой встрѣчѣ и уговаривалъ его во имя истины высказы-

¹⁾ Вѣроятно Александръ Ив. Фонъ-Визинъ, умершій въ молодыхъ лѣтахъ, сынъ члена Союза Благоденствія Ивана Александровича (1790—1853) и племянникъ болѣе извѣстнаго декабриста Мих. Алекс. Фонъ-Визина. Фонъ-Визинъ принадлежалъ въ университетѣ къ одному кружку съ И. М. Дебу и Ханыковымъ. Миллеръ «Матер. для біогр. Достоевскаго», 79—80. Онъ былъ знакомъ и съ литераторомъ Катеневымъ.

вать свои идеи въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежитъ, потому что» онъ «были мнѣ по сердцу, ... я считалъ ихъ истинными»

Въ своемъ показаніи Толстовъ упомянулъ о томъ, что, переѣхавъ въ Петербургъ, серьезно полюбилъ одну дѣвушку Любовь Ѳедоровну Оглоблину, окончившую курсъ въ Смольномъ институтѣ и зарабатывавшую свое существованіе перепискою. У нея былъ сдѣланъ обыскъ, но она не была арестована и дала показанія въ III Отдѣленіи. Она имѣла отъ Толстова двухъ дѣтей, а потомъ поступила въ гувернантки, и два послѣдніе года не жила вмѣстѣ съ Толстовымъ. Однажды онъ сказалъ ей, что съ знакомымъ студентомъ Борисомъ Исааковичемъ Утинымъ былъ у какого-то фельдъегеря и слышалъ отъ него, что въ Москвѣ хотѣли поджечь дворецъ, и произошли пожаръ и возмущеніе, но прибавилъ, что можетъ быть это вздоръ, и просилъ слуха этого не распространять. Однако самъ Толстовъ остороженъ не былъ и сообщалъ извѣстіе о бунтѣ въ Москвѣ или за Москвой; чѣмъ бы рассказать это Петрашевскому, ѣздилъ къ нему съ Наумовымъ и, не заставъ его дома, послалъ Наумова, но Петрашевскій призналъ слухъ совершенно неѣроятнымъ. Въ разговорѣ по этому поводу онъ сказалъ, что Толстовъ «человѣкъ очень умный, но не совсѣмъ воздержный отъ напитковъ и чрезвычайно горячій, особенно въ спорахъ, вообще неосторожный, и потому можетъ попасться».

Предсказаніе Петрашевскаго оправдалось. 31 марта 1849 г. къ Толстову пришелъ университетскій инспекторъ и потребовалъ, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ къ попечителю Мусину-Пушкину, такъ какъ тотъ узналъ, что Толстовъ разглашаетъ о какомъ-то бунтѣ въ Москвѣ и внутри Россіи, дерзко порицаетъ государя, что это дошло и до управляющаго III Отдѣленіемъ Дубельта, который также требуетъ его къ себѣ. У попечителя и министра народнаго просвѣщенія Уварова, къ которому его затѣмъ повезли, Толстовъ отрицалъ распространеніе упомянутаго слуха. Министръ сказалъ, что «подобными разглашеніями онъ могъ запятнать университетъ и все начальство». И въ письменномъ показаніи Толстовъ подтвердилъ, что не говорилъ ничего подобнаго. Дубельтъ потребовалъ къ себѣ Толстова на другой день, 1 апрѣля; онъ поспѣшилъ отправиться съ агентомъ Наумовымъ къ Петрашевскому, чтобы предупредить его и просить предувѣдомить «прочихъ», а Утина просилъ никому объ этомъ не рассказывать.

Пытался Толстовъ разузнать въ университетѣ и у знакомыхъ, черезъ кого его слова могли дойти до Дубельта, но, конечно, ничего не узналъ, Наумова же онъ совершенно не подозрѣвалъ въ предательствѣ. Дубельтъ, по словамъ Наумова, принялъ Толстова очень ласково: «Очень радъ, молодой человѣкъ, за-

явилъ онъ ему, съ вами познакомиться; на васъ сказали, что вы говорили о бунтѣ въ Москвѣ и за Москвою». Толстовъ отрицалъ это и настаивалъ на очной ставкѣ съ тѣмъ, кто его оклеветалъ, но Дубельтъ отвѣчалъ ему, что ему «знать не нужно», кто на него донесъ. Затѣмъ Толстовъ отправился къ гр. Уварову, разсказалъ о своемъ посѣщеніи III Отдѣленія, и министръ обѣщалъ узнать, кто довелъ о распространеніи слуха до свѣдѣнія Дубельта. Кромѣ того Уваровъ намѣревался устроить такъ, чтобы Дубельтъ не требовалъ къ себѣ прямо студентовъ, а сносился бы сначала письменно. Дубельтъ пока не арестовалъ Толстова, конечно, потому, что о каждомъ его шагѣ ему было извѣстно чрезъ агентовъ. «Однажды», донесъ Наумовъ, «Толстовъ, говоря со мною о происшествіяхъ за границу, сказалъ, что все, что въ нашихъ газетахъ объ этомъ пишутъ—ложь, а правду правительство вовсе запрещаетъ писать. Да и какъ писать правду! Вѣдь если бы о республикѣ французской написать правду, что тамъ хорошо, то потребуютъ этого и у насъ, да и теперь, какъ бы ни осуждали въ нашихъ газетахъ все, что тамъ дѣлается, но уже никто не вѣритъ, а напротивъ, вѣрятъ, что тамъ хорошо, а потому правительство наше и усиливается оуждать. Общее мнѣніе въ народѣ, что все, что пишетъ газета и есть большею частью ложь».

Во время слѣдствія Толстовъ призналъ, что предполагалъ «составить общество для произведенія переворота въ Россіи». Одинъ его знакомый, писатель Катеневъ, считалъ его членомъ какого-то тайнаго общества. Катеневъ и агенту Наумову сказалъ: «Когда товарищи Толстова узнаютъ тебя, то дадутъ уставъ ихъ; ты долженъ прочитать его, а они научатъ тебя, какъ дѣйствовать»¹⁾

II. Катеневъ.

Литераторъ Василій Катеневъ, сынъ почетнаго гражданина, учился въ коммерческомъ училищѣ и въ Ларинской гимназій, но курса въ ней не окончилъ. Повидимому, подъ вліяніемъ своего знакомаго, студента Григ. Петр. Данилевскаго (впослѣдствіи извѣстный романистъ), онъ въ мартѣ 1846 г. поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ на камеральное отдѣленіе юридическаго факультета. Въ маѣ 1849 г. онъ былъ уволенъ изъ университета вслѣдствіе запрещенія вольнослушателямъ посѣщать лекціи, но уже ранѣе пересталъ на нихъ бывать. При встрѣчахъ въ университетѣ съ Данилевскимъ, онъ хвалилъ лекціи Ники-

¹⁾ Толстовъ, по его словамъ, сообщилъ Наумову, что Дубельтъ, будто бы, ежегодно бралъ съ Краевского взятку въ 30.000 рублей, чтобы «благопріятствовать изданію его журнала».

тенка ¹⁾ и некоторых других профессоров. Катенев бывал на пятницах Петрашевского: по крайней мере однажды, в июне 1848 г. его встретил там чиновник министерства внутренних дел Н. Толстой.

Катенев сотрудничал в «Литературной Газетѣ» ²⁾ и в «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской городской полиціи», но не придавал никакого значенія своимъ литературнымъ трудамъ. «Я съ моимъ поверхностнымъ образованіемъ», сказалъ онъ Г.П. Данилевскому, «кажется пишу потому только, что начитался русскихъ и переводныхъ романовъ». Сотрудничалъ онъ и в «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но поссорился съ «издателемъ»; пересталъ сотрудничать и в «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской городской полиціи», потому что написалъ ихъ издателю (т.-е. редактору) Межевичу ³⁾, грубое письмо. Онъ читалъ Данилевскому свой фельетонъ, напечатанный в «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской городской полиціи» подъ названіемъ «Повѣсть», въ которомъ было рассказано, какъ одинъ писатель обѣщалъ любимой имъ дѣвицѣ написать повѣсть, а между тѣмъ переписалъ ее у другого автора и былъ въ этомъ изобличенъ. Данилевскій упоминаетъ еще о помѣщенномъ Катеневымъ в «Литературной Газетѣ» описаніи гулянья въ Новой деревнѣ. Кроме того Катеневъ говорилъ Данилевскому, что пишетъ романъ, и показывалъ первыя его главы, а также началъ повѣсть и между прочимъ заявилъ, что родители его не любятъ и преслѣдуютъ за то, что онъ сдѣлался писателемъ.

«Литературную Газету» редактировалъ тогда В. Р. Зотовъ, бывавшій прежде на пятницахъ Петрашевского и знавшій его еще въ лицѣ. Катеневъ и Толстовъ говорили Наумову, что у нихъ составленъ планъ изданія журнала на акціяхъ, гдѣ они будутъ помѣщать свои сочиненія и статьи и что «издателемъ» его (очевидно, редакторомъ) будетъ Зотовъ съ двумя другими лицами.

¹⁾ О томъ, какъ цензоръ Никитенко либеральничалъ тогда съ писателями см. въ воспоминаніяхъ В. Р. Зотова въ «Историч. Вѣстн.», 1890 г. № 4, стр. 96—100.

²⁾ О «Литературной Газетѣ», которую въ 1847 г. издавалъ Песонскій, а редактировалъ Зотовъ, см. въ воспоминаніяхъ Зотова. «Истор. Вѣстн.», 1890 г. № 5, стр. 292—295, 300—301, 303, 306, 310—311. Въ 1848 г. ее издавалъ Краевскій, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ журнала (29 марта 1848 г.). Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣйствій цензуры періодическихъ изданій: «Литературная газета», въ общемъ ея характерѣ, до крайности ничтожна, и можно сказать, что она никакого направленія не имѣетъ, кромѣ развѣ цѣли превозносить «Отечественныя Записки», издаваемые тѣмъ же редакторомъ (Краевскимъ). «Голосъ Минувшаго», 1913, № 4, стр. 213.

³⁾ О Вас. Ст. Межевичѣ и «Вѣдомостяхъ СПБ. городской полиціи», см. въ воспоминаніяхъ Зотова, «Ист. Вѣстн.», 1890 г., № 2, стр. 335—338, № 4, стр. 94, № 5, стр. 300—301.

Катеневъ предлагалъ Толстову взять акцію, но тотъ отвѣчалъ, что для него это невозможно, такъ какъ онъ студентъ, но что онъ все-таки думаетъ взять акцію на имя Наумова, и прибавилъ: «Я ему буду сочинять, а онъ станетъ печатать отъ своего имени; мы его сдѣлаемъ сочинителемъ»,—такъ передавалъ слова Толстова Наумовъ. Данилевскому Катеневъ сообщилъ, что издатель «Литературной Газеты» обанкротился ¹⁾ и продаетъ право на изданіе своей газеты; предполагается издавать ее, составивъ компанію на акціяхъ по 500 рублей каждая. По словамъ Катенева, всѣ акціи уже проданы, за исключеніемъ двухъ. Одну изъ нихъ онъ совѣтовалъ купить Данилевскому, но тотъ отвѣчалъ, что получаетъ въ годъ только 500 рублей и вообще до окснчанія курса въ университетѣ не считаетъ возможнымъ участвовать въ изданіи газеты.

Въ досадѣ на то, что цензура не пропустила какого-то его сочиненія, Катеневъ въ пьяномъ видѣ сказалъ, что готовъ убить царя.

Изъ литературнаго міра Катеневъ, кромѣ Зотова, Межевича и Петрашевскаго, былъ знакомъ еще съ поэтессою Юліею Валерьяновною Жадовскою ²⁾. Онъ бывалъ вмѣстѣ съ нею на нѣкоторыхъ вечерахъ и говорилъ агенту Шапошникову, что она женщина «большого ума» и «очень много дѣйствуетъ въ пользу общества его, Катенева». Это едва ли справедливо: хотя Жадовская встрѣтила въ Петербургѣ радушный пріемъ, но здѣсь ей многое не нравилось, и она гораздо лучше чувствовала себя въ литературныхъ кругахъ Москвы. Агентъ слышалъ, что Юлія Жадовская—«вольнаго духа сочинительница». Отзывъ этотъ совершенно не соотвѣтствуетъ тогдашнему міросозерцанію Жадовской: хотя въ ея стихотвореніяхъ мы встрѣчаемъ не мало жалобъ на печальное положеніе женщины, но все же въ нихъ чувствуется не энергическій протестъ противъ семейнаго деспотизма, разбиившаго ея личное счастье, а смиренное подчиненіе ему. Въ ея повѣсти «Простой случай» (1847 г.) молодая дѣвушка-дворянка и бѣдный гувернеръ въ семьѣ ея отца, горячо любящіе другъ друга, не смѣютъ и подумать о бракѣ, къ тому же Жадовская была человекомъ искренно религіозный.

Катеневъ говорилъ своему знакомому, владѣльцу табачной

¹⁾ Она прекратилась въ 1849 г. «Истор. Вѣстн.» 1890 г. № 5, стр. 295.

²⁾ О жизни и произведеніяхъ Жадовской (1824—1883 г.) см. статьи Быкова («Древн. и новая Россія», 1877 г. № 9), Иванова (въ сборникѣ «Починъ», 1896 г.), Скабичевскаго («Вѣстн. Евр.», 1886 г., т. I), Федорова («Ист. Вѣстн.», 1887 г. № 11). Отзывъ В. Н. Майкова о стихотвореніяхъ Жадовской, появившихся отдѣльной книжкой въ 1846 г., см. въ его «Критическихъ опытахъ», стр. 121—129.

лавки П. Г. Шапошникову, что въ Россіи «есть такія же» (тайныя) «общества, какъ во Франціи».

Подобно Толстову, Катеневъ считалъ необходимымъ вести пропаганду въ народѣ. У агента Наумова онъ разспрашивалъ, гдѣ живутъ «главные раскольники». Тотъ отвѣчалъ: «близъ Москвы», и на вопросъ Наумова, зачѣмъ ему это нужно знать, сказалъ: «Мнѣ надобно къ нимъ ѣхать, чтобы склонить ихъ соединиться съ нами, но раньше я заготовлю воззваніе къ нимъ, гдѣ будетъ сказано, что многіе, въ томъ числѣ и раскольники вообще, негодуютъ на царя ¹⁾. Черезъ два дня онъ сказалъ другому агенту, Василию Шапошникову, что ѣдетъ съ Наумовымъ въ Москву и просилъ, если онъ имѣетъ тамъ пріятелей изъ раскольниковъ, дать къ нимъ рекомендацiонныя письма. Катеневъ предполагалъ въ городахъ на пути въ Москву и въ самой Москвѣ видаться съ раскольниками, стараться повліять на нихъ, согласно наставленіямъ и цѣлямъ общества, къ которому онъ принадлежалъ, разузнать, кто изъ раскольниковъ въ Москвѣ имѣетъ наибольшее значеніе. Если вѣрить донесенію агента Наумова, Катеневъ признавался ему, что лѣтомъ 1848 г. онъ и его товарищи, по случаю холеры, «возмущали народъ», при чемъ онъ одѣвался въ «республиканское платье», которое состояло изъ желтаго жилета и чернаго сюртука, при чемъ необходимою принадлежностью была «толстая палка съ набалдашникомъ одного изъ революціонеровъ Франціи» ²⁾.

Катеневъ посоветовалъ Наумову прочесть донесеніе слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ. На вопросъ Катенева, понялъ ли онъ прочитанное, тотъ отвѣчалъ, что ничего не понялъ. Катеневъ же, указывая на приложенный къ донесенію списокъ декабристовъ, замѣтилъ: «Вотъ видишь и разумѣй, что изъ нихъ нѣкоторые живы, а у другихъ есть родственники. И какъ ты думаешь, они забыли то, что имъ сдѣлано? Нѣтъ, никогда. Изъ нихъ также многіе будутъ участвовать и участвуютъ съ нами».

¹⁾ Слѣдователямъ Катеневъ заявилъ, что его слова о намѣреніи составить воззваніе къ раскольникамъ были только хвастовствомъ.

²⁾ Агентъ Наумовъ могъ кое-что и перевернуть по своему невѣжеству; это видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ одномъ донесеніи онъ такъ передаетъ слова Катенева: «Вотъ и видно нашего, что написалъ во вчерашней газетѣ статью, въ которой, хотя немного, но выразилъ, что не форма правленія, а идеи (sic). На спросъ мой, что такое форма и идеи, Катеневъ растолковалъ, что форма означаетъ правленіе монархическое, а идеи—республиканское». Слѣдственная комиссія нашла, что агентъ Наумовъ «человѣкъ весьма молодой и необразованный» и потому сначала отнеслась вообще недовѣрчиво къ его показаніямъ, тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ оговоренныхъ имъ лицъ не было найдено никакихъ уликъ, а потому потребовала дополнительнаго разслѣдованія по дѣлу Шапошникова.

III. Шапошниковъ.

Толстовъ и Катеневъ были знакомы съ владѣльцемъ табачной лавки на Петербургской сторонѣ Петромъ Григорьевичемъ Шапошниковымъ. Это была личность довольно оригинальная. Родился онъ въ 1821 г. Отецъ и мать его, московскіе мѣщане, жили въ Москвѣ, самъ же онъ около 1847 г. поселился въ Петербургѣ. Онъ много читалъ и даже посѣщалъ нѣкоторые университетскія лекціи. Шапошниковъ очень желалъ сдѣлаться актеромъ и любилъ приводить цитаты изъ драматическихъ произведеній, иной разъ принаравливая ихъ къ существующимъ въ Россіи условіямъ. Онъ и самъ писалъ стихи и драмы; одно стихотвореніе, содержащее «нѣжное признаніе въ любви», студентъ Данилевскій, которому показалъ его Катеневъ, нашелъ «въ высочайшей степени бездарнымъ и безграмотнымъ». У него было много книгъ, и онъ давалъ ихъ читать тѣмъ, на кого хотѣлъ имѣть вліяніе, не всегда ясно сознавая, будутъ ли онѣ доступны тому, кому онъ ихъ даетъ. Такъ напр. агенту Наумову, на низкій уровень развитія котораго было только что указано, онъ далъ на одинъ день двѣ книги: 1) переводъ поэмы Вольтера «Естественный законъ» (издано въ СПБ. въ 1802 г.) ¹⁾ и 2) «Философія, относящаяся къ жизни цѣлыхъ народовъ и каждаго человѣка. Сочиненіе доктора философіи Іосифа Голуховскаго», переведенное съ нѣмецкаго извѣстнымъ послѣдователемъ Шеллинга, проф. медико-хирургической академіи Данииломъ Велланскимъ (СПБ. 1834 г.). Книга эта не столько излагала какую-нибудь философскую систему, сколько доказывала пользу философіи вообще. П. Г. Шапошникову могли нравиться въ ней нѣкоторыя мѣста вродѣ слѣдующаго: «При механическомъ способѣ управленія, гдѣ граждане побуждаются къ службѣ тщеславіемъ, корыстолюбіемъ, либо однимъ принужденіемъ, Государство, хотя и долгое время состоятъ (sic) можетъ, однако, всегда расположено къ паденію. Прочное и неизблемое состояніе Государства можетъ только быть основано на добродѣтели и безкорыстіи, гдѣ бы эгоизмъ не участвовалъ съ лицемерною его службою!» (стр. 66) ²⁾.

Шапошниковъ былъ нѣсколько извѣстенъ Петрашевскому, который, заинтересовавшись рассказами о «многихъ его странностяхъ» и желаніи быть драматическимъ актеромъ, три раза заходилъ къ нему въ лавку и бесѣдовалъ съ нимъ. По словамъ

¹⁾ Есть и болѣе раннее изданіе. Естественный законъ поэма. Сочиненіе г. Вольтера. Пер. съ фран. СПБ. 1787 г.

²⁾ На экземплярѣ этого сочиненія, принадлежащемъ библиотекѣ петербургскаго университета, какой-то читатель противъ приведеннаго мѣста написалъ: «это правда».

агента Наумова, Петрашевскій отозвался о Шапошниковѣ, что онъ «человѣкъ умный, но обставилъ себя глупой артелью, что къ нему нельзя пріѣхать. Онъ хорошъ для того, чтобы въ случаѣ чего-нибудь собрать народъ, тѣмъ болѣе, что къ нему много ходитъ офицеровъ, кадетовъ, учителей и вообще чиновниковъ за табакомъ и сигарами, курятъ у него, а онъ имъ рассказываетъ въ *нашемъ* духѣ, но не всегда осторожно, а потому онъ и Толстовъ могутъ какъ разъ попасться, ибо прежде, чѣмъ что-либо сдѣлають, больше накричатъ, а тамъ подѣлывая, когда уже ихъ не будетъ». Въ свою очередь Шапошниковъ, по донесенію другого агента, говорилъ о Петрашевскомъ, что это «человѣкъ умный, съ которымъ стоитъ имѣть дѣло; онъ замѣчателенъ по нѣкоторымъ, извѣстнымъ ему, Шапошникову, обстоятельствамъ», но «онъ скоро открыть не можетъ.» Шапошниковъ же утверждалъ, что послѣднихъ словъ онъ не говорилъ.

Слѣдственная коммиссія не признала доказаннымъ «не только существенной связи, но и прямого знакомства» между П. Шапошниковымъ и Петрашевскимъ, установивъ только двукратное посѣщеніе имъ Шапошникова, случайно ли или съ намѣреніемъ—не извѣстно. Военно-судная коммиссія, имѣя въ виду позднѣйшее показаніе Шапошникова, могла установить только то, что Петрашевскій былъ у него три раза и разговаривалъ съ нимъ о театрѣ и литературѣ. Въ первый разъ Петрашевскій покупалъ у него сигары и, упомянувъ о томъ, что спички стали очень дороги, сказалъ, что это будетъ для насъ обременительно; въ другой разъ, когда Шапошниковъ замѣтилъ, что «у насъ нѣтъ большихъ сочиненій», Петрашевскій возразилъ: «есть, да лежатъ въ цензурѣ». Въ третій разъ онъ спросилъ только адресъ Толстова, жившаго поблизости. Толстовъ, по словамъ Петрашевскаго, рассказывая о Шапошниковѣ, отзывался о немъ, какъ «объ оригинальномъ лицѣ, крикунѣ и фразерѣ», Петрашевскій же совѣтовалъ давать ему книги для чтенія и не избѣгать съ нимъ знакомства. Катеневъ носилъ ему книги и «обѣщалъ опредѣлить его въ театр».

Въ слѣдственной коммиссіи П. Шапошниковъ показалъ, что, когда онъ сообщилъ Толстову о своемъ желаніи быть актеромъ, тотъ не совѣтовалъ ему поступать на сцену и говорилъ, что «можетъ дать ему другую дѣятельность, что даръ слова его, Шапошникова, будетъ нуженъ для площади», что «съ перемѣною правительства онъ сдѣлается со временемъ значительнымъ человѣкомъ, если будетъ ихъ слушаться» и намекалъ на то, что въ Россіи «можетъ быть республика, народное правленіе». Толстовъ призналъ справедливость этого показанія, но въ то же время заявилъ,

что Шапошниковъ «человѣкъ» всесторонне неоконченный и такъ останется на всю жизнь: актерство, кажется, преимущественная его стихія, а изъ самолюбія онъ всегда показываетъ себя больше, нежели есть въ самомъ дѣлѣ». Однако, по донесенію Наумова, Толстовъ отзывался прежде о Шапошниковѣ совершенно иначе: «онъ человѣкъ необыкновеннаго ума, но необработаннаго; мы его уважаемъ и бережемъ его..., мы его называемъ—стойкъ-сектаторъ (сектантъ?) и что придетъ время, когда онъ можетъ на площади собрать народъ своимъ языкомъ и передать ему понятнымъ образомъ мысль нашу, чего мы не умѣемъ, а онъ съ простонародіемъ болѣе свыченъ, твердъ и упрямъ...; намъ нужны люди всякаго рода, но ни онъ, ни многіе (другіе) не знаютъ всего нашего дѣла». Происхожденіе радикализма Шапошникова Толстовъ объяснялъ преимущественно своимъ вліяніемъ. Студентъ Ханниковъ нашель, что Шапошниковъ «весьма порядочно» говорилъ съ нимъ о Шекспирѣ и драматическомъ искусствѣ. Когда онъ сообщилъ объ этомъ (въ іюлѣ 1847 г.) Толстову, тотъ отвѣчалъ: «Это только въ Петербургѣ невидаль, а въ Москвѣ этихъ краснобаевъ много, во всякой лавкѣ найдешь». Катеневъ, если вѣрить П. Г. Данилевскому, отзывался будто бы о П. Шапошниковѣ, какъ о полусумасшедшемъ человѣкѣ, у котораго онъ бываетъ лишь потому, что хочетъ вывести его въ своемъ романѣ, для чего и наблюдаетъ его.

Вниманіе къ нему и похвалы интеллигентныхъ людей дѣйствительно возбудили въ Шапошниковѣ нѣкоторое самоувереніе. Есть даже показаніе, что онъ (вѣроятно, въ случаѣ учрежденія въ Россіи республики) мечталъ быть министромъ торговли. Агенту Наумову онъ говорилъ, что хотѣлъ бы повидать государя и собирався, встрѣтивъ его на набережной, сказать ему, «чтобы далъ свободное книгопечатаніе и усовершенствовалъ Александринскій театръ. Я выскажу ему все», говорилъ Шапошниковъ, «и выскажу такъ, что не посадятъ меня»¹⁾. Своимъ знакомымъ Шапошниковъ хвасталъ что у него «бываютъ люди важные и съ нимъ разговариваютъ». Поводомъ къ его похвальбѣ послужило то, что начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, Я. И. Ростовцевъ, пріѣзжалъ однажды въ «Дѣтскій ночлегъ», находящійся надъ тѣмъ магазиномъ, въ которомъ онъ торговалъ, и сказалъ съ нимъ «словъ десять»: какъ идетъ торговля на Петербургской сторонѣ и «покупаютъ ли вакштафъ (табакъ) офи-

¹⁾ Агенты, конечно, находили, что П. Г. Шапошниковъ «человѣкъ весьма вредный для общества», доносили, что у него много книгъ такихъ, какія онъ давалъ одному изъ нихъ «или лучше сказать другихъ и нѣтъ» и что П. Г. Шапошниковъ говорилъ: «я не могу видѣть книги, изданной правительствомъ».

П. Г. Шапошниковъ.

⟨Изъ собранія Щеглова «въ Пушкинскомъ Домѣ⟩.

церы». По словамъ агентовъ, Шапошниковъ говорилъ: «ко мнѣ ѣздятъ такіе люди, что оставляя свои экипажи поодаль, приходятъ ко мнѣ тайкомъ, чтобы только поговорить со мною».

Какъ увидимъ ниже, у Катенева являлись иногда подозрѣнія, не предастъ ли его Наумовъ; Шапошниковъ также сознавалъ, что за ними присматриваютъ, но есть показанія (хотя самъ онъ это и отрицалъ), что онъ смѣялся надъ попытками слѣдить за ними и говорилъ: «со сторсны гр. Орлова наблюдаетъ какая-то женщина, но она ихъ не объѣдетъ, и онъ самъ (Шапошниковъ), подохбется къ гр. Орлову въ качествѣ агента и будетъ путать его такъ, что правительство затруднится, а между тѣмъ *партія ихъ выиграетъ* ¹⁾. Но администрація, благодаря донесеніямъ своихъ агентовъ, составила себѣ о немъ очень опредѣленное представленіе, и въ одной сффициальной запискѣ по дѣлу Петрашевскаго сказано, что Шапошниковъ «необыкновенно раздраженъ противъ существующаго порядка вещей, имѣетъ хсрошія познанія въ литературѣ, посѣщаетъ нѣкоторыя лекціи университета, имѣетъ большее число знакомыхъ» среди «студентовъ и другихъ лицъ, раздѣляющихъ съ нимъ одно мнѣніе, и чрезвычайно дерзокъ въ своихъ выраженіяхъ».

Шапошниковъ велъ либеральные разговоры съ кадетами. Жившій у него вольнопрактикующій архитекторъ Тверской, самъ явившійся въ слѣдственную комиссію, показалъ, что сднажды при проходѣ мимо его квартиры гвардейскихъ солдатъ, Шапошниковъ, указывая на нихъ, сказалъ: «Вотъ люди идутъ, не зная, куда и зачѣмъ, а начальники не знаютъ, куда ихъ ведутъ и зачѣмъ, а только кричатъ: направо, налево, разъ, два; можно ли съ этими людьми что сдѣлать, когда они сами себя не пснимаютъ». То же самое онъ повторялъ всѣмъ кадетамъ, приходившимъ къ нему въ магазинъ за табакомъ. «Чему вы учитесь и кого вы слушаетесь, знаете (только) — «разъ-два», и училъ ихъ, что всѣ люди должны быть всѣ равны и свободны. По словамъ того же Тверского, Шапошниковъ «дѣйствовалъ на умъ каждого человека вольностию своихъ мыслей и возбуждалъ ненависть противъ правительства, а особенно на кадетовъ обоихъ корпусовъ и на студентовъ». Были, повидимому, у Шапошникова какія-то связи и съ московскими старосбрядцами. По донесенію агентовъ, онъ толковалъ и «о вольности крестьянъ».

Къ христіанской религіи Шапошниковъ относился отрицательно и псвлялъ въ этомъ отношеніи на Катенева, кстерсму давалъ читать «Естественный законъ» Вольтера и пслученный

¹⁾ Последнее выраженіе употреблялось и на пятницахъ Петрашевскаго во время обсужденія крестьянскаго вопроса.

имъ отъ Толстова рукописный переводъ «Религіи будущности. Человѣкъ или Христосъ. Быть или не быть» Фридриха Фейербаха. Катеневъ переписалъ эту рукопись и давалъ ее агенту Наумову (переводъ этого сочиненія былъ найденъ при обыскѣ у студента Б. Утина). Катеневъ и на допросѣ заявилъ, что онъ «не признавалъ христіанской религіи», а по словамъ Тверского, во время бесѣды у Шапошникова утверждалъ, что нѣтъ Бога. Въ трактирѣ «Золотой Якорь» Катеневъ при всѣхъ смѣялся надъ религіей и называлъ Иисуса Христа не Богомъ, а магомъ и чародѣемъ. Какой-то чиновникъ возразилъ ему: «Такъ по-вашему, если бы вы жили въ то время, то и вы могли бы быть Иисусомъ Христомъ?» и на отвѣтъ Катенева: «Что жъ? Можетъ быть!» сказалъ: «Нѣтъ, вы были бы просто халдеемъ»¹⁾.

Приходя къ Шапошникову, Катеневъ и Толстовъ вели съ нимъ разговоры о равенствѣ и свободѣ, о томъ, что всѣ сословія угнетены, порицали правительство, выражали сочувствіе республиканскому строю и утверждали, что въ Россіи возможна республика. По словамъ Катенева, Шапошниковъ говорилъ «о народномъ правленіи и трибунѣ», отрицалъ религію, говорилъ, что законы—«чистая выдумка ума человѣческаго, связывающая насъ страхомъ наказанія въ будущей жизни, вольнодумствовалъ о бракѣ и нравственности и проклиналъ всѣ формы и обряды, стѣсняющіе наслажденіе». Катеневъ показалъ, что и самъ онъ, подобно Шапошникову и Толстову, признавалъ возможность установленія у насъ республиканскаго строя, говорилъ объ осмотрѣ въ Петербургѣ мѣстности для постройки баррикады, прибавляя, что «чѣмъ тѣснѣе улица или переулокъ, тѣмъ удобнѣе можно дѣйствовать»²⁾, что же касается его разсказовъ о существованіи у насъ общества, которое называютъ клубомъ ламартининовъ³⁾,

¹⁾ У купца Пронина, знакомаго Шапошникова, найдена была рукопись «о бракѣ», «написанная въ духѣ, противномъ православію»; онъ показалъ, что она принадлежитъ его брату. У аукціониста Острогина нашли двѣ рукописи: 1) Судьба религій и 2) «О бракѣ», которыя, по его словамъ, онъ купилъ на рынкѣ. Острогинъ передъ слѣдственною комиссіею привелъ очень сильное доказательство своего уваженія къ браку: у него было тринадцать дѣтей.

²⁾ Слухъ объ этомъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, дошелъ до Герцена, который въ своей статьѣ о Петрашевскомъ сообщаетъ слѣдующее: «Говорятъ, что у одного офицера нашли планъ Петербурга, на которомъ были указаны мѣста, удобныя для устройства баррикады. A. Herzen. «Deux révolutionnaires russes Pétrachevsky et Bakounine».—«Revue Bleue», 5-me série, t. X, № 14, 300 ct. 1908, p. 420.

³⁾ Что этотъ клубъ не зависитъ отъ Петрашевскаго, что въ немъ нѣтъ ни военныхъ, ни разночинцевъ, а одни писатели, философы и ораторы, что собираются они въ окрестностяхъ Невскаго проспекта также по пятницамъ, что къ этому клубу принадлежитъ откупщикъ Кокоревъ, что ихъ клубъ значительнѣе клуба петрашевцевъ и отъ него скорѣе можно ожидать всего лучшаго. «Вотъ и во Франціи началось съ ораторовъ; тамъ они напередъ

то, это онъ рассказывалъ изъ одного хвастовства. Нужно замѣтить, впрочемъ, что о ламартиновскомъ клубѣ говорили также Петрашевскій, Толь и Зотовъ ¹⁾; слѣдственная комиссія просила шефа жандармовъ произвести по этому вопросу разслѣдованіе, но такого клуба не нашли. Признавалъ Катеневъ и то, что онъ рѣзко говорилъ о государѣ.

Въ числѣ другихъ П. Г. Шапошникова посѣщалъ сынъ московскаго первой гильдіи купца Алексѣй Алексѣевичъ Мазуринъ, которому въ 1849 г. было всего 19 лѣтъ. Родители его жили въ Москвѣ, и потому онъ воспитывался тамъ въ Практической Коммерческой Академіи, откуда вышелъ въ 1846 г. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ поступилъ въ контору Т. Циммермана и К^о, бралъ частные уроки у учителя 2-го кадетскаго корпуса Гольдберга и учителей Шмеллинга и Флери и имѣлъ (вѣроятно, по своему образовательному цензу) званіе потомственного почетнаго гражданина. Относительно него и П. Шапошникова было дано показаніе, что они говорили: «Дураки крестьяне уважаютъ Богъ знаетъ, кого; жить намъ бы слѣдовало не такъ, какъ теперь: всѣ мы равны и управлять всѣ должны, а не уважать всякаго... И у насъ въ Петербургѣ будетъ то, что есть за границей». При этомъ приказчикъ Шапошникова Востровъ повторялъ: «браво! Такъ и надо!» Мазуринъ призналъ, что все это дѣйствительно говорилъ Шапошниковъ, а самъ онъ былъ такъ сильно пьянъ, что могъ только безсознательно повторять: «да, да, да». Мазуринъ заявилъ также, что Шапошниковъ «дерзко судилъ о Богѣ, говорилъ, что люди всѣ должны быть свободны и равны и расхваливалъ республиканскихъ героев Греціи и Рима.

Агентъ Наумовъ со словъ Вострова донесъ, что къ Шапошникову «пріѣзжали разныя лица, въ томъ числѣ студенты и переодѣтые военные, которые разговаривали о французской революціи» и убѣждали его «быть членомъ ихъ общества, на что онъ согласился, и послѣ того у него были частныя совѣщанія, а когда онъ замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ, то пересталъ принимать у себя, и самъ четыре раза въ недѣлю ходилъ на собранія. «Однако, Востровъ призналъ только, что дѣйствительно говорилъ о посѣщеніяхъ Шапошникова студентами Толстовымъ и Ханыковымъ,

уже предвѣщали, въ которомъ именно году начнется республиканское правленіе». Наумовъ замѣтилъ на это Катеневу, что онъ «еще въ прошломъ году обѣщалъ ораторствовать на площади и назначалъ время, которое уже прошло, но до сихъ поръ» онъ «своего обѣщанія не исполнилъ. Катеневъ отвѣчалъ, что это подвигается все ближе и ближе, распространяется далѣе и скоро будетъ».

¹⁾ См. мою статью о Петрашевскомъ въ «Голосѣ Минувшаго», 1913 г. № 11, стр. 67.

а также и Катеневымъ, остальное же отрицалъ и на своемъ допросѣ и на очной ставкѣ съ Наумовымъ.

Шапошниковъ сжегъ какую-то тетрадку, которую называлъ «ужасною». Толстовъ просилъ отдать ему эту тетрадь, но Шапошниковъ не согласился, боясь, что очутился бы такимъ образомъ «у него въ рукахъ». Въ тетрадкѣ этой были собраны разныя антиправительственныя стихотворенія, между прочимъ было переписано извѣстное стихотвореніе гр. Е. П. Растопчиной «Насильный бракъ», гдѣ были изсбражены отношенія Николая I къ Польшѣ¹⁾. Стихотвореніе это было написано авторомъ за границею въ 1846 г. Въ немъ между прочимъ «старый баронъ» говоритъ:

Все непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена.

А жена протестуетъ противъ насилій, которымъ подвергаетъ ее мужъ:

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ роднсмъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ;
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ,
И предковъ храмамъ вѣксвымъ,
Какъ предки славные, молиться:
Инсй уставъ принуждена
Принять несчастная жена.
Послалъ снѣ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
Меня же предаль притѣсненью
Рабовъ, лазутчиксвъ своихъ.
Позоръ, гсненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ принссить онъ —
И мнѣ ли ропотъ запрещень?
Ужель, терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ ее должна
Насильно взятая жена?

¹⁾ «Сочиненія гр. Е. П. Растопчиной», СПб. 1890 г., т. I, стр. XVI, 108, 110. За напечатаніе этого стихотворенія въ «Сѣверной Пчелѣ» въ декабрѣ 1846 г. № 284, если вѣрить Стогову, государь велѣлъ проучить Булгарина. Гр. Орловъ схватилъ Булгарина за ухо, поставилъ у печки на колѣни и продержалъ его такъ болѣе часа, что было вполне одобрено имп. Николаемъ. «Русск. Стар.» 1886 г. № 10, стр. 79—80 Ср. Лемке «Очерки по исторіи цензуры», СПб. 1904, стр. 400. Когда черезъ нѣкоторое время гр. Растопчина пожелала представиться государю и государынѣ въ Москвѣ въ числѣ прочихъ дамъ, то имп. Николай съ гнѣвомъ приказалъ не допускать ее во дворецъ.

Въ ту же тетрадку Шапошниковъ включилъ стихотвореніе Лермонтова «Противъ офицеровъ въ лагерѣ»—«На гуляньѣ въ Петергофѣ»¹⁾, (т.-е. Петерсбургскій праздникъ).

Приказчикъ Шапошникова Востровъ показалъ, что въ бесѣдахъ Толстова, Шапошникова и Катенева шла рѣчь объ убійствѣ царя, царскаго семейства²⁾ и министровъ и что онъ, Востровъ, слышалъ объ этомъ отъ самого Шапошникова. Если и допустить справедливость этого показанія, то нужно помнить, что никакихъ подготсвленій въ этомъ направленіи не дѣлалось, и что это была простая болтовня. Агентъ приписывалъ Шапошникову слова, что ни Катеневъ, ни Толстовъ не сумѣютъ убить государя, что для этого нужна такая голова, какъ у него, и что снѣ дѣйствуетъ и теперь, но его дѣйствій никто знать не можетъ. Шапошниковъ во время слѣдствія отрицалъ произнесеніе имъ этихъ словъ и утверждалъ, что, напротивъ, онъ громилъ своихъ собесѣдниковъ за такія «безумныя мысли и разговоры», на что Катеневъ возразилъ, что онъ, Шапошниковъ, не понимаетъ ихъ, что снѣ «глупая славянщина XVI вѣка и не достоинъ жить съ ними въ одно время».

Агентъ Василій Шапошниковъ и архитекторъ Тверской заявили, что П. Г. Шапошниковъ, указывая на портретъ государя, называлъ его тираномъ, гсверилъ, что «вся биржа преклоняетъ предъ нимъ колѣна», говорилъ также: «блаженъ тотъ челсвѣкъ, кто убьетъ государя и все его поклѣніе». Но П. Г. Шапошниковъ утверждалъ, что это недоразумѣніе, объясняющееся тѣмъ, что его гости примѣнили къ государю тираду, произнесенную имъ изъ драмы «Желѣзная маска»³⁾. Катеневъ произносилъ стихи: «На мѣсто этого фонаря желалъ бы видѣть повѣшеннымъ нашего царя». Защищаясь самъ отъ этого обвиненія, П. Г. Шапошниковъ, однако же утверждалъ, что Катеневъ «въ пьяномъ видѣ гсверилъ ему, что можно убить государя, и что онъ готовъ принять это на себя, и что если бы дѣйствительно были злые замыслы, то въ нихъ могъ участвовать съ сознаниемъ только Толстовъ». Катеневъ призналъ, что однажды въ разговорѣ съ Шапошниковымъ и Толстовымъ по поводу разсказа послѣдняго о какомъ-то царе-убійствѣ, у него вырвались слова: «хотите ли, я убью царя»?

¹⁾ Отрывокъ изъ него см. въ академическомъ изданіи сочиненій Лермонтова т. II, СПб. 1910 г., стр. 102—104.

²⁾ Утверждали, что царь сказалъ коменданту Царскаго Села: «Представь себѣ,—эти чудовища хотѣли не только меня, но истребить все мое семейство. Herzen Deux révolutionnaires russes. «Revue Bleue», 5-me série, t. X, № 14, 300 (t. 1908, p. 420—421).

³⁾ Драма въ 5 дѣйствійхъ, переведенная съ французскаго. См. «Сборникъ театральныхъ пьесъ, переведенныхъ съ французскаго, изд. Бурдина, т. II, Шапошниковъ сдѣлалъ (вѣроятно умышленно) неправильную ссылку, такъ какъ такихъ словъ въ той драмѣ нѣтъ.

Въ своемъ покаяніи Толстовъ говоритъ, что если онъ «не составилъ положительнаго, обдуманнаго ... плана, какъ извести царскую фамилію, то не потому, чтобы имѣлъ сожалѣніе къ ней, а потому, что считалъ это дѣло бесполезнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ приготовленъ къ этому народъ, пока народъ не убѣдится въ томъ, что нѣтъ необходимости въ царѣ,—что все равно выберутъ другого, пожалуй».

В. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Г. Савина.

(Страничка изъ воспоминаній).

I.

Я хорошо помню преземистое кирпичное зданіе Орловскаго театра, у городского сада, рисовавшееся мнѣ въ дѣтствѣ величественнымъ храмомъ, гдѣ совершается чудное, волнующее мою душу «дѣйство». Помню трехъярусный, низкій залъ, съ люстрой изъ масляныхъ лампъ, рядъ креселъ, обитыхъ краснымъ трипомъ, тѣсныя ложи, съ разряженными женщинами, полутемную галерею, гдѣ я, тайкомъ отъ гимназическаго начальства и моего строгаго родителя, переодѣтый въ «штатское», съ замираніемъ сердца, наслаждался игрой артистовъ, неистово хлопалъ въ ладоши и, захлебываясь отъ восторга, кричалъ до хрипоты, вызывая актеровъ... Помню я, казавшійся мнѣ чудомъ живописнаго искусства, передній занавѣсъ. На немъ былъ изображенъ доморощеннымъ художникомъ видъ г. Орла на рѣку Оку и нижнюю, зарѣчную часть города.

Какъ я любилъ этотъ занавѣсъ, съ какимъ наслажденіемъ разсматривалъ подробности рисунка, узнавая знакомые церкви, улицы, дома... Какъ нетерпѣливо ждалъ я минуты, когда онъ взвѣсится вверхъ и откроетъ мнѣ то прекрасно-привлекательное, жгуче-таинственное, что заставляло такъ сильно биться мое сердце.

Первый разъ я попалъ въ театръ десяти лѣтъ. Мой отецъ въ награду за то, что я выдержалъ экзаменъ въ гимназію, три дня подрядъ бралъ меня съ собой въ ложу.

И до сего дня, я помню, то впечатлѣніе, какое испытывалъ тогда, будучи десятилѣтнимъ мальчикомъ, смотря на сценѣ Орловскаго театра «Гамлета». Помню, какъ изумила меня, ушедшая куда-то

вверхъ стѣна, на которой былъ нарисованъ видъ города, какъ испугало меня появленіе тѣни отца Гамлета, какъ я дрожалъ отъ страха, когда стражъ бросился на нее съ копьемъ, громко вскрикнулъ, увидя, что тѣнь куда-то проваливается, за что получилъ отъ отца строгое внушеніе. Помню, что Гамлета игралъ актеръ Толченевъ, громко кричалъ и размахивалъ руками, и на сценѣ то сіялъ свѣтъ, то внезапно наступала ночь. Затѣмъ я видѣлъ «Паутину» и «Велизарія», котораго изображалъ артистъ Востоковъ.

Хорошо запомнивъ въ общихъ чертахъ содержанія «Гамлета» и «Велизарія», изъ пьесы «Паутина»—въ моемъ воспоминаніи осталась только одна сцена, гдѣ сановникъ съ сѣдыми баками и туго завитыми сѣдыми волосами, на кого-то сердился... Громко кричалъ и топалъ ногами. Но почему онъ такъ свирѣпо горячился, я до сихъ поръ не знаю.

Эти три спектакля произвели на меня неизгладимое, ошеломляющее впечатлѣніе. Я буквально бредилъ театромъ. Пріѣзжая на каникулы домой, я, накинувъ на себя одѣяло и надѣвъ на голову старый отцовскій парикъ, представлялъ въ дѣтской «Гамлета» и «Велизарія». Моей публикой была бабушка, сестры, горничныя и мой другъ Митюха, сынъ кухарки.

Когда наша семья переселилась въ Орелъ и меня взяли изъ пансіона, я выискивалъ всевозможные способы, чтобы попасть въ театръ. Деньги, которыя мнѣ давали на завтракъ въ гимназіи, дарили на рожденіе и именины, мелкія подачки отъ бабушки я тратилъ на билеты въ галерку.

Благодаря нѣжной любви ко мнѣ бабушки-баловницы, я, съ ея вѣдома, тайкомъ отъ отца, занятаго службой и клубомъ, пропадалъ въ театрѣ.

Чего только, чего я не пересмотрѣлъ за эти три года. Пьесы и Островскаго, и Кукольника, и Крылова, и Дьяченко... Мелодрамы: «Клара-д'О-Бервиль», и «Іоаннъ Фаустъ Чернокуженикъ», и «Пожаръ Іерусалима», и «Розовый павильонъ», и «Серафима Лафаэль или Живая покойница», и «Стряпчій подъ столомъ», и «Жидъ за печатью», и «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ»... Да всего и не перечесть...

Я сдѣлался, что называется,—«страстнымъ театраломъ». Я зналъ въ лицо всѣхъ первыхъ актрисъ и актеровъ. Видѣлъ знаменитыхъ трагиковъ того времени: Милославскаго, Ахалина. Среди труппы у меня были любимцы. Я дожидался ихъ у театральнаго подъѣзда, провожалъ изъ дома въ театръ, робко, издали слѣдуя за ними... Какъ разъ противъ нашего дома, черезъ бульваръ, въ гостиницѣ жили нѣсколько сезоновъ подрядъ ар-

тистки и артисты, приѣзжавшіе въ Орель. Здѣсь въ 1872 г. жила и М. Г. Савина съ своимъ мужемъ. По протекціи моего товарища, Скворцова, я пробрался даже разъ за кулисы. Увидя загримированныхъ артистовъ, попавъ въ суету кулисъ, гдѣ сверху опускались декораціи, переносилась мебель, я струсилъ, робко пробрался къ выходу и стремглавъ убѣжалъ домой, словно укралъ что-то...

Сезонъ 1872—3 года былъ знаменательный въ исторіи Орловскаго городского театра... Еще лѣтомъ, задолго до открытія спектаклей, среди мѣстныхъ театраловъ стали ходить слухи, что на зиму театръ снялъ извѣстный антрепренеръ Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ. Говорили, что онъ рѣшилъ заново передѣлать театръ, привезти изъ Казани новые декораціи и костюмы, что труппа у него выдающаяся...

Мой отецъ интересовался театромъ. Разговоры о предстоящемъ сезонѣ часто происходили у насъ въ домѣ. Я, конечно, горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣй увидѣть обновленный театръ, артистовъ, слава которыхъ гремѣла по городу.

Съ дѣловымъ видомъ, заложивъ руки за спину, я гулялъ около зданія театра, наблюдая, какъ подъѣзжали возы, нагруженные досками, кирпичами, известкой, сновали рабочіе и десятники. Внутри зданія неумолчно раздавался стукъ топоровъ и молотковъ.

Все это меня весьма интриговало, но проникнуть внутрь зданія я не рѣшался. Обойдя вокругъ театра, я иногда осторожно, со страхомъ заглядывалъ въ открытыя настежь ворота, ведущія на сцену. Кромѣ, зіяющей тьмой, пустой и мрачной залы я ничего не видалъ. И, тѣмъ не менѣе, почти каждый день я прогуливался у театра, благо было каникулярное время. Мы жили въ двухъ шагахъ отъ театра.

Въ половинѣ августа я усмотрѣлъ, что къ воротамъ сцены подъѣхалъ большой обозъ съ сундуками, ящиками, декораціями, каминами, колоннами, ободранными холстами. Волненію моему не было предѣловъ. Я сообщалъ новость всѣмъ, кого только встрѣчалъ. Кснечю, рассказалъ за обѣдомъ и отцу. Къ моему удивленію, онъ принялъ довольно равнодушно мое сообщеніе и посоветовалъ мнѣ больше интересоваться гимназической наукой, чѣмъ театральной ерундой. Это было тщетное предостереженіе. Театръ привлекалъ меня гораздо сильнѣй, чѣмъ гимназія.

Наконецъ, на заборахъ Орла появилась афиша объ открытіи сезона. Въ составѣ труппы были перечислены имена:—Гусевой, Стрепетовой, Савиной, Кудриной, Медвѣдева, Писарева, Погонина, Савина, Давыдова... Фамиліи, ничего тогда не говорившія

ни моему уму, ни сердцу. Изъ знакомыхъ артистовъ прежнихъ сезоновъ никого не было въ труппѣ.

Въ репертуаръ были намѣчены пьесы Островскаго, Потѣхина Алексѣя, Аверкіева, Дьяченко и оперетки:—«Прекрасная Елена», «Орфей въ аду», «Фаустъ на изнанку»...

Сезонъ открылся, если мнѣ не измѣняетъ память, «Каширской стариной»—Аверкіева. Орловцевъ поразила постановка пьесы. Чудныя декорации, богатые костюмы и стройный, сыгранный ансамбль труппы. Театралы остались довольны этимъ спектаклемъ, а я былъ въ неописуемомъ восторгѣ. Забылъ мой страхъ передъ гимназическимъ надзирателемъ «Псоемъ» и неистовствовалъ на галеркѣ до безумія...

Да и не мудрено. Марьицу играла Стрепетова, Василья—Давыдовъ, Глашу—Кудрина, Коркина—Писаревъ, Бородавку—Медвѣдевъ и Живулю—Александровскій.

Не знаю, потому ли, что я былъ совсѣмъ еще мальчикъ и не умѣлъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, или потому, что исполнители были артисты выдающіеся по своей талантивости, но я никогда потомъ, какъ мнѣ кажется, не видалъ «Каширской старины» въ такомъ прекрасномъ исполненіи.

Ярко, навсегда запечатлѣлись въ моей душѣ типы Марьицы, Глаши, Василья, Бородавки, Коркина и Живули въ изображеніи Стрепетовой, Кудриной, Давыдова, Медвѣдева, Писарева и Александровскаго. До сихъ поръ они стоятъ передо мной, какъ живые. Въ моихъ ушахъ звучатъ и теперь, когда я пишу эти воспоминанія, интонаціи П. А. Стрепетовой—Марьицы. Слышится ея глубокій голосъ, полный трагизма, страстной любви, оскорбленной гордости и жуткой издѣвки... Блестятъ огнемъ укора и страданія ея выразительные, чудные глаза.

Изъ деревянныхъ, ходульных ролей Аверкіева великіе художники сцены сумѣли создать полные жизни, трогательные образы.

Навсегда запомнился мнѣ еще одинъ спектакль этого сезона:—«Гроза»—А. Н. Островскаго.

Много разъ въ своей жизни я смотрѣлъ эту пьесу. Видѣлъ ее въ исполненіи такихъ талантливыхъ артистовъ, какъ М. Н. Ермолова, Ф. Ф. Козловская, М. Г. Савина, Н. А. Никулина, О. О. Садовская, М. П. Садовскій... Не разъ мнѣ самому, какъ режиссеру, приходилось ставить «Грозу» во многихъ театрахъ... Но никогда эта пьеса не производила на меня такого глубокаго, потрясающаго впечатлѣнія, какое я испыталъ, смотря ее на сценѣ Орловскаго театра. Ни одна актриса не захватывала меня всего цѣликомъ, ни одна не могла затмить того глубокаго впечатлѣнія,

какое произвела на меня П. А. Стрепетова въ роли Катерины. Ни одна исполнительница не выдерживала сравненія въ роли Варвары съ Н. Н. Кудриной, такими широкими красочными мазками изображавшей эту удалую, сильную дѣвушку, съ вольной душой. Никто не могъ даже приблизиться къ тому безподобному типу разудалаго русскаго молодца, пѣсенника, гитариста, что «такъ больно лихъ на дѣвокъ», какой вдохновенно создавалъ В. Н. Давыдовъ въ Кудряшѣ. Его русскія разудалыя пѣсни навсегда запомнились мнѣ. Заключительная сцена 1-ой картины 3-го дѣйствія, пляска подъ пѣсню: «Гуляй, млада, до поры», проведена была В. Н. Давыдовымъ и Н. Н. Кудриной—неподражаемо...

Гусева—Кабаниха, Писаревъ—Дикой, П. М. Медвѣдевъ—Тихонъ—все это были живые, яркіе типы широкаго Поволжья.

Поразительно художественно шла «Гроза» въ исполненіи этихъ талантливыхъ самородковъ на убогой, провинціальной сценѣ старенькаго, наскоро подновленнаго Медвѣдевымъ, Орловскаго театра. Никогда мнѣ не забыть этого спектакля...

Помню, года черезъ три, въ Орелъ пріѣхала на гастроли талантливая артистка Харьковскаго театра Фанни Козловская. Среди другихъ пьесъ ея репертуара была объявлена «Гроза». Я, конечно, запасся билетомъ и спозаранку забрался на галерею.

Мѣста на галереѣ были не нумерованныя,—надо было, чтобы захватить хорошее мѣсто, приходиться еще въ темный залъ и созерцать процессъ зажиганія лампъ. (Люстру, мѣшавшую зрителямъ галереи видѣть сцену, Медвѣдевъ уничтожилъ).

Фанни Козловская, послѣ Стрепетовой, произвела на меня въ роли Катерины впечатлѣніе нервной, истеричной барышни. Сцена третьяго акта, покаяніе Катерины, страшная по трагизму, производящая потрясающее впечатлѣніе въ исполненіи П. А. Стрепетовой, совсѣмъ пропала у Ф. Козловской.

Я возмутился. Мнѣ показалось дерзкимъ, святотатственнымъ выступать въ роли Катерины кому-либо, хотя бы и талантливой артисткѣ, послѣ Стрепетовой. Я сталъ шикать и даже свистать.

Сильная рука схватила меня за воротъ. Надо мной наклонилась свирѣлая рожа городского. Я громко запротестовалъ. Городовой крѣпче потянулъ меня со скамейки. Это меня окончательно взбѣсило. Начался скандалъ. Поднялся крикъ, шумъ. Зрители вскочили съ своихъ мѣстъ. Мои сосѣди стали отбивать меня отъ городского... На подмогу городовому появились еще нѣсколько блюстителей порядка и меня, раба Божьяго, съ триумфомъ извлекли изъ театра.

Такъ какъ я былъ въ «штатскомъ», то дѣло ограничилось

только изгнаніемъ меня изъ «рая»... Ни гимназія, ни отецъ не узнали объ моемъ «неистовствѣ».

Вспоминая теперь этотъ эпизодъ, я понимаю, почему молодежь считаютъ жестокой. Мое шиканье по адресу талантливой Ф. Козловской было не деликатно и жестоко, но въ немъ нельзя не видѣть и безумной любви къ театру. Слишкомъ страстно я любилъ Стрепетову, какъ артистку, обожалъ созданный ею образъ Катерины Островскаго, чтобы относиться равнодушно къ тому, что его, какъ мнѣ казалось, искажаетъ Ф. Козловская...

Репертуаръ Островскаго, который преимущественно велъ П. М. Медвѣдевъ, любовная тщательная постановка пьесъ, и талантливая игра артистовъ его прекрасной труппы, сильно повліяли на развитіе моего художественнаго вкуса.

Моей страстною любовью къ литературѣ и театру я несомнѣнно во многомъ обязанъ П. М. Медвѣдеву и его артистамъ.

II.

Въ сезонѣ 1872—3 года я впервые увидалъ Марію Гавриловну, или, какъ она тогда именовалась, Марію Николаевну Савину, на сценѣ Орловскаго театра. Она играла роли ingenue въ водевиляхъ и одноактныхъ комедіяхъ и вторыя роли въ опереткахъ.

Я помню Марію Гавриловну Савину въ роляхъ наивныхъ дѣвочекъ, съ круглымъ, дѣтскимъ, милымъ личикомъ, въ рамкѣ черныхъ, какъ вороново крыло, завитыхъ локоновъ, съ большими черными глазами, полными огня, лукавства и задорнаго веселья, съ плутоватою улыбкой на пухленькихъ алыхъ губкахъ...

Помню ее на сценѣ въ бѣломъ, барежевомъ короткомъ платьицѣ, съ кринолиномъ, въ поясѣ изъ широкой розовой ленты, въ козловыхъ туфелькахъ, рѣзко чернѣющихъ на бѣлыхъ чулочкахъ, поющую звонкимъ голоскомъ куплеты къ публикѣ. Помню ее, стоящую на аванъ-сценѣ, въ полосатой будкѣ часового, въ трико, съ хлыстикомъ въ рукахъ, декламирующую монологъ «Общественнаго мнѣнія» въ опереткѣ—«Орфей въ аду», Орестомъ, разбитнымъ и шумнымъ въ «Прекрасной Еленѣ». Помню ее въ «Бабушкиной внучкѣ», въ водевилѣ «Катя изъ Тамбова».

Особенно ярко запомнилась мнѣ игра Савиной въ пьесѣ—«Со ступеньки на ступеньку», гдѣ она изображала драматическую, характерную роль швеи.

Пьеса шла въ срединѣ сезона, если не ошибаюсь, въ бенефисъ П. М. Медвѣдева, игравшаго въ ней адвоката.

Содержаніе этой сентиментальной русской мелодрамы не-

замысловато. Добродѣтельная швейка влюблена въ честнаго рабочаго-обойщика, который просить ея руки. Но за ней ухаживаетъ франтъ-шелопай, сулящій ей золотыя горы. Сбиваемая съ пути истины своей развеселой подругой, швейка колеблется, кому отдать предпочтеніе? Ложась спать, она просить Бога вразумить ее. Затѣмъ передъ зрителями проходитъ рядъ картинъ изъ жизни швейки. Она—шикарная кокотка, затѣмъ уличная дѣвица съ Невского и, въ послѣднемъ актѣ, преждевременно состарившаяся, больная, жалкая старуха-прачка.

Ея развеселая подруга, увлекшаяся адвокатомъ, также спускается «со ступеньки на ступеньку» и, въ концѣ-концовъ, не унывая, бойко торгуетъ мочеными яблоками. Кстати сказать, Н. Н. Кудрина неподражаемо играла эту роль.

А обойщикъ Карлуша (Погонинъ) все, съ Божьей помощью, наживаетъ честнымъ трудомъ денежки и, разбогатѣвъ, открываетъ свой магазинъ. При видѣ золотой вывѣски магазина Карлуши, швея, бывшая его невѣста, а теперь больная прачка, стирающая на плоту Фонтанки бѣлье, клянеть свою судьбу, рыдаетъ горькими слезами и... просыпается... Она видѣла свою жизнь во снѣ. Вбѣгаетъ Карлуша. Швея бросается въ его объятія. Дѣло кончается бракомъ. Добродѣтель торжествуетъ...

Пьеса въ высшей степени наивная.

Но М. Г. Савина, играя главную роль, заставила публику съ неослабнымъ интересомъ слѣдить за перипетіями судьбы наивной швейки. И я, помню, проливалъ горькія слезы надъ злоключеніями бѣдной дѣвушки, искренно-трогательно изображаемой М. Г. Савиной.

Эта драматическая роль была послѣдней лебединой пьесой Савиной въ сезонѣ 1872—73 г. на сценѣ Орловскаго театра.

Не знаю по какой причинѣ, М. Г. Савина, среди сезона, покинула Орель.

Прежде, чѣмъ заблистать яркой звѣздой на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра въ Петербургѣ, М. Г. Савина пять лѣтъ скиталась по провинціальнымъ театрамъ, играя то въ Калугѣ, то въ Смоленскѣ, то въ Нижнемъ-Новгородѣ, то въ Орлѣ, въ Казани и Саратовѣ и, наконецъ, въ 1873 г. выступила въ Москвѣ, въ Общедоступномъ театрѣ, на Варваркѣ, въ двухактномъ водевилѣ: «Андрей Степановичъ Бука».

Она прошла тяжелую школу жизни и сцены. Начала съ выходныхъ ролей въ два слова, постепенно перешла ко вторымъ ролямъ въ водевиляхъ и, по счастливой случайности, въ Казани, за отъѣздомъ артистки на первое амплуа, выступила въ отвѣтственныхъ роляхъ въ драмахъ и серьезныхъ комедіяхъ.

«Въ Казани»—пишетъ М. Г. въ своихъ воспоминаніяхъ,—«началась, въ сущности, моя карьера и всѣмъ успѣхомъ я обязана П. М. Медвѣдеву и А. И. Шуберту¹⁾. Они буквально муштровали меня и нерѣдко доводили до слезъ. Первая актриса, прослуживъ полтора или два мѣсяца, скрылась внезапно, не выдержавъ равнодушія публики, и весь репертуаръ, до поступленія Стрепетовой (въ январѣ 1872 г.) очутился на моихъ плечахъ; приходилось играть по двѣ роли въ день,—въ комедіи и въ опереткѣ».

Въ бесѣдахъ со мной М. Г. часто говорила о первыхъ шагахъ своихъ на сценѣ. Она любила провинцію и всегда съ удовольствіемъ вспоминала о своей службѣ на провинціальныхъ сценахъ. Съ теплымъ чувствомъ она говорила о товарищахъ артистахъ, подвизавшихся вмѣстѣ съ нею при началѣ ея артистической карьеры.

«Тогда не то было въ театрѣ, что теперь... Мы проходили суровую школу муштровки... И подумать мы не смѣли опоздать на репетицію, не знать текста, отказаться отъ какой бы то ни было роли. Все играли, что даютъ... И драму, и водевиль, и комедію, и оперетку. И пѣли, и, когда нужно, плясали, и въ дивертисментахъ стихи читали... Я сколько разъ въ малороссійскихъ пьесахъ участвовала и гопака танцевала и «пісни співала». А какъ къ своему дѣлу относилась, какъ театръ боготворили, объ этомъ нынѣшніе актеры и понятія не имѣютъ!..—говорила М. Г.—Когда мнѣ дали первую роль съ ниточкой²⁾, такъ я на седьмомъ небѣ витала, какъ свѣтлому празднику ей рада была. Носилась съ ней, какъ съ писаной торбой... И съ первой актрисой ее проходила, и подъ подушку-то на ночь клала, и передъ зеркаломъ-то съ ней по цѣлымъ часамъ вертѣлась... Мимику изучала... Сама и платье для роли шила, и башмаки чинила... Жалованья теперешняго тогда и въ поминѣ не было... Двадцать пять рублей отвалить за всѣ про все... Тутъ тебѣ и пропитаніе, и гардеробъ... Голь была перекатная... А все-же, съ удовольствіемъ вспоминаю то время... Молодость,—завей горе веревочкой!.. Бывало, въ сезонъ-то платьишко разъ пять перевернешь, да перешьешь. И ничего—играли... Да еще съ какимъ успѣхомъ играли!.. Теперь вспомнишь,—душа радуется!»

И чудные, искристые глаза М. Г. блестятъ какъ черный алмазъ. Все лицо становится молодымъ, оживленнымъ, свѣтлымъ при этомъ воспоминаніи.

Въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ,

¹⁾ Извѣстная артистка на роли *ingénue*. Авторъ.

²⁾ Роль «съ ниточкой»,—сшитыя двѣ-три странички.

къ которымъ относятся первые годы дѣятельности М. Г. на сценѣ, въ провинціальныхъ театрахъ былъ пестрый, крайне разнообразный репертуаръ. Шли классическія пьесы Шекспира, Шиллера, Мольера, и рядомъ съ нимъ оперетки Оффенбаха, пьесы Гоголя, Грибоѣдова, Сухово-Кобылина и переводныя мелодрамы съ раздирающими сценами. Съ афишъ мелодрамъ, по выраженію тогдашнихъ остроумцевъ-актеровъ,—капала кровь и собаки, глядя на нихъ, заливались лаемъ. Шли изрѣдка пьесы Островскаго, Потѣхина, Дьяченко, выдвигались комедіи Виктора Крылова, драмы на злобу дня Антропова и Штеллера... и ни одинъ спектакль не обходился безъ веселой одноактной комедіи или водевиля съ куплетами.

Весь этотъ репертуаръ, начиная съ безсловесныхъ ролей, переиграла М. Г. въ провинціи и, какъ сама не разъ говорила мнѣ,—это была для нея прекрасная школа драматическаго искусства.

Придя на Императорскую Петербургскую сцену, Савина принесла съ собой изъ провинціи не только обширный репертуаръ, не только большой сценическій опытъ, не только способность тонко и глубоко художественно переживать душевныя эмоціи, но и недюжинный умъ, огромный, жизненный опытъ; такъ и большой запасъ наблюденій женщины, встрѣчавшей въ своихъ скитаніяхъ по свѣту разнообразныя типы, видѣвшей «всякіе виды».

Савина исколесила если не всю, то, навѣрно, половину Россіи. Гдѣ только она ни была, по ея рассказамъ, чего только чего ни переиспытала... Она гостила и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, такъ красиво-поэтично описанныхъ Тургеневымъ, бывала и въ купеческихъ домахъ, гдѣ за высокими заборами изнывали женскіе типы Островскаго, жила въ мѣщанскихъ тѣсныхъ квартирахъ, съ низкими потолками и геранями на окнахъ, куда ее запрятывала судьба въ тугія времена нужды и безденежья.

Будучи еще ребенкомъ, вмѣстѣ съ отцомъ, Г. Н. Подраменцовымъ, по сценѣ Стремляновымъ, перемѣнившимъ карьеру учителя рисованія на профессію актера, М. Г. Савина скиталась по городамъ глубокой провинціи изъ театра въ театръ. Чуть ли не съ семилѣтняго возраста она играла на сценѣ. Весь ея организмъ былъ зараженъ сладкимъ сценическимъ ядомъ. Она вся цѣликомъ, безъ остатка, отдалась театру, она жила въ театрѣ и для театра. И изъ жизни она жадно брала только то, что ей надо было на сценѣ. Недаромъ своимъ девизомъ она поставила:—«Сцена—моя жизнь!»

Видѣла Савина и холодъ, и голодъ, до дна исчерпала горь-

кую чашу актерской нужды. Слышала не разъ проклятія театру изъ устъ, озлобленныхъ неудачами, униженіями, бѣдностью товарищей по работѣ, и восторги публики, заставляющіе актера забывать о своемъ необезпеченномъ горемычномъ житьѣ-бытьѣ. Испытала на самой себѣ торжество и сладость успѣха и муки отчаянія провала, и зависть, и интриги товарищей актеровъ, и братскія ихъ объятія, и помощь послѣднимъ грошомъ, заработаннымъ тяжелымъ трудомъ...

Не сломили Савину богатыя невзгодами скитанія по провинціи, не утомила каторжная, непосильно-тяжелая работа.

Жизнерадостная, энергичная, заразительно веселая, полная непосредственного яркаго комизма и тонкаго юмора, граціозная, какъ кошечка, съ жгучимъ огнемъ необычайно выразительныхъ глазъ, съ звонкимъ смѣхомъ и тонкимъ, мягкимъ женственнымъ кокетствомъ, юная, сильная душой и тѣломъ, пришла она въ 1874 г. на Императорскую Петербургскую сцену Александринскаго театра.

Хорошо приспособленная къ борьбѣ за свое артистическое я, обладая большимъ тактомъ, выработаннымъ тяжелыми условіями жизни и годами работы на сценѣ, Савина сумѣла съ первыхъ-же выступленій въ Императорскомъ театрѣ занять видное положеніе.

Въ замкнутую, лишенную свѣта, затхлую атмосферу казеннаго театра Савина внесла свѣжій воздухъ полей и лѣсовъ необъятной Россіи. Со сцены повѣяло чѣмъ-то новымъ, оригинальнымъ, поэтичнымъ.

Она выступила въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, 9 апрѣля 1874 года въ пьесѣ Вик. Крылова—«По духовному завѣщанію», въ роли Кати.

Созданная ею Катя, одѣтая въ простенькое, ситцевое платьице, купленное М. Г. у бѣдной мѣщанки захолустнаго, уѣзднаго городка, поражала зрителя прелестью глубокаго, непосредственнаго чувства, наивностью душевной красоты. Правдой, творческой, художественной правдой удивляли публику ея живыя интонаціи, ея манеры, ея походка, поклоны, улыбка и глубоко трогательныя слезы...

Все это было не театральное, не рутинно-шаблонное... Все было ея, Савинское!..

Точно наблюдательная, подмѣчавшая жизненныя мелочи, Савина, все что приобрѣла въ своихъ скитаніяхъ, что переиспытала въ личной жизни, все перенесла на сцену въ художественныхъ своихъ созданіяхъ...

III.

Лучшими ролями М. Г. Савиной, до поступленія ея на Императорскую сцену, помимо безконечнаго числа водеvilныхъ щебетуній—*ingénue*, считались: Сашенька—«Свѣтскія ширмы» Дьяченко, Даша—«Мишура»—Ал. Потѣхина, Полина—«Доходное мѣсто»—Островскаго, Лелечка—«Блуждающіе огни»—Антропова, Надя—«Воспитанница»—Островскаго, Катя—«По духовному завѣщанію»—Вик. Крылова. Въ послѣднихъ трехъ роляхъ М. Г. выступала въ своихъ дебютахъ въ Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ.

Первыми новыми ролями Савиной на Александринской сценѣ, въ которыхъ она имѣла головокружительный успѣхъ, были: Елена—«Злоба дня»—Ник. Потѣхина, Елена Кармина—«Женитьба Бѣлугина»—Островскаго и Соловьева.

Въ сезонъ 1876—7 г., послѣ четырехъ лѣтъ перерыва, я увидалъ М. Г. Савину въ Александринскомъ театрѣ. Она играла роль Елены Григорьевны въ драмѣ «Злоба дня».

Пьеса Ник. Потѣхина,—написанная на модную для того времени тему, какъ видно изъ ея заглавія,—не отличалась особенными художественными достоинствами. Искусно сдѣланная, съ эффектными сценами и хорошими, «выигрышными» ролями для артистовъ, она легко смотрѣлась и производила на публику впечатлѣніе. Внимательно и тщательно поставленная, обставленная первыми персонажами труппы (въ ней были заняты: Зубовъ, Нильскій, Сазоновъ, Варламовъ, Петипа, Читау I-ая, Савина), драма «Злоба дня» имѣла шумный успѣхъ и весь сезонъ не сходила съ репертуара.

Роль Елены небольшая и довольно шаблонная, но М. Г. Савина создала изъ нея обаятельный, трогательный образъ дѣвушки дворянской семьи шестидесятыхъ годовъ, пассивно протестующей и жертвующей своею жизнью, ради блага родныхъ.

Помню, особенно сильное впечатлѣніе произвела на меня ея игра въ драматической сценѣ послѣдняго акта.

Но окончательно покорила меня М. Г. въ пьесѣ—«Женитьба Бѣлугина», гдѣ она изображала Елену Кармину. Это была, какъ выражаются актеры, — «тончайшая кружевная работа». Сколько изумительныхъ жизненныхъ деталей! Какая мимика, какія неожиданныя, яркія интонаціи, то капризные, то полныя глубокихъ переживаній. Сколько характерности и непосредственной, житейской правды, облеченной въ художественную форму.

Вся пьеса шла удивительно стройно: Н. Ф. Сазоновъ—Бѣлугинъ былъ великолѣпенъ, старикъ Бѣлугинъ—Бурдинъ, старуха

Читау I, Жулева—мать Кармина, Агишинъ—Нильскій, Таня—Хлѣбникова, Вася Сыромятовъ—Арди. Блестящій ансамбль! Но среди этого антуража М. Г. Савина была выше всѣхъ по тонкости и виртуозности исполненія.

И я, помню, былъ страшно гордъ, что Савина, «наша провинціальная актриса Орловскаго театра», играя среди Императорскихъ артистовъ, превзошла ихъ своимъ исполненіемъ.

Почему я считалъ Савину артисткой «нашего Орловскаго театра»—Богъ знаетъ, но я былъ чрезвычайно гордъ!

Періодъ съ 1874 по 1884 годъ былъ блестящимъ расцвѣтомъ сценическаго таланта М. Г. Савиной. Она единовластно и самодержавно царила на сценѣ Александринскаго театра. Ея успѣхъ росъ съ каждой новой ролью. Ея имя гремѣло по всей Россіи.

Н. Ф. Сазоновъ, ея постоянный сотрудникъ, говорилъ мнѣ—«Савина перваго десятилѣтія службы на Императорской сценѣ поражала насъ, товарищей ея по работѣ, блескомъ своего оригинальнаго дарованія и изумительной трудоспособностью. Кто не видалъ ее въ ту пору, въ особенности въ комическихъ роляхъ, не можетъ и представить себѣ ту силу вліянія, какое имѣла она на публику... Огонь, жизнерадостность, заразительная веселость искрились во всемъ ея существѣ. Словно бѣсъ какой въ ней сидѣлъ... Одно появленіе ея на сценѣ уже гипнотизировало публику. Первые, очень часто пустые, ничего незначащія фразы заставляли зрителей настораживаться. Точно электрическая искра пронеслась по залу!»

Правда, такихъ искрометныхъ глазъ, такой неподдѣльной веселости, шаловливой женственности, дикой, вкрадчивой граціи не имѣла до Савиной ни одна русская актриса. Никто изъ актрисъ Александринской сцены того времени не обладалъ и такой изумительной энергіей и трудоспособностью, такимъ искуснымъ умѣньемъ работать надъ ролями, какъ Савина.

Она играла почти каждый день, а случалось—въ двухъ театрахъ въ одинъ вечеръ.

Въ это десятилѣтіе она переиграла несмѣтное количество ролей. Но, несмотря на колоссальную и при томъ спѣшную работу, (въ то время новыя пьесы ставились еженедѣльно), Савина умудрялась тщательно отдѣлывать всякую роль, умѣла найти правильный стиль роли, ея характеръ, особенности, свойственныя эпохѣ, сословію, индивидуальности изображаемаго лица. Она поражала тонкихъ цѣнителей искусства способностью не только до мелочей вѣрно передавать своей внѣшностью, костюмомъ, гримомъ, манерами женщинъ данной эпохи, но перевоплощалась душою въ этихъ женщинъ, чувствовала, мыслила, какъ женщины того времени.

Ея поразительное по законченности и цѣльности созданіе, Марія Антоновна (Ревизоръ) не только по жеманности провинціалки, по походкѣ, жестикуляціи, по всѣмъ ужимкамъ и манерѣ держать себя, но и по своей духовной сущности, по способу чувствовать и мыслить, дѣвушка 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, барышня-чиновница захолустнаго городка, родная дочь своего отца, Сквозника-Дмухановскаго.

Вѣрочка, изъ пьесы «Мѣсяцъ въ деревнѣ», воспитанница Натальи Петровны,—милое дитя помѣщицѣй, гуманной, но крѣпостнической семьи 40-хъ годовъ, въ изображеніи Савиной всецѣло переносила зрителя въ эпоху и среду, нарисованную авторомъ.

И недаромъ гениальный И. С. Тургеневъ изумился, увидѣвъ на сценѣ Савину-Вѣрочку. Она такъ глубоко почувствовала Вѣрочку, такъ искренно пережила страданія ея пробуждающейся къ жизни, наивной, сентиментальной души,—ея юную любовь къ Бѣляеву, робкую ревность къ благодѣтельницѣ, оскорбленную гордость полюбившей впервые дѣвушки, что привела въ изумленіе самого творца пьесы.

Надя въ «Воспитанницѣ» Островскаго, Даша—въ «Мишурѣ» Ал. Потѣхина, Лелечка—въ «Блуждающихъ огняхъ» Антропова, Наташа—въ «Трудовомъ хлѣбѣ» Островскаго,—все эти дѣвушки дворянской и чиновничьей среды шестидесятыхъ годовъ, задыхавшіяся въ тяжелой атмосферѣ крѣпостнаго строя, господствующаго въ то время произвола и страха, страдающія, рвущіяся на волю, пассивно протестующія,—нашли въ Савиной чуткую, тонкую выразительницу своихъ характеровъ.

Дѣвушки и женщины «Темнаго царства» Островскаго, сидѣвшія подѣ крѣпкими замками, за высокими заборами, покорныя въ силу необходимости, приниженныя самодурствомъ, мистически настроенныя, но, несмотря на весь гнетъ, сохранившія въ глубинѣ души и человѣческое достоинство, и силу протеста, и живыя стремленія къ лучшей, свѣтлой жизни,—Дуня—«Не въ свои сани не садись», Любовь Гордѣевна—«Бѣдность не порокъ», Параша—«Горячее сердце»,—были созданы ею изумительно художественно, со всѣми мельчайшими характерными особенностями, выработанными условіями тогдашняго, купеческаго быта.

Несмотря на то, что М. Г. была уроженка юга Россіи (она родилась въ Каменецъ-Подольскѣ, 30 марта 1854 г.), она прекрасно усвоила музыку и красоту интонацій великорусской рѣчи. И не только искусно тонировала, правильно дѣлала ударенія, но вѣрно передавала особенности купеческаго и крестьянскаго

говора. Ея купчихи и крестьянки говорили плавной, переливчатой рѣчью, недѣлано, не «нарочно»,—какъ часто говорятъ на сценѣ ломающіяся актрисы, подражая народному говору,—а естественно, непринужденно, словно Савина родилась московской купчихой или деревенской дѣвушкой средней Россіи.

Кромѣ уже названныхъ мною ролей и множества другихъ, въ которыхъ я видѣлъ М. Г., въ этотъ періодъ на Александринской сценѣ, мнѣ особенно врѣзались въ память:—Феня въ «Маіоршѣ» И. В. Шпажинскаго, Кондорова въ «Нищіе духомъ» Н. Потѣхина и Маргарита Готье въ драмѣ Дюма—«Дама съ камеліями».

Какъ сейчасъ вижу Савину въ роли разбитной, кокетливой Фени («Маіорша»).

Въ ситцевомъ, простенькомъ платьѣ, съ краснымъ шелковымъ платочкомъ на головѣ; плутовски улыбаясь, она пріотворяетъ дверь, заглядываетъ въ комнату и, смотря исподлобья лукавыми, «наигранными» глазами, спрашиваетъ:—«Можно?»..

Однимъ этимъ словомъ, произнесеннымъ непередаваемой интонаціей, Савина приковывала къ себѣ вниманіе всего зрительнаго зала. Вся роль Фени, красивой, деревенской, умной дѣвушки, была проведена Савиной безподобно, но особенно тонко проходили сцены кокетства съ маіоромъ. Заразительный комизмъ Савиной въ этихъ сценахъ заставлялъ публику буквально «покачиваться со смѣху»...

Блестяще, съ присущимъ ей художественнымъ тактомъ играла Савина петербургскую кокетку высшаго полета Кондорову въ «Нищіе духомъ». Образъ Маргариты Готье въ исполненіи М. Г. носилъ трогательный характеръ, весьма существенно отличающійся отъ того, что давали въ этой роли, быть можетъ ближе подходившія къ замыслу автора,—Сарра Бернаръ и Э. Дузе.

Въ 1878 г. я въ послѣдній разъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, видѣлъ М. Г. на сценѣ въ пьесѣ «Въ осадномъ положеніи» Вик. Крылова.

IV.

Въ 1882 г. я представилъ въ Петербургскій Театрально-Литературный Комитетъ написанную мною пьесу «Тяжкая доля», удостоенную Историко-филологическимъ факультетомъ Новороссійскаго Университета преміи Вучины. Чрезъ полгода я получилъ увѣдомленіе, что Комитетъ единогласно одобрилъ пьесу для представленія на сценахъ Императорскихъ театровъ.

Не имѣя возможности пріѣхать въ Петербургъ, чтобы лично хлопотать о постановкѣ пьесы, я написалъ письмо Управляющему труппой Александринскаго театра Алексѣю Антиповичу Потѣ-

хину, прося его включить драму въ репертуаръ будущаго сезона.

Долго я ждалъ отвѣта, но такъ и не дождался. Рѣшилъ послать пьесу и письмо Модесту Ивановичу Писареву. Лично я съ нимъ не былъ знакомъ, но видѣлъ его когда-то на сценѣ Орловскаго театра, былъ горячій поклонникъ его таланта и слышалъ о немъ, какъ о добромъ, отзывчивомъ человѣкѣ. Въ письмѣ я просилъ Модеста Ивановича прочесть драму, дать о ней отзывъ, и, если онъ найдетъ возможнымъ, похлопотать передъ А. А. Потѣхинымъ о ея постановкѣ, взявъ на себя трудъ сыграть главную роль — Василья.

Модестъ Ивановичъ отвѣтилъ мнѣ любезнымъ письмомъ, соглашаясь играть роль Василья, но предупреждая меня, что едва-ли А. А. Потѣхинъ включитъ мою «Тяжкую долю» въ репертуаръ, такъ какъ уже намѣчена къ возобновленію какая-то пьеса изъ народнаго быта Потѣхина.

Изданная Театральной библіотекой С. Ф. Разсохина, драма «Тяжкая доля» обошла всѣ провинціальныя сцены, была сыграна въ Москвѣ въ театрахъ: «Скоморохъ» — Лентовскаго, въ Пушкинскомъ театрѣ Щербинскаго, въ Секретаревскомъ театрѣ, но такъ и не удостоилась попасть на подмостки Императорскихъ театровъ.

Живя на сѣверѣ Россіи, я написалъ, кромѣ «Тяжкой доли», еще четыре пьесы: «На земской нивѣ», «Чары любви», «Житье привольное» (удостоена преміи Вучины) и «На развалинахъ прошлаго».

Обезкураженный неудачными хлопотами о постановкѣ «Тяжкой доли», я положилъ пьесы въ портфель дожидаться того времени, когда мнѣ можно будетъ пріѣхать самому въ Петербургъ и лично хлопотать о постановкѣ ихъ на сценѣ.

Въ августѣ 1886 г. мнѣ, наконецъ, представилась возможность выѣхать изъ Великаго Устюга. Съ пятью пьесами въ портфель, съ смутными надеждами и нѣсколькими рублями въ карманѣ я пріѣхалъ въ Москву.

Благодаря доброму отношенію ко мнѣ, какъ автору, Михаила Васильевича Аграмова и Ф. А. Корша, моя пьеса «На земской нивѣ», — 17-го сентября 1886 г. была представлена въ Москвѣ на сценѣ Русскаго драматическаго театра. Хорошо поставленная М. В. Аграмсвымъ и дружно разыгранная, съ рѣдкимъ ансамблемъ, артистами: Рыбчинской, Романовской и г. г. Киселевскимъ, Солонинымъ, Вязовскимъ, Большаковымъ и др., пьеса имѣла у публики успѣхъ, принесла мнѣ нѣкоторую извѣстность, какъ автору, и небольшую толику денегъ. Я получилъ письмо отъ артистки Александринскаго театра А. И. Абариновой,

которая искала пьесу для бенефиса, съ просьбою прислать «На земской нивѣ» для прочтенія.

Я самъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Пьеса А. И. Абариной понравилась. Хотя она не обѣщала мнѣ навѣрняка взять ее въ бенефисъ, но посовѣтовала представить ее въ Театрально-Литературный Комитетъ. По ея просьбѣ, Комитетъ назначилъ чтеніе моей драмы «не въ очередь».

«На земской нивѣ» уже прошла въ Москвѣ съ успѣхомъ, я уже читалъ ее артистамъ театра Корша и М. Н. Ермоловой, присутствовалъ на всѣхъ репетиціяхъ, тѣмъ не менѣе, я страшно волновался, когда мнѣ объявили, что я долженъ буду читать пьесу во 2-мъ отдѣленіи Комитета, гдѣ засѣдали: А. Н. Плещеевъ, П. И. Вейнбергъ, М. И. Писаревъ, Ф. А. Федоровъ-Юрковскій, Н. С. Васильева.

Я не спалъ всю ночь наканунѣ, а придя въ залъ засѣданія въ Александринскомъ театрѣ, совсѣмъ струсиль. Вѣроятно, на моемъ лицѣ отражалось мое душевное состояніе. Добрѣйшій Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, предсѣдатель Комитета, самъ подошелъ ко мнѣ, поздоровался и такъ привѣтливо, ободряюще заговорилъ со мной, совѣтуя не волноваться, что я нѣсколько оправился и успокоился. Онъ представилъ меня членамъ Комитета, рекомендуя:—«молодой авторъ», и пригласилъ приступить къ чтенію пьесы.

Я началъ неувѣренно, торопясь и запинаясь, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но, мало-по-малу, увлекся и благополучно дочиталъ до конца.

Комитетъ крайне сочувственно отнесся къ моей пьесѣ. А. Н. Плещеевъ попросилъ меня подождать въ пріемной полчаса, пока члены будутъ совѣщаться. Но черезъ пять минутъ меня снова пригласили въ засѣданіе. Алексѣй Николаевичъ объявилъ мнѣ, что Комитетъ единогласно одобрилъ пьесу «На земской нивѣ» къ представленію на сценахъ Императорскихъ театровъ.

Я былъ внѣ себя отъ радости.

Алексѣй Николаевичъ и всѣ члены Комитета радушно поздравили меня. Федоръ Александровичъ Юрковскій и Модестъ Ивановичъ Писаревъ наговорили мнѣ много лестнаго о пьесѣ. Я напомнилъ Модесту Ивановичу о пьесѣ «Тяжкая доля», которую когда-то присылалъ ему на просмотръ. Онъ, оказалось, хорошо помнилъ пьесу и ея содержаніе.

— Теперь «Тяжкая доля» едва ли будетъ поставлена у насъ... Она уже ставилась, какъ вы говорите, въ Москвѣ, шла въ провинціи, потеряла интересъ новизны... А вы все-таки зайдите къ Алексѣю Антиповичу Потѣхину, попросите его о пьесѣ «На

земской нивѣ»... Я ему скажу о ней, да и Федоръ Александровичъ, я убѣжденъ, замолвить словечко... Зайдите непременно,—посоветоваль мнѣ М. И. Писаревъ.

А. А. Потѣхинъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ Александринскаго театра. Встрѣтилъ онъ меня сурово, до крайности официально, какъ олимпіецъ.

Сидя въ покойномъ креслѣ у письменнаго стола, онъ, не предлагая сѣсть, сухо спросилъ:—Что вамъ угодно?

Я изложилъ ему мою просьбу о постановкѣ пьесы «На земской нивѣ» на сценѣ Александринскаго театра, сообщивъ ему, что пьеса единогласно одобрена Театральнымъ Комитетомъ, какъ и первая моя пьеса «Тяжкая доля».

Онъ разсѣянно слушалъ, думая о чемъ-то другомъ, смотрѣлъ на меня усталыми, старческими глазами и все время щелкалъ вставными челюстями.

Пріемъ А. А. Потѣхина смутилъ меня до того, что я еле выжималъ фразы и старался возможно скорѣй окончить визитъ.

Вошелъ помощникъ режиссера и почтительно доложилъ Потѣхину:—«Сцена готова... Прикажете начинать?»

— Хорошо... Я сейчасъ...—медленно поднимаясь, отвѣтилъ Потѣхинъ и обратясь ко мнѣ, нехотя, безучастно проговорилъ:—Одобреніе Комитета еще ничего не значить... Ваши пьесы шли уже на частныхъ сценахъ Москвы, намъ неудобно ихъ ставить...—и пошелъ къ выходу.—А впрочемъ, пришлите пьесы,—я прочту...—сказалъ онъ у двери, подавая мнѣ руку.

Я вышелъ отъ Потѣхина облитый холодной водой. Въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ въ Москву, не повидавшись даже съ А. И. Абариновой.

И драма «На земской нивѣ» такъ и не была поставлена на Императорской сценѣ.

Въ сезонъ 1886—7 года мнѣ посчастливилось поставить въ Москвѣ четыре пьесы: «На земской нивѣ», «Чары любви»—въ театрѣ Корша, «Тяжкая доля» и «Житіе привольное»—въ театрѣ «Скоморохъ» Лентовскаго.

Пріемъ, оказанный мнѣ А. А. Потѣхинымъ, надолго отбилъ у меня охоту добиваться постановки моихъ пьесъ на Императорской сценѣ, несмотря на то, что «Чары любви» и «Житіе привольное» также были одобрены Театральнымъ Комитетомъ.

Пьесу «На земской нивѣ» у меня взялъ М. В. Лентовскій. Она шла въ Петербургѣ, въ Маломъ театрѣ, въ началѣ сезона 1887—8 г. съ А. В. Лентовской въ роли Строниной, и до сего дня еще идетъ въ Народномъ домѣ Николая II и на сценахъ провинціальныхъ театровъ.

V.

Въ ноябрѣ 1888 г. я переселился съ семьей на постоянное жительство въ Петербургъ. Матеріальныя дѣла мои находились въ плачевномъ положеніи. Вся надежда была на пьесы, написанныя за послѣдніе три года:—«Вольная пташка», «Крокодиловы слезы» и «Рабочая слободка». Первыя двѣ уже шли въ Москвѣ, въ театрѣ Корша. «Рабочая слободка» еще нигдѣ не была поставлена.

Я сталъ энергично хлопотать о принятіи «Рабочей слободки» на сцену Александринскаго театра. Идти снова съ просьбой къ А. А. Потѣхину я не хотѣлъ. Думая, что Н. Ф. Сазоновъ заинтересуется ролью Федора, я рѣшилъ обратиться къ нему, съ просьбою прочесть пьесу и сказать о ней свое мнѣніе.

Н. Ф. Сазоновъ принялъ меня любезно, но официально. Спросилъ,—пропущена ли пьеса цензурой и театральнымъ комитетомъ, писалъ ли я раньше или это первая моя работа, гдѣ ставились мои пьесы?... Затѣмъ сказалъ, что, хотя онъ въ данное время очень занятъ, но постарается найти свободный часокъ и прочтетъ мою драму.

Сазоновъ записалъ мой адресъ и о результатѣ обѣщалъ извѣстить меня, приславъ рукопись и письмо съ посыльнымъ.

Я ушелъ отъ него удрученный. Холодомъ повѣяло на меня отъ его приѣма. Досадно стало на самого себя.

«И къ чему лѣзть съ своими дѣлами къ незнакомому, занятому человѣку? Есть когда ему читать твои драмы, даромъ терять время... Будетъ валяться у него рукопись до окончанія сезона, а потомъ сообщить какое-нибудь общее мѣсто, въ родѣ того:—«пьеса, молъ, литературна, но не сценична»,—для того только, чтобы отвязаться»...—такъ приблизительно думалъ я, идя отъ Сазонова къ себѣ на Пески, въ конецъ Слоновой улицы.

Не прошло недѣли послѣ моего визита къ Николаю Федоровичу, какъ въ одно прекрасное утро ко мнѣ въ комнату вошла жена и сообщила, что пришелъ Сазоновъ. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Надо сказать, что въ то время первачи артисты держались съ начинающими авторами довольно гордо, а иногда и заносчиво. И, конечно, не только не дѣлали отвѣтнаго визита автору, но весьма часто ему самому приходилось по нѣскольку разъ тщетно звонить у дверей знаменитаго артиста, прежде чѣмъ онъ удостоитъ его приѣмомъ.

Н. Ф. сообщилъ мнѣ, что онъ съ интересомъ прочелъ «Рабочую

«слободку» вмѣстѣ съ своей женой С. И. Смирновой¹⁾ и находятъ пьесу сценичной, съ хорошими ролями и написанной литературно... Онъ съ удовольствіемъ готовъ играть роль Федора, если я полагаю, что это въ его силахъ. Но онъ думаетъ, что принятіе этой пьесы на Императорскую сцену встрѣтитъ большія препятствія... Директоръ И. А. Всеволожскій не любитъ пьесъ изъ народнаго быта и весьма неохотно соглашается на ихъ постановку. На Потѣхина надежда плоха, онъ едва-ли будетъ стоять за пьесу начинающаго автора. Да, поговариваютъ, что онъ уходитъ... Кромѣ того, пьеса требуетъ новыхъ, специально написанныхъ декораций. Дирекція охотно тратитъ громадныя суммы на обстановку оперъ и балетовъ, но очень скупится для драмы...

«Я все сдѣлаю, чтобы помочь вамъ, но, признаюсь, мое вліяніе въ этомъ дѣлѣ весьма скромно. Если бы М. Г. Савина заинтересовалась ролью Ариши и захотѣла бы вамъ помочь, тогда можетъ быть намъ общими силами удалось бы протащить вашу пьесу на Александринскую сцену»...—закончилъ Н. Ф.

Я отвѣтилъ, что знаю Савину только какъ артистку, но лично съ нею не знакомъ.

— Ну, такъ мы вотъ что сдѣлаемъ...—сказалъ Сазоновъ.—Вы позволите мнѣ передать вашу рукопись Маріи Гавриловнѣ... Я съ ней самъ переговорю и попрошу прочесть... А вы придите черезъ нѣсколько дней, часовъ въ 12-ть въ Александринскій театръ, на сцену. Мы съ М. Г. заняты на репетиціи въ одной пьесѣ. Спросите меня, а я представлю васъ Савиной...

Я горячо поблагодарилъ Н. Ф. Сазонова, и мы разстались.

Съ трудомъ я выждалъ недѣлю, полагая, что врядъ ли М. Г. успѣетъ раньше этого срока прочесть пьесу.

Съ сильно бьющимся сердцемъ подходилъ я къ «завѣтнымъ дверямъ» Александринскаго театра.

— Какъ-то приметъ меня знаменитая артистка?.. Что-то скажетъ она мнѣ о пьесѣ?.. Заинтересуетъ ли ее роль Ариши?..—съ тревогой въ душѣ, думалъ я, поднимаясь по лѣстницѣ, ведущей на сцену.

— Можно видѣть Николая Федоровича?—спросилъ я курьеровъ, подозрительно, безцеремнно оглядывающихъ меня съ головы до ногъ.

— Нельзя-съ, они заняты...—отрѣзалъ курьеръ безапелляціоннымъ тономъ.

— А вы все-таки передайте ему мою карточку,—настаивалъ я.

¹⁾ Софья Ивановна Смирнова, извѣстная писательница, авторъ романовъ «Попечитель учебнаго округа», «Соль земли», которыми я когда-то зачитывался.

— Не приказано-съ...

— Да, вѣдь, Николай Федоровичъ самъ просилъ меня зайти къ нему за кулисы...

— Обождите... Будетъ антрактъ,—доложу...—неохотно принимая карточку, сказалъ курьеръ и сѣлъ.

Дѣлать нечего, сѣлъ и я рядомъ съ нимъ на просиженную, отполированную временемъ скамью.

На сценѣ, наконецъ, прозвучалъ звонокъ. Курьеръ неторопливо всталъ и спустился по лѣстницѣ куда-то внизъ.

Я шагаль изъ угла въ уголъ по тѣсной передней, волнуясь и возмущаясь, что въ Императорскомъ театрѣ нѣтъ даже приличной пріемной.

Вѣроятно, прошло не болѣе пяти минутъ, какъ возвратился курьеръ, но для меня время тянулось необычайно долго. Мнѣ казалось, что я уже часъ слоняюсь по неопрятной передней, усыпанной окурками папирозъ и заплеванной.

— Пожалуйста,—раздался голосъ откуда-то снизу.

Я торопливо снялъ пальто, калоши и сошелъ на сцену.

Колоссальные размѣры кулисъ въ полутьмѣ огромной сцены Александринскаго театра придавили меня. Я остановился, невольно осматриваясь по сторонамъ, не зная куда итти.

— Здравствуйте...—услышалъ я голосъ Николая Федоровича, идущаго ко мнѣ съ протянутой рукой.

Я поспѣшилъ къ нему навстрѣчу, зацѣпился ногой о какой-то декоративный кустъ и чуть не растянулся.

— Осторожнѣй, здѣсь темно...—сказалъ Сазоновъ и повелъ меня подъ руку черезъ сцену въ уборную.

Въ довольно обширной грязноватой комнатѣ, съ узкими, обитыми клеенкой столами для грима, вдоль стѣнъ, съ старинными, николаевскаго времени зеркалами, ходили густые клубы табачнаго дыма. На стульяхъ сидѣли артисты:—Варламовъ, Свободинъ, Ремизовъ. Арди стоялъ, заложивъ руки въ карманы, и что-то оживленно рассказывалъ. Когда мы вошли съ Сазоновымъ, навстрѣчу намъ раздался веселый, раскатистый, дружный хохотъ.

Я смутился.

Сазоновъ представилъ меня артистамъ, какъ «молодого автора». Они, едва взглянувъ на меня, разсѣянно поздоровались и повели между собой оживленную бесѣду о фасонѣ брюкъ...

Н. Ф. куда-то вышелъ, шепнувъ мнѣ:—подождите здѣсь... я сейчасъ...

Помню, Арди сообщалъ товарищамъ, что онъ нашелъ необыкновеннаго портного штучника, который изумительно дешево беретъ и превосходно шьетъ брюки... при чемъ Арди какъ-то

особенно выставлялъ ногу, демонстрируя покрой своихъ штановъ. И хотя въ его разсказахъ не было ничего смѣшного,—вся уборная покатила со смѣху. И я не могъ удержаться отъ улыбки, такъ много комичнаго было въ голосѣ, манерахъ, во всей маленькой, кругленькой фигуркѣ—Арди.

Уборная М. Г. Савиной помѣщалась на противоположной сторонѣ сцены. Мы съ Н. Ф. Сазоновымъ прошли по авансценѣ и поднялись на нѣсколько ступеней.

Въ небольшой бѣлѣсой комнатѣ, съ протертымъ сукномъ на полу, у стѣны стоялъ старый диванъ. Прямо противъ двери—большое трюмо. Справа отъ него, въ углу—туалетный столъ, съ гримировальными принадлежностями. У стола и вдоль стѣны—старинные стулья, современники дивана.

М. Г. встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ ко мнѣ навстрѣчу.

— Здравствуйте, молодой авторъ,—сказала она знакомымъ мнѣ голосомъ, съ характернымъ, носовымъ произношеніемъ, и протянула руку.—Садитесь,—гостемъ будете... Потолкуемъ...

Я смущенно опустился на диванъ. Савина сѣла противъ меня на стулъ, у туалета.

Скромно одѣтая въ темное, шерстяное платье, гибкая, элегантная, съ гладко причесанными на проборъ черными волосами, съ пытливымъ, привѣтливымъ выраженіемъ умныхъ, красивыхъ глазъ М. Г. съ перваго же взгляда произвела на меня чарующее впечатлѣніе своей простой, непринужденной манерой держаться. Въ ея обращеніи, въ тонѣ голоса, въ словахъ ни чуть-чуть не чувствовалась знаменитость, звѣзда первой величины, самодержавная властительница сцены.

— Прочла я вашу «слободку»... Мнѣ понравилось... Если мнѣ дадутъ роль Ариши,—возьму... Хотя боюсь,—сыграю-ли?..

— Что вы, помилуйте, Марья Гавриловна!..—запротестовалъ я.

— Серьезно,—боюсь... Мало я знаю эту среду... Много поработать придется... Я послѣднее время на сценѣ изъ салоновъ не выхожу... Все на шезъ-лонгѣ, полулежа, играю... А тутъ вдругъ рабочая слободка... Но это интересно... новый бытъ...

— Надо, Марья Гавриловна, помочь молодому автору... Если бы вы посодѣйствовали постановкѣ пьесы у насъ...—сказалъ Сазновъ.

— Но вы знаете, Николай Федоровичъ, въ какихъ я отношеніяхъ съ Потѣхинымъ... Мое вмѣшательство можетъ только напороть автору... А контора ужаснется затратъ... Новыя декорации...

— Я готовъ на свой счетъ сдѣлать декорации... Пусть дирекція вычтетъ расходъ на декорации изъ моего гонорара...—предложилъ я.

Марія Гавриловна залилась веселымъ смѣхомъ.

— Что вы... что вы... Этого только недоставало... въ Императорскомъ-то театрѣ... Да вы шутникъ!.. Нѣтъ, это пустяки... Я постараюсь что-нибудь для васъ сдѣлать... «Я—баба, настояще раздробить не могу»... а вотъ мы съ Николаемъ Федоровичемъ поменяемъ,—что-нибудь и придумаемъ... А вы не волнуйтесь и спите спокойно... На-дняхъ я вамъ дамъ вѣсточку... Авось, мы устроимъ это дѣло...—сказала Савина, привѣтливо улыбаясь.

— А теперь уходите... Слышите,—звонокъ... Мы идемъ пахать, только не Шекспира, а Крылова... До свиданья!..—и она крѣпко пожала мою руку.

Марія Гавриловна ничего вѣрнаго мнѣ не обѣщала, но я ушелъ отъ нея очарованный ея личностью и почему-то увѣренный, что «Рабочая слободка» увидитъ свѣтъ ramпы Александринскаго театра.

VI.

Томительно тянулись недѣли, а письма отъ Маріи Гавриловны все не было. Я уже сталъ приходить въ отчаяніе. Рѣшилъ, что она забыла и о «Рабочей слободкѣ», и о моемъ существованіи. Какъ вдругъ, однажды утромъ курьеръ принесъ мнѣ письмо отъ Савиной. Она спрашивала меня, могу ли я прочесть у нея на квартирѣ завтра въ 8 часовъ вечера «Рабочую слободку» и не имѣю ли я чего-нибудь противъ того, что она пригласитъ кое-кого изъ театральныхъ людей?

Конечно, я былъ ей безконечно благодаренъ и радъ видѣть на чтеніи приглашенныхъ ею гостей.

Марія Гавриловна жила тогда на М. Мастерской, въ домѣ-особнякѣ Базилевскаго.

Я не безъ робости позвонилъ у дверей нижняго этажа, гдѣ была прибита мѣдная доска, съ надписью:—Марія Гавриловна Савина. Пожилая, некрасивая горничная отворила дверь и, ставъ въ дверяхъ, спросила:—вамъ кого?..

— Марью Гавриловну...—отвѣтилъ я, съ недоумѣніемъ смотря на аргуса, загораживающаго мнѣ дорогу.

— Вамъ назначено въ это время?—допрашивала горничная.

— Да, назначено... Я получилъ письмо...

— Тогда пожалуйста наверхъ... Направо...—и она захлопнула дверь.

Я поднялся во второй этажъ.

На двери направо, на дощечкѣ я прочелъ какую-то незнакомую мнѣ фамилію.

— Позвоню...—рѣшилъ я, послѣ минутнаго раздумья.

Дверь распахнулась. Кокетливо одѣтая горничная, съ чепчикомъ на головѣ, на мой вопросъ:—Дома Марія Гавриловна?—привѣтливо сказала:—Пожалуйте!

Я вошелъ въ уютную, красиво обставленную гостиную, гдѣ кромѣ Маріи Гавриловны, уже сидѣли Федоръ Александровичъ Юрковскій, Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ и Д. В. Григоровичъ.

— Вотъ и авторъ!—протягивая мнѣ руку, любезно сказала Савина.—Дмитрій Васильевичъ, позвольте вамъ представить,— авторъ «Слободки»—Карповъ.

Григоровичъ горячо пожалъ мою руку, сказавъ:

— Наслышанъ, наслышанъ... Интересно, что вы написали?.. Послушаемъ... — и обратясь къ Савиной, спросилъ:—Вы позволите, душа моя, досказать вамъ?..—И онъ началъ оживленно и остроумно рассказывать о своей поѣздкѣ въ Москву, о невозможныхъ порядкахъ въ конторѣ Императорскихъ Московскихъ театровъ, прошелся очень зло и остроумно на счетъ «поручика Пчельникова», управляющаго Конторой Московскихъ театровъ, мимоходомъ повосторгался М. Н. Ермоловой, прибавивъ, что она, при всемъ ея безспорномъ большомъ талантѣ, вульгарна и груба на сценѣ. Картинно рассказалъ кстати два анекдота объ Островскомъ, сообщилъ, что онъ былъ на вечерѣ у князя Сумбатова, гдѣ присутствовала вся Москва... и, вѣроятно, никогда бы не кончилъ, если бы горничная не доложила, что готовъ чай.

Марья Гавриловна пригласила насъ въ столовую.

Д. В. Григоровичъ, придравшись къ какой-то фразѣ Маріи Гавриловны, началъ горячо критиковать составъ труппы Александринскаго театра, находя его далеко не полнымъ. Далматовъ возражалъ, видимо задѣтый за живое.

— Но, позвольте, душа моя...—кипятился Дмитрій Васильевичъ,—вѣдь у васъ въ труппѣ нѣтъ любовника... Что же это за труппа, гдѣ нѣтъ артиста на роль Чацкаго...

— А я...—картинно откинувшись на спинку стула, увѣренно произнесъ Василій Пантелеймоновичъ, смотря въ упоръ на Григоровича.

Дмитрій Васильевичъ, видимо, не ожидавшій этой реплики, замялся.

Всѣ почувствовали неловкость положенія.

— Душа моя, душа моя!..—заторопился Григоровичъ.—Вы знаете, какъ я цѣню васъ, какъ артиста... Я всегда говорилъ, и теперь скажу, что вы превосходный актеръ... Но, душа моя, согласитесь, что для роли Чацкаго—вы тяжелы...

— Да, вы думаете?.. Ну, если я тяжелъ для роли Чацкаго,

то вамъ уже давно надо лежать въ могилѣ...—отчеканивая каждое слово, произнесъ Далматовъ, принимая величавую позу...

— Но, душа моя...—развелъ руками Григоровичъ.

Положеніе становилось весьма критическимъ.

— Не принимайте это серьезно, Дмитрій Васильевичъ... Вася шутить... Вѣдь, вы знаете, это человѣкъ съ сюрпризами,—съ милой улыбкой, сказала Марія Гавриловна и, обратясь ко мнѣ спросила:—Вы ничего не имѣете, авторъ, если я попрошу васъ здѣсь читать? Тутъ какъ-то уютнѣй...

Я, конечно, ничего не имѣлъ.

Одно только было у меня желаніе: поскорѣй приступить къ чтенію. ..

Я нервничалъ, волновался, робѣлъ. Сердце учащенно билось, въ горлѣ пересохло, голосъ не повиновался. Я чувствовалъ, что плохо читаю и страшно тороплюсь. Не переводя духа, что называется,—залпомъ я прочелъ два акта и уже хотѣлъ продолжать, какъ Марія Гавриловна остановила меня.

— Отдохните же немного... Вы устанете... выпейте чаю... Не торопитесь... Вы летите на курьерскихъ... Мы не спѣшимъ...—сказала она, улыбаясь.

Въ ея голосѣ я услышалъ одобряющія, добрыя нотки.

— Гдѣ вы, душа моя, наблюдали быть рабочихъ?—спросилъ Дмитрій Васильевичъ.—Въ драмѣ чувствуется натура...

— Я сказалъ, что жилъ нѣкоторое время среди рабочихъ.

— Любопытно... Это видно, что вы не сочиняете... но, водки много...

Послѣдніе три акта я прочелъ подрядъ, безъ перерыва.

Ф. А. Юрковскій, видимо, былъ доволенъ пьесой, хотя находилъ типъ Федора прикрашеннымъ, идеализированнымъ. Д. В. Григоровичъ какъ-то неопредѣленно высказывался, сокрушаясь о грубыхъ нравахъ и пьянствѣ рабочаго люда...

Марья Гавриловна сказала нѣсколько словъ о сценичности пьесы, о томъ, что роли очень «выигрышны» для актеровъ и что быть оригиналенъ, что на сценѣ этотъ быть еще не былъ никогда выведенъ.

В. П. Далматовъ возвышеннымъ слогомъ говорилъ о значеніи пьесы для «народныхъ массъ». Сожалѣлъ объ отсутствіи въ Россіи народнаго художественнаго театра... О трудности исполненія ролей въ народныхъ пьесахъ...

Когда я уходилъ, Д. В. Григоровичъ крѣпко, горячо пожалъ мою руку и сказалъ:—вамъ непременно надо писать... у васъ есть нервъ драматурга, наблюдательность... Изъ васъ выйдетъ настоящій писатель.

— Я непременно поговорю о васъ съ Иваномъ Александровичемъ... Непременно, на этихъ дняхъ... Закончилъ онъ.

— Идите и не волнуйтесь...—сказала мнѣ на прощаніе Марія Гавриловна.—Я—вашъ Плевако.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого вечера, 14 октября, я получилъ отъ М. Г. Савиной слѣдующее письмо:

«Или я ничего не понимаю, или это очень хорошая пьеса». И кажется мнѣ, что она не пойдетъ у насъ. Григоровичъ «лаптей» не любить и говорить: «синонимъ русскихъ пьесъ—лапти, водка и покойники». Григоровичъ, начавшій съ пейзажовъ!.. Языкъ прекрасный, роли превосходныя и вообще я раздѣляю мнѣніе Сазонова, но... зная вкусъ Потѣхина и его отношеніе къ дѣлу, боюсь тормазъ съ его стороны. Если бы здѣсь былъ народный театръ, какъ прежде въ Москвѣ, эта пьеса была бы кладомъ: для нея стоить составить труппу. Я поговорю съ Сазоновымъ и узнаю, насколько онъ заинтересованъ ролью, по этому можно будетъ судить о возможности постановки. Во всякомъ случаѣ въ этомъ году немисливо изъ-за декораций. Хорошо!! Буду хлопотать всѣми силами. До свиданія, крѣпко жму Вашу руку и отъ души желаю Вамъ успѣха въ Москвѣ. М. Савина».

Такъ писала мнѣ Марія Гавриловна о «Рабочей слободкѣ».

Я зналъ, что Н. Ф. Сазоновъ былъ весьма заинтересованъ ролью Федора и усердно хлопоталъ о постановкѣ пьесы, помогала ему Марія Гавриловна, но, тѣмъ не менѣе, пьеса не была поставлена на Александринской сценѣ, пока А. А. Потѣхинъ, бывшій въ то время «на ножкахъ» съ М. Г. Савиной и Сазоновымъ и въ натянутыхъ отношеніяхъ со всей труппой, не оставилъ постъ Управляющаго драматической труппой.

Моему авторскому самолюбію очень льстило отношеніе къ моей работѣ Савиной, Сазонова, Юрковского, я съ радостнымъ волненіемъ читалъ письмо Маріи Гавриловны, но извѣстіе, что пьеса не можетъ быть поставлена въ этомъ сезонѣ,—повергло меня въ отчаяніе.

Я жилъ съ семьей исключительно на литературный заработокъ. Изъ Общества Драматическихъ Писателей, за представленіе пьесъ въ провинціи, я получалъ въ то время около тысячи рублей въ годъ... и ничего больше... Положеніе не изъ веселыхъ!

Я сѣлъ за работу и передѣлалъ всю вновь, написанную мною въ ранней юности пьесу «По разнымъ дорогамъ», назвавъ ее—«Сумерки».

Я не терялъ надежды увидѣть «Рабочую слободку» на Императорской сценѣ, а потому заперъ ее въ письменный столъ, подъ замокъ, и поѣхалъ въ Москву хлопотать о приѣмѣ пьесы «Сумерки»

въ театрѣ М. М. Абрамовой, гдѣ режиссеромъ въ то время былъ Н. Н. Соловцовъ, а въ прекрасно организованной труппѣ такіе выдающіеся артисты и артистки, какъ И. П. Киселевскій, Н. П. Рощинъ-Инсаровъ, Мичуринъ-Самойловъ, Чарскій, Ив. Новиковъ, Н. Н. Синельниковъ, М. М. Глѣбова и другіе. Н. П. Рощинъ-Инсаровъ взялъ «Сумерки» въ бенефисъ. Она была представлена въ срединѣ декабря 1889 г. на сценѣ т. н. Шалопутинскаго театра. Прошла она четыре-пять разъ, а затѣмъ передъ Рождествомъ дѣло Абрамовой лопнуло, и театръ закрылся. Я получилъ за свою пьесу гроши, истраченные мною на поѣздку и проживаніе въ Москвѣ...

Съ 1-го мая 1890 г. Главнымъ Режиссеромъ Александринскаго театра былъ назначенъ Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ, на мѣсто ушедшаго А. А. Потѣхина. Я былъ лично знакомъ съ П. М. Медвѣдевымъ по театру Корша. Случайно встрѣтившись въ Петербургѣ, мы скоро близко сошлись съ нимъ, познакомились домами. Петръ Михайловичъ самъ предложилъ мнѣ прочесть у него «Рабочую слободку».

На чтеніи присутствовали: М. И. Писаревъ и С. П. Глинская.

П. М. Медвѣдеву пьеса понравилась. Онъ обѣщалъ мнѣ поговорить о принятіи ея съ И. А. Всеволожскимъ. М. И. Писаревъ и С. П. Глинская отнеслись къ пьесѣ весьма доброжелательно.

— Дѣло постановки «Рабочей слободки» сложное... Если мнѣ и удастся уговорить Ивана Александровича, то за декорациями пройдетъ полгода, а то и больше... У насъ торопиться не любятъ... А пока я поставлю вашу «Вольную пташку», благо ко мнѣ пристаётъ съ просьбою дать ей роль—Пуаре... сказалъ Медвѣдевъ.

Признаюсь, мнѣ очень не хотѣлось дебютировать на Императорской сценѣ такой пустяковой шуткой, какъ «Вольная пташка», хотя она и имѣла большой успѣхъ въ Москвѣ, въ театрѣ Корша. Нужда, особенно сильно тѣснившая меня въ это время, заставила согласиться.

Осенью 1890 г. я дебютировалъ, какъ авторъ, на Императорской сценѣ комедіей-шуткой «Вольная пташка», поставленной 10 октября.

Вскорѣ послѣ этого П. М. Медвѣдевъ представилъ меня И. А. Всеволожскому.

Директоръ принялъ меня весьма любезно. Сказалъ, что онъ много хорошаго слышалъ отъ Н. Ф. Сазонова, М. Г. Савиной и П. М. Медвѣдева о «Рабочей слободкѣ» и рѣшилъ поставить ее въ будущемъ сезонѣ, не останавливаясь передъ затратами на декорации.

— Вы можете теперь же подписать въ конторѣ условіе; а

о деталях постановки, о декорацияхъ и распредѣленіи ролей условитесь съ Петромъ Михайловичемъ и А. С. Яновымъ.

П. М. Медвѣдевъ энергично принялся за подготовку постановки «Рабочей слободки», Мы съ нимъ вмѣстѣ подробно обсудили планъ работы, намѣтили распредѣленіе ролей.

А. С. Яновъ, прочтя пьесу, крайне заинтересовался художественной стороною постановки и горячо, съ увлеченіемъ принялся за работу. Онъ уже писалъ декорации къ моей пьесѣ «Чары любви», шедшей въ театрѣ Корша, въ бенефисъ Е. Ф. Красовской. Это была одна изъ его удачнѣйшихъ, поэтическихъ декораций, вызвавшихъ единодушный восторгъ публики и шумные аплодисменты. Я зналъ А. С. Янова не только, какъ талантливаго художника, но и какъ глубокаго знатока русскаго быта, любившаго сердечно народъ, и былъ увѣренъ, что, онъ лучше чѣмъ кто-нибудь, выполнить свою работу.

Александръ Степановичъ черезъ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль представилъ художественно, вдохновенно исполненные эскизы и макеты «Рабочей слободки».

VI.

Во время постановки въ Александринскомъ театрѣ пьесы «Рабочая слободка» мнѣ довелось на репетиціяхъ близко познакомиться съ М. Г. Савиной, какъ съ работницей на сценѣ и воочию увидать ея отношеніе къ дѣлу.

Несмотря на то, что М. Г. уже читала мою пьесу сама, слышала ее въ моемъ чтеніи у нея на дому, она аккуратно, за десять минутъ, явилась въ театръ на считку (немногіе артисты имѣютъ это хорошее обыкновеніе. Разъ прочтя пьесу, они считаютъ лишнимъ являться на чтеніе пьесы авторомъ). Внимательно слѣдила Савина по роли за ходомъ дѣйствія, часто отмѣчая карандашомъ что-то въ тетрадкѣ. Въ антрактахъ между актами, она обращалась ко мнѣ съ вопросами о томъ или иномъ простонародномъ, незнакомомъ ей выраженіи, техническомъ названіи инструмента, мѣстной поговоркѣ, о характерѣ произношенія или ударенія какого-либо слова народной рѣчи.

— Я долго играла на Волгѣ, знаю волжскій, простонародный говоръ, но у васъ въ пьесѣ встрѣчаются выраженія, совсѣмъ мнѣ незнакомыя... Языкъ весь изломаешь, пока ихъ выучишь... Ирокезскія какія-то слова... съ улыбкой, говорила Марья Гавриловна.

Я оправдывался тѣмъ, что у меня изображенъ бытъ заводскихъ рабочихъ, пришедшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, и потому имѣющій свои особенные оттѣнки.

Послѣ считки, Марія Гавриловна пригласила меня къ себѣ въ уборную и заставила до мельчайшей подробности описать ей костюмы Ариши, героини пьесы, которую она играла.

— Вы пожалуйста, не стѣсняйтесь и говорите мнѣ все, что, по вашему мнѣнію, я не такъ дѣлаю въ роли... И не волнуйтесь, если я на первыхъ репетиціяхъ не буду давать полного тона... Я не могу играть и давать интонацій до тѣхъ поръ, пока, не усвою себѣ хорошо мѣсть... Запомните это, авторъ, и не отчаивайтесь...— сказала она мнѣ на прощанье.

На первой репетиціи, передъ началомъ cadaго акта, Савина выходила на сцену и просила меня и режиссера подробно объяснить ей обстановку даннаго дѣйствія:—размѣры сцены, назначеніе cadaго предмета въ мастерской завода, его величину, размѣщеніе инструментовъ; интересовалась, какое будетъ освѣщеніе сцены, окраска стѣнъ, обивка мебели. Прежде, чѣмъ начать репетировать, она должна была ясно представить себѣ всю обстановку сцены.

Въ то время, какъ Сазоновъ и Варламовъ на второй репетиціи уже репетировали безъ тетрадокъ, подъ суфлера, Марія Гавриловна читала роль въ полголоса, однотонно, по тетрадкѣ, дѣлая карандашемъ записи переходовъ и остановокъ, отмѣчая паузы, подчеркивая фразы, дѣлая замѣтки на поляхъ роли. Она часто останавливалась, повторяла про себя отдѣльныя выраженія, возвращала партнера назадъ и снова репетировала уже разъ пройденную сцену.

— Ду будетъ вамъ темпераментъ-то показывать, Николай Федоровичъ; роли еще не знаете путемъ, а ужъ кулисы грызете... останавливала она, полушутя, горячившагося Сазонова.—Давайте ка пройдемъ еще разъ эту сцену, не спѣша, не горячась... А то я что-то затмилась, какъ чуланъ... Ничего не понимаю...

Актеры обыкновенно съ готовностью исполняли просьбу Маріи Гавриловны, но иногда на этой почвѣ происходили недоразумѣнія и крупные споры съ артистами, относящимися казенно, формально къ своему дѣлу. Н. Ф. Сазоновъ, будучи самъ художникомъ сцены, горячо любящимъ искусство, уже со второй репетиціи всегда знавшій роль, тѣмъ не менѣе, охотно, по желанію М. Г., нѣсколько разъ повторялъ съ ней общія сцены. На третьей-четвертой репетиціи Савина репетировала безъ тетрадки, но въ полтона, идя какъ-бы ошупью, строго придерживаясь текста пьесы, не пропуская ни одного слова. Если ей случалось переставить слова въ фразѣ или пропустить хотя бы одно слово, и суфлеръ ее не останавливалъ, Савина сама, замѣтивъ ошибку, обращалась къ нему съ вопросомъ:—Я, кажется что-то наврала?... Что же

вы меня не воротили... Дайте-ка немного повыше... И Савина вновь повторяла цѣлую сцену или монологъ, на горе суфлера, спѣшившаго «ко шамъ»...

Когда отдѣльныя фразы казались Савиной лишними, затягивающими дѣйствіе, она обращалась ко мнѣ съ просьбою вычеркнуть ихъ, но если я просилъ ихъ оставить, находя, что эти слова мнѣ необходимы для пьесы, по той или иной причинѣ, М. Г. оставляла фразу, хотя и прибавляла порой, съ раздраженіемъ:— «Авторы невыносимый народъ,—сами не понимаютъ своей пользы и отнимаютъ у пьесы успѣхъ»! Иногда М. Г. внезапно останавливалась въ самомъ патетическомъ мѣстѣ роли, опускалась на стулъ и съ отчаяніемъ восклицала:—«Нѣтъ, хоть убейте, не могу... не идетъ у меня эта проклятая фраза съ языка... Что хотите, то со мной и дѣлайте, но ее надо вымарать»...

Видя такое глубокое отчаяніе, я, конечно, безпрекословно соглашался. А на слѣдующей репетиціи, послѣ того, какъ Марія Гавриловна утромъ, у себя дома, работала надъ ролью, она просила суфлера восстановить зачеркнутую наканунѣ фразу, говоря:—«Нѣтъ, я вижу, этого нельзя вымарывать... Это необходимо сказать для характеристики такого-то лица или для объясненія такого-то положенія въ пьесѣ... Возстановите...»

Я помню, особенно долго Савина останавливалась, во время репетицій «Рабочей слободки», въ сценѣ третьяго акта, гдѣ ревнующій Аришу мужъ заподозриваетъ ее въ измѣнѣ и душитъ жену платкомъ. Сцена эта, требующая отъ исполнителей большого драматическаго подъема и сценической техники, долго не давалась Савиной и Сазонову. На всѣхъ почти репетиціяхъ они повторяли ее по два, по три раза. М. Г., то просила вычеркнуть нѣкоторыя фразы, находя ихъ лишними, то возстановляла, считая необходимыми. Какъ только подходили къ этой сценѣ, она заранѣе начинала волноваться. Сазоновъ, крайне нервно относящійся къ своей роли, хотя и подчинялся просьбамъ Савиной о сокращеніи сцены, но былъ, видимо, этимъ не особенно доволенъ.

— Нѣтъ, я не могу больше... Такъ мы никогда не сдѣлаемъ этой сцены!..—заявилъ, горячась, Сазоновъ.—Каждый разъ мы репетируемъ ее по новому... Сегодня восьмая репетиція, а мы еще не установили текста... Я рѣшительно отказываюсь что-либо мѣнять... Мы должны на чемъ-нибудь остановиться... Я не могу!.. съ пылающимъ отъ волненія лицомъ, громко протестовалъ Николай Федоровичъ.

— Вы напрасно такъ кричите и горячитесь, Николай Федоровичъ... отвѣтила сдержанно Савина...—Я именно объ этомъ

и хлопочу... Но вы съ первой же репетиціи такъ неистово волнуетесь, перехватываете, что я ничего не понимаю... Давайте установимъ текстъ по автору, не играя и не горячась... У меня уже всѣ косточки болятъ отъ вашей талантливой игры... Какъ подходитъ эта сцена, у меня душа уходитъ въ пятки и поджилки всѣ дрожать... Уложите вы меня въ могилу прежде времени вашимъ темпераментомъ, мавра вы этакая эфіопская!.. съ уморительной комической интонаціей произнесла М. Г. послѣднюю фразу.

Н. Ф. Сазоновъ расхохотался.

— Давайте чисто, Николай Алексѣевичъ... попросила Савина суфлера.

Они прошли сцену по тексту пьесы, цѣликомъ, безъ малѣйшихъ вымарокъ, стоя на авансценѣ у будки, и точно повторяя слова роли по суфлеру, а затѣмъ сыграли сцену нѣсколько разъ подрядъ, съ интонаціями и жестами.

— Уфъ!.. — тяжело вздохнула Савина. — Теперь пойдетъ гладко... Довольно... Но, во мнѣ живого мѣста нѣтъ... Скоро таете вы мой вѣкъ, трагикъ!..

Несмотря на шутливый тонъ, видно было, что многократныя повторенія сцены страшно утомили М. Г. Она сидѣла на постелѣ, блѣдная, тяжело дыша, съ усталыми, потухшими глазами..

Я предложилъ окончить репетицію. Савина энергично запротестовала.

— Вы съ ума сошли, авторъ... Какъ прекратить репетицію, когда мы еще плаваемъ въ семи тонахъ... Я вотъ чуть-чуть отдохну и дальше пойдемъ...

Черезъ десять минутъ, Марія Гавриловна, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала репетировать.

Съ каждой репетиціей у Савиной все ярче и выпуклѣй являлся типъ Ариши. Ея мимика, манеры, походка, вся повадка постепенно принимали характеръ типичной мѣщанки, жены рабочаго; въ ея голосѣ зазвучали живыя, тонкія интонаціи простонародной рѣчи. Съ первой считки до генеральной репетиціи Савина тщательно работала надъ ролью, внося все новые и новые штрихи въ ея обрисовку, постепенно, то тутъ, то тамъ, накладывая краски и свѣтовые пятна.

Внимательно слѣдя за ея работой на репетиціяхъ, я поражаюсь, съ какимъ упорствомъ Савина добивалась совершенства внѣшнихъ формъ, какъ, мало-по-малу, нарастали, развивались и утѣснялись у нея душевныя переживанія, раскрывающія внутренній міръ изображаемаго ею типа.

Бережно относясь къ произведенію автора, тщательно строго

придерживаясь текста пьесы, стараясь какъ можно ближе къ замыслу автора передать написанный имъ типъ, М. Г. всегда считалась съ ремарками и характеристиками писателя. Она не подгоняла роль къ себѣ, какъ это нерѣдко дѣлають многія выдающіяся артистки. Она ставила себѣ задачу—всѣмъ существомъ перевоплотиться въ дѣйствующее лицо, написанное авторомъ, жить на сценѣ его жизнью, думать его думами, чувствовать его чувствами.

— Я не нашла себя въ этой роли,—говорила Марія Гавриловна, когда была недовольна своимъ исполненіемъ.

Полное перевоплощеніе, подчиненіе своего личнаго *я* художественно созданному образу для такого сильнаго индивидуума, какимъ несомнѣнно была Савина, доставалось необычайно трудно.. Поэтому-то съ такой осторожностью, съ тщательностію, съ такой мукой творчества, такъ упорно работала Савина надъ ролями.

Она была весьма требовательна къ себѣ, какъ актриса и переносила эту требовательность на своихъ товарищей по работѣ. Савина постоянно вмѣшивалась во всѣ подробности при постановкѣ и репетированіи пьесъ. Она заботилась о всѣхъ мелочахъ обстановки, сталкиваясь на этой почвѣ съ конторой, режиссеромъ, авторомъ. Она негодовала, когда артистка или актеръ, спустя рукава, ведетъ репетицію, не твердо знаетъ роль, дѣлаетъ не то, что нужно для характеристики изображаемаго имъ лица, теряетъ тонъ, путаетъ мѣста, искажаетъ типъ, написанный авторомъ, или, въ угоду низменнымъ инстинктамъ толпы, переходитъ границы художественности...

Горячо любя театръ, высоко ставя искусство актера, М. Г. Савина не могла равнодушно относиться къ фактамъ, по ея мнѣнію, умаляющимъ значеніе театра и сценическаго искусства.

Она часто не считалась съ болѣзненнымъ самолюбіемъ актеровъ, не стѣсняясь говорила имъ правду въ глаза, въ довольно суровой формѣ, зло подшучивала, уморительно каррикатурно имитировала, давала мѣткія прозвища, которыя прилипали къ человѣку на вѣкъ, затѣвала «исторіи», когда видѣла нерадивое отношеніе къ дѣлу, была чрезмѣрно требовательна ко всѣмъ, кто вмѣстѣ съ ней участвовалъ въ пьесѣ, начиная съ плотника и кончая режиссеромъ.

Благодаря такому отношенію къ дѣлу, Савина постоянно имѣла столкновенія въ театрѣ, приобрѣтла тамъ немало враговъ, отдающихъ ей должное, какъ великой артисткѣ и зло шипѣвшихъ на нее въ полутьмѣ кулисъ.

Во время постановки «Рабочей слободки», передъ генеральной репетиціей, Савина подняла вопросъ;—«почему до сихъ

поръ не поставлены декораціи, не готовы всѣ бутафорскія вещи, невѣрно указаны размѣры сцены?..»

За кулисами всегда царитъ нервное настроеніе, а передъ генеральной репетиціей оно доходитъ до точки кипѣнія. Всякій пустякъ вырастаетъ въ цѣлое событіе. Режиссеръ М. Е. Евгеньевъ отвѣтилъ М. Г. недостаточно тактично, сказавъ, что декораціи пишетъ не онъ, а декораторъ. Савина вспылила, совершенно резонно заявивъ, что прежде, чѣмъ ставить на репертуаръ пьесу, надо справиться:—готовы-ли декораціи?.. На сторону Савиной сталъ Сазоновъ, за нимъ—другіе актеры... Въ воздухѣ чувствовалась гроза... Пришедшій на сцену П. М. Медвѣдевъ скоро успокоилъ Марію Гавриловну, вызвавъ художника А. С. Янова, который точно установилъ размѣры декорацій и далъ клятву, что къ завтрашнему утру все будетъ на мѣстѣ.

Наканунѣ генеральной репетиціи, поздно вечеромъ, я получилъ письмо отъ М. Г.

«Я больна, у меня расшалилась печень. На репетиціи быть не могу. Обливаюсь слезами. Докторъ запрещаетъ играть, но вы не волнуйтесь, авторъ. Во что-бы ни стало, я играть 13-го буду, хотя бы полуживая. М. Савина».

Получивъ это письмо, я не спалъ всю ночь. Пришелъ на генеральную репетицію разбитый нервно, полубольной.

Репетиція, безъ участія М. Г. прошла изъ рукъ вонъ плохо. Режиссеръ Евгеньевъ ходилъ по сценѣ, съ книжкой въ рукахъ, апатично подавая реплики за Савину. Никто изъ участвующихъ въ пьесѣ артистовъ, конечно, не могъ давать полного тона; обьигрѣ и говорить нечего. Я впалъ въ полное уныніе. Сазоновъ рвалъ на себѣ волосы. К. А. Варламовъ говорилъ:—«не даромъ я боюсь тринадцатаго числа... какая-нибудь пакость да случится, помяните мое слово..»

Къ счастью, предсказаніе Варламова не сбылось. Марія Гавриловна исполнила свое слово. Полубольная, она все же пріѣхала на спектакль. Передъ открытіемъ занавѣса, на клочкѣ бумажки, она прислала мнѣ съ курьеромъ въ режиссерскую записку: а дай вамъ Богъ успѣха... Волнуюсь за васъ и за себя».

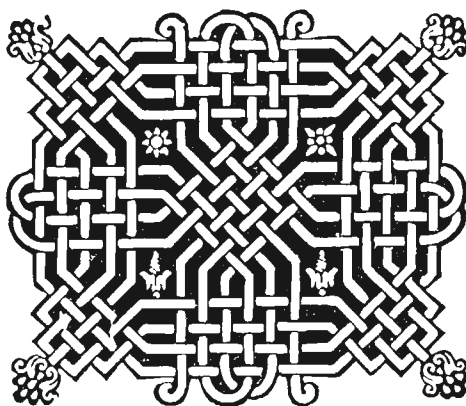
Въ первомъ актѣ Марія Гавриловна играла неувѣренно, волнуясь и нервно ведя свои сцены. Со второго акта Савина вошла въ роль. Нервы ея поднялись, голосъ окрѣпъ. Преодолѣвъ недомоганіе, она съ каждымъ своимъ выходомъ все ярче и сильнѣй изображала Аришу, создавъ жизненный, глубоко трогательный образъ.

Дружное, художественное исполненіе «Рабочей слободки»

такими талантливыми артистами, какъ Савина, Сазоновъ, Варламовъ, Стрѣльская, Читау, Шкаринъ и др., на фонѣ прекрасныхъ декораций А. С. Янова, создало пьесѣ прочный успѣхъ на сценѣ Александринскаго театра, гдѣ она шла въ продолженіе двухъ сезоновъ.

На этой свѣтлой страницѣ моихъ воспоминаній, я заканчиваю мой очеркъ о М. Г. Савиной, надѣясь снова вернуться къ описанію моего знакомства съ этой выдающейся русской артисткой и крайне интереснымъ, умнымъ и сердечнымъ человѣкомъ, съ которымъ меня связываетъ длинная, пестрая полоса впечатлѣній, рядъ свѣтлыхъ, радостныхъ и тяжелыхъ, горькихъ переживаній.

Евтихій Карповъ.

Записки Николая Александровича Качалова¹⁾,

III. Служба во флотъ.

Личная моя морская служба была самая заурядная и ничѣмъ особеннымъ не замѣчательная. Мнѣ хотѣлось бы только выяснитъ общій характеръ, направленіе и суть вообще морской службы того времени. Время морской моей службы вспоминается, какъ въ туманѣ, и поглощается позднѣйшими, болѣе важными и *сознательными* событіями жизни, говорю сознательными, потому что жизнь тогдашняго общества моряковъ составляла родъ какого-то монашескаго, или, правильнѣе сказать, рыцарскаго ордена, и очень мало имѣющаго сношеній съ остальнымъ обществомъ. Въ морѣ, конечно, мы были окружены только своимъ обществомъ; но, зимую по очереди въ Балтійскихъ портахъ, мы вращались постоянно въ томъ же морскомъ обществѣ. Свѣтскость не была свойственна морякамъ, и болѣе горячіе и съ морской репутаціей офицеры щеголяли тѣмъ, что избѣгали дамскаго общества и свѣтскихъ вообще сношеній, поэтому очень немногіе знакомились съ городскимъ обществомъ. Содержаніе было болѣе, чѣмъ скромное, и едва хватало на одного, и поэтому женитьбы были очень рѣдки. Обыкновенно женились по достиженіи штабъ-офицерскаго чина и командованія судномъ, но получаемыя тогда средства были едва достаточны на необходимыя домашніе расходы при самой расчетливой и скромной жизни.

На этомъ основаніи большинство моряковъ были холостяки, которые все время проводили въ кругу своихъ товарищей. Эта обстановка вырабатывала собственныя свои понятія объ отношеніяхъ къ службѣ, къ товарищамъ и къ обществу вообще, и основанія эти были частью оригинальны, но въ главнѣйшихъ частяхъ честны и благородны; повторяю, что это былъ какой-то рыцарскій, суровый орденъ!

Не только высшее морское начальство, но государь очень

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 5—6, 7—8.

часто посѣщалъ флотъ, и потому необходимо было содержать суда въ безукоризненной чистотѣ. Наша морская форма была несравненно сложнѣе настоящей: и мундиры и вице-мундиры были съ фалдочками. Погоновъ тогда не было, и постоянно ходили въ эполетахъ; кителей и пальто также не было. Кромѣ кивера и пуховой трехугольной шляпы, при плаваніи были клеенчатые шляпа и киверь. Въ табельные и царскіе дни не только вахтенные, но и всѣ офицеры должны были быть въ положенной на берегу формѣ; затѣмъ, при встрѣчѣ государя, форма была приноровлена къ формѣ, въ которую одѣтъ государь: такъ, ежели государь въ фуражкѣ, то одна форма, а въ шляпѣ, то другая, и такъ далѣе. Конечно сигнальщики не спускали глазъ съ Петергофа, и только что покажется царскій пароходъ, все было устремлено, чтобъ открыть, какъ одѣтъ государь? Наконецъ усмотрѣно, что онъ въ фуражкѣ, и всѣ бѣгутъ надѣвать надлежащую форму. Затѣмъ государь выходитъ на мостикъ парохода и надѣваетъ шляпу, и все бросается перемѣнять форму; обыкновенно всѣ формы должны быть готовы, и это передѣваніе до того надоѣдало, что мы съ радостью выходили въ море.

Въ связи съ формами, разскажу анекдотъ, касающійся моей личной формы. Покойный братъ, при выходѣ въ отставку, оставилъ мнѣ всю свою военную форму. Братъ былъ выше меня ростомъ и несравненно полнѣе, и конечно платье его было мнѣ широко. Мундиръ и вице-мундиръ съ фалдочками было неудобно передѣлывать, и такъ какъ даже въ морѣ, въ царскіе дни, предписывалось носить положенную на берегу форму, то я платье брата набилъ ватой и носилъ, какъ шубу, что на вахтѣ было чрезвычайно удобно, потому что шинели надѣвать не всегда позволялось. Сначала надъ моей фигурой трунили, но потомъ всѣ привыкли и даже мнѣ завидовали. Я, кажется, былъ уже лейтенантомъ и ревизоромъ на 84 пушечномъ кораблѣ Императрица Александра. Наша дивизія зимовала въ Кронштадтѣ и выходила на рейдъ для Высочайшаго смотра, и мы вышли изъ гавани ночью. Пароходы намъ не помогали, и мы всю ночь тащились завозами; наканунѣ вечеромъ только окончательно перебрались на корабль; вещи всѣ были разбросаны, каюты не разобраны, и мы, офицеры, работая цѣлую ночь и утро, едва около 2-хъ часовъ пополудни встали на свое мѣсто и оказались не мытыми, не бритыми и грязными. Это былъ какой-то царскій день, и всѣ должны были быть въ мундирахъ, и я щеголялъ въ мундирѣ Ивана Александровича, набитомъ ватой.

Въ этотъ же день въ Новомъ Адмиралтействѣ въ присутствіи государя, спускали новый 100 пушечный корабль—*Россія*.

Желали устроить спускъ торжественнѣе и потребовали съ эскадры всѣхъ свободныхъ офицеровъ, и съ нашего корабля уѣхалъ командиръ флигель-адъютантъ Моллеръ и всѣ молодые офицеры, а остались только одни рабочіе. По множеству портовыхъ работъ не успѣвали всего окончить къ выходу на рейдъ, и мы вывезли съ собою до 100 рабочихъ, которые, оканчивая спѣшно работы, производили шумъ и грязь невообразимую. Кн. Меншиковъ, по окончаніи спуска, желая осмотрѣть суда, на которыхъ полагалъ, что будетъ государь, на пароходѣ отправился въ Кронштадтъ и, прежде возвращенія нашего командира и офицеровъ, явился на нашъ корабль и нашелъ всѣ эти прелести, которыя стоитъ описать подробнѣе. Чтобы комическая картина была совершенно ясна, необходимо припомнить, что кн. Меншиковъ не переносилъ безобразныхъ наружностей и, какъ не морякъ, прямо поступившій главнымъ начальникомъ флота, всегда встрѣчалъ безукоризненный порядокъ на военныхъ судахъ и не допускалъ возможности и необходимости хотя временнаго безпорядка, а тѣмъ болѣе встрѣченнаго имъ положительнаго хаоса.

Когда онъ взошелъ на палубу корабля, его поразила общая грязь, разбросанныя снасти и вещи, стукъ множества мастеровыхъ. Затѣмъ, вмѣсто командира, его встрѣчаетъ старшій офицеръ—капитанъ-лейтенантъ Асташевъ, родной братъ извѣстнаго Сибирскаго золотопромышленника. Асташевъ былъ отличный морской офицеръ лазаревской школы, но фигуру имѣлъ очень непредставительную: онъ былъ маленькаго роста, очень тощъ, съ вострымъ носикомъ и пискливымъ голоскомъ, при чемъ держалъ голову на бокъ и отрапортовалъ Меншикову о благополучіи корабля грустнымъ тономъ, и Меншиковъ сильно поморщился. За нимъ выступаетъ вахтенный начальникъ лейтенантъ Кузминъ, крупный брюнетъ, серьезный, всегда нахмуренный, съ большой курчавой головой, на которой былъ надѣтъ безобразный, гречневиномъ, нашъ клеенчатый киверъ; Кузминъ отрапортовалъ мрачнымъ замогильнымъ басомъ; Меншиковъ въ ужасѣ началъ пожимать плечами. Вы вѣроятно французъ, спросилъ онъ Кузмина?

— Кажется нѣтъ, мрачно отвѣчалъ тотъ, такъ какъ я родился въ Вологодской губерніи. Затѣмъ Меншиковъ обратился къ фронту оставшихся на кораблѣ офицеровъ: первымъ оказался лейтенантъ Ооминъ, высокій, сухощавый и весьма некрасивый господинъ; Меншиковъ, пораженный и его наружностью, могъ только спросить: откуда вы?—изъ Севастополя, отвѣчалъ Ооминъ, и Меншиковъ, махнувъ рукой, перешелъ къ слѣдующему, и этотъ слѣдующій былъ вашъ покорнѣйшій слуга. Вообразите

сами мою фигуру, въ мундирѣ брата, набитомъ ватой! Я вполнѣ чувствовалъ, до чего я былъ уморителенъ, и самъ насилу, насилу удерживался, чтобы не расхохотаться. Меньшиковъ долго меня разсматривалъ, наконецъ сказалъ: совѣтую вамъ, г. Качаловъ, перемѣнить вашего портного. Послѣднимъ стоялъ штурманскій штабсъ-капитанъ, (фамилію его позабылъ), старикъ и притомъ кривой, и Меньшиковъ, отчаяннымъ уже голосомъ, спросилъ его: ты откуда?—Изъ Камчатки, Ваша Свѣтлость, отвѣчалъ старикъ, и это была послѣдняя капля, истощившая терпѣніе Меньшикова, который замахалъ руками и поспѣшно уѣхалъ на свой пароходъ.

Вскорѣ возвратились изъ Петербурга нашъ командиръ и офицеры, и мы передали наше представленіе, что заставило насъ всѣхъ отъ души похотеть. Моллеръ поѣхалъ на пароходѣ къ Меньшикову, который встрѣтилъ вопросомъ, гдѣ онъ набралъ со всего свѣта такихъ уродовъ,—тутъ была одна человѣческая наружность, но и та была одѣта, чортъ знаетъ какъ... Я думалъ просить императрицу посѣтить корабль ея имени, но собраніе такихъ уродовъ можетъ ее перепугать. Моллеръ объяснилъ причину нашего неудачнаго представленія и просилъ князя посѣтить корабль на другой день, что было исполнено: все оказалось въ порядкѣ, и императрица была во время Высочайшаго смотра на нашемъ кораблѣ. Флотъ въ полномъ составѣ стоялъ довольно долго на Кронштадтскомъ рейдѣ.

Государь Николай Павловичъ любилъ флотъ, часто его посѣщалъ и привозилъ иностранцевъ: и его тѣшила такая значительная морская сила, и сила эта производила должное впечатлѣніе на иностранцевъ. Вѣроятно въ этихъ видахъ государь очень интересовался, чтобы составъ флота для смотра былъ полнѣе, и смотръ назначался во время пріѣзда иностранныхъ государей.

При пріѣздѣ и отъѣздѣ иностранныхъ государей производились церемоніи съ салютами и прочими морскими любезностями, но я помню одну непонятную церемонію при проводахъ прусскаго корабля. Король отправился изъ Петергофа поздно вечеромъ, когда было уже темновато. Весь флотъ былъ въ полномъ сборѣ и вытянутъ до Толбухина маяка. При проходѣ царскаго парохода вдоль всего борта судовъ были зажжены фальшвееры, и когда пароходъ миновалъ послѣдній корабль, то по ракетамъ было сдѣлано со всего флота три залпа черезъ орудія: процессія вышла чисто похоронная! Можно вообразить громъ отъ залповъ изъ такого множества большихъ орудій, въ которомъ, кажется, участвовали всѣ крѣпости. Въ Кронштадтѣ дрожали стѣны

домовъ, перебито много стеколъ, и такъ какъ жители не были предупреждены, то много барынь сильно перепугались.

На рейдѣ ежедневно производились разнородныя ученія, и потому эти стоянки были не безполезны. Флотъ состоялъ исключительно изъ парусныхъ судовъ и съ эскадрами не плавало ни одного парового судна, а обязанности разсыльныхъ исполняли мелкія парусныя суда; до 1845 г., выхода моего въ отставку, у насъ не было ни одного винтового парового судна.

Вообще въ это время не было помощи отъ приспособленій механическихъ, и вся тяжесть лежала на мускульной силѣ бѣдныхъ матросиковъ, и нужно удивляться тому, что они выносили. Достаточно упомянуть, что когда разгружались, то команды на себѣ перевозили и переносили всѣ тяжести и принадлежности вооруженія для храненія на зиму въ магазины, находящіеся довольно далеко отъ гавани, а весной все это доставляли на корабль.

Положеніе матросовъ во время плаванія было удовлетворительно, потому что выдававшаяся имъ морская провизія была достаточна, и люди были сыты; но зимою положительно голодали, такъ какъ получали только одинъ сухопутный провіантъ. Во время плаванія занимались только однимъ морскимъ дѣломъ и строго наблюдали за состояніемъ здоровья командъ, и оно было удовлетворительнѣе зимняго. Комплектъ командъ рассчитывался по числу орудій, и потому людей было много и тѣсно. При малѣйшемъ невниманіи, чтобы матросы не ходили въ мокромъ платьѣ, а тѣмъ болѣе не спали, и вообще отъ неопрятности или отъ неумѣлыхъ распоряженій, отъ истощенія командъ, появлялась цынга и иногда развивалась въ значительныхъ размѣрахъ. Подобное положеніе всегда случалось у плохихъ командировъ и влекло за собою смѣну отъ командованія судномъ. Хорошій командиръ имѣлъ возможность сохранить свою команду.

Цынга иногда появлялась и на хорошихъ судахъ и безъ вины командировъ. Я выше объяснилъ, что дивизіи плавали въ Балтійскѣ морѣ непрерывно по 2 мѣсяца и случалось, что тѣ это время была сырая и холодная погода, почему и въ палубахъ было сыро и холодно. Казенная одежда матросовъ была совершенно недостаточна: давали только куртки, мундиры и шинели, но никакой фуфайки и ничего теплаго. Вода прѣсная хранилась въ деревянныхъ бочкахъ, лѣтомъ цвѣла и портилась, такъ что пить ее можно было только, затыкая носъ, — очистительныхъ аппаратовъ не было. Люди были сыты, но ѣли солонину, а свѣжаго мяса и зелени не видѣли въ продолженіе всего крейсерства, такъ какъ привозить на эскадру было не на чемъ. Наконецъ и скука долгаго

плаванія надоѣдала людямъ. Вообще, къ концу крейсерства скука господствовала какъ между офицерами, такъ и командами, и служебная энергія поддерживалась единственно строгостью морской дисциплины; но были суда, на которыхъ больныхъ было много и которыхъ невозможно было долѣе держать въ плаваніи. На этотъ случай существовалъ особый сигналъ: такому-то кораблю отправиться въ такой-то портъ, освѣжить команду.

Освѣженіе состояло въ слѣдующемъ: являлась свѣжая вода вмѣсто гнилой, печеный хлѣбъ вмѣсто сухарей и свѣжее мясо вмѣсто солонины и затѣмъ зелень, состоящая изъ луку и свекольной травы. Потомъ по очереди отпускали всю команду на берегъ, гдѣ матросики ходили въ баню, повидались съ прекраснымъ поломъ, потомъ напивались и дрались, и вся программа освѣженія выполнялась съ полнымъ успѣхомъ. По прошествіи 3—4 дней, по приходѣ въ портъ, команду узнать нельзя, хотя у большинства подбиты фізіономіи, но всѣ здоровы, довольны и веселы. Почти всегда отъ морского довольствія у матросовъ оставались остатки, или такъ называемая заслуга, которая выдавалась деньгами по казенной цѣнѣ невыбранныхъ матеріаловъ; деньги эти частью поступали въ артель на улучшеніе зимой пищи, а частью выдавались матросамъ на руки; которые же не пили положенной ежедневно чарки водки, то деньги выдавали непременно на руки.

Я помню, что многіе офицеры злоупотребляли своимъ правомъ безконтрольно наказывать нижнихъ чиновъ, но я не помню ни одного случая, чтобы командиръ или офицеръ отнялъ въ свою пользу копейку у матроса, и ежели бы такой оказался, то его покрыло бы общее презрѣніе товарищей. Цивилизація идетъ параллельно съ мошенничествомъ; такъ, съ развитіемъ парового флота, появились командиры, наживавшіе деньги на каменномъ углѣ, увеличивая по журналу число часовъ подъ парами, и также при покупкѣ угля за границей. Въ мое время, какъ командиры, такъ и офицеры отъ судовъ и командъ не имѣли ни копейки доходовъ. Всѣ заготовки, подряды и работы находились въ распоряженіи департаментовъ и разныхъ хозяйственныхъ управленій, гдѣ дѣла обдѣлывались обычнымъ тогда порядкомъ, и наживались хорошія деньги; но я подтверждаю безупречную честность строевыхъ чиновъ флота.

Содержаніе наше было почти невозможное, а сравнительно съ настоящими цѣнами—нищенское. Мичманъ получалъ въ годъ 600 руб. ассигнаціями, лейтенантъ—1050 руб. асс., капитанъ-лейтенантъ—1200 руб., капитанъ 1-го ранга, командиръ корабля, прослужившій не менѣе 40 лѣтъ—1800 руб. асс.—Кромѣ того жалованье выдавалось по третямъ, 3 раза въ годъ и по истеченіи

каждой трети. Я помню, что первый годъ съ меня вычли 220 руб. за обмундировку и за какія-то потерянные корпусныя вещи; вѣроятно столько же вычли и съ другихъ товарищей. Я имѣлъ небольшую поддержку изъ дома и кое-какъ прожилъ, но большинство товарищей не имѣло своихъ средствъ, и я не понимаю, какъ они бѣдные перебивались?! При этомъ нужно замѣтить, что требовалось одѣваться чистенько, а форма была дорогая и весьма сложная. Мундиръ съ шитымъ воротникомъ, вицъ-мундиръ, сюртукъ, постоянно носили эполеты. Я помню, что офицеръ, у котораго была шинель съ бобровымъ воротникомъ или часы, обращалъ на себя вниманіе, какъ человѣкъ достаточный.

На берегу большинство, въ томъ числѣ и я, кушали щи и кашу. Я помню, что въ Кронштадтѣ открылась новая англійская гостиница «Стюартъ», гдѣ обѣдъ за табль-дотомъ стоилъ 50 коп. ассигнаціями, а чай по-англійски, съ массой зелени и всевозможныхъ мясъ—стоилъ 1 руб. ассигнаціями, но я могъ лакомиться тамъ только по большимъ праздникамъ. Ставить на столъ ежедневно бутылку историческаго адмиральскаго напитка—*тенерифу*, допускалось только въ чинѣ контръ-адмирала. И въ мое время требовалось, чтобы командиры судовъ приглашали обѣдать ежедневно офицеровъ, стоявшихъ на вахтѣ до полудня, а въ праздники всѣхъ офицеровъ; для этого выдавались, съ поднятиемъ флага, столовые, но какіе? Командиру корабля 1500 руб. асс. и болѣе никому изъ низшихъ офицеровъ. Можно вообразить, какъ нуждались даже холостые офицеры, что же терпѣли семейные! и при такой-то нуждѣ были честны!

Можно съ увѣренностью сказать, что не будь ежегоднаго плаванія, мы бы всѣ умерли съ голода. Во время плаванія квартира и столъ были казенные, и это продолжалось 4 мѣсяца минимумъ; оставался расходъ на чай и табакъ, и ежели на это имѣлось 50 руб. ассигнаціями, то офицеръ на 4 мѣсяца былъ обезпеченъ. Въ продолженіе кампаніи уплачивались долгишки и скоплялась сумма на обмундировку.

Во время плаванія на столъ офицерамъ отпускались порціонныя деньги. Еще Петръ Великій, собственнымъ опытомъ, опредѣлилъ размѣръ, какъ офицерской, такъ и матросской *морской порціи* и опредѣлилъ не деньгами, а провизіей. Для этого, онъ цѣлый мѣсяцъ ѣлъ офицерскій столъ и мѣсяцъ—матросскій и опредѣлилъ, сколько на каждую порцію употребилось какой именно провизіи. Положеніе это существовало и въ мое время и приходилось, по существующимъ цѣнамъ, опредѣлить стоимость потребной въ мѣсяцъ провизіи, и являлся итогъ денегъ—слѣдующихъ къ назначенію мѣсячныхъ порціоновъ. Петровское положеніе

было опредѣлено правильно, и потому, какъ офицерская, такъ и матросская порціи были совершенно достаточны. Порціонныя деньги на руки офицерамъ не выдавались, а поступали избранному, такъ называемому содержателю каютъ-компаній, офицеру, и мы были сыты.

Морское общество вращалось почти исключительно въ своемъ кругу, и, нужно отдать справедливость, начальство заботилось устройствомъ полезныхъ общественныхъ развлеченій, и главнѣйшими изъ нихъ были библіотека и клубъ, въ особенности первая, пріучавшая офицеровъ къ чтенію и обращающая праздное время изъ вреднаго въ полезное. Я не помню, когда открыта Кронштадтская библіотека, но я засталъ ее весьма значительною, занимавшею нѣсколько большихъ комнатъ и имѣвшею всѣ лучшія сочиненія на всѣхъ главнѣйшихъ языкахъ. Первоначально на устройство этой библіотеки государь Николай Павловичъ пожаловалъ 100.000 руб., конечно ассигнаціями; потомъ вычитали со всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ изъ жалованья и, сколько я помню, съ мичмана около 6 руб. въ годъ, что при тогдѣшнемъ большомъ составѣ чиновъ флота, составляло большую сумму. Такими средствами библіотека пользуется около 60-ти лѣтъ и она должна теперь принадлежать къ одной изъ богатѣйшихъ въ Россіи.

Семейные офицеры не могли много принимать гостей: богатыхъ частныхъ семействъ было мало, купечество жило въ своемъ замкнутомъ кругу, и потому только небольшая часть офицеровъ могли пользоваться знакомствомъ въ семейныхъ домахъ, и этотъ недостатокъ пополняли клубъ. Къ клубу были всѣ газеты, билліарды и буфетъ, который впрочемъ торговалъ плохо. Какъ развлеченіе, каждый считалъ своею обязанностью послѣ исполненія зимнихъ несложныхъ обязанностей, зайти въ библіотеку переменить книги и потомъ спуститься этажемъ ниже въ клубъ, гдѣ прочтемъ газеты, всѣхъ повидаемъ, услышимъ всѣ новости, а охотники сыграютъ на билліардѣ, и все это раздѣляло день и служило безвреднымъ развлеченіемъ. Каждое воскресенье и большой праздникъ въ клубѣ были балы, на которые постоянно пріѣзжало все дамское общество, и балы эти были многолюдны, оживленны и вполне приличны.—Нарядами не щеголяли, жены начальниковъ наблюдали, чтобы не допускалось роскоши, подавали сами примѣръ, и потому этимъ удовольствіемъ могли пользоваться члены небогатыхъ семействъ.—Наконецъ и мы всѣ, не посѣщавшіе семейныхъ домовъ, освѣжались на этихъ балахъ, находясь въ средѣ общества женщинъ.

Въ то время существовало крѣпостное право, 25-ти лѣтній

срокъ службы, и не было общей воинской повинности. Эти обстоятельства, въ отношеніи морской службы, имѣли хорошія и дурныя стороны. При 25-лѣтнемъ срокѣ службы, вырабатывались великолѣпные боцмана, унтеръ-офицеры, рулевые, марсовые, и при такелажныхъ работахъ настоящіе артисты, а также гребцы и мастеровые всевозможныхъ ремеслъ, и не было дѣла, на которое не нашлось бы въ командѣ искуснаго мастера. Это была хорошая сторона, т.-е. выгодная для службы, прежняго порядка отправленія воинской повинности, но, кромѣ общей несправедливости, она имѣла дурную служебную сторону. Въ рекруты принимали отъ 20 до 35-лѣтняго возраста, большинство рекрутъ доставляло крѣпостное сословіе и, само собою разумѣется, что помѣщики сбывали самую дрянъ. Не говоря уже о томъ, что поступало много порочныхъ и неспособныхъ въ умственномъ отношеніи рекрутъ, но большинство было старѣе 30 лѣтъ, и имъ тяжело было привыкать къ совершенно новой жизни. Рекрута заставляли стоять, ходить, пить, ѣсть и вообще жить по новому, а окрѣпшіе члены не гнулись и не слушались; между тѣмъ, его били, и потому смертность была большая, и умирали *не отъ тягостей службы*, а при *приготовленіи къ службѣ*. Съ самаго пріема въ рекруты и по крайней мѣрѣ, въ теченіе года, рекрутъ не могъ притти въ себя и двигался какъ автоматъ, и ежели не умиралъ, то понемногу начиналъ привыкать. Было тяжело положеніе чисто русскихъ рекрутъ, но положеніе чухонъ, латышей, евреевъ, татаръ, поляковъ, особенно первыхъ, по незнанію языка и различію нравовъ и обычаевъ, было еще тяжелѣе. Лучшихъ людей выбирали въ гвардію, въ гренадерскій корпусъ, а во флотъ поступали худшихъ физическихъ качествъ; умственные качества не принимались въ расчетъ. По этому порядку было много горя, какъ рекрутамъ, такъ и начальству, пока не пріучали ихъ къ дѣлу;—въ теченіе перваго цѣлаго года новобранцевъ считали рекрутами.

Слѣдуетъ сказать, что прежняя воинская повинность была не только несправедливая, но положительно варварская! Поступающіе въ рекруты какъ бы умирали для своего семейства, общества и родины. Собственно для этого, рекрутъ никогда не помѣщали въ войска по близости родины, но непременно какъ можно дальше, и весьма часто, съ одного конца Россіи на другой. Рекрутъ, по безграмотности, не могъ даже увѣдомить своихъ родныхъ, гдѣ онъ служить и обыкновенно прерывалъ съ родиной всѣ сношенія и, ежели выживалъ, то чрезъ 25 лѣтъ приходилъ домой и не находилъ никого въ живыхъ, и его самого едва вспоминали уцѣлѣвшіе старики. Этой системой образовали военную касту, стоящую особнякомъ отъ семействъ и общества, не имѣю-

щую съ нимъ никакихъ интересовъ, и даже нѣсколько враждебную, такъ какъ при скудости содержанія, солдатъ на постоѣ считалъ своимъ правомъ эксплуатировать хозяина, а тотъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на него какъ на непріятеля. Подобное устройство создало громадную силу въ рукахъ правительства, но сила эта была уродливая и варварская, по цѣли и существу. Несчастные солдаты, какъ сами, такъ и ихъ сыновья, прижитые въ солдатскомъ званіи, и все ихъ потомство обязаны были служить въ военной службѣ, подъ названіемъ кантонистовъ. До 18-ти лѣтняго возраста, родители обязаны были содержать своихъ дѣтей кантонистовъ и на нихъ отпускался провіантъ, такъ называемый паекъ, а въ 18 л. ихъ помѣщали въ батальоны военныхъ кантонистовъ и потомъ въ карабинерные батальоны, въ которыхъ господствовало самое суровое воспитаніе и жестокое обращеніе. Командирами этихъ батальоновъ назначали самыхъ завзятыхъ фронтовиковъ. Кантонистъ, зная, что въ 18 лѣтъ онъ попадетъ въ эти милые батальоны, гулялъ пока на свободѣ, пьянствовалъ и утѣшался по своему разумѣнію, но къ 18 годамъ, это были уже положительные негодяи. Въ батальонахъ ихъ усмиряли, но порядочныхъ служивыхъ изъ нихъ не выходило. Евреи бѣжали отъ рекрутства за границу, и за это брали 2-хъ малолѣтковъ, вмѣсто одного бѣжавшаго взрослого и помѣщали ихъ въ тѣ же батальоны, и еврейчики мерли, какъ мухи. Вообще, тогдашняя каста военныхъ нижнихъ чиновъ была какая-то проклятая и предназначенная со всѣмъ потомствомъ на вѣковѣчныя страданья. Цѣлью этихъ узаконеній было то, чтобы комплектовать войска кантонистами и по возможности меньше брать рекрутъ изъ крестьянъ и тѣмъ не ослаблять производителей земли. Графъ Аракчеевъ, преслѣдуя ту же цѣль, съ страшными пожертвованіями людьми и деньгами, устроилъ военные поселенья. Но это не принялось, и страшныхъ безчеловѣчныхъ трудовъ гр. Аракчеева не осталось и слѣда, а осталось только о немъ преданіе, какъ о безсердечномъ зломъ чловѣкѣ. Введеніемъ общей воинской повинности, назначеніемъ краткаго срока службы, уничтоженіемъ сословія кантонистовъ, тѣлесныхъ наказаній и вообще варварскаго обращенія съ солдатами, покойный императоръ Александръ II заслужилъ дорогую для своего имени страницу въ исторіи.

Во время плаванья матроса кормили сыто, занимали только морскими занятіями, при чемъ строго наблюдалось, чтобы труды соразмѣрялись съ силами команды, и потому состояніе здоровья командъ было удовлетворительно, а особенно команды смотрѣли молодцами во время дальняго кругосвѣтнаго плаванія. Плаванія эти были рѣдки; посылалось одно, конечно парусное, судно

въ годъ, и попасть въ такое плаваніе составляло большое счастье и было доступно только имѣющимъ большую протекцію. На берегу положеніе командъ было крайне тяжелое; жизнь въ казармахъ вообще нехорошо отзывается на нижнихъ чинахъ. Въ сухопутныхъ войскахъ замѣчено, что люди поправляются при переходѣ нижнихъ чиновъ изъ хорошо устроенныхъ казармъ на постой въ плохія крестьянскія избы. На продовольствіе матросовъ отпускался только сухопутный провіантъ, т.-е. мука и крупа, а на приварокъ ничего. Отъ сухопутнаго провіанта оставалась небольшая экономія, къ ней присоединялась экономія отъ морского довольствія, и наконецъ производился вычетъ изъ нищенскаго копеечнаго жалованья матросовъ, и все это шло на приварокъ, который былъ все-таки неудовлетворителенъ, мало питателенъ и ослаблялъ силы командъ. Съ другой стороны, занятій было много. По окончаніи кампаніи разоружались суда, и команды на себѣ должны были перевозить все въ магазины. Требовалось серьезное знанье фронта, и потому ежедневно производились ученья фронту. Матросы содержали всѣ караулы и конвоировали на работахъ арестантовъ, которыхъ въ портахъ было всегда много, и этотъ нарядъ занималъ значительную часть матросовъ. Обучали людей прицѣльной стрѣльбѣ изъ ружей и пушекъ; производились: разводы, парады и инспекторскіе смотры. По скромности, вообще, морского бюджета, не хватало денегъ на наемъ вольныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, и матросики дополняли этотъ недостатокъ; каждый день отдавался приказъ о назначеніи изъ экипажа извѣстнаго числа людей въ такъ называемыя вяловыя портовые работы. Одежда отпускалась недостаточная, и, слава Богу, что на работахъ не требовалось отъ матроса соблюденія формы, каждый носилъ, что у него было старого, и въ этихъ костюмахъ встрѣченная толпа матросовъ мало походила на военныхъ людей.

По положенію требовалось, чтобы офицеры постоянно выходили изъ дома при саблѣ и въ трехугольной шляпѣ; много разъ принимались вводить этотъ порядокъ, но онъ не принялся, и ходили всѣ безъ сабель и въ фуражкахъ. Во всѣхъ портахъ были подчиненные главнымъ командирамъ изъ военныхъ генераловъ коменданты, на которыхъ возложены были обязанности наблюденія за караулами и, вообще, военно-полицейскою частью. За крѣпостями и фортами наблюдали отдѣльные коменданты, и я не помню, были ли они подчинены Кронштадтскому, но въ отношеніи насъ Кронштадтскій комендантъ находился, какъ Петербургскій дворцовый комендантъ къ петербургскимъ войскамъ.

При мнѣ былъ назначенъ комендантомъ генераль-лейтенантъ Бурмейстеръ, старый, но еще бравый и ретивый служивый, и

сразу потребовалъ исполненія формы. Начались нарушенія формы, и виновными постоянно наполнены были всѣ гауптвахты. Такъ шло это дѣло года два, и Бурмейстеръ не получилъ никакой награды. Комендантъ болѣе другихъ сошелся съ моимъ командиромъ Николаемъ Петровичемъ Епанчинымъ и, въ дружеской бесѣдѣ съ нимъ, сѣтовалъ, что онъ старается изъ всѣхъ силъ, а не можетъ угодить морскому начальству и просилъ совѣта. — *Не старайтесь*, посоветовалъ ему Епанчинъ, и дѣло ваше пойдетъ хорошо. Вы строго относитесь къ карауламъ, къ формѣ, сажаете массу офицеровъ на гауптвахту, и имѣете на это право, но офицеры эти нужны помимо караульной службы, морская служба терпитъ, что начальству не можетъ быть пріятно. Бурмейстеръ уразумѣлъ разумный совѣтъ, сразу бросилъ свою ретивость, гауптвахты опустѣли, всѣ начали ходить въ фуражкахъ, а комендантъ къ первому празднику получилъ хорошую награду.

По случаю формы, я припоминаю слѣдующій анекдотъ: во время Рождественскихъ праздниковъ у П. М. Рожнова былъ назначенъ маскарадъ, на который былъ приглашенъ и молодой мичманъ, кажется Одинцевъ; молодой человѣкъ приготовилъ костюмъ полишинеля съ колокольчиками и бубенчиками и съ нетерпѣніемъ ожидалъ маскарада, предполагая поплясать и повеселиться всласть. Вдругъ наканунѣ поражаетъ его приказъ, что онъ въ день маскарада назначается въ караулъ на одну изъ гауптвахтъ, не помню какую; можно вообразить отчаянье юноши! Замѣняющаго себя онъ не могъ отыскать и, дѣлать нечего, долженъ былъ вступить въ караулъ, но для нѣкотораго утѣшенія взялъ съ собой и маскарадный костюмъ. Съ приближеніемъ вечера, волненіе юноши все усиливалось, и когда наступилъ моментъ начала маскарада, и представилась вся картина происходившихъ тамъ удовольствій, то молодой человѣкъ не могъ болѣе выдержать, сбросилъ мундиръ, надѣлъ костюмъ и, передавъ караулъ унтеръ-офицеру, укатилъ въ маскарадъ. На этомъ праздникѣ былъ и комендантъ, который уѣзжалъ, какъ старикъ, не дожидая конца вечера, и молодой человѣкъ зорко наблюдалъ время его отъѣзда, такъ какъ комендантъ долженъ былъ возвращаться домой мимо его гауптвахты и, по тогдашнимъ правиламъ, начальству караулы должны были выходить въ ружье, даже ночью; коменданта невозможно было пропустить и отговориться, что не узнали, потому что онъ былъ единственный человѣкъ, у котораго была шляпа съ бѣлыми перьями. Къ несчастью юноша нѣсколько опоздалъ и прискакалъ на гауптвахту за нѣсколько минутъ до проѣзда коменданта. Можно вообразить волненіе молодого человѣка! онъ слышитъ колокольчикъ часового о вызовѣ караула, окончательно поте-

рялся и выскочилъ на платформу въ костюмъ полишинеля и всталъ на мѣсто караульнаго офицера. Ежели бы офицеръ вовсе не вышелъ, то комендантъ проѣхалъ бы мимо, не обративъ вниманія, по костюмъ, освѣщенный фонаремъ, заставилъ коменданта остановиться, подойти и съ величайшимъ удивленіемъ спросить унтеръ-офицера: «кто это такой?» Послѣ отвѣта, что это караульный офицеръ, онъ позвалъ его въ караульный и, получивъ откровенное объясненіе юноши, уѣхалъ въ недоумѣніи, какъ поступить въ этомъ смѣшномъ обстоятельстве. Я не помню, какъ наказали шалуна, но только домашнимъ способомъ и не придавая законнаго характера.

Въ этомъ же родѣ я припоминаю другой анекдотъ. Въ 1838 г., осенью, нашъ 11-й экипажъ была назначенъ зимовать и провести часть лѣта 1839 г. въ Петербургѣ. Экипажъ помѣщался въ Крюковскихъ казармахъ, тогда еще не передѣланныхъ по настоящему, а командиръ имѣлъ квартиру казенную, на такъ называемомъ, Полковомъ дворѣ; это была морская казарма на томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ теперь дворецъ в. к. Николая Николаевича Старшаго. Когда устроена была квартира Епанчина, то онъ приказалъ товарищу моему Александру Алексѣвичу Зеленому, бывшему впоследствии генераль-адъютантомъ и министромъ государственн. имуществъ, на другой день, перенести съ должной церемоніей экипажное знамя изъ Крюковскихъ казармъ на квартиру Епанчина. Зеленый, по совѣщаніи съ знаменщикомъ боцманомъ, нашли, что не стоитъ беспокоить цѣлый взводъ для перенесенія знамени на такое большое разстояніе, и въ 5 часовъ утра потащили знамя вдвоемъ. На ихъ бѣду в. кн. Михаилъ Павловичъ, весьма часто посѣщавшій разныя казармы, въ это утро былъ въ Конногвардейскихъ казармахъ и встрѣтилъ эту оригинальную процессію. Само собою—великій князь былъ пораженъ такими путешественниками, такъ какъ въ это время даже нарушеніе формы одежды считалось почти преступленіемъ, и Михаилъ Павловичъ, бывшій въ сущности добрѣйшимъ человекомъ, для поддержанія дисциплины разыгрывалъ роль почти фанатика всѣхъ военныхъ формальностей и конечно былъ пораженъ, что священное знамя тащить, какъ дрова. Зеленый и боцманъ были въ полной формѣ, также узнали великаго князя, полумертвые отъ страха остановились на тротуарѣ и отсалютовали подошедшему Михаилу Павловичу—Зеленый саблей, а знаменщикъ—знаменемъ. На вопросъ великаго князя, что они тутъ дѣлаютъ, Зеленый съ откровенностью доложилъ причины такого скромнаго переноса знамени и закончилъ свой докладъ просьбой—сдѣлать съ нимъ, что ему угодно, но только не говорить экипажному командиру; просьба

эта была ребяческая, но она спасла Зеленаго. Михайлъ Павловичъ покричалъ, прогналъ Зеленаго обратно въ казармы, но съ его стороны другихъ взысканій не было, со стороны же Епанчина взысканіе ограничилось выговоромъ. Михайлу Павловичу чрезвычайно понравились слова Зеленаго. По возвращеніи во дворецъ, онъ собралъ всѣхъ Полковыхъ командировъ, разсказалъ случай Зеленаго и объяснилъ, что Зеленый узналъ его, понималъ свой проступокъ, но не испугался великаго князя, а умолялъ только не говорить ближайшему начальнику—экипажному командиру, и вотъ, по его мнѣнію, истинная дисциплина!

Разводы съ церемоніей, зимой въ Михайловскомъ манежѣ, а весной на площади Инженернаго Замка, были очень часты, и нашъ экипажъ долженъ былъ посылать одинъ взводъ изъ 48 чловѣкъ съ парадирующими офицерами и съ адъютантомъ для паролія. По приходѣ въ Петербургъ выбрали 60 лучшихъ матросовъ, обмундировали ихъ, наняли гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ и сформировали порядочный взводъ; старые офицеры плохо знали фронтъ и назначали насъ, молодежь, полагая, что мы, какъ недавно выпущенные, должны хорошо знать свое дѣло.

Между тѣмъ насъ не учили офицерскимъ обязанностямъ фронта, и мы ихъ знали не лучше стариковъ. Исправный взводъ нашъ парадировалъ благополучно около мѣсяца. Государь былъ доволенъ, но однажды, собирая по окончаніи развода отдѣльныхъ начальниковъ для замѣчаній, сказалъ Епанчину: «Твой взводъ удовлетворителенъ, но, мнѣ кажется, я вижу однѣ и тѣ же фізіономіи?» Епанчинъ отвѣчалъ, что онъ успѣлъ сформировать пока только 2 взвода,—одинъ—блондиновъ, и одинъ—брюнетовъ. Государь разсмѣялся и сказалъ: «Я удивляюсь, какъ ты можешь дѣлать этотъ раздѣлъ въ однообразныхъ смоляныхъ рожахъ матросиковъ!» и Епанчинъ отвѣчалъ, что это пріобрѣтается долговременною практикою.

Въ первый разъ, когда нашъ взводъ участвовалъ въ разводѣ, командовалъ имъ тотъ же Зеленый. Къ несчастью, передъ взводомъ былъ нашъ барабанщикъ, и онъ надѣлалъ большой кутерьмы. При проходѣ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, барабанщикъ спросилъ Зеленаго, слѣдуетъ ли бить походъ; Зеленый на ходу спросилъ объ этомъ же Епанчина, который на правомъ флангѣ, попавъ въ ногу и обращая все свое вниманіе, чтобы не сбиться, тоже не зналъ, какъ разрѣшить вопросъ и отвѣчалъ, что «теперь не время спрашивать и учиться, а извольте дѣйствовать по уставу, и ежели напутаете, то подъ арестъ»; на это Зеленый отвѣтилъ, что честь лучше безчестья и разрѣшилъ барабанщику бить походъ.

Можно вообразить, какой произвело это скандалъ: комендантъ, плацъ-майоръ, плацъ-адъютанты, съ блѣдными испуганными лицами, налетѣли на насъ и остановили не подлежащую музыку, а Зеленаго отправили на гауптвахту.

Одно время зимоваль экипажъ изъ дивизіи извѣстнаго адмирала Петра Ивановича Рикорда, который пріѣхалъ изъ Кронштадта въ Петербургъ и пожелалъ присутствовать при разводѣ. По окончаніи развода онъ обратился къ бывшему за экипажнаго командира капитанъ-лейтенанту Князеву съ предложеніемъ отправиться въ Штыковый залъ, бывший во дворцѣ Михаила Павловича. При разводахъ всегда участвовали иностранные послы и посланники, и государь не желалъ при нихъ высказывать слабыхъ сторонъ нашего войска и потому отдѣльные начальники, послѣ развода, собирались въ этомъ Штыковомъ залѣ, гдѣ государь, не стѣсняясь, высказывалъ свои замѣчанія. Моряковъ въ этотъ залъ не приглашали, и Рикордъ пожелалъ посѣтить его, какъ любитель. Князевъ, какъ болѣе опытный, совѣтовалъ Рикорду не ходить въ это опасное мѣсто, такъ какъ, видимо государь былъ недоволенъ вообще разводомъ и морсками въ особенности, и не лучше ли не показываться, а то можетъ быть бѣда; но Рикордъ настоялъ на своемъ, и онъ съ Князевымъ отправились въ злополучный Штыковый залъ. Государь былъ очень сердитъ, разнесъ всѣхъ сухопутныхъ начальниковъ и наконецъ увидѣлъ и нашихъ моряковъ.—«А», вскрикнулъ государь, «и вы здѣсь, очень радъ!» Затѣмъ посыпались обвиненія на неисправность морского взвода. Рикорду слѣдовало молчать, и тѣмъ дѣло бы и окончилось, но онъ, кланяясь, сказалъ, что постарается исправиться. Это окончательно взорвало государя, который напустился на Рикорда.—«Какъ», кричалъ государь, «ты тогда только будешь стараться, когда я тебя лично побраню, а не постоянно по присягѣ», и проч. и проч. Закончилъ же свой выговоръ государь приказаніемъ отправить Князева на гауптвахту. По отѣздѣ государя Князевъ спросилъ Рикорда: «понравился-ли ему Штыковый Залъ?» тотъ обнялъ Князева, извинялся и, замахавъ руками, уѣхалъ. Онъ конечно никогда болѣе не посѣщалъ этого опаснаго мѣста. Этотъ анекдотъ мнѣ рассказывалъ самъ покойный Князевъ, бывший впослѣдствіи нашимъ командиромъ 11-го Экипажа.

Во время этой же зимовки, былъ пожаръ Зимняго Дворца (1837 г.), котораго я былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣятелемъ. Въ началѣ 8-го часа вечера я проѣзжалъ мимо дворца и у главныхъ дворцовыхъ запертыхъ воротъ увидѣлъ стоящую пожарную команду и полицію. Я остановился и спросилъ, что они тутъ дѣлають? и полицейскіе мнѣ отвѣтили, что вся царская фамилія въ

театръ, внутри что-то горить, а дворцовая полиція не впускаетъ городскую полицію и пожарную команду. По тогдашнимъ правиламъ дворцы имѣли свою полицію подъ начальствомъ городского коменданта, и городская полиція до дворцовъ не касалась; дворцовая полиція, полагая потушить пожаръ своими средствами, не пускала городскую. Я спросилъ брандмейстера, не нужно ли привести команду? онъ отвѣчалъ: ведите, пожаръ серьезный и не только дворцовой, но и съ помощью нашей—не потушишь. Я поскакалъ въ казармы и бѣгомъ привелъ своихъ матросиковъ, и мы пришли первыми изъ военныхъ командъ. Государь уже былъ на пожарѣ. Пламя вырвалось на крышу, и пожарная команда, хотя и была допущена во дворецъ, но не могла уже справиться съ огнемъ. Загорѣлась отъ лопнувшей печной трубы деревянная перегородка, и по ней огонь проникъ на чердакъ.

Огромный чердакъ надъ всѣмъ громаднымъ зданіемъ дворца представлялъ массу пищи для огня, такъ какъ деревянные балки, стропила и разныя подпорки и скрѣпленья составляли какъ бы сплошную лѣсную биржу, тѣсно наполненную сухимъ лѣсомъ. Кромѣ того, на чердакахъ были кладовыя дворцовой команды, и весь чердакъ былъ загороженъ разными клѣтушками, такъ что не было отъ тѣсноты прохода, и когда забрался туда огонь, то не было возможности съ нимъ справиться. Рассказывали, что на чердакѣ была даже корова, которая была втащена туда теленкомъ и на чердакѣ выросла; вообще, по наблюденію за дворцовымъ порядкомъ, оказалась полная невнимательность коменданта Мартынова и его управленія, но я не помню, чтобы Мартыновъ былъ наказанъ. Сначала сгорѣлъ чердакъ, затѣмъ постепенно провалились полы и потолки, и къ утру, отъ зданія *собственно* зимняго дворца, остались однѣ стѣны; въ Эрмитажъ же огонь не допустили. Во время пожара все время присутствовалъ государь, и я самъ слышалъ его приказанья офицерамъ беречь людей. Масса солдатъ выносили изъ дворца, что только могли, вынесли конечно много, но также много перебили, перепортили, а еще болѣе не успѣли или не могли по громадности вынести, такъ напр., малахитовыя вазы, колонны, вдѣланныя въ стѣны картины и прочее. Общій убытокъ былъ громадный! всѣ вынесенныя вещи помѣщались въ зданіи главнаго Адмиралтейства, и ими были завалены всѣ морскіе департаменты, и потомъ всѣ вещи были перевезены въ Аничковъ дворецъ, куда перебралась и царская фамилія.

По приходѣ моемъ съ командой, мнѣ было поручено заложить проходъ изъ Зимняго дворца въ Эрмитажъ. Для этого мы взяли кирпичей отъ строящагося тогда зданія Гвардейскаго Штаба и толсто заложили весь коридоръ этого прохода, такъ что огонь

не проникъ въ Эрмитажъ. Потомъ мои матросики снимали образа въ церквахъ и затѣмъ переносили серебро изъ нижнихъ кладовыхъ въ Адмиралтейство. Я не помню, чтобы при этомъ пожарѣ погибъ кто-нибудь изъ людей.

Государь конечно былъ сильно огорченъ и по пылкости характера желалъ, какъ можно скорѣе, возобновить дворецъ въ прежнемъ видѣ. Исполненіе этого было поручено Клейнмихелю (онъ тогда занималъ должность дежурнаго генерала главнаго штаба Его Величества и директора департамента Военныхъ Поселеній). Клейнмихель отлично и необыкновенно быстро возстановилъ дворецъ лучше прежняго. Я не помню, во сколько времени, но не болѣе какъ чрезъ годъ ¹⁾, и въ первую, или много въ слѣдующую Пасху, былъ выходъ въ исправленномъ дворцѣ, и всѣ присутствующіе разговлялись тамъ. Работы производили не архитекторы и не инженеры Путей Сообщенія, а Клейнмихельскіе инженеры Военныхъ Поселеній, а старикъ Латышевъ былъ дѣлопроизводителемъ дворцовой строительной кампаніи, и я помню, что это семейство, постоянно нуждающееся, въ это время поправилось, но не разбогатѣло, а только поправилось.

Государь Николай Павловичъ любилъ флотъ, но любилъ еще и фронтъ и при вступленіи на престолъ потребовалъ, чтобы матросы знали фронтъ. Въ англійскомъ флотѣ матросы не знаютъ фронтъ, но умѣютъ дѣйствовать огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, только какъ абордажныя партіи. На этомъ основаніи на каждомъ военномъ суднѣ у нихъ существуютъ отряды морскихъ солдатъ. Государь, обучая матросовъ фронту, нашелъ возможнымъ не учреждать отряда, бесполезнаго въ морскомъ отношеніи, морскихъ солдатъ, и мысль эта была правильная, но лакейство начальства пересолило требованіе государя. Ему начали представлять флотскіе экипажи, обученные не хуже пѣхотныхъ батальоновъ, и тѣ же люди дѣлали всѣ матросскія маневры и потомъ стрѣляли изъ пушекъ, какъ знающіе свое дѣло артиллеристы. Конечно, государя это радовало: онъ полагалъ, что, при усердіи, это было совершенно исполнимо, и что всѣ экипажи находятся въ томъ же положеніи, какъ представляемые образцы. Въ сущности было положительно невозможно подготовить такъ всѣ экипажи, и потому былъ устроенъ наглый обманъ. По приходѣ очередной дивизіи на зимовку въ Кронштадтъ выбирали одинъ экипажъ, съ болѣе бравымъ командиромъ, для царскаго смотра. Этому экипажу выдавалось, не въ зачетъ, полная новая обмундировка и все вооруженіе, освобождали отъ карауловъ и другихъ работъ, предо-

¹⁾ Работы по возобновленію Зимняго Дворца были окончены 26 марта 1839 г. Ред.

ставляли въ его распоряженіе манежъ, и начиналась фронтовая муштровка. Обучалъ этотъ экипажъ комендантъ генераль Бурмейстеръ, мастеръ своего дѣла; въ его распоряженіе предоставляли— много лучшихъ фронтовиковъ унтеръ-офицеровъ учебнаго экипажа. Начиналось съ одиночнаго ученя, потомъ постепенно сводился батальонъ, и къ марту мѣсяцу, при способности офицеровъ и матросовъ, являлся безукоризненный пѣхотный батальонъ. Въ февралѣ или мартѣ государь пріѣзжалъ ночевать въ Петергофъ и оттуда посылалъ вопросъ: какой экипажъ завтра вступаетъ въ карауль? и ему отвѣчали № того экипажа, который приготовлялся, и государь сообщалъ, что онъ пріѣдетъ въ Кронштадтъ для развода и церемоній. Смотръ начинался разводомъ, потомъ батальонное ученье, потомъ стрѣльковое, потомъ ставили ружья въ козлы, люди снимали аммуницію, надѣвали фуражки и на мачтѣ, поставленной въ манежѣ, продѣлывали всѣ штуки съ парусами, и наконецъ команду вели за гавань, гдѣ съ поставленнаго судна тѣ же фронтовики нѣсколькими выстрѣлами разбивали въ пухъ и прахъ мишени. Государь, конечно, былъ доволенъ, благодарилъ, и назначались награды. Я самъ участвовалъ съ нашимъ экипажемъ въ такомъ мошенническомъ смотрѣ и получилъ за него первый орденъ Станислава 3-й степени. Продѣлка эта дошла наконецъ до свѣдѣнія государя, и онъ, пріѣхавъ въ Петергофъ, не спросилъ, какой экипажъ вступаетъ въ карауль, а прямо приказалъ вступить въ карауль 18-му экипажу капитана Беренса, и тогда все открылось. Конечно, экипажъ оказался необученнымъ, и досталось всѣмъ на орѣхи.

Покойный императоръ былъ труженикъ, любилъ Россію и искренно желалъ сдѣлать какъ можно болѣе добра, но его обманывали на каждомъ шагу, и все по милости присущаго намъ подлаго лакейства окружающихъ. У насъ положительный недостатокъ гражданскаго мужества; охраняя свою личность, всѣ стараются говорить государямъ только одно пріятное, и потому государи никогда не знаютъ истины. Я воображаю, въ какое отчаяніе долженъ былъ притти государь, когда Крымская война открыла всю неурядицу общаго управленія, которое онъ считалъ не хуже иностраннаго. Войско, по личному составу геройское, но безъ оружія, продовольствія, путей сообщенія и снабженія! гибли какъ мухи, и воровство кругомъ и около! Николай Павловичъ любилъ постройки и на укрѣпленіе Кронштадта не жалѣлъ денегъ. По инженернымъ чертежамъ, выстрѣлы изъ крѣпостей и фортовъ были направлены такъ, чтобы входящее на рейдъ непріятельское судно было моментально уничтожено. Государь пожелалъ провѣрить это и приказалъ поставить старое судно и

сдѣлать залпъ, и, къ удивленью, послѣ нѣсколькихъ залповъ судно оставалось цѣло. При дальнѣйшей провѣркѣ, оказалось, что чертежъ былъ картинка и не согласенъ съ дѣйствительностью.

Вся защита Кронштадта основана на невозможности обойти островъ по сѣверную его сторону, и потому проходъ этотъ былъ много разъ загромождаемъ, чтобы сдѣлать его непроходимымъ. Были наконецъ нарублены рѣжи изъ бревенъ, наполнены камнями и затоплены. Эти загражденія поглотили массу денегъ, и Сѣверный проходъ считали непроходимымъ. Въ одно прекрасное утро появляется съ моря купеческое судно, которое не попало въ проходъ большаго рейда, а направилось по сѣверную сторону острова. Всѣ ожидаютъ, что несчастное судно сейчасъ встанетъ на камни и рѣжи загражденія, но къ удивленью судно идетъ дальше и, наконецъ, пришло благополучно на восточный рейдъ. Бросились промѣрять, и оказалось, что рѣжи развалились, камни рассыпались, и проходъ свободенъ.

При вступленіи въ управленіе флотомъ в. к. Константина Николаевича и затѣмъ, вступленіи на престолъ императора Александра II, начались общія морскія реформы. Каждое новое царствованіе сопровождается обыкновенно реформами, и вступленіе на престолъ Александра II сопровождалось особыми обстоятельствами. Крымская война ясно выставила всѣ недуги нашего государственнаго организма: Европа считала насъ самымъ сильнымъ военнымъ государствомъ, а мы, конечно, не людьми, а военнымъ устройствомъ, оказались слабѣ другихъ; въ финансовомъ отношеніи оказались почти разоренными, безъ путей сообщенія, съ непрактичной и незнающей Россіи администраціей, съ продажными судами и съ общимъ взяточничествомъ и воровствомъ по всѣмъ правительственнымъ хозяйственнымъ учрежденіямъ и наконецъ: всѣ узаконенія, фабричность, промышленность и торговля были основаны на существующемъ тогда въ полной силѣ крѣпостномъ правѣ, которое, по убѣжденію лучшихъ русскихъ людей, не могло далѣе существовать. Дѣйствительно, положеніе Россіи по окончаніи Крымской войны было отчаянное, и необходимость быстрыхъ и общихъ реформъ сознавалась и требовалась всѣми.

При каждомъ затруднительномъ обстоятельствѣ, какъ частномъ такъ и общественномъ, для утѣшенія себя, отыскиваютъ виноватаго, и этимъ виноватымъ оказался государь Николай Павловичъ! На него валили обвиненія за все и про все и совершенно напрасно. При описаніи крѣпостной реформы я опишу эту высокую личность подробнѣе, но теперь не могу утерпѣть, чтобы не сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ государѣ! Это былъ

рыцарь чести и благородства, умный, энергическій, трудолюбивый и посвятившій всю свою жизнь на устройство государства. Ежели онъ не достигъ желаемого, то вина за это полностью падаетъ на его совѣтниковъ и исполнителей, которые, по случаю присущаго намъ подлаго лакейства, берегли свои мелкіе личные интересы, говорили государю только одно пріятное и скрывали истину. Этимъ они обманывали государя, и онъ не зналъ настоящаго положенія дѣлъ, и потому не могъ правильно направлять государственное управленіе. Лакейство это есть истинно смертельный врагъ не только государей, но всѣхъ вліятельныхъ и сильныхъ людей! Послѣ смерти государя Николая Павловича не прошло и 30-ти лѣтъ, а мы уже не слышимъ въ обществѣ противъ него обвиненій, потому что страсти улеглись, и является сужденіе, основанное на холодномъ разумѣ; напротивъ, чаще и чаще приходится слышать о томъ или другомъ распоряженіи покойнаго, какъ объ очень пригодномъ и въ настоящее время. Вообще, исторія поставитъ Николая Павловича очень высоко!

Начались всевозможныя реформы и общая ломка, но жаль, что ломали слишкомъ страстно и усердно и потому недостаточно осмотрительно. Вел. кн. Константинъ Николаевичъ, конечно, пользовался полнымъ довѣріемъ государя и составлялъ громадную силу. Кромѣ того, что онъ безконтрольно распоряжался флотомъ, онъ былъ предсѣдатель государственнаго Совѣта и имѣлъ большое вліяніе на всѣ государственныя дѣла и реформы. Константинъ Николаевичъ окружилъ себя молодежью высшаго образованія и европейскихъ взглядовъ, какъ напр.: Головинъ, гр. Толстой, кн. Оболенскій, Рейтернъ, Набоковъ, Грейгъ, Краббе и много другихъ второстепенныхъ дѣятелей, и морское министерство оказалось самымъ либеральнымъ и передовымъ, при возбужденіи всѣхъ новыхъ вопросовъ.

Описывая флотъ, необходимо остановиться на личности вел. кн. Константина Николаевича. Это человѣкъ умный, съ быстрымъ и здравымъ соображеніемъ, хорошо приготовленный какъ общимъ, такъ и спеціальнымъ морскимъ образованіемъ. По своему высокому положенію, онъ могъ быть только безпристрастнымъ начальникомъ, вполнѣ самостоятельнымъ и желающимъ только добра и пользы своей части и, наконецъ, человѣкъ молодой, полный здоровья и энергіи и пользующійся почти неограниченною властью. Казалось бы, что съ такими средствами, что могъ бы надѣлать добраго великій князь въ продолженіе 27-ми лѣтняго царствованія Александра II, вполнѣ ему довѣрявшаго? Между тѣмъ результатовъ не оказалось никакихъ, и это любопытное явленіе требуетъ разъясненія.

Главная причина,—это совершенно изолированное воспитаніе мужскихъ лицъ царской фамиліи, которые вырастаютъ совершенно отдѣленные отъ живого міра и своихъ сверстниковъ, и потому, пріобрѣтая понятія своего кружка, не имѣютъ никакой связи съ живымъ міромъ. Воспитатели обыкновенно избираются изъ директоровъ, офицеровъ корпусовъ или извѣстныхъ педагоговъ; лица эти несомнѣнно честные и усердные, способные педагоги, но неумѣлые воспитатели, особенно *одного* мальчика и великаго князя. На руки избраннаго воспитателя поступаетъ ребенокъ и остается въ его полномъ распоряженіи до окончанія воспитанія; воспитатель приглашаетъ учителей и даетъ направленіе какъ обученію, такъ и всему воспитанію. На этомъ основаніи качества воспитателя имѣютъ конечно громадное вліяніе.

Дѣтей царской фамиліи держали строго, но неумѣло, что заключаю изъ того, что лично слышалъ отзывы взрослыхъ великихъ князей о своихъ воспитателяхъ и почти исключительно недружелюбные. Великіе князья теряли много времени, участвуя во всѣхъ придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, гдѣ они только соприкасались съ людьми помимо своего воспитательнаго института. Это-то соприкосновеніе мѣшало правильному воспитанію. Мальчики, которые въ мундирахъ парадировали, какъ великіе князья и окруженные лестью и низкопоклонствомъ придворныхъ, начинали воображать себя особой избранной кастой и смотрѣть на свою непогрѣшимость, право на совершенно особую жизнь—съ правами, но безъ обязанностей, роскошную жизнь и при этомъ незнаніе труда и цѣнности денегъ, и въ заключеніе—право смотрѣть на обыкновенныхъ людей съ презрѣніемъ. При наступленіи юношескаго возраста являлась услужливость придворныхъ женщинъ, въ числѣ которыхъ находились личности, считавшія за честь имѣть интригу съ великимъ княземъ. Такая растлѣвающая обстановка вредно вліяла, какъ на воспитаніе вообще, но особенно и на нравственность и парализировала усилія даже дѣльныхъ воспитателей. До 21 года держали молодого человѣка подъ постояннымъ надзоромъ воспитателей, безъ которыхъ онъ не дѣлалъ шагу; онъ не могъ ни съ кѣмъ заводить знакомствъ и не имѣлъ копейки въ своемъ распоряженіи; поэтому къ 21 году онъ не имѣлъ никакой самостоятельности и, въ сравненіи со своими сверстниками, былъ совершенный ребенокъ, и, оставаясь одинъ безъ провожатаго, совершенно и окончательно терялся. Въ такомъ настроеніи, въ 21 годъ молодого человѣка выпускали на полную свободу, назначали роскошное денежное содержаніе, и въ то время, когда въ немъ бушевали сдавленные строгимъ надзоромъ страсти юноши, его, неопытнаго, пускали въ дѣйствительную

жизни! Ничего нѣтъ удивительнаго, что молодой человѣкъ давалъ волю своимъ страстямъ и доходилъ до крайности. Будущее положеніе много зависѣло отъ перваго пріятеля и первой любовницы, съ которыми сводила его судьба.

Въ подобной обстановкѣ былъ воспитанъ и Константинъ Николаевичъ. Воспитателемъ его былъ адмиралъ Литка, хорошій морякъ съ большими научными свѣдѣніями, но суровый и сухой, который не могъ образовать сердце и общую человѣчность своего воспитанника, но образовалъ только одну голову. Неудачный выборъ такого воспитателя, конечно, отразился во все послѣдующее время какъ въ общественной дѣятельности Константина Николаевича, такъ и въ семейной жизни. Молодой человѣкъ боялся своего отца и не менѣе своего воспитателя, и потому сердце его было для нихъ закрыто, и нравственное воспитаніе оставалось безъ направленія.

Великихъ князей женили очень рано, когда они были по лѣтамъ совершеннолѣтними, но по развитію и практичности совершенными ребятами, и потому въ царской фамиліи честная супружеская жизнь, подобная счастливой семейной жизни нынѣшняго государя Александра Александровича, составляетъ рѣдкое исключеніе.

Вначалѣ Константинъ Николаевичъ горячо принялся за управленіе морскимъ министерствомъ, но, по молодости и пылкости характера, началъ съ ломки всего стараго, не разбирая хорошаго, что слѣдовало сохранить, отъ дурнаго, что дѣйствительно слѣдовало уничтожить. Постоянныя и съ одинаковою энергіею производимыя занятія большимъ дѣломъ молодому человѣку надоедаютъ, что произошло съ Константиномъ Николаевичемъ, и онъ передалъ всю тягость общаго управленія министерствомъ управляющему этимъ министерствомъ, оставивъ себѣ только тѣ распоряженія, которыя ему болѣе нравились. Этимъ нарушилось правильное распредѣленіе денежныхъ средствъ, тратились милліоны на поправки и бесполезный «Петръ Великій», а насущныя потребности флота не удовлетворялись по недостатку денегъ. Безконтрольная власть портитъ cadaго и водворяетъ убѣжденіе въ своемъ умѣ и даже непогрѣшимости. То же случилось и съ Константиномъ Николаевичемъ, который не терпѣлъ противорѣчій и возраженій, и потому его окружали льстецы, а правдивые люди отшатнулись. Пока великій князь (первые годы своего супружества) велъ честную супружескую жизнь, онъ былъ чистъ и самостоятеленъ, и подчиненнымъ невозможно было забрать его въ руки. Краббе принялся за разрушеніе этого... Литке не сумѣлъ водворить въ своемъ воспитанникѣ твердыхъ

нравственныхъ началъ. Честолюбіе въ великомъ князѣ было развито страшное, его не занимали обыкновенныя вещи, но все необыкновенное, и вотъ причины, давшія такую непонятную силу адмиралу Попову. Несмотря на серьезный умъ, большія способности, свѣдѣнія, власть—Константинъ Николаевичъ ничего не сдѣлалъ для флота соотвѣтственно тому, что отъ него можно было ожидать... При жизни покойнаго императора своими невоздержными выходками избалованнаго безконтрольною властью характера онъ возбудилъ ненависть нынѣшняго государя Александра Александровича и тѣмъ устроилъ себѣ невозможное положеніе. Великій князь отстраненъ отъ дѣлъ и власти, живетъ какъ частный человѣкъ за-границей, или одинъ въ Ореандѣ...

Невозможное положеніе это опять-таки оказалось по милости системы изолированнаго отъ живого міра воспитанія и проклятаго лакейства окружающихъ. Воспитаніе не даетъ практическихъ свѣдѣній, лишаетъ возможности узнать людей помимо тѣснаго кружка, къ нимъ приставленнаго съ дѣтства, а по достиженіи возмужалости является власть, избытокъ средствъ и съ ними—среда лъстцовъ, которые окончательно извращаютъ молодую натуру. Невозможное семейное и общественное положеніе Константина Николаевича разрѣшилось параличемъ, и онъ лишился языка, владѣнья нѣкоторыми членами и, неизвѣстно, сохранилось ли какое-нибудь сознаніе? болѣе несчастнаго положенія и конца трудно себѣ представить!

Справедливость вынуждаетъ сказать, что при такой обстановкѣ, почти невозможно члену царской фамиліи сохранить или, лучше сказать, приобрѣсти здравыя понятія о своихъ обязанностяхъ. Знаменитый Суворовъ говаривалъ, что главнокомандующимъ слѣдуетъ назначать такое лицо, которое каждый день можно повѣсить. На основаніи этой истины великихъ князей не слѣдуетъ назначать начальниками отдѣльныхъ частей, такъ какъ они по своему оложенію стоятъ внѣ закона. Великіе князья конечно не могутъ ознательно злоупотреблять своею властью, брать взятки и дѣлать другія пакости, производимыя обыкновенными смертными, но никогда не въ состояніи быть дѣйствительными начальниками своей части, такъ какъ къ этому совершенно не подготовлены, а по своему образу жизни не имѣютъ достаточно времени,—поэтому частью, порученною великому князю, всегда управляетъ кто-либо изъ его подчиненныхъ и, прикрываясь властью и именемъ великаго князя, можетъ безнаказанно злоупотреблять этою властью. Доказательствомъ этого служить Константинъ Николаевичъ, по своему уму болѣе другихъ подготовленный къ серьезному дѣлу, и что же вышло изъ его многолѣтней и разнообразной дѣятельности?!

Я всосалъ съ молокомъ матери любовь къ государю и къ монархическому началу. Въ продолженіе 65-лѣтней жизни опытомъ убѣдился въ неподготовленности нашего общества къ крупнымъ коллегіальнымъ управленіямъ и полагаю, что лучшее управленіе есть то, когда во главѣ управленія стоитъ лицо умное, дѣльное и честное, которое выслушиваетъ внимательно мнѣнія своихъ помощниковъ и совѣтниковъ, выбираетъ ихъ осмотрительно, обсуживаетъ всесторонне и безпристрастно и потомъ рѣшаетъ вопросъ. Я понятія не имѣю о государственномъ управленіи, но полагаю, что подобная программа была бы пригодна и для государственнаго управленія. При такой программѣ великіе князья, въ роляхъ не управляющихъ отдѣльными частями, а въ роляхъ ревизоровъ, могли бы принести государю громадную пользу. По своему высокому положенію они стоятъ выше всякихъ частныхъ интересовъ и потому могутъ быть совершенно безпристрастны и приносить государю только истину, но для этого необходима совершенно другая подготовка. Въ настоящее время мы видимъ, что великій князь, окончившій воспитаніе, назначается батальоннымъ командиромъ, потомъ полковымъ, дивизіоннымъ, корпуснымъ и далѣе. Нѣкоторые изъ нихъ назначались сенаторами и членами Государственнаго Совѣта, но обязанностями этими не занимались. Затѣмъ они возвращаются постоянно въ тѣсномъ придворномъ кругу. Европу знаютъ подробно, а о Россіи имѣютъ весьма слабыя понятія и не только не приносятъ пользу государю и государству, но, напротивъ, вредятъ монархическому принципу, вызывая трату большихъ суммъ на роскошное содержаніе многихъ бесполезныхъ лицъ. Превращеніе бесполезности въ полезность, можетъ произойти при подробномъ изученіи великими князьями Россіи, ея настоящаго положенія во всѣхъ отношеніяхъ, ея нуждъ и потребностей; изученіе это и затѣмъ ревизіи такими безпристрастными ревизорами доносили бы государю истину по всѣмъ частямъ управленія и установили бы тѣсную связь престола съ народомъ. Въ настоящее время государь знаетъ о состояніи государства изъ докладовъ министровъ и повѣрить справедливость докладовъ государь не имѣетъ возможности; при устройствѣ такихъ ревизоровъ, министры оказались бы отвѣтственны, ежели не по закону, то по существу. Царствованіе Николая Павловича доказало весь вредъ отъ отсутствія подобнаго контроля. Этотъ государь, богато одаренный умственными и нравственными качествами, твердымъ характеромъ, энергіей и страстной любовью къ Россіи, только передъ смертью узналъ, что по милости того же проклятаго лакейства окружающихъ, его всю жизнь обманывали.

Великихъ князей и теперь посылаютъ путешествовать по

Россіи, но это парадныя, дорого стоящія прогулки по заранее объявленному маршруту, и великіе князья видятъ не Россію, а только показную сторону, т.-е. декорацію, устраиваемую мѣстною администраціею. Высокихъ путешественниковъ вездѣ встрѣчаетъ фронтъ мѣстныхъ и разнородныхъ властей и представителей купечества, сытыхъ и опрятно одѣтыхъ, съ рапортами и хлѣбомъ-солью; нищія и все грязное удалено. Толпы народа, по привязанности къ членамъ царской фамиліи и историческому добродушію, при видѣ дорогихъ гостей, забываютъ свои нужды и усердно кричатъ «ура!» Затѣмъ посѣщается соборъ, больница, учебныя заведенія и вездѣ оказывается порядокъ и чистота, и великіе князья выносятъ убѣжденіе о полномъ благосостояніи посѣщенной мѣстности. При подобныхъ посѣщеніяхъ принимаютъ всѣ просьбы просителей, и ихъ подается масса тысячами, но онѣ не приносятъ никакой существенной пользы. Остановки великихъ князей обыкновенно бывають въ городахъ; лѣтомъ сельское населеніе завалено полевыми работами и не можетъ отлучиться для встрѣчи высокихъ посѣтителей; на этомъ основаніи народъ, встрѣчающій великихъ князей, состоитъ почти исключительно изъ городскихъ обывателей. Въ каждомъ городѣ находится значительный отрядъ пьяныхъ отставныхъ подьячихъ изъ чиновниковъ, офицеровъ и писарей и не меньшій отрядъ попрошайекъ обоего пола; оба эти отряда составляютъ завсегдатаевъ кабаковъ. Въ ожиданіи пріѣзда значительныхъ лицъ начинается лихорадочная дѣятельность всей пишущей братіи, которая получаетъ плату со штуки и по количеству написанныхъ листовъ,—чѣмъ измарають ихъ больше, тѣмъ дороже. Такихъ прошеній въ губернскихъ городахъ подается тысяча, и можно вообразить, сколько въ нихъ намарано галиматъи. Прошенья эти разсортировываются и отправляются по принадлежности.

Путешествуя нѣсколько разъ по Россіи съ великими князьями, и проживя много лѣтъ въ провинціи, я мечталъ о слѣдующемъ направленіи дѣятельности великихъ князей.

Тѣхъ изъ нихъ, которые выказали бы особенныя военныя способности, можно было бы направить по военной части, но такъ какъ они имѣютъ возможность получить лучшее военное образованіе, то не удовлетворяются только общимъ образованіемъ, но серьезно приготовить къ какой-нибудь спеціальной военной части. По окончаніи воспитанія помѣстить на дѣло и поставить совершенно въ образъ жизни и во всѣ условія служебнаго положенія, соотвѣтственно его чину, уволивъ отъ всѣхъ великокняжескихъ обязанностей. Конечно, матеріальная обстановка не можетъ быть приурочена къ обыкновеннымъ смертнымъ, но моло-

дой человѣкъ не долженъ жить во дворцѣ, а въ казармахъ, или на наемной квартирѣ, какъ и его товарищи. Необходимо быть чрезвычайно осмотнительнымъ при выборѣ начальника, къ которому будетъ назначенъ такой молодой человѣкъ, чтобы онъ уберечь его отъ лакейства окружающихъ и далъ бы ему возможность привыкнуть къ дѣлу и жизни обыкновеннаго смертнаго. Подобная обстановка поставитъ молодого человѣка въ соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью, приурочитъ къ труду, познакомитъ съ цѣною денегъ и дастъ возможность узнать товарищей, выбрать изъ нихъ болѣе близкихъ, а главное подробно ознакомиться со службой, ея нуждами и потребностями. Для большинства же великихъ князей я мечталъ о гражданской дѣятельности. Молодого человѣка, приготовленнаго высшимъ образованіемъ, назначить вице-губернаторомъ въ хорошую губернію и подъ начальство умнаго, дѣльнаго и серьезнаго губернатора, но безъ великокняжеской обстановки, а для исполненія всѣхъ служебныхъ обязанностей. При дѣльномъ направленіи, изъ молодого человѣка могъ бы образоваться отличный губернаторъ, генералъ-губернаторъ, а можетъ быть и министръ и опытный, знающій Россію и свое дѣло, слуга государю.

Петербургъ и его разнородныя власти, воображаютъ, что они управляютъ Россіею, и что дѣлами по этому управленію до того заняты, что не имѣютъ минуты свободной. Господа эти сильно ошибаются: они управляютъ только бумагами и заваливаютъ ими другъ друга, и дѣятельность эта, касающаяся внутренняго управленія, доходитъ, и то только частью, до губернаторовъ. Губернаторы, въ свою очередь, пишутъ исправникамъ, тѣ—становымъ, а эти послѣдніе старшинамъ, отъ которыхъ передается народу, но, въ большинствѣ случаевъ, въ извращенномъ видѣ. Наше Бровское въ 200 верстахъ отъ Петербурга, въ 10 верстахъ отъ желѣзной дороги, и туда не достигаютъ никакія распоряженія правительства.

Народъ знаетъ свои повинности: рекрутскую и податную, знаетъ становаго пристава, мирового судью, при случаѣ судебнаго слѣдователя, но существуетъ ли тотъ или другой министръ, что онъ дѣлаетъ, и какая имъ избрѣтена система для народнаго благосостоянія, не знаетъ и не интересуется,—и это около Петербурга, а что происходитъ въ глухихъ мѣстахъ?! На этомъ основаніи Петербургъ Россіей не управляетъ, губернаторы тоже, и Россія управляется станowymi приставами, и то частью, а преимущественно, каждая мѣстность, сама собой.

На-дняхъ распространился въ обществѣ слухъ, что в. к. Константинъ Николаевичъ хлопоталъ объ избраніи его президентомъ

французской республики. Давно извѣстно его страшное честолюбіе... и надежды, бывшія во время возстанія поляковъ, надѣть корону польскую, затѣмъ, оскорбленное самолюбіе—и все это даетъ нѣкоторое вѣроятіе этому слуху, но... французы никогда не выберутъ президента, не имѣющаго съ Франціей ничего общаго, и потомъ, со стороны Константина Николаевича, сдѣлать такой поступокъ, значить—прервать сношенія съ родиной, съ семействомъ и потерять все свое состояніе. Это можно сдѣлать при окончательной потерѣ разсудка, и потому—невѣроятно!

Я увлекся общими морскими воспоминаньями и обращаюсь къ флоту съ момента Высочайшаго смотра на Кронштадтскомъ рейдѣ, на чемъ я остановился.

Высочайшій смотръ производился около 1-го іюля, обыкновеннымъ порядкомъ и состоялъ изъ объѣзда государемъ всѣхъ лоцій флота, посѣщенія нѣкоторыхъ судовъ, иногда производились парусныя или артиллерійскія ученья, и потомъ, съ подъемомъ штандарта, производился общій салютъ, и всѣ суда расцвѣчивались флагами. Иногда весь флотъ немедленно снимался съ якоря и соединенно выходилъ на маневры, на которыхъ всегда присутствовалъ государь. Послѣ маневровъ, очередная дивизія возвращалась въ Кронштадтъ на зимовку, а очередная шла въ практическое плаванье въ Балтійское море на 2 мѣсяца и по окончаніи шла на зимовку въ Ревель и Свеаборгъ. Я помню одинъ годъ, когда на рейдѣ на смотру были всѣ 3 дивизіи въ полномъ составѣ, и весь флотъ болѣе недѣли держался подъ парусами около Красной Горки, ожидая государя для маневровъ, и не было ни одного несчастнаго случая. Пускай настоящіе моряки поплаваютъ съ паровыми судами въ такой узкости и съ такимъ количествомъ судовъ!

1-го іюля, день рожденія императрицы Александры Θεодоровны, въ Петергофѣ постоянно была роскошная иллюминація, для зажиганья которой всегда командировались матросы и офицеры флота, и я одинъ разъ былъ командированъ на эту иллюминацію. На этотъ праздникъ наѣзжало масса народа, но, по недостатку путей сообщенія, пріѣздъ въ Петергофъ былъ сопряженъ съ немалыми затрудненіями. Желѣзной дороги не было, пароходовъ было мало, и они не въ состояніи были привезти и отвезти и сotoй части публики. Смѣльчаки путешествовали на шлюпкахъ, что производило крушенія, были даже утонувшіе. Достаточные пріѣзжали въ своихъ экипажахъ, мало-достаточные нанимали чухонскія телѣжки, а совершенно-недостаточные, составлявшіе большинство публики, какъ мужчины такъ и женщины, приходили наканунѣ пѣшкомъ, ночевали въ паркѣ подъ

деревьями; на другой день вынимали изъ узелковъ праздничныя платья и, отщеголявъ иллюминацію, возвращались въ Петербургъ пѣшкомъ. Хорошо, когда погода, въ канунъ и день праздника, была хороша, но часто бывали проливные дожди, и положеніе гулякъ, а въ особенности женщинъ, было самое плачевное!—

Государь и вся царская фамилія все лѣто жили въ Петергофѣ, который Николай Павловичъ чрезвычайно любилъ, и при немъ разработаны всѣ прекрасныя окрестныя мѣста, какъ, напр., Ольгинъ и Царицынъ острова и многія другія мѣстности, и самъ государь руководилъ всѣми работами. Во время этихъ работъ государь однажды осматривалъ съ кн. Волконскимъ какую-то дикую мѣстность, предполагая ее осушить и обработать. На пути они встрѣтили длинную лужу, которую приходилось далеко обходить и тутъ же встрѣтили здороваго мужика, который не узналъ государя. Николай Павловичъ попросилъ мужика перенести его на другую сторону и предложилъ ему за это 25 руб., на что мужикъ охотно согласился и, перенеся государя, охнулъ и выговорилъ: «тяжелъ же ты, баринъ!» Кн. Волконскій нанялъ того же мужика перенести и его, и также за 25 рублей. Когда Волконскій, верхомъ на мужикѣ, былъ по срединѣ лужи, то государь закричалъ мужику: «брось барина въ лужу, я тебѣ дамъ 30 руб., и мужикъ остановился, рассчитывая, что 30 руб. болѣе 25 руб., но и Волконскій, не желая купаться въ грязи, началъ прибавлять за перенесеніе въ сухомъ видѣ, государь еще прибавилъ, Волконскій тоже и дѣло кончилось тѣмъ, что переправа лужи кн. Волконскому, человѣку очень скупому, стоила около 100 рублей.

Для разъѣздовъ государя было нѣсколько пароходовъ и гребныхъ катеровъ и поэтому въ ковшѣ канала, идущаго отъ залива къ фонтану Самсонъ, образовался небольшой портъ, а для надзора за гребцами былъ гвардейскаго ластоваго экипажа капитанъ Ивановъ, котораго въ шутку называли капитаномъ надъ портомъ и Нептуномъ; этой кличкой называли капитана государь, императрица и вся царская фамилія, которые всѣ хорошо его знали. Ивановъ былъ старикъ изъ матросовъ, сѣдой и лысый, но умный, смѣлый и находчивый. Однажды императрица, катаясь одна по парку, встрѣтила Иванова, и характерная рожа его какъ-то особенно ей понравилась. Императрица остановилась, поздоровалась со старикомъ и объявила, что желаетъ имѣть его портретъ. На это старикъ отвѣчалъ пресерьезно, что это невозможно. На вопросъ удивленной императрицы: почему? Ивановъ отвѣчалъ, что русской императрицѣ неприлично имѣть портретъ капитана, т.-е. оберъ-офицера, но другое совсѣмъ дѣло, ежели бы онъ былъ

штабъ-офицеръ!—«Развѣ тебѣ хочется этого чина»? спросила добрая императрица.—«Сильно хочется, матушка, отвѣчалъ старый плутъ».—Ластовые оциферы не производились дальше капитана, но императрица просила государя, и Ивановъ былъ произведенъ въ майоры.

Припоминаю и другой анекдотъ про того же Иванова. Согласно прежней формѣ, когда офицеры были въ фуражкахъ, то при встрѣчѣ съ государемъ, снимали фуражки и кланялись. Потомъ былъ отданъ приказъ, отдавая честь, не снимать фуражекъ и прикладывать къ козырьку, какъ дѣлается это теперь. Вскорѣ послѣ отданья этого приказа государь съ императрицей пріѣхали на пристань, чтобы сѣсть на пароходъ. Ивановъ, при встрѣчѣ, позабылъ новый приказъ, снялъ фуражку и началъ отвѣшивать поклоны, блистая своей лысиной. Государь былъ не въ духѣ и сказалъ сердито: «ты что раскланялся, развѣ не читалъ моего приказа?» Старикъ нашелся и отвѣчалъ: «я кланяюсь не вамъ, а ея императорскому величеству,—а вотъ вамъ», и въ то же время надѣлъ фуражку и приложилъ руку къ козырьку, что разсмѣшило какъ государя, такъ и императрицу.

Возвратясь изъ отпуска въ мартѣ 1836 г., я былъ назначенъ въ плаваніе на приписанный къ нашему 11-му экипажу, бригъ Пріамъ. Въ это время в. к. Константинъ Николаевичъ былъ еще мальчикъ, но каждый годъ плавалъ подъ флагомъ адмирала Литке, на фрегатѣ «Аврора», подъ командою щегольского капитана и моряка Мофата. Кромѣ этого фрегата, подъ команду Литке назначали нѣсколько судовъ и въ плаваніе 1837 г. были назначены корветъ «Князь Варшавскій» и нашъ бригъ «Пріамъ».

Константинъ Николаевичъ, все время своего морского практическаго образованія, плавалъ на фрегатѣ Аврора подъ командою Мофата, которому онъ много обязанъ, и Мофетъ былъ притомъ отличный морской офицеръ, но великій князь поступилъ съ нимъ варварски. Когда Константинъ Николаевичъ выросъ и принялъ въ свои руки все управленіе флотомъ, Мофетъ былъ уже контръ-адмиралъ и командиръ гвардейскаго экипажа. Мофетъ былъ избалованъ службой, былъ заносчивъ и вѣроятно не ладилъ съ начальствомъ и не умѣлъ установить своихъ отношеній съ своимъ воспитанникомъ, превратившимся изъ мальчика въ всемогущаго начальника, и потому оказался неудобнымъ. Изъ гвардейскаго экипажа была отправлена партія матросовъ въ безсрочный отпускъ. Пронюхали, что люди эти не получили сполна какихъ-то вещей, послали за ними въ погоню адъютанта, опросили людей и изъ этого ничтожнаго дѣла раздули чуть ли не государственное преступленіе. У Мофата отняли командованіе экипажемъ, едва ли

не отдали подъ судъ, и онъ вышелъ въ отставку. По вступленіи въ управленіе флотомъ в. к. Константина Николаевича, еще почти мальчикомъ, массу почтенныхъ стариковъ, какъ напр. адмираловъ: Шихманова, Замыцкаго, Балка, Тюринова, Бровцына и много другихъ, безъ всякой причины перечислили въ резервъ флота, глубоко оскорбили почтенныхъ служивыхъ, уменьшили ихъ содержаніе и укоротили ихъ вѣкъ, не принеся ни малѣйшей пользы службѣ... (Люди эти состарились на трудовой морской службѣ и, когда они своею опытностью могли быть особенно полезны флоту, и когда имена ихъ были уважаемы всѣмъ флотомъ, по волѣ неопытнаго молодого человѣка, не имѣющаго никакихъ заслугъ, предъ государствомъ, этихъ достойныхъ служивыхъ выбрасываютъ за бортъ, какъ негодныхъ! Мѣра эта была несправедливая и весьма неполитичная, въ особенности при сравненіи, чего же достигли новаторы такими варварскими приѣмами? Достигли окончательнаго уничтоженія флота!) Всѣ распоряженія конечно исходили отъ великаго князя, но это былъ еще очень молодой человѣкъ, совершенно неопытный и, получивъ громадную власть, закусилъ удила.—Я виню его окружающихъ.—Болѣе простительно тѣмъ изъ нихъ, которые, тоже по молодости, неопытности и самонадѣянности, не вѣдали, что творять; но около великаго князя были опытные и совершенно понимавшіе, что творилось недоброе и бесполезное. Въ главѣ этого разряда стоялъ Краббе, и они соблюдали только личные свои интересы, не спорили съ молодымъ, самолюбивымъ начальникомъ, изъ опасенія заслужить его неудовольствіе. Большинство же не имѣло даже и этихъ нечистыхъ побужденій, а просто, по отсутствію гражданскаго мужества и присущему лакейству, не смѣло не только спорить, но даже почтительнѣйше возражать такой сильной власти. Въ лѣто 1840 года было назначено производить опись Оландскихъ острововъ, гдѣ мы и провели все лѣто, изрѣдка плавая по портамъ для возобновленія запасовъ, и наша стоянка была около главнаго острова Оланда и крѣпости Бомарзунда. Смотри на карту и на Оландскіе острова, расположенные въ Ботническомъ заливѣ, является картина чего-то суроваго, холоднаго, бесплоднаго; между тѣмъ это мѣстность красивая и даже культурная. Оландскіе острова составляютъ цѣлую группу, но постоянные жители находятся только на главномъ островѣ Оландѣ, и тогда ихъ считалось до 14.000, не помню, мужчинъ или обоего пола. Жители состояли изъ чистыхъ шведовъ и жили въ достаткѣ; вездѣ были прочные опрятные дома, въ хорошемъ видѣ хлѣбопашество, скотоводство, огородничество и даже садоводство. Климатъ не, особенно суровый, и мы видѣли въ лѣсахъ орѣшникъ и вообще

флору, лучшую чѣмъ около Петербурга, что конечно производить окружающее море. Кромѣ того, всѣ жители занимаются рыболовствомъ, доставляющимъ изобильное продовольствіе и предметъ торговли, и у многихъ жителей имѣлись хорошія морскія суда, собственной мѣстной постройки, по образцу получившихъ историческую извѣстность по своимъ морскимъ качествамъ финновъ. Довольство видѣлось не въ отдѣльныхъ семействахъ, что является въ самыхъ бѣдныхъ мѣстностяхъ, но общее, — и мы не видѣли ни одного нищаго. Я не знаю размѣра ихъ общественныхъ повинностей, но государственныя состояли изъ содержанія въ Финскомъ экипажѣ постоянно 100 матросовъ, что они исполняли наймомъ охотниковъ, и этой повинностью не тяготились. Мнѣ кажется, что жителей этихъ острововъ можно считать въ числѣ самыхъ счастливыхъ! Нравы жителей совершенно патріархальныя, нравственность безукоризненная, и многіе обычаи заслуживаютъ подражанія, напр., даже богатые жители, когда ихъ сыновья подрастутъ, отдають ихъ въ работники въ постороннее хорошее семейство, въ полное распоряженіе хозяина. По достиженіи совершеннолѣтія, ежели хозяинъ хорошо аттестуетъ работника, то объявляютъ въ киркѣ, нѣтъ ли протестовъ на эту аттестацію, и ежели нѣтъ, то выдаютъ аттестатъ зрѣлости и только тогда молодой человѣкъ можетъ жениться, быть хозяиномъ и имѣть голосъ въ общественныхъ собраніяхъ.

Въ 1842 г. мы плавали свою порцію въ крейсерствѣ, зимовали въ Ревелѣ, весной 1843 г. снова отправились въ крейсерство, пришли въ Кронштадтъ къ высочайшему смотру, отбыли маневры и втянулись въ гавань на зимовку, что было въ половинѣ августа; въ продолженіе плаваній этихъ 2 лѣтъ, я попрежнему командовалъ 4-й вахтой. Это было послѣднее мое плаваніе до выхода въ отставку. Я полагалъ провести эту зиму въ Кронштадтѣ, но явился ко мнѣ Конст. Никол. Посъетъ и объяснилъ слѣдующее: Еф. Вас. Путятинъ, служившій въ Черноморскомъ флотѣ, при производствѣ въ контръ-адмиралы былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, и ему были поручены всѣ заграничныя заказы для флота и въ особенности переформированіе Каспійской флотиліи. До этого времени кавказскія войска получали продовольствіе и все для нихъ потребное, сухопутными путями, но признали болѣе выгоднымъ подвозить все это къ Кавказу Волгой и Каспійскимъ моремъ. Для исполненія этого поручено Путятину построить въ Петербургѣ деревянныя грузовыя баржи, а для буксировки ихъ заказать за границей 4 парохода. Два парохода заказаны въ Англіи, а два въ Голландіи, и на-дняхъ они должны быть доставлены въ Кронштадтъ въ разобранномъ видѣ. Слѣдуетъ по-

скорѣе построить деревянныя баржи, принять разобранные пароходы, погрузить на баржи и этой же осенью доставить по Мариинской системѣ и по Волгѣ въ Астрахань, а потомъ съ помощію прибывшихъ отъ иностранныхъ строителей мастеровъ и Воткинскаго завода, собрать пароходы и сдать Астраханскому порту; и исполненіе всей этой операціи, отъ имени Путятина, Посьеть предлагаетъ мнѣ. Предложеніе лестное, работы хватить на цѣлый годъ, и такъ какъ нашъ корабль не назначался въ плаваніе на слѣдующее лѣто, то я принялъ предложеніе и въ тотъ же день съ Посьетомъ отправился въ Петербургъ и явился къ Путятину. Тогдашній Путятинъ не имѣлъ малѣйшаго сходства съ настоящимъ тихонькимъ старцемъ Ефимомъ Васильевичемъ; это былъ строгій, энергическій и чрезвычайно требовательный начальникъ; самъ неустанно и даже страстно исполнявшій свои служебныя обязанности и того же требовавшій отъ своихъ подчиненныхъ. Путятинъ производилъ за границей разные заказы для флота на большія суммы, что было сопряжено съ громадной перепиской и съ отчетностью, и кромѣ того Путятину было поручено вводить многія нововведенія по вооруженію, морской артиллеріи, механикѣ и проч. и между тѣмъ, все это исполнялось однимъ Кон. Ник. Посьетомъ. Нужно удивляться, какъ онъ успѣвалъ исполнять всю эту каторжную работу и не получивъ чахотки, такъ какъ ему приходилось работать не менѣе 18 часовъ въ сутки. Кромѣ занятій Путятинскими текущими дѣлами, Посьеть въ то же время былъ обязанъ изучить англійскій и голландскій языки и въ такой степени, чтобы не только свободно объясняться, но и вести дѣловую переписку, въ это же время Посьеть составилъ отличный штатъ вооруженія военныхъ судовъ, за что получилъ Академическую премію и командировался на суда Балтійскаго и Черноморскаго флота для введенія новаго артиллерійскаго ученія. Нужно удивляться дѣятельности этого достойнѣйшаго человѣка и при этомъ, ни малѣйшаго хвастовства своими заслугами.

Посьеть всю свою жизнь, съ самаго дѣтства, былъ неизмѣнно и искренно ко мнѣ расположенъ, имѣлъ большое благотѣльное вліяніе на мою служебную карьеру, и я считаю долгомъ остановиться на его біографіи. Не помню, сколько лѣтъ Посьеть проработалъ у Путятина, при исполненіи его береговыхъ порученій, но не менѣе 6 или 7 лѣтъ, и при такой каторжной работѣ, сидѣлъ на одномъ жалованіи и нуждался въ самомъ необходимомъ; Путятинъ былъ скупъ, какъ жидъ, на казенныя деньги и вообще награды. Предъ крымской войной Посьеть съ Путятинымъ, на фрегатѣ «Паллада» отправился въ Японію, пересѣлъ съ нимъ на

фрегатъ «Діану», потерпѣлъ крушеніе и вмѣстѣ съ нимъ чрезъ Амуръ возвратился въ Россію, при чемъ былъ главнымъ помощникомъ Путятина. Путешествіе это вообще преисполнено ума, находчивости, смѣлости, риска и опасностей. Сколько я помню, Посъеть же отвозилъ въ Японію утвержденный нашимъ правительствомъ трактатъ, заключенный Путятинымъ. По возвращеніи, Посъеть былъ назначенъ командиромъ артиллерійскаго учебнаго корабля и потомъ воспитателемъ в. к. Алексѣя Александровича. Вѣроятно Путятинъ рекомендовалъ Посъета на это мѣсто, и когда императрица предложила Константину Николаевичу быть воспитателемъ, то онъ положительно отказался, считая себя неспособнымъ. Императрица упростила его попробовать себя въ теченіе 2 мѣсяцевъ, и послѣ этой пробы Посъеть снова отказался. Императрица была очень огорчена и высказала, что она хотѣла направить Алексѣя Александровича по морской спеціальности, но, по случаю отказа Посъета, придется измѣнить это предположеніе и направить мальчика по сухопутной дѣятельности. Посъеть считалъ себя не въ правѣ лишить флота сослуживца изъ царскаго семейства и принялъ обязанности воспитателя. Я не беру на себя судить, какъ Посъеть исполнилъ эту обязанность, но твердо знаю, что онъ всегда дѣйствовалъ, какъ ему предписывала честь и совѣсть, и при этомъ не берегъ свою личность и твердо отстаивалъ свои убѣжденія, заслуживая неудовольствіе сильныхъ людей; именно за эту стойкость Посъета не любилъ в. к. Константинъ Николаевичъ и въ особенности всесильный тогда Краббе. Сильную поддержку Посъеть имѣлъ только въ покойной императрицѣ. По достиженіи совершеннолѣтія Алексѣя Александровича Константинъ Николаевичъ Посъеть получилъ настоящій постъ министра путей сообщеній и, по моему глубокому убѣжденію, это лучший министръ изъ всѣхъ предшествующихъ. Я слышу отзывы вліятельныхъ людей и даже въ обществѣ, что Посъеть не на своемъ мѣстѣ, и ему даже отказываютъ въ большихъ способностяхъ и даже серьезномъ умѣ,—но такъ ли это? По установившемуся понятію о министрѣ вообще полагаютъ, что министръ долженъ принадлежать къ аристократіи, имѣть связи, бойкую представительность, и чтобы проводить свои проекты въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ министровъ, ладить съ товарищами и для этого дѣлать уступки и любезности, хотя бы въ ущербъ справедливости. Ни одного изъ этихъ качествъ дѣйствительно Посъеть не имѣлъ и по своему благородству и высокой честности, идетъ прямо, вредитъ многимъ личнымъ интересамъ и естественно нажилъ массу враговъ.

На многіе экономическіе вопросы еще вліяетъ уничтоженное

крѣпостное право. Съ уничтоженіемъ крѣпостныхъ доходовъ много лицъ поправили свои обстоятельства гласными или негласными участіями въ концессіяхъ желѣзныхъ дорогъ, при чемъ пускалось въ ходъ общественное или служебное положеніе этихъ лицъ предъ министерствомъ путей сообщеній, и потому для многихъ было важно, чтобы министръ путей сообщеній былъ человѣкъ покладливый. Посъеть и въ этомъ отношеніи человѣкъ неудобный, его не только невозможно подвинуть на неправильныя дѣйствія, но съ нимъ невозможно заговорить объ нихъ. Это обстоятельство формируетъ новую группу враговъ и весьма сильныхъ. Въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія есть много лицъ большого ума и свѣдѣній, и лица эти избалованы возможностью наживать большія деньги устройствомъ, чрезъ свое вліяніе, разныхъ спекуляцій въ ущербъ казнѣ; главными дѣятелями изъ общества были евреи Поляковы, Варшавскіе и даже русскіе. Вліяніе этихъ капиталовъ Посъеть, конечно, не могъ окончательно уничтожить, но сильно ихъ уменьшилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе своекорыстныхъ инженеровъ. Это сформировало новую группу враговъ и самую сильную, которая, злобствуя, распространяетъ мнѣніе о неспособности Посъета. Между тѣмъ Константинъ Николаевичъ по-путятински занимается своимъ дѣломъ, т.-е. цѣлыми днями, не отвлекаясь никакими общественными удовольствіями или развлеченіями, постоянно читаетъ все напечатанное о путяхъ сообщенія, внимательно знакомится съ дѣлами, подлежащими его разрѣшенію, и знаетъ свою часть не только лучше предшествовавшихъ министровъ путей сообщенія, но многихъ инженеровъ.

Слыша осужденія Посъета отъ государственныхъ людей, дѣятельность которыхъ мнѣ коротко извѣстна, я удивлялся легкости пониманія этихъ господъ о министерскихъ обязанностяхъ. Лица эти скользили по дѣламъ и не донимали серьезнаго труда, къ которому были обязаны для существеннаго пониманія и правительнаго направленія дѣлъ, и что совѣстливо исполняетъ Посъеть. Константинъ Николаевичъ и супруга его Розалія Ипполитовна представляютъ чрезвычайно любопытное и даже умильное явленіе! Кругомъ ихъ кипитъ злоба и интриги, но они этого не видятъ и съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и добродушіемъ идутъ своей прямой доброй и честной дорогой! Но такова сила добродѣтели и справедливости; вражда и интриги, способныя повалить самаго сильнаго государственнаго человѣка, разбиваются Посъетомъ, не имѣющимъ другого оружія кромѣ правды!

Прямо съ парохода я явился къ адмиралу Путятину, который мнѣ въ общихъ чертахъ передалъ ожидавшее меня порученіе и

въ такомъ видѣ, какъ будто бы оно было самое легкое, между тѣмъ я долженъ былъ выстроить восемь большихъ деревянныхъ баржъ на частныхъ верфяхъ, придумать парусность, которая позволила бы баржамъ держаться въ морѣ, въ случаѣ ежели при свѣжой погодѣ пароходъ будетъ вынужденъ бросить буксиръ; сдѣлать это быстро, принять четыре большихъ парохода въ разобранномъ видѣ, не имѣя возможности опредѣлить, всѣ ли доставлены части и успѣть все это доставить въ Астрахань настоящей осенью, тогда какъ былъ уже конецъ августа! Въ заключеніе, Путятинъ мнѣ объявилъ, что чрезъ два дня онъ уѣзжаетъ за границу, и всѣ хлопоты остаются единственно на моихъ рукахъ. Я былъ пораженъ сложностью и отвѣтственностью даваемого мнѣ порученія и прямо объявилъ, что не могу его исполнить и вотъ почему: я не корабельный инженеръ и потому не могу составить чертежа баржи для плаванія въ бурную погоду по Каспійскому морю, котораго не знаю; я не механикъ и не могу принять въ частяхъ 4 парохода и опредѣлить, всѣ ли части доставлены для сборки полныхъ пароходовъ; я сильно сомнѣваюсь, чтобы настоящей осенью я могъ все приготовить и доставить въ Астрахань по Маринской системѣ и Волгѣ, о плаваніи по которымъ я понятія не имѣю. Кромѣ того порученіе мое совершенно новое, придется на все испрашивать распоряженій и ассигнованія суммъ, не помѣщенныхъ въ смѣты, и это сопряжено съ представленіями высшему начальству, затѣмъ будетъ разсматриваться въ разныхъ департаментахъ, потребуетъ много времени, а въ отсутствіе Путятина, при моемъ слабомъ у начальства личномъ авторитетѣ, многое изъ моихъ ходатайствъ не будетъ вовсе удовлетворено. Путятинъ все это выслушалъ внимательно и, какъ оказалось впоследствии, онъ все это очень хорошо зналъ и желалъ меня испытать, серьезно ли я смотрю на даваемое мнѣ порученіе? Испытаніе это я выдержалъ правильно, и Путятинъ передалъ мнѣ: 1) подробный чертежъ баржи съ парусностью. 2) Указанія, на какихъ частныхъ верфяхъ слѣдуетъ заказать ихъ постройку и цѣны. 3) Чертежи съ раздѣленіемъ частей пароходовъ подъ литерами и номерами, а мелкія части въ закупоренныхъ ящикахъ, тоже подъ номерами. При такихъ условіяхъ и при снятіи съ меня отвѣтственности—приготовить все настоящей осенью, я принялъ это порученіе. Путятинъ уѣхалъ, и у меня началась настоящая каторжная жизнь.

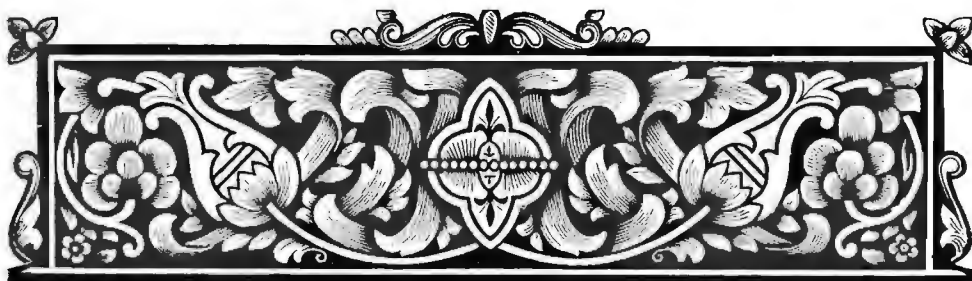
Мнѣ назначили до 300 человекъ матросовъ изъ всѣхъ экипажей съ тѣмъ, чтобы они, по приходѣ въ Астрахань, поступили въ астраханскій экипажъ; естественно, что экипажи награждали меня все дрянью, въ томъ числѣ пьяницами и мошенниками. Команда

моя помѣщалась на Охтѣ, гдѣ нѣтъ казармъ, и люди были размѣщены по обывательскимъ домамъ, гдѣ строгій надзоръ былъ невозможенъ. Начались безобразія: пьянство, воровство, и не проходило дня, чтобы меня ни требовали къ коменданту, гдѣ сидѣли забранные ночью мои шалуны матросики, и меня спасало только то, что это была команда сборная. Послѣ многихъ хлопотъ удалось сбыть особенныхъ артистовъ или подъ судъ, или обратно въ экипажъ, и эта статья понемногу устроилась. Мнѣ пришлось вести большую переписку, отчетность, а ни писаря, ни хозяйственного чиновника—не дали. Назначили двухъ помощниковъ—молодыхъ офицеровъ Колзакова и Гейсмара, славныхъ ребятъ, но безпардонныхъ кутилъ, и я просилъ ихъ ко мнѣ не ѣздить, такъ какъ они только мѣшали. Восемь баржъ строились на Охтѣ и Александровской мануфактурѣ на вольныхъ верфяхъ и со строителями мошенниками была большая возня и приходилось поминутно къ нимъ ѣздить. Дѣло устраивалось новое, на которое не было ни штатовъ, ни смѣтъ, и по всякой потребности, приходилось просить разрѣшенія высшаго начальства, что, при моемъ скромномъ служебномъ положеніи, было до чрезвычайности затруднительно. Всѣ матеріалы хранились въ главномъ адмиралтействѣ, и я все долженъ былъ принимать лично изъ разныхъ магазиновъ, а напр., якоря изъ Галернаго порта, и все на Охту долженъ былъ перевозить своими средствами, для чего мнѣ дали двухъ старыхъ портовыхъ, гребныхъ катера. Изъ выше писаннаго видно, что хлопотъ было достаточно, но и расходовъ также, а между тѣмъ мнѣ, кромѣ обыкновеннаго жалованья и квартирныхъ, не выдали ни одной копейки. Въ этихъ случаяхъ меня выручала голубушка моя шкатулка съ серебромъ, которая много разъ бывала въ залогѣ, но выкупалась и слава Богу уцѣлѣла до сихъ поръ. Я нѣсколько разъ рѣшался бросить это путанное дѣло, но Путятинъ не было, Посыетъ уговаривалъ меня потерпѣть, да и самолюбіе не позволяло бросить дѣло, какъ бы испугавшись труда.

Постройка баржъ затянулась, да и суда съ пароходами запоздали, а кромѣ 8-ми выстроенныхъ мною деревянныхъ баржъ, Путятинъ заказалъ за границей и прислалъ въ Кронштадтъ двѣ прекрасныя желѣзныя баржи и небольшой пароходъ для образца, и суда эти поступили въ мою команду. Въ сентябрѣ пришли суда съ разобранными пароходами, и я всю осень провозился съ пріемомъ этихъ грузовъ и передъ самымъ ледоходомъ доставилъ все это на Охту. Всю черную работу я окончилъ, и возвратившійся Путятинъ, оставшійся довольнымъ моими дѣйствіями, въ общихъ чертахъ объяснилъ дальнѣйшія мои обязанности, которыя состояли въ слѣдующемъ: съ открытіемъ навигаціи я

долженъ былъ отвезти весь отрядъ по Маріинской системѣ и Волгѣ въ Астрахань, гдѣ собрать пароходы и сдать порту; коротко, но не ясно! Не имѣя понятія о Маріинской системѣ и Волгѣ и о потребныхъ расходахъ, я бросился въ министерство путей сообщенія искать разъясненій и руководства. Тамъ мнѣ дали подробные планы всѣхъ сооруженій, но общаго описанія Маріинской системы, глубины, расходовъ, однимъ словомъ того, что мнѣ было нужно, я нигдѣ не нашелъ. Денежныя мои средства истощились, я нажилъ долгъ, Путятинъ не давалъ никакого пособія, просить я не умѣлъ, приходилось везти отрядъ по неизвѣстнымъ путямъ, отвѣчать за сборку пароходовъ въ Астрахани и въ заключеніе, при положительной неопытности во всѣхъ дѣлахъ, помимо прямой морской службы, я былъ физически измученъ непосильными трудами. Все это меня сильно мучило всю зиму, которую я провелъ на Охтѣ совершенно одинъ. Окончательный толчокъ для рѣшенія мнѣ далъ пріѣздъ лейтенанта Аркаса. Аркасъ служилъ въ Черномъ морѣ и служилъ на судахъ, которыми командовалъ Путятинъ.—Чтобы доставить Аркасу возможность посмотреть Петербургъ, ему дали порученіе доставить въ морское министерство какіе-то чертежи, какъ предлогъ, дающій право получить прогоны. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Аркасъ, конечно, явился къ старому своему командиру Путятину, который между прочимъ сообщилъ о моемъ отрядѣ и совѣтовалъ съѣздить его посмотреть. Я, конечно, все показалъ ему, и Аркасу очень понравилось мое порученіе, а я заявилъ, что оно мнѣ опротивѣло, и я охотно бы отъ него отказался; на это Аркасъ попросилъ передать Путятину, что онъ желаетъ занять это мѣсто. Такъ дѣло и устроилось: я сдалъ весь отрядъ Аркасу и такъ какъ нашъ корабль не плавалъ это лѣто, то я взялъ отпускъ на 8 мѣсяцевъ; при прощаніи, Путятинъ выразилъ сожалѣніе, что я ухожу, высказалъ, что онъ мною былъ вполне доволенъ и искреннимъ расположеніемъ до настоящаго времени доказываетъ, что эта была не фразы, а искреннее о моей службѣ мнѣніе.

Въ первый разъ, съ поступленія моего въ корпусъ, я провелъ все лѣто въ деревнѣ и конечно провелъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

Театръ и зрители ¹⁾.

IV. Наступленіе реализма.

3.

Неудачная война, конечно, играла важную роль въ той стремительности, съ которой театръ, перескочивъ черезъ обычные этапы развитія сценическаго реализма, сразу направился по пути обличенія и поученія. Но прежде всего, въ моментъ своего возникновенія, война возбудила патріотическій подъемъ, сказавшійся на сценѣ обиліемъ пьесъ военныхъ, историческихъ, воодушевляющихъ, если не воодушевленныхъ.

Первенство принадлежитъ пьесѣ Кукольника «Морской праздникъ въ Севастополѣ». Поставленная 6-го января 1854 г., она заставила вспомнить дни Озеровскаго «Димитрія Донскаго»: смѣшеніе зрительной залы и сцены, слезы восторга, пролитыя толпой, какой-то праздникъ-праздниковъ, со всеобщими объятіями въ одномъ патріотическомъ порывѣ. Правда, первое представленіе собрало въ театръ исключительную публику, принадлежавшую въ значительной степени къ тому слою, о подвигахъ котораго говорилось въ пьесѣ. «Вышіе государственные сановники и цвѣтъ высшаго петербургскаго общества занимали первыя мѣста. Въ большой царской ложѣ помѣщались придворныя дамы и придворныя чины, а боковая царская ложа, въ бельэтажѣ, была пожалована на этотъ вечеръ воспитанникамъ морскаго кадетскаго корпуса. Моряки всѣхъ чиновъ, начиная отъ адмирала до мичмана, были, разумѣется въ большинствѣ» (С.-Петербург. Вѣд.» 1854 г. № 7). За каждымъ «ура», раздававшимся на сценѣ, слѣдовало громовое ура всей залы. Кричали, стучали, вставали, требовали гимна, волновались и радовались. Кукольникъ пожалъ еще невиданные имъ лавры энтузіазма изысканной театральной толпы.

Но не особымъ составомъ публики объяснялся успѣхъ пьесы. На ея повторенія шли всѣ; ею восхищались люди самыхъ разно-

¹⁾ См. Гол. Мин. № 10.

образныхъ общественныхъ слоевъ, надъ ней плакали и радовались зрители всякаго званія. Очевидно, не одно только высшее искусство, не одна только художественная сила способна вызвать солидарность зрителей. «Пьеса эта, игранная въ первый разъ 6-го января,—говоритъ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ»,—послѣ того повторялась до сего дня (26 января) шестнадцать разъ сряду и каждый разъ театръ былъ полонъ до-нельзя»... Объясняя причины успѣха, рецензентъ ищетъ ихъ въ «простотѣ и естественности» дѣйствующихъ лицъ. «Всѣ эти лица говорятъ просто и естественно, но ихъ простыя рѣчи, въ родѣ хоть словъ капитана, что въ случаѣ невозможности продолжать битву, русскій морякъ долженъ поднять себя на воздухъ, а не спустить флагъ, или замѣчаніе стараго солдата, что на войнѣ на одного русскаго по три турка слѣдуетъ по положенію и т. п.,—все это производитъ сильное впечатлѣніе, потому что зала и сцена сливаются какъ бы въ одно цѣлое во время представленія, актеры говорятъ то, что думаютъ зрители». («От. Зап.» 1854 № 3).

Такою же «простотою и естественностью» отличается пьеса Григорьева 1-го, небезызвѣстнаго водевилиста и искуснаго актера, нашедшаго для своей творческой способности подходящее примѣненіе въ этотъ благодарный моментъ. «За вѣру, царя и отечество» называется его «простая и естественная» пьеса. Хроникеръ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» отмѣчаетъ успѣхъ, равный тому, который имѣла пьеса Кукольника. «То же горячее сочувствіе въ публикѣ ко всему народному, тотъ же восторженный пріемъ каждой фразы, проникнутой теплымъ чувствомъ любви къ Царю и отечеству. Публика въ этотъ вечеръ представляла истинно-умилительное зрѣлище; не разъ залу потрясало громкое и единодушное «ура», служившее отголоскомъ тому, которое раздавалось на сценѣ. Рукоплесканія и вызовы отличались особенной восторженностью и единогласіемъ»... Хроникеръ прибавляетъ однако: «На чисто литературныя достоинства произведеніе Григорьева не имѣетъ притязаній». («С.-Пет. Вѣд.» 1854 г. № 152) ...Ну, конечно, не имѣетъ, да и не о литературѣ думаетъ. И однако литературные люди находятъ въ ней отраду. Въ письмѣ къ Писемскому А. Майковъ пишетъ: «Признаюсь откровенно,—вмѣстѣ со всей публикой я плачу и кричу въ Александринскомъ театрѣ при пьесахъ Григорьева: онъ умѣетъ мастерски питать патріотическое настроеніе Петербурга»...

Немудрено, что такой головокружительный успѣхъ соблазняетъ многихъ. Увлеченные дѣйствительно патріотическими чувствами, или желаніемъ видѣть себя предметомъ бурныхъ овацій, или другими выгодами, драматурги ищутъ въ русской исторіи

новыхъ «Дмитріевъ Донскихъ» и новыхъ «Морскихъ праздниковъ». Кукольникъ обнаруживаетъ выходящій изъ ряда жаръ патріотическаго чувства, ставя рядъ историческихъ пьесъ, такъ или иначе свидѣтельствующихъ о славѣ русскаго оружія и русскихъ вождей: еще ранѣе «Морского праздника» поставленъ «Денщикъ Петра Великаго»,—позднѣе «Маркитантка», пьеса изъ временъ Петра Великаго, «Азовское сидѣнье»,—все двинуто для поднятія патріотическихъ чувствъ театральнаго зрителя. Рядъ авторовъ вспоминаетъ о «Взятіи Казани», о «Подвигѣ Ширванскаго полка въ Турецкую кампанію», о «Русскомъ мужичкѣ и французскихъ мародерахъ» (эпизодъ изъ войны 1812 г.), о «Большомъ орлѣ» (изъ временъ Петра Вел.), о «Подвигѣ донскаго казака Разстригина», объ «Осадѣ Русской крѣпости Чирахъ лезгинами въ 1814 г.», о «Блокадѣ Ахты». Заглавія кричатъ, заманиваютъ, приглашаютъ любоваться «подвигами», «осадами», «блокадами»; есть пьеса, какъ бы замѣняющая военныя телеграммы: «Вѣсти о побѣдѣ или гость съ Кавказа», зритель идетъ, радуется и плачетъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сдержаннымъ дѣлается, а въ 1855-мъ году уже явно холодѣетъ.

До поры, до времени, однако, патріотизмъ крикливъ и шуменъ; онъ гнѣздится въ отдаленныхъ уголкахъ и проявляется въ удивительныхъ формахъ. Газеты оповѣщаютъ, что движимая патріотизмомъ крестьянская дѣвушка Татьяна Герасимова, 24 лѣтъ, явилась изъ саратовской глуши «съ дозволенія своей помѣщицы», чтобы «на пользу раненыхъ» «показать свое удивительное искусство». Не имѣя рукъ, «этихъ важнѣйшихъ орудій человѣка», она «съ изумительной ловкостью чешетъ себѣ голову, моется, шьетъ, читаетъ, пишетъ, вырѣзываетъ изъ бумаги цвѣты» («Отеч. Зап.» 1855, № 1). Разстроганная публика стекается смотрѣть, какъ «на пользу раненыхъ» Татьяна Герасимова чешетъ себѣ голову и моется.

Патріотизмъ находитъ необыкновенно громкихъ выразителей въ особенности послѣ официальныхъ выраженій признательности на него. «Въ Екатерининскомъ институтѣ,—разсказываетъ Никитенко въ 1853 году,—есть дѣвочка Попандопуло, лѣтъ четырнадцати. Изъ газетъ она узнала о смерти своего брата, убитаго въ сраженіи съ турками. Подруги изъявляли ей участіе, и одна изъ нихъ спросила: «Жаль ли ей брата?»—«Чего жалѣть?»—отвѣчала она,—онъ погибъ за царя и отечество». Объ этомъ довели до свѣдѣнія государя, и его величество назначилъ дѣвицѣ Попандопуло пенсію въ тысячу рублей до выхода замужъ «за религіозно-вѣрноподданическія чувства», какъ сказано въ официальной бумагѣ. Сверхъ того при выпускѣ изъ института, ей велѣно выдать

еще тысячу рублей, а когда она будетъ выходить замужъ, то довести до свѣдѣнія двора, и тогда ее снабдятъ приданымъ»... Такой примѣръ увлекаетъ многихъ, и немудрено, что большинство «крикуновъ», по словамъ того же Никитенки, «состоитъ изъ лицемѣровъ, которые хотятъ своимъ крикомъ выказать патріотизмъ»....

Но, «крикуны» или искренніе патріоты, всѣ они въ театрѣ обладаютъ терпимостью, которая показалась бы необыкновенно странною въ наше время. Въ разгаръ войны, когда между Россіей и Франціей порваны связи, обѣ наши столицы посѣщаетъ знаменитая французская актриса, и вездѣ встрѣчаетъ благосклонный пріемъ. На спектакли Рашели бѣжитъ вся столица; театръ ломится; театральные рецензенты посвящаютъ обсужденію игры знаменитой артистки цѣлые фельетоны; образуются группы поклонниковъ, которые собираютъ деньги на цвѣты и подарки, рукоплещутъ громче другихъ, суетятся, обнаруживаютъ всѣ признаки «изступленія». Знаменитая актриса назначаетъ за право посѣщенія ея спектаклей цѣны, которыхъ не знала столица. Ложа бельэтажа, стоящая въ обыкновенное представленіе 9 рублей, теперь продается за 25, а въ день бенефиса Рашели за 50, ложа 1-го яруса, не поднимающаяся въ обычные дни выше 6-ти рублей, теперь, въ рядовые спектакли Рашели, стоитъ 16, а въ бенефисъ знаменитой артистки даже 32 рубля, т.-е. цѣна повышается въ 6 разъ. И, несмотря на такія цѣны, театръ наполняется весь, а въ бенефисъ Рашели многочисленные поклонники остаются безъ мѣстъ. Увлеченіе артисткой доходитъ до того, что, когда она ѣдетъ въ Москву, ея поклонники выѣзжаютъ заранѣе впередъ, чтобы обезпечить ей спокойную и удобную поѣздку. Они доѣзжаютъ до Твери, гдѣ встрѣчаютъ ихъ уже выѣхавшіе съ тою же цѣлью предупредительные москвичи. «Произошло,—разсказываетъ корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»,—сближеніе во имя искусства, орошенное приличнымъ количествомъ шампанскаго и слезъ умиленія» (С.-Петербургскія Вѣд.» 1854 г. № 31).

Пріѣздъ Рашели неожиданно вскрываетъ громадныя успѣхи, достигнутыя «натуральной» игрою въ Россіи. Давно ли театральные критики, сравнивая французскую игру съ русской, находили послѣднюю искусственной, напряженной, «ненатуральной» и отдавали явное предпочтеніе французской. Мнѣ пришлось уже упомянуть о сравненіи игры г-жи Каратыгиной съ игрою г-жи Бурбье. «Боже мой,—восклисалъ тогда критикъ,—въ одной (въ Каратыгиной) все натяжно, все разложено на пустые эффекты, въ другой все—натура, все—жизнь; въ одной вы видите какое-то напряжен-

ное усиліе несвойственнымъ ей голосомъ выговаривать нѣкоторые звуки, которые оттого стучать и шипять въ ушахъ вашихъ самымъ непріятнымъ образомъ; въ другой благородство и простота» (Лит. Прибавл. къ «Русск. Инвал.» 1837 г. № 34). И это было не только различіе таланта и свойствъ данныхъ актрисъ, а система, направленіе игры: неестественность и безудержность, требовавшіяся русской публикой,—слѣдующая ступень, достигнутая французской. Теперь, въ 50-хъ годахъ, мы шагнули уже далеко впередъ и обогнали французовъ; теперь ихъ «благородство и простота» кажутся намъ уже неестественностью и искусственностью. Рашель, конечно, привлекаетъ въ театръ своимъ прославленнымъ именемъ; нельзя не видѣть ея, ибо о ней говорятъ вездѣ; нельзя видѣть ее въ одной только пьесѣ, ибо въ разговорахъ со знакомыми надо высказать сужденіе объ исполненіи ею нѣсколькихъ ролей; нельзя и говорить о ней плохо или высказывать неудовлетвореніе, ибо этимъ можно доказать свою отсталость. Но, наиболѣе смѣлые, оцѣнившіе уже игру Садовскаго, Шумскаго, Самойлова, начинаютъ говорить о «неестественности» Рашели. Слово прививается; оно у многихъ на устахъ, даже у тѣхъ, кто хлопаетъ, одобряетъ, выражаетъ восторгъ. Рецензенты, доказывавшіе прежде, что театральная толпа не понимаетъ истиннаго искусства, рукоплеща Каратыгиной и недостаточно оцѣнивая французскую игру, теперь мѣняють позицію и доказываютъ иное. «Игра г-жи Рашель неестественна»,—приводитъ критикъ «Отеч. Записокъ» мнѣніе недоброжелателей пріѣзжей артистки: «Да, отвѣчаемъ мы, это справедливо, но по самому свойству исполняемыхъ ею ролей и пьесъ, г-жа Рашель не можетъ быть естественною въ этомъ смыслѣ. Игра ея неестественна въ отношеніи къ жизни, но тѣмъ не менѣе прекрасна въ отношеніи искусства».

Болѣе откровенная Москва считаетъ игру Рашели холодной и не увлекается ею. Аполлонъ Григорьевъ, увлеченный Островскимъ, Садовскимъ, Любимомъ Торцовымъ, обвиняетъ ее даже въ «выкидываніи колѣна почуднѣй»:

Пускай она талантъ, пусть геній,—дай Богъ ей! —

Да намъ не ко двору пришло ея искусство.

Въ насъ слишкомъ дѣйствиительно, свѣжо и просто чувство,

Чтобы выкидывать колѣна почуднѣй...

(«Москвитянинъ» 1854 г. № 4).

Спектакли Рашели и въ Москвѣ посѣщаются, проводы устраиваются, но все происходитъ какъ бы по необходимости, а не по увлеченію. «Проводы Рашели,—пишетъ московскій корреспондентъ

дентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»,—имѣли много аналогіи съ ея игрою... Были блестящи, восторженны, торжественны, но въ то же время какъ-то холодны, искусственны. Однако «счетъ вызововъ послѣ прощальнаго спектакля былъ утраченъ»...

Если вспомнить, что Москва 16 разъ вызвала Полтавцева, если принять во вниманіе, какъ она умѣла провожать, то въ этой «утраченности счета» нельзя видѣть дѣйствительнаго увлеченія. Всего за два-три года до этого Москва провожала встрѣченную ею холодно Фанни Эльслеръ. Тогда холодъ постепенно исчезалъ; театръ наполнялся по мѣрѣ того, какъ слава артистки распространялась отъ зрителя къ зрителю, и въ послѣднее представленіе оваціи достигли высшаго, чего можетъ пожелать артистическое тщеславіе. Въ самомъ выборѣ подарковъ уже обнаруживались долгая обдуманность и забота. Артисткѣ поднесли два браслета отъ публики и артистовъ. Въ первомъ брилліанты окружали шесть камней: малахитъ, опалъ, сапфиръ, кольцодеонъ, вениса и аметистъ,—начальныя буквы которыхъ соединялись въ слово «Москва». Были, конечно, крики, аплодисменты, бросаніе цвѣтовъ. Въ обѣихъ литерныхъ ложахъ заготовили 150 букетовъ, но ихъ не хватило при возросшемъ энтузіазмѣ, и принуждены были обратиться за новымъ подкрѣпленіемъ. Аплодировали въ теченіе всего сольнаго нумера артистки: «Когда Фанни начала свое solo рукоплесканія раздались въ тактъ музыки и мѣрно продолжались въ партерѣ, ложахъ и даже райкѣ, до окончанія ея танца». Цвѣты ждали артистку у театральнаго подъѣзда. «У себя на подъѣздѣ она вышла на разостланный и усыпанный цвѣтами коверъ; въ комнатѣ встрѣтила многолюдное общество, пріѣхавшее къ ней изъ театра»...

Нѣтъ, очевидно, игра Рашель не увлекла москвичей. И причина этого была въ уже оформившихся требованіяхъ «естественности и простоты».

4.

Внѣ театра общественная жизнь не представляетъ яркихъ измѣненій. По крайней мѣрѣ на нихъ не указываютъ ни «Петербургская лѣтопись», ни «Петербургскія замѣтки», ни свѣдѣнія о московской жизни, помѣщаемыя въ газетахъ и журналахъ. Попрежнему уличная жизнь отражаетъ особенность каждаго сословія, отчужденнаго отъ другихъ въ повседневной жизни и находящаго общій съ ними интересъ лишь въ театрѣ.

Попрежнему купечество показываетъ и осматриваетъ невѣсть на улицахъ во время катанья. «Послѣ Крещенія, въ каждый праздникъ, въ томъ числѣ и по воскресеньямъ, по набережной

отъ Адмиралтейскаго бульвара тянется въ четвертомъ часу дня длинный рядъ экипажей (большей частью сани въ одну лошадь), въ которыхъ показываются и смотрятся невѣсты». Для той части купечества, которая въ этихъ одноконныхъ экипажахъ показываетъ свой «товаръ», нѣтъ другихъ способовъ познакомить «покупателей» съ «личностью» невѣсты; повидимому и «Бѣдная невѣста», и «Не въ свои сани не садись» обозначаютъ свободу нравовъ большую, чѣмъ та, которая допускается обычаями этого круга.

Попрежнему на улицахъ столицы «вы безпрестанно встрѣчаете длинное шествіе носильщиковъ съ различной мебелью на головахъ,—шествіе, заканчиваемое обыкновенно двумя-тремя каретами, въ которыхъ изъ моря розовыхъ подушекъ выглядываетъ умильная фizioномія какой-нибудь почтенной старушки, по всей вѣроятности не мало содѣйствовавшей къ учрежденію пріятной процессіи» («Отеч. Зап.» 1852 г. № 3). Это—перевозка приданого въ домъ жениха.

Попрежнему въ среднемъ классѣ быстро находятъ отзывъ всякія неотвѣтственныя мелкія новинки. Какъ въ 40-хъ годахъ впервые появившаяся на русскомъ горизонтѣ полька закружила многочисленныя пары, такъ въ эту эпоху кружатся въ семейномъ быту и среди близкихъ знакомыхъ намагнетизированныя столы, блюдечки, ключи, шляпы. Эпидемія верченія столовъ охватываетъ обѣ столицы. Газеты и журналы относятся къ ней полуиронически, полусерьезно. «Московскія Вѣдомости» посвящаютъ ей длинныя статьи, «научно» разбирающія вопросъ о «танцующихъ столахъ», высказывая много предположеній о причинахъ движенія, говоря и о спазматическомъ движеніи пальцевъ вслѣдствіе усталости, и о магнетическомъ «истеченіи», и о другихъ силахъ. А пока это обсуждается и объясняется, семьи и кружки знакомыхъ сидятъ или стоятъ надъ столами, надъ блюдечками, сосредоточенныя, серьезные, молчаливыя и ожидающіе движенія. Сѣверная столица начинаетъ первая; Москва примыкаетъ позднѣе, но увлекается больше. «Опыты движенія столовъ, ключей, шляпъ, тарелокъ и проч., составляютъ и здѣсь преимущественное занятіе и служатъ единственнымъ предметомъ разговора,—пишутъ изъ Москвы въ «Петербургскія Вѣдомости», куда бы вы ни явились, вездѣ рѣчь заходитъ обѣ одномъ и томъ же, и кромѣ того почти вездѣ вы попадаете на самые опыты... Куда ни обернешься, вездѣ непрерывная цѣпь рукъ надъ столомъ или шляпой; даже на улицѣ вы нерѣдко встрѣчаете молчаливыя пары наблюдателей внимательно устремившихъ взоры на ключъ, помѣщенный между ними на ихъ пальцахъ... Недавно здѣсь былъ музыкальный вечеръ, кончившійся часу во второмъ за полночь, на которомъ

была пропѣта только одна арія, а все остальное время съ 8-ми часовъ было употреблено на верченіе столовъ, шляпъ и людей, и между тѣмъ этимъ музыкальнымъ вечеромъ всѣ остались довольны... Корреспондентъ прибавляетъ, впрочемъ, что «это открытіе имѣетъ еще здѣсь множество противниковъ». («С.-Пет. Вѣд.» 1853, № 112).

Къ общему увлеченію не можетъ равнодушно относиться и театр. «Московскія Вѣдомости» (№ 72, 1853 г.) пишутъ: «Столодвиженіе начинаетъ понемножку прокрадываться и въ литературу. Неутомимый и почтенный нашъ литераторъ П. В. Сушковъ издалъ піеску подъ названіемъ «Движущіеся столы» и отнесъ ее къ особому новому роду, который имъ названъ словомъ «пустячокъ». Вѣроятно, авторъ поставитъ его на сцену». Въ № 130 газета съ удовольствіемъ доводитъ до свѣдѣнія читателей, что труды неутомимаго и почтеннаго литератора увѣнчались успѣхомъ: «На дняхъ будетъ первое представленіе пьесы г. Сушкова «Движущіеся столы»... Въ настоящее время она не утратила интереса современности, хотя всѣ пытливые люди отъ движущихся столовъ перешли къ пишущимъ столамъ». Увы! корреспондентъ «Петерб. Вѣдомостей» (№ 181) открываетъ, что тема вертящихся столовъ была уже использована для сцены другимъ авторомъ и что пьеса почтеннаго и неутомимаго литератора успѣха не имѣла: «публика даже не смѣялась».

Тотъ же средній классъ, повинувся главнымъ образомъ модѣ, и, можетъ быть, отчасти велѣніямъ обстоятельствъ, вводитъ новшество: вмѣсто широкаго гостепріимства, побуждающаго открывать двери знакомымъ во всякое время, когда бы они ни пришли, устраиваются опредѣленные дни, *jours fixes*; и это названіе нравится многимъ, въ немъ видятъ отблескъ какой-то образованности, какой-то причастности къ Европѣ, какой-то дѣловитости, побуждающей видѣть знакомыхъ у себя только разъ въ недѣлю, а въ остальные дни недѣли располагаться въ другихъ домахъ. «Прежде,—говорятъ «Отеч. Зап.» назначенные дни (*jours fixes*) существовали только въ высшемъ классѣ, теперь они распространяются уже во всѣхъ обществахъ... Кромѣ купцовъ, которые попрежнему зовутъ гостей на именины, крестины, всѣ другіе жители Петербурга, особенно украшенные свѣтлыми пуговицами, имѣютъ свои понедѣльники, вторники, четверги». И опять мода находитъ отраженіе въ театрѣ: «Понедѣльники у Анны Дмитріевны», являющіеся подражаніемъ «*Les lundi de madame*», ставятся на сцену и терпятъ крушеніе,—и въ бенефисъ, и въ повтореніе публика безжалостно шикаетъ.

И такъ же, какъ вертящіеся столы, какъ *jours fixes*, эпидеміей

распространяется стремленіе къ устройству домашнихъ спектаклей. Страсть къ нимъ начинается еще въ 40-хъ годахъ, но въ 1851 г. она распространяется и растетъ, и захватываетъ большіе и большіе круги. Дѣлаются попытки организаціи домашнихъ спектаклей болѣе или менѣе правильно, при помощи учрежденной для этого «компаніи». Компанія снимаетъ залу и устраиваетъ «походную сцену». Начинаютъ съ того, что ссорятся и тянутъ въ разныя стороны. Корреспондентъ «Петр. Вѣд.» не находитъ въ нихъ главнаго условія для успѣха, — «единодушія и согласія». «Каждое лицо компаніи считаетъ себя самобытнымъ и отъ этого всѣ представленія любителей ограничиваются путаницей и кутерьмой. Что касается до пьесъ, то репертуаръ компаніи неограниченъ, — она разыгрываетъ трагедіи, комедіи, историческія пасторали, комическія пасторали, драмы съ тремя единствами и поэмы безъ всякаго единства»... Путаница и кутерьма — достояніе всѣхъ домашнихъ спектаклей, но и путаница увлекаетъ, и домашніе спектакли притягиваютъ тѣхъ, кто хоть на время хочетъ перемѣнить положеніе зрителя на амплуа дѣйствующаго лица.

А публика, которой Полевой въ письмѣ къ брату давалъ названіе *beau-monde*, веселится попрежнему. Война идетъ, иноземцы грозятъ, рати собираются, и «каждый день изъ петербургскихъ заставъ выѣзжаетъ нѣсколько ухарскихъ троекъ въ лентахъ, бубенчикахъ и блестящихъ хомутахъ... къ средней Рогаткѣ, въ Стрѣльну и дальше... Теплая комната, обѣдъ, приправленный голодомъ, шампанское, а потомъ веселыя рѣчи, импровизированный балъ». («С.-Пет. Вѣд.» 1854 г., № 2).

«Въ годину горя» высшее столичное общество не теряетъ вкуса къ удовольствіямъ, живетъ весельемъ и зрѣлищами. Отъ театровъ и баловъ оно переходитъ къ цвѣтамъ, прогулкамъ, катаньямъ и маскарадамъ, вполне увѣренное, что храброе войско подъ руководствомъ умѣлаго начальства защититъ интересы Россіи, доставя мирнымъ жителямъ возможность повеселиться еще во славу русскаго оружія. И печать, лишенная возможности освѣщать событія и даже откликаться на нихъ, восхищается утѣхами столичнаго общества, призываетъ слѣдовать имъ, поетъ гимны оранжереямъ Гарфункеля, Нессельроде и купца Громова, куда ѣздить за цвѣтами для баловъ представители веселящейся молодежи. «Нѣсколько троекъ мчатся за цвѣтами. Пошевни быстро несутся по дачнымъ окрестностямъ, снѣжная пыль осыпаетъ сѣдоковъ, разбуряенныя морозомъ личики дамъ сіяютъ улыбкою; говоръ и смѣхъ не перестаютъ ни на минутку, какъ вездѣ, гдѣ есть молодежь и хорошенькія женщины... Отъ оранже-

рей такъ близко горы и, подкрѣпивъ свои силы завтракомъ въ какой-нибудь крошечной комнаткѣ дачнаго садовника, общество изъ міра сиреней, камелій, померанцевъ и пальмъ переносится въ области льдовъ, снѣговъ и вѣчно-зеленѣющихъ елокъ. Быть въ оранжереяхъ и не быть на горахъ это невозможно. Кто изъ кавалеровъ откажется отъ удовольствія... Дамы никогда не отказываются отъ удовольствій... Цвѣточная экспедиція возвращается въ городъ, чтобъ приготовиться къ вечеру. Балъ! »...Печать такъ же умиленно описываетъ балъ и восторгается чужимъ весельемъ. И уже много послѣ, когда условія русской жизни нѣсколько мѣняются, она рассказываетъ, что общество далеко не вездѣ относилось такъ беззаботно къ военнымъ осложненіямъ: даже въ далекомъ «Иркутскѣ, когда было получено извѣстіе объ оставленіи южной части Севастополя, въ назначенный въ этотъ день концертъ не явилось ни одного слушателя и спектакль, объявленный на другой день, пришлось отложить за отсутствіемъ публики»... («Отеч. Зап.» 1856 г., № 1).

Но это уже позднѣе. До тѣхъ же поръ нѣтъ указанія на происшедшія измѣненія; да и война какъ будто оказываетъ очень слабое вліяніе на житейскія привычки, содѣйствуя лишь устройству концертовъ и вечеровъ въ пользу «инвалидовъ». И только театръ, несмотря на постановку военныхъ, историческихъ, патріотическихъ пьесъ, несмотря на сохраненіе переводныхъ драмъ и мелодрамъ, да литература, несмотря на цензурныя препятствія, говорятъ о склонности къ изученію и изображенію дѣйствительности, въ настоящемъ видѣ, къ критикѣ и даже отрицанію. Только театръ собираетъ и объединяетъ различные элементы населенія и вызываетъ въ нихъ одинаковыя чувства. И даже на улицѣ воспоминаніе о театральныхъ впечатлѣніяхъ собираетъ и объединяетъ толпу. Умираетъ Каратыгинъ, и провожать его сходятся толпы самаго разнообразнаго люда. «Оба берега Мойки, начиная отъ Краснаго моста, и вся площадь покрыты сплошною толпою народа». Къ гробу пытаются подойти почитатели покойнаго, когда-то видѣвшіе его изъ партера, ложъ, галлерей и райка. Человѣкъ изъ «общества» говоритъ купцу, стоящему впереди. «Позвольте, пропустите меня, покойникъ былъ мнѣ знакомый». — «Эхъ, батюшка, отвѣчаетъ купецъ, не уступая своего мѣста, — онъ былъ намъ всѣмъ знакомый». («С.-Пб. Вѣд.» 1853 г., № 62).

Все это разнообразіе привычекъ, сословныхъ традицій, минутныхъ увлеченій объединяется въ театрѣ общимъ «знакомствомъ» съ одинаковыми впечатлѣніями, общими чувствами и общей волей.

5.

Каратыгинъ умеръ, и съ нимъ окончательно отошла въ прошлое долгая эпоха пылкихъ переживаній, какъ бы юношеская мечтательная стадія въ исторіи театра XIX вѣка. Пьесы этого «юношескаго» образца еще остались, но куда исчезло прежнее наивное и непосредственное отношеніе къ нимъ исполнителей? Уже нѣкоторые актеры не рѣшаются выйти къ публикѣ съ прежнимъ захватывающимъ жаромъ, съ прежней игрой «во всю», прежнимъ «нечеловѣческимъ» разговоромъ въ сверхчеловѣческихъ роляхъ. Уже дѣлаются попытки произносить «человѣческимъ» языкомъ брызжущія лавой тирады 30-хъ и 40-хъ годовъ. Режиссеръ Яблочкинъ, напримѣръ, не рѣшается выпустить своего ученика, дебютанта Бубнова, передъ зрителями съ прежнимъ отношеніемъ къ драмѣ «Князь Скопинъ-Шуйскій». Онъ требуетъ, чтобы дебютантъ говорилъ свою роль «человѣческимъ языкомъ и избѣгалъ всякихъ изысканныхъ сценическихъ позъ». Свидѣтель попытки очеловѣченія драмы Полевого (Г. М. Максимовъ, «Свѣтъ и тѣни Петербургской драматической труппы») утверждаетъ, что «чрезъ это самое и вышелъ Скопинъ весьма неудачнымъ». «Въ той же драмѣ и въ томъ же ея представленіи,—продолжаетъ Максимовъ,—участвовалъ и другой охотникъ замѣнить ходульность натурою, но труды его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ показался даже смѣшнымъ, начавъ передавать разговорнымъ языкомъ монологъ Ржевскаго, обращенный къ спящимъ измѣнникамъ: «Спи, стая псовъ, спи непробуднымъ сномъ до страшнаго суда, когда проснись и прямо въ адъ»...

Актеры показались смѣшными, да и нельзя не быть смѣшнымъ въ попыткѣ очеловѣчить «нечеловѣческое». Но неудачное и смѣшное свидѣлствуетъ о новомъ характерѣ требованій публики не менѣе, чѣмъ ярко выраженное и принятое съ рукоплесканіями. Самое существованіе попытокъ удержать вниманіе зрителей на старыхъ пьесахъ при помощи новыхъ ухищренныхъ пріемовъ ихъ исполненія говоритъ о новыхъ временахъ и новыхъ требованіяхъ.

Конечно, и въ это время были крики и неудержимыя страсти,—и особенно этими воплями грѣшила провинція. Провинціальныя актеры являлись даже въ столицы и оглашали здѣсь громовыми раскатами стѣны Александринскаго и Малаго театровъ. Знаменитый трагикъ Рыбаковъ показывалъ столичнымъ зрителямъ свое искусство въ «Гамлетѣ». «Если допустить,—писали тогда «Отеч. Зап.»,—сдѣланное кѣмъ-то подраздѣленіе на Гамлетовъ кричащихъ и говорящихъ, то Рыбаковъ принадлежитъ къ Гамлетамъ кричащимъ. Громко, но безъ души».

«Громкость» понемногу исчезаетъ изъ исполненія; громкость затирается и въ пьесахъ. Образуется уже достаточный русскій репертуаръ безъ необходимости напрягать голосъ,—репертуаръ, требующій отъ исполнителя наблюдательности и обдумыванія, свойствъ далеко не первостепенныхъ для актера былыхъ временъ. Однѣми бытовыми пьесами дѣло не ограничивается. Примѣръ Островскаго, понятно, увлекаетъ многихъ; разбираютъ семейныя отношенія, изображаютъ сословныя привычки, при чемъ, какъ наименѣе защищенный цензурой классъ, объектомъ наблюденія является купечество. Его тѣмъ легче описать, что схема уже дана Островскимъ. Можетъ быть, наиболѣе значительнымъ изъ этихъ произведеній,—во всякомъ случаѣ наиболѣе сочувственно принятымъ критикой,—представляется «Женихъ изъ ножовой линіи» Красовскаго,—автора, умершаго раньше, чѣмъ зрители успѣли ознакомиться съ его пьесой. То столкновеніе купеческаго міра съ міромъ «образованнымъ», которое представлено въ «Не въ свои сани не садись», изображено и здѣсь. То же и, можетъ быть, даже большее разоблаченіе внѣшнихъ темныхъ свойствъ среды и не меньшее сочувствіе къ достойнымъ свойствамъ нетронутой души и непосредственнаго добраго чувства. Въ «Не въ свои сани» элементомъ купеческой среды, страдающимъ отъ безсердечія «благородныхъ», была дѣвушка, Авдотья Максимовна; здѣсь—мужчина, молодой купецъ, которому авторъ почему-то далъ неблагозвучное имя Мордоплюевъ. Влюбленный въ «благородную» дѣвицу Юлію Сандаракону, Мордоплюевъ обращается къ помощи пріятеля, который устраиваетъ свадьбу; но въ послѣдній моментъ случайно узнаетъ несчастный купецъ, что Юлія чувствуетъ къ нему отвращеніе, что выходитъ она за него исключительно изъ-за денегъ; онъ напивается пьянъ, и, раскрывая всѣмъ свое любящее и оскорбленное сердце, разрываетъ съ невѣстой. Рецензенты, говорившіе о пьесѣ, указывали на вѣрное изображеніе типовъ и характеровъ, на живой языкъ, на близость къ дѣйствительности: «вамъ покажется, что вы были не въ театрѣ, а въ обществѣ этихъ людей»...

Быть увлекалъ многихъ авторовъ. Но не однимъ бытомъ характеризовалась реалистическая драматургія этого времени. Психологическій реализмъ,—психологія, не всечеловѣка, а характера, имѣющаго отношеніе къ данной средѣ, къ такой-то эпохѣ, къ земнымъ вполне опредѣленнымъ корнямъ. Не однимъ только рядомъ тургеневскимъ вещей,—«Холостякомъ», «Провинціалкой», «Завтракомъ у предводителя»,—не однѣми пьесами Писемскаго,—«Ипохондрикомъ», «Раздѣломъ», «Ветераномъ и новобранцемъ»,—наполнялся этотъ репертуаръ. Какъ изъ рога

изобилія сыпались забытыя теперь, но привлекавшія тогда вниманіе незначительныя вещи съ значительными претензіями, не столько предназначенныя для житья въ потомствѣ, даже не столько одѣяныя своимъ временемъ, сколько знаменательныя для характеристики измѣненій, внесенныхъ временемъ въ душу русскаго зрителя.

Очень нравилась и заставляла говорить о себѣ «Житейская школа» Григорьева. Герой пьесы, Глинскій, хитростью и видимой приниженностью устраняетъ конкурентовъ, добывающихся, какъ онъ, руки богатой вдовы. Женившись и получивъ въ руки состояніе жены, онъ выпрямляется, дѣлается властелиномъ жены и властелиномъ окружающихъ. Но все это не изъ-за мелкаго тщеславія, а ради «разумнаго» устройства и своей семейной жизни и жизни всѣхъ, къ нему обращающихся. Въ заключеніе всѣ, — и жена больше всѣхъ, — признають, что именно такъ и должна итти жизнь, какъ устраиваетъ ее Глинскій, что онъ и правъ, и честенъ, и силенъ. Пьеса нравится; какъ уѣдряють, ее идутъ смотрѣть даже тѣ, кто обыкновенно не посѣщаетъ театра, и, увидавъ, возвращаются опять для того, чтобы провѣрить первое впечатлѣніе новыми данными. Правда или нѣтъ, но пьеса дѣйствительно выдерживаетъ много представленій; о ней говорятъ и въ гостинныхъ, и въ газетахъ, и въ журналахъ. Критики, пытающіеся объяснить успѣхъ пьесы, связываютъ его съ усталостью зрителей отъ «мечтательности» и стремленіемъ къ практической дѣятельности. «Глинскій нравится, потому что это человѣкъ практическій: онъ умѣетъ взяться за все, умѣетъ владѣть собой и потому владѣть другими, гдѣ, наконецъ, и повредить, кому нужно (чтобъ защитить себя), такъ онъ знаетъ какъ; онъ дѣйствуетъ, живетъ, положимъ еще не въ средѣ, очерченной ясно, но уже не въ томъ мечтательномъ кругу, который до сихъ поръ наполняется однѣми фразами»... Были ли такіе люди, какъ Глинскій; давала ли возможность имъ развернуться русская жизнь, могли ли они рядомъ съ мудростью и хитростью змѣя соединять честность и непорочность голубя, — сомнительно; представленіе такого дѣятеля было все той же мечтательностью, отъ которой общество старалось отдѣлаться; но въ характерѣ мечтательности была новизна, былъ зародышъ практичности, которую такъ восхваляли идеалисты 60-хъ годовъ, того «мыслящаго реализма», о которомъ позднѣ говорилъ Писаревъ. Когда мы перелистываемъ теперь «Житейскую школу», мы видимъ, что это ничтожное произведеніе, но и «въ малой каплѣ отражается солнце», и въ ничтожномъ событіи можетъ проскальзывать зачатокъ будущаго важнаго явленія. Во всякомъ случаѣ, увлеченіе Глинскимъ говорило о той же тенденціи зрителя

къ разбору земныхъ, собственныхъ, близкихъ явленій, къ удаленію отъ надземной жизни герцоговъ, маркизовъ, добродѣтельныхъ разбойниковъ и героическихъ палачей.

И рядомъ съ такимъ стремленіемъ къ практической дѣятельности и идейной энергіи «дагеротипное», какъ любили выражаться тогда, представленіе дѣйствительности, на примѣръ, въ «Причудахъ» Меньшикова, напечатанныхъ въ «Современникѣ», гдѣ намѣчается новый типъ умной и серьезной дѣвушки, и романтическая выдумка графини Ростопчиной «Нелюдимка», гдѣ сочувствіе автора притягивается къ оскорбленной жизнью смѣшной и невѣроятной феминисткѣ. Зоя любила и была любима, но родители жениха почему-то воспротивились; онъ покорился. Другой, которымъ Зоя хотѣла замѣнить перваго, «забылъ». Она отвернулась отъ мужчинъ, зажила отшельницей и даже въ концѣ пьесы не вышла замужъ. Въ общеромантической рамкѣ,—старая дидактика, использованная и Шаховскимъ, и Загоскинымъ, и другими обличителями и моралистами: «Не люди злы и дурны,—золъ и дурень *свѣтъ*... Людей люблю я, *свѣтъ* лишь ненавижу». Но здѣсь же описаніе деревенской жизни, характерное для начала того періода, въ которомъ такъ много чернилъ было пролито для доказательства засасывающаго вліянія провинціи. Няня говоритъ Зоѣ: «Здѣсь господа хорошіе, простые, безъ лести». Зоя даетъ имъ такую характеристику: «Степняки, которымъ жизнь является всегда въ безсмысленномъ видѣ хозяйства пятипольнаго, посѣва, покоса, жатвы, денежныхъ торговъ; которые за годомъ годъ встрѣчаютъ въ безсмѣнной закоснѣлости своей; ѣдятъ и спятъ, да рядятся на праздникъ, а въ будни не умоются». Но хотя и нелюдимка, Зоя внезапно прерываетъ мужененавистническія тирады приглашеніемъ, обращеннымъ къ нянѣ: «Пойдемъ же! Ты поможешь мнѣ примѣрить вновь присланное платье изъ Парижа»...

«Нелюдимка», какъ и нѣкоторыя другія пьесы,—комическій отблескъ наиболѣе смѣшныхъ сторонъ романтизма на реалистическихъ стремленіяхъ эпохи. Но стремленія эти идутъ далеко, порою за представленія Островскаго, за попытки подражающихъ ему авторовъ. Писемскій, на примѣръ, не признаетъ для реализма никакихъ препятствій, не видитъ какихъ-либо ограниченій для реальной обстановки на сценѣ. Когда онъ, въ обществѣ другихъ литераторовъ, участвуетъ съ благотворительной цѣлью въ представленіи «Ревизора», онъ требуетъ полного уничтоженія сценическихъ условностей; смѣло отворачивается отъ зрителей, говоритъ «въ сторону» такъ, что публика не слышитъ, и на замѣчанія товарищей по спектаклю обзываетъ всѣхъ «рутинерами». «Развѣ,—

заявляетъ онъ,—когда я нахожусь въ комнатѣ и говорю съ кѣмъ-нибудь, забочусь я о томъ, чтобы меня слышалъ кто-нибудь, кромѣ тѣхъ, къ кому моя рѣчь обращена?.. Буду я заботиться о томъ, чтобы не поворачивать спины ни къ кому изъ остальныхъ, въ этой же комнатѣ находящихся? Для сцены нѣтъ законовъ кромѣ одного: полный реализмъ безъ всякихъ ограниченій и уступокъ»... (Литературные спектакли. П. И. Вейнберга. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1893—1894 гг. Прилож. кн. 3-я)... Въ комедіяхъ ему надо изобразить внѣшнія отношенія во всей ихъ грубости, произвести душевный анализъ во всемъ его однообразіи. Зачѣмъ условности въ драматургіи, зачѣмъ условности на сценѣ? Правда прежде всего!

Конечно, зрители не могли такъ рѣзко формулировать свои требованія. Ихъ не увлекалъ однообразный анализъ характера «Ипохондрика», изображенного тѣмъ же Писемскимъ, не привлекало къ себѣ «дагеротипное», какъ тогда говорили изображеніе дѣйствительности, если пьеса была скучна и сценически бездѣйствительна. Вѣдь онъ, зритель, отправлялся не отъ теоретическихъ выкладокъ и заключеній, а отъ требованій наслажденія, волненія, впечатлѣній, даваемыхъ сценой. Въ данный моментъ эти волненія онъ могъ ощутить главнымъ образомъ отъ представленій съ реальной обстановкой и сценами, сходными съ дѣйствительностью. Но реализмъ, какъ школа, какъ литературная тенденція, его не увлекалъ и если сценическаго дѣйствія не было, то, какъ бы вѣрно ни была представлена дѣйствительность, какъ бы глубока ни былъ душевный анализъ, зритель скучалъ и протестовалъ. Онъ остался недоволенъ «Ипохондрикомъ» и ошибалъ «Безденежье», несмотря на то, что подъ первымъ стояла подпись Писемскаго, а второе принадлежало тому самому Тургеневу, который доставилъ зрителю столько удовольствія и «Завтракомъ у предводителя», и «Провинціалкой». Тѣмъ глубже и значительнѣе было вліяніе требованій публики, что оно исходило не изъ теоріи, а изъ перемѣнъ, внесенныхъ въ душу зрителя неизбѣжнымъ его развитіемъ въ теченіе театральной карьеры. Мы знаемъ, какъ много попытокъ дѣлаютъ «школы» привить зрителю вкусъ къ иллюстраціямъ своихъ теоретическихъ построеній о настоящемъ не «кроличьемъ» театрѣ, и какъ равнодушіе зрителя жестоко разбиваетъ всѣ самонадѣяныя надежды новаторовъ, отражающія вѣрованія и сужденія лишь небольшой части «знатоковъ».

Публика первой половины 50-хъ годовъ далека отъ теоріи. Она не боится осмѣять Тургенева и ошибать Мартынова, читающаго повѣсть о Капитанѣ Копѣйкинѣ; шикаетъ она не за плохое чтеніе (Мартыновъ—одинъ изъ самыхъ любимыхъ актеровъ и

чтецовъ), а за плохой выборъ читаемаго: ей не нравится «повѣсть» Гоголя. Рецензенты увѣряютъ, что шиканье объясняется невѣжествомъ публики, съ недоумѣніемъ узнавшей, что авторы «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора» одно и то же лицо. «Многіе,— утверждаетъ хроникеръ «От. Зап.»,—хватались за афиши, чтобы взглянуть, кто авторъ ошikanнаго разсказа; «господинъ Гоголь? какая странная фамилія»,—говорили многіе.—«Мертвыя души», что за нелѣпое названіе! «А, это авторъ «Ревизора», заключали другіе. — «Не можетъ быть». — «Вотъ, вотъ напечатано, посмотрите». Повѣримъ ли мы рецензенту, что публика не знала Гоголя всего за нѣсколько дней до его смерти, или признаемъ, что значительная ея часть была знакома и съ «Мертвыми душами», и съ повѣстью о Капитанѣ Копѣйкинѣ, мы должны согласиться, что, шикая, она не руководилась теоретическими соображеніями и не справлялась съ авторитетностью драматурга. Тѣмъ ярче ея приверженность къ новому реалистическому репертуару, соблюдающему законы о «борьбѣ воль» на сценѣ, о необходимости «дѣйствія», о внѣшней занимательности. Слово «идеальный» уже получаетъ презрительный оттѣнокъ въ полемикѣ по поводу театральныхъ пьесъ. Въ приложеніи къ характерамъ дѣйствующихъ лицъ и къ сценическимъ событіямъ «идеальный» значитъ невозможный, несуществующій, «несбыточный». Назвать характеръ идеальнымъ, означаетъ, если не брань, то осужденіе. И чтобы защитить «идеальное», его надо прикрыть чѣмъ-нибудь реальнымъ. «Идеализація, правильно понятая, — пишетъ ея защитникъ Анненковъ,—совпадаетъ съ реализмомъ»...

Зрители не требуютъ «идеальнаго»,—они въ эту эпоху любятъ изображеніе отрицательныхъ явленій, въ немъ находятъ интересъ, имъ увлекаются. И часто актеры не понимаютъ этихъ стремленій публики и не рѣшаются выходить на сцену въ роляхъ безчестныхъ людей. Какъ въ давнія времена одна актриса, если вѣрить Шуберту, стѣснялась играть Софью изъ-за ея ночныхъ бесѣдъ съ Молчалинымъ, такъ въ эти годы извѣстные артисты отказываются отъ ролей Кречинскаго и Расплюева изъ-за того, что одинъ—шулеръ, а другой—мошенникъ. Эту щепетильность проявляютъ Максимовъ и Мартыновъ, которымъ прежде всего предложено исполнить главные роли въ сдѣлавшейся потомъ знаменитой комедіи. Пьесѣ,—разсказываетъ современникъ,—«симпатизировалъ директоръ Геденовъ и лично упрашивалъ Алексѣя Михайловича (Максимова) и Александра Евстафьевича (Мартынова) взять на себя намѣченные авторомъ роли, но ни тотъ, ни другой все-таки не согласились, предвѣщая этой комедіи провалъ. Дѣлать было нечего,

пришлось отдать роль Кречинскаго Самойлову, а Бурдину Расплюева». (Историч. Вѣстн. 1892 г. Августъ. Воспоминанія А. А. Алексѣева). Громадный успѣхъ «мошенника и шулера» показалъ, какъ ошибались Максимовъ и Мартыновъ. Самойловъ создалъ изъ Кречинскаго яркій по внѣшности типъ; онъ говорилъ съ польскимъ акцентомъ, и во всѣхъ движеніяхъ его сквозилъ инородческій фальшиво-благородный, въ дѣйствительности мошенническій характеръ. Онъ до такой степени успѣлъ убѣдить публику Александринскаго театра въ необходимости придать Кречинскому польское происхожденіе, что когда изъ Москвы пріѣхалъ Шумскій, его Кречинскій, говорившій безъ акцента, уже не понравился. Но московская публика увлекалась исполненіемъ Шумскаго и Садовскаго, и счастливая пьеса повторялась много разъ.

«Дагеротипная», или иная дѣйствительность воцаряется на сценѣ. Зрители готовы къ отрицательному объясненію условій русской жизни; и это въ самыя тяжелыя времена николаевскаго царствованія. Они захвачены патріотическимъ подъемомъ въ началѣ войны, аплодируютъ и Кукольникову, и Григорьеву, проливаютъ слезы умиленія и гордости. Но оставаясь въ душѣ тѣми же патріотами, они въ театрѣ быстро становятся осмотри-тельными и серьезными. Уже «Марнитантка» Кукольника далеко не имѣетъ того успѣха, который достался «Морскому празднику»; пьесу посѣщаютъ, привлеченные именемъ автора, но, по свидѣтельствамъ современниковъ, относятся къ ней холодно. «Взятіе Казани» не нравится. «Представить на сценѣ такое событіе, ознаменованное подвигами храбрости и мужества въ то время, когда совершаются подобные же подвиги; сблизить двѣ эпохи, раздѣленныя вѣками, но проникнутыя однимъ и тѣмъ же духомъ любви къ отечеству должно сознаться, мысль чрезвычайно удачная... Настроенность въ извѣстную эпоху публики даетъ уже половину успѣха подобнымъ произведеніямъ; и если «Взятіе Казани» не имѣло полного успѣха, то виною тому, конечно, собственные недостатки пьесы»... (Отеч. Зап. 1855 г. № 1). Конечно, собственные недостатки, но и требованіе зрителя, желающаго приближенія сцены къ жизни; и если черезъ все представленіе только «шумить, бѣжить» патріотизмъ, не захватывающій реальной обстановкой, то и «кольчуги и шеломы» не помогутъ дѣлу. Успѣха не имѣетъ и «Блокада Ахты»; не нравится и «Подвигъ донскаго казака Растригина». «Простыя реляціи о современныхъ военныхъ событіяхъ производятъ впечатлѣніе гораздо большее, нежели всѣ тѣ драматическія представленія, которыя посвящаются въ послѣднее время этимъ событіямъ. Это мнѣніе высказали мы

послѣ представленія пьесы «Англичане у Гамле-Карлебю»; его же повторяемъ и теперь». (Тамъ же № 2).

Это уже прямой протестъ противъ пьесъ, не имѣющихъ другихъ тенденцій, кромѣ стремленія подѣйствовать на патріотическія чувства, или, можетъ быть, еще хуже, показать патріотизмъ авторовъ.

Николаевская эпоха кончается для театра воцареніемъ «дѣйствительности» на сценѣ и ясно сложившимся критическимъ отношеніемъ къ существующему въ русской жизни.

И. Игнатовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. А. Гончаровъ, какъ членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати.

(По неизданнымъ его рукописямъ).

Цензурная дѣятельность Гончарова, 25-лѣтіе со дня смерти котораго исполнилось нынѣшнею осенью, можетъ быть раздѣлена на три періода. Къ первому, 1856—1860 г.г. относится его служба въ С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ въ должности цензора; ко второму, 1863—1865 г.г., служба въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія въ качествѣ члена его, и къ третьему, 1865—1867 г.г., служба во вновь учрежденномъ совѣтѣ главнаго управленія по дѣламъ печати опять-таки въ качествѣ члена. Цѣлью настоящей статьи является освѣщеніе служебной дѣятельности Гончарова въ этомъ послѣднемъ учрежденіи. Что касается цензорской дѣятельности Гончарова въ теченіе перваго изъ указанныхъ періодовъ, то она получила уже себѣ нѣкоторое освѣщеніе въ работахъ г. Мазона ¹⁾. Второй же ея періодъ освѣщенъ въ моей статьѣ, напечатанной въ октябрѣ мѣсяцѣ въ журналѣ «Сѣверныя Записки». О третьемъ періодѣ были въ свое время опубликованы весьма интересныя данныя тѣмъ же Мазономъ и, главнымъ образомъ, К. А. Военскимъ ²⁾, но сообщенный этими изслѣдователями документальный матеріалъ я имѣю возможность дополнить весьма существеннымъ образомъ, такъ какъ въ моемъ распоряженіи находятся

¹⁾ См. его статьи въ «Русской Старинѣ», въ 1911 г. №№ 3 и 12, а также его книгу «Ivan Gontcharov», Paris, 1914 г., стр. 189—209.

²⁾ См. его статью «Гончаровъ-цензоръ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1906 г. № 10. Стр. 1—11, 21—40, 42—51, 77, 80—82, 84—86.

два письма Гончарова къ Щербинину, первому предѣдателью совѣта главнаго управленія, и двадцать два не появившихся еще въ печати отзывовъ его, какъ члена этого совѣта, о журналѣ «Русское Слово» и цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній, весьма разнообразнаго содержанія, за такой исключительно интересный и знаменательный въ исторіи русской общественности годъ, какъ 1866-ой.

Прежде чѣмъ перейти къ этимъ отзывамъ непосредственно, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о цензурныхъ вѣяніяхъ середины 60-хъ годовъ, въ атмосферѣ которыхъ приходилось дѣйствовать Гончарову. Въ началѣ 1863 г. (10 января) состоялся окончательный переходъ цензуры изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ это событіе почти на три года предварило введеніе новаго закона о печати, сущность котораго, какъ помнитъ читатель, состояла въ частичной замѣнѣ цензуры предупредительной цензурою карательной, то въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для завѣдыванія цензурными дѣлами было организовано временное учрежденіе—совѣщательное присутствіе членовъ совѣта министра по дѣламъ книгопечатанія. Въ своей практикѣ, о которой я говорю въ упомянутой уже статьѣ въ «Сѣв. Запискахъ», совѣтъ книгопечатанія не злоупотреблялъ репрессивными мѣрами, и такіе члены его, какъ Никитенко и Гончаровъ, могли въ немъ работать, не слишкомъ поступаясь своими умѣренными либеральными убѣжденіями. Однако, истинный вершитель судебъ тогдашней русской литературы, П. А. Валуевъ, былъ настроенъ въ отношеніи къ ней далеко не столь терпимо, и потому люди, болѣе или менѣе освѣдомленные въ его истинныхъ намѣреніяхъ, не ожидали для нея ничего хорошаго. Эти опасенія еще возросли, когда съ опубликованіемъ закона 6 апрѣля выяснилось, какую огромную роль должно получить при рѣшеніи вопроса объ участи того или другого изданія, той или другой книги усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Вотъ чрезвычайно характерный отрывокъ изъ «Дневника» Никитенка, рисующій истинную сущность новаго порядка: «Уставъ о печати, который долженъ быть введенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отдаетъ ему (т. е. Валуеву) въ полное распоряженіе всякое печатное проявленіе мысли. Изданіе журналовъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ предварительной цензуры, становится дѣломъ крайне затруднительнымъ. Прежде журналы зависѣли отъ произвола цензора, который, все-таки не могъ вполнѣ пренебрегать тѣмъ, что о немъ скажутъ въ обществѣ. Оттого онъ и былъ до нѣкоторой степени принужденъ дѣйствовать умѣренно и снисходительно.

Издатели въ извѣстной мѣрѣ освобождались отъ отвѣтственности подъ его щитомъ. Теперь не то. Цензора нѣтъ. Но взамѣнъ его надъ головами писателей и редакторовъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановка изданія. Мечъ этотъ находится въ рукѣ министра: онъ опускаетъ его, когда ему заблагоразсудится, и даже не обязанъ мотивировать свой поступокъ. Итакъ, это чистѣйшій произволь и уже не прежній мелкочиновническій и потому менѣе смѣлый, а произволь, вооруженный сильною властью министерскою. Понятно, что пишущая братія сильно переполошилась. Журналисты, по крайней мѣрѣ, петербургскіе, какъ слышно, условились подчиняться попрежнему предварительной цензурѣ, и это въ ихъ положеніи, можетъ быть, было бы самое разумное. Но вотъ что мнѣ сегодня говорилъ Фуксъ, наперсникъ и эхо Валуева: «Министру извѣстно, на что намѣрены рѣшиться журналисты, но они жестоко ошибутся. Если они хотятъ остаться подъ цензурою, то и получаютъ ее, но такую, которая будетъ несравненно сильнѣе николаевской. Волею или неволею, они должны будутъ эмансипироваться». Какая удивительная эмансипація!— а тогда дѣло пойдетъ уже новымъ порядкомъ. Какимъ? Валуевскимъ» (т. II, стр. 234).

Насколько справедливымъ представляется указаніе на тревогу, охватившую литературный міръ при извѣстіи о предстоящемъ введеніи этихъ, какъ выражается Никитенко, «валуевскихъ» законовъ, можно видѣть изъ отзывовъ о нихъ двухъ видныхъ органовъ тогдашней журналистики «Русскаго Слова» и «Современника». Возможная ссылка на ихъ тенденціозность въ виду рѣзко оппозиціоннаго ихъ отношенія къ правительственному курсу, едва ли покажется убѣдительною, такъ какъ ихъ точка зрѣнія въ основѣ своей совпадаетъ съ только что приведеннымъ мнѣніемъ Никитенка, который ненавидѣлъ «ультро-прогрессистовъ» и немало способствовалъ установленію за ними репутаціи «неблагонадежныхъ и злонамѣренныхъ» ¹⁾. «Рус. Сл.» еще въ 1863 г. (№ VI), т.-е. до внесенія устава о печати въ Государственный Совѣтъ, писало, что онъ «многое оставитъ личному усмотрѣнію той власти, которая будетъ непосредственно слѣдить и карать преступленія по книгопечатанію. Слѣдовательно, здѣсь главный вопросъ не въ томъ, какъ опредѣлить законъ тотъ или другой случай, а въ томъ, какъ распорядится этимъ закономъ исполнитель его. Если онъ отнесется легко и гуманно къ литературѣ, будетъ сочувствовать ея успѣхамъ, онъ въ большей части

¹⁾ См. напр., записку Никитенка о «Русскомъ Словѣ», «Русскій Архивъ», 1895 г. № 2

случаевъ найдеть болѣе справедливымъ взглянуть снисходительно на поступокъ, котораго значеніе часто не можетъ быть взвѣшено самимъ виновникомъ его; если же онъ будетъ искать только поводъ для обвиненія, то нигдѣ нельзя найти его такъ легко и скоро, какъ въ области мысли и слова». При такомъ взглядѣ на вопросъ, разумѣется, легко было прійти къ убѣжденію, «что на первый разъ всякое періодическое изданіе, желающее сохранить побольше независимости въ своихъ мнѣніяхъ, предпочтетъ предварительную цензуру. Подальше отъ грѣха—скажутъ редактора и останутся на прежнемъ положеніи».

Что касается «Современника», то съ наибольшею обстоятельностью онъ высказался значительно позднѣе, чѣмъ «Русское Слово», въ августѣ 1865 г. Въ это время перспективы уже значительно прояснились, а потому тонъ, взятый Некрасовскимъ журналъ мъ въ данномъ вопросѣ, еще опредѣленнѣе. Статья, посвященная ему, принадлежала одному изъ соредакторовъ Некрасова М. А. Антоновичу и носила выразительное заглавіе: «Надежды и опасенія». Эти послѣднія авторъ формулировалъ такимъ образомъ: «Представьте себѣ, читатель, что передъ вами недосыгаемая пропасть, черезъ которую перекинута какая-то узкая и чрезвычайно неопредѣленная полоска, предназначенная для вашего перехода; можетъ быть, она и сдержитъ васъ, а можетъ быть, она до такой степени хрупка, что сломается отъ перваго же шага по ней, или же она такъ узка и гибка, что при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ вы оборветесь и полетите въ пропасть. Согласитесь, что въ подобномъ положеніи позволительно сильное раздумье. А мы именно въ настоящую минуту и находимся въ приблизительно подобномъ положеніи. И передъ нами лежитъ полоска въ видѣ изданія журнала безъ предварительной цензуры, и мы не можемъ себѣ опредѣлить и представить, что такое это отсутствіе предварительной цензуры. Мы затрудняемся вопросомъ,—что писать и какъ писать, подобно тому, какъ птица, всю жизнь свою просидѣвшая въ клѣткѣ, не знаетъ, куда ей летѣть въ первую минуту, когда ей пріотворять клѣтку». Развивая въ дальнѣйшемъ мысль, что новый порядокъ во многомъ не отличается отъ стараго, и что писатель, если и получить теперь большую самостоятельность и независимость, то лишь въ отношеніи «формы своихъ писаній», Антоновичъ, между прочимъ, доказывалъ, что между положеніемъ безцензурныхъ изданій и подцензурной прессы едва ли будетъ особенно рѣзкое различіе. «Это наше мнѣніе, писалъ онъ, до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ еще, что управлять и руководить безцензурною прессою призваны почти тѣ же самые дѣятели, которые прежде занимались цензурою

надъ прессою. Они, конечно, уже составили себѣ во время прежней своей практики твердое понятіе о томъ, въ какихъ границахъ должна двигаться пресса, что позволительно и не позволительно для нея, какой тонъ почтительный и какой грубый; у нихъ есть уже готовыя, ихъ прежнимъ опытомъ данныя мѣрки и нормы, которыя они попрежнему будутъ одинаково прилагать и къ цензурнымъ и къ безцензурнымъ изданіямъ.»

Все вышеизложенное дѣлаетъ совершенно несомнѣннымъ, что будущіе дѣятели главнаго управленія по дѣламъ печати должны были понимать, что, поступая на службу въ это учрежденіе, они врядъ ли окажутся въ состояніи послужить, хотя бы въ слабой степени, дѣлу русскаго свободнаго слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлу русскаго прогресса. Впрочемъ позволительно сомнѣваться, чтобы они и думали объ этомъ. Валуевъ вѣдь зналъ, кого беретъ въ совѣтъ главнаго управленія, а бралъ онъ въ первую голову тѣхъ, кто годился въ послушные исполнители его предначертаній... Весьма симптоматическимъ въ этомъ отношеніи былъ его разговоръ съ Никитенкомъ, сопровождавшій отставку этого послѣдняго. Прямо поставивъ вопросъ о томъ, «не угодно ли» Никитенку удалиться изъ совѣта, Валуевъ, какъ бы мотивировалъ свое предложеніе такими соображеніями: «При новомъ устройствѣ цензуры легко можетъ случиться—этого даже необходимо ожидать, особенно вначалѣ—что лица, принадлежащіе къ этому управленію, не разъ будутъ поставлены въ положеніе, не слишкомъ для нихъ пріятное, будутъ предметомъ изысканій и пр. А этого ни по вашему имени, ни по вашимъ заслугамъ съ вами нельзя будетъ допустить. Новая система требуетъ новыхъ дѣятелей—новое вино вливается въ новые мѣха». Такимъ образомъ, Валуевъ прямо намекнулъ Никитенку, что дѣятели главнаго управленія по дѣламъ печати будутъ трактоваться имъ, не какъ члены самостоятельной и авторитетной коллегіи, а какъ обыкновенные чиновники. За Никитенкомъ же, несмотря на его болѣе чѣмъ умѣренные взгляды и на многочисленные компромиссы его жизни, установилась репутація человека самостоятельнаго, умѣющаго постоять и за себя и за искренно любимую имъ литературу, хотя бы въ тѣхъ рамкахъ, которыя онъ считалъ необходимыми для свободнаго выраженія въ ней мнѣній. Чѣмъ онъ не угодилъ Валуеву, это Никитенко и самъ превосходно понималъ. Свой разговоръ о бесѣдѣ съ Валуевымъ онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Понятно, что ему хочется отъ меня избавиться. Я все время открыто высказывался противъ его проекта, напиралъ на необходимость расширенія правъ совѣта и ограниченія произвола министра. Теперь, когда его проектъ восторжествовалъ, и онъ

является полновластнымъ хозяиномъ въ совѣтѣ, мое присутствіе тамъ мозолило бы ему глаза, да и что, въ самомъ дѣлѣ, дѣлалъ бы я теперь тамъ? *Дѣло печати проиграно, и я, дѣйствительно, былъ бы лишенъ возможности ему честно и независимо служить, какъ это дѣлалъ до сихъ поръ ¹⁾*»).

Я очень прошу читателя обратить особое вниманіе на послѣднія слова, такъ какъ они позволяютъ утверждать, что Гончаровъ совершилъ одну изъ тягчайшихъ сдѣлокъ со своей совѣстью, рѣшившись принять должность, которая по нравственнымъ и идейнымъ мотивамъ оказалась рѣшительно непріемлемой для Никитенка, отнюдь не превосходившаго его либерализмомъ своихъ воззрѣній. Едва ли его можетъ оправдать ссылка на то, что онъ де былъ недостаточно освѣдомленъ въ истинномъ положеніи вещей. Противъ нея говоритъ вполне опредѣленно установленный фактъ близкихъ пріятельскихъ отношеній между нимъ и Никитенкомъ, не оставляющій никакихъ сомнѣній въ томъ, что Гончаровъ былъ въ курсѣ всѣхъ никитенковскихъ дѣлъ, въ томъ числѣ и его разговоровъ съ Валуевымъ. Правильнѣе, въ видахъ строгаго безпристрастія, объяснить поведение Гончарова вліяніемъ нѣкоторыхъ присущихъ его характеру чертъ.

Осенью 1861 г. въ разгарѣ извѣстной студенческой исторіи Гончаровъ, узнавъ, какую позицію занялъ Никитенко въ отношеніи студентовъ, счелъ долгомъ посовѣтовать ему «быть осторожнѣе»: вчера-де онъ обѣдалъ въ клубѣ и слышалъ, какъ нѣкоторые порицали его за то, что онъ «не одобряетъ подвиговъ студентовъ». «А вы ихъ одобряете?» спросилъ Никитенко Гончарова. «Нѣтъ», отвѣчалъ тотъ. «Значить и васъ порицали?» Онъ замаялся. Этотъ разговоръ записанъ въ «Дневникѣ» Никитенка подъ 4-ымъ октября. Подъ 5-ымъ же въ «Дневникѣ» находимъ слѣдующее мѣсто, относящееся, безъ сомнѣнія, къ Гончарову, хотя имя его здѣсь и не названо: «Опять былъ у меня мой пріятель, и мы долго съ нимъ бесѣдовали. Онъ, по своей неизмѣримой лѣни и апатичности, по своему политическому и нравственному индифферентизму, совѣтовалъ мнѣ быть и такъ и сякъ. Но этотъ способъ, очень смахивающій на двуличность и подлость, я считаю для себя непригоднымъ. Да, притомъ въ настоящее время это легче совѣтовать, чѣмъ исполнить. Конечно безопаснѣе идти туда, куда вѣтеръ дуетъ; но вѣтры нынче дуютъ разные и даже противные другъ другу. Въ такое время всякій честный дѣятель обязанъ опредѣлиться, быть *чѣмъ*, а не *всѣмъ*, т.-е. ничѣмъ».

Оставляя въ сторонѣ квалификацію Никитинкомъ того, что со-

¹⁾ Курсивъ мой.

вѣтоваль ему Гончаровъ, запомнимъ то опредѣленіе его личности, которое дается здѣсь его близкимъ пріятелемъ: неизмѣримая лѣнь и апатичность, политическій и нравственный индиферентизмъ.... Думается, что этихъ свойствъ вполне достаточно, чтобы ими болѣе или менѣе удовлетворительно объяснить разсматриваемый поступокъ Гончарова. А если бы ихъ показалось мало, то я могъ бы сослаться еще на одно немаловажное обстоятельство: на свойственное Гончарову стремленіе къ матеріальному обезпеченію. Въ подтвержденіе приведу фактъ, относящійся, правда, къ нѣсколько позднѣйшему времени, но ярко отбѣняющій, насколько не безразличенъ былъ Гончаровъ къ своему служебному заработку. Въ «Воспоминаніяхъ» кн. Мещерскаго ¹⁾ разсказывается о томъ, какъ въ 1866 году, когда всемогущему Валуеву удалось выставить «Московскія Вѣдомости» неблагонамѣренной газетою и добиться у государя позволенія на запрещеніе ихъ, всѣ члены совѣта по дѣламъ печати, созданные «съ цѣлью санкціонировать легальными путями рѣшеніе правительства, смолчали» и «преклонились передъ волею предсѣдателя, министра», за исключеніемъ одного *Θ. И. Тютчева*, который объявилъ, что онъ ни съ требованіемъ министра, ни съ рѣшеніемъ Совѣта согласиться не можетъ, затѣмъ всталъ и вышелъ изъ засѣданія, потряхивая своею бѣловолосою головою; Гончаровъ всталъ также и, подойдя къ нему, пожалъ ему съ волненіемъ руку и сказалъ: «*Θедоръ Ивановичъ*, преклоняюсь предъ вашею благородною рѣшимостью и вполне вамъ сочувствую, но для меня служба—насущенный хлѣбъ старика». Само собой разумѣется, что, говоря о «насунномъ хлѣбѣ», Гончаровъ нѣсколько преувеличивалъ дѣйствительное положеніе вещей: онъ уже состоялъ въ генеральскомъ чинѣ, за нимъ числилось много лѣтъ государственной службы, что давало ему право на довольно значительную пенсію; затѣмъ и сочиненія его не представляли изъ себя мѣртваго капитала. Слѣдовательно, насущенный хлѣбъ нашелся бы, если бы онъ и вышелъ, вмѣстѣ съ *Никитенкомъ*, въ отставку, но конечно, статьи прихода значительно сократились бы и въ соответствии съ этимъ пришлось бы кое-въ чемъ себя ограничить....

Какъ бы то ни было, съ сентября 1865 г. Гончаровъ входитъ въ составъ членовъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, т.-е. при сложившейся въ то время и усиленно выясненной мною обстановкѣ, поворачиваетъ руль въ сторону Валуевского фарватера. Фарватеръ же этотъ все болѣе и болѣе опредѣлялся, чуть ли не съ каждымъ новымъ днемъ дѣятельности главнаго управленія

¹⁾ «Гражданинъ», 1897 г., № 5, стр. 9 и 10.

по дѣламъ печати. Какъ бы въ отвѣтъ на тѣ славословія, которыми большая часть русской прессы привѣтствовала введеніе въ дѣйствіе новаго закона о печати (см. № 229 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», № 199 «Московскихъ Вѣдомостей», № 244 «Голоса», № 31 «Дня»—всѣ за 1865 г.), главное управленіе засыпало ее предостереженіями, этимъ вновь изобрѣтеннымъ средствомъ воздѣйствія на литературную братію. Исторія этихъ первыхъ въ исторіи многострадальной русской печати предостереженій достаточно подробно рассказана въ специальныхъ работахъ о цензурѣ 60-хъ годовъ (напр. въ книгѣ М. Лемке «Исторія цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ»), а потому, не останавливаясь на ней особо, отмѣчу, что она чрезвычайно ярко свидѣлствуетъ о безпощадной строгости и самого Валуева и его дѣтища—главнаго управленія по дѣламъ печати. Не могу удержаться, чтобы не процитировать нѣсколькихъ строфъ изъ не вошедшаго въ «Полное (?) собраніе» стихотворенія Некрасова, живописующаго чувства и настроенія редактора 1865—1866 гг.:

На письмо твое долженъ сказать:
 Не за картами гну теперь спину,
 Какъ изволите вы полагать.
 Отказавшись отъ милой цензуры,
 Погубилъ я досуги свои,—
 Самъ читаю теперь корректуры
 И мараю чужія статьи!
 Побѣждалъ бы какъ школьникъ изъ класса
 Я къ тебѣ, позабывши журналъ,
 Но не знаю свободного часа
 Съ той поры, какъ свободу узналъ!...
 Пусть цензуру мы сильно ругали,
 Но при ней мы спокойно такъ спали,
 На охотѣ бывать успѣвали
 И не мало въ картишки играли!...
 А теперь не такая пора:
 Одолѣла пѣту забота,
 Позабылъ я, что значить игра,
 Позабылъ я, что значить охота!—
 Потому что Валуевъ сердить.
 Потому что законъ о печати
 Запрещеніемъ журналу грозитъ,
 Если слово обронишь не кстати.

Едва ли можно усмотрѣть въ словахъ Некрасова какое-либо преувеличеніе, разъ, какъ утверждаетъ Никитенко въ своемъ

«Дневникъ», Валуевская администрація готова была видѣть «въ печати личнаго своего врага».

Какъ ни велики были «лѣнь и апатичность» Гончарова, въ какой мѣрѣ ни былъ присущъ ему «политическій и нравственный индифферентизмъ», онъ, какъ человѣкъ съ живой душой, какъ писатель, отмѣченный Божьимъ перстомъ, не могъ не задыхаться въ подобной атмосферѣ. Съ него, въ значительной степени, соскочила даже хваленая его уравновѣшенность и въ задушевныхъ бесѣдахъ съ Никитенкомъ онъ, не стѣсняясь, изливалъ свою душевную тоску. Вотъ одна изъ этихъ бесѣдъ, относящихся къ декабрю 1865 г., въ передачѣ «Дневника» Никитенка: «Вечеръ просидѣлъ у меня Гончаровъ. Онъ съ крайнимъ огорченіемъ говорилъ о своемъ невыносимомъ положеніи въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Министръ смотритъ на вопросы мысли и печати, какъ полицейскій чиновникъ; предсѣдатель совѣта Щербининъ есть ничтожайшее существо, готовое подчиниться всякому чужому вліянію, кромѣ честнаго и умнаго, а всему даетъ направленіе Фуксъ и дѣлопроизводитель. Они доносятъ Валуеву о словахъ и мнѣніяхъ членовъ и располагаютъ его къ извѣстнымъ рѣшеніямъ, настраивая его въ то же время противъ лицъ, которыя имъ почему нибудь не угодны. Выходитъ, что дѣло цензуры, пожалуй, никогда еще не было въ такихъ дурныхъ, т.-е. невѣжественныхъ и враждебныхъ мысли, рукахъ».

Психологическій источникъ тяжелаго душевнаго состоянія Гончарова, такъ явственно здѣсь сказавшагося, указанъ тѣмъ же Никитенкомъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ его «Дневника». Тѣмъ болѣе замѣчательныхъ, что они являются плодомъ долготѣннаго служебнаго опыта. «Всякій чиновникъ есть рабъ своего начальника, и, право нѣтъ рабства болѣе жестокаго и позорнаго, чѣмъ это рабство. Чиновникъ еще счастливъ, если онъ глупъ: онъ тогда, пожалуй, даже можетъ гордиться своимъ рабствомъ. Но если онъ уменъ, положеніе его ужасно. Онъ долженъ насиловать передъ своимъ господиномъ свою волю, свое чувство, свои убѣжденія, и какъ вообще начальникъ не любитъ въ подчиненномъ ума, то этотъ подчиненный каждую минуту долженъ трепетать или за свою честь, или за свой жребій.... Понимая это, онъ поставленъ въ необходимость льстить, дѣлать видъ, что онъ раздѣляетъ взгляды и убѣжденія своего начальника, когда онъ вовсе ихъ не раздѣляетъ, и когда его собственныя мнѣнія диаметрально противоположны мнѣніямъ, которыя онъ, однако, долженъ чтить, какъ законъ. Кто въ состояніи эмансипировать этихъ рабовъ въ такомъ бюрократическомъ государствѣ, какъ Россія, гдѣ кромѣ того, произволъ начальника не находитъ нигдѣ обузданія—и общественное мнѣніе и печать ему нипочемъ?»

Другимъ обстоятельствомъ, усугублявшимъ тяжесть положенія Гончарова, являлось то, что онъ, какъ популярный писатель—одинъ изъ первостепенныхъ членовъ блестящей плеяды 40-хъ годовъ, не могъ оставаться равнодушнымъ къ общественному мнѣнію, когда то увѣнчавшему его славой, а теперь начинавшему отворачиваться отъ него. Да что общественное мнѣніе, когда дѣятельность главнаго управленія по дѣламъ печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственная, подвергались осужденію даже въ бюрократическихъ кругахъ, не исключая очень близкихъ по своему служебному положенію къ Валуеву. Все въ томъ же драгоценномъ источникѣ «Дневникъ» Никитенка мы находимъ и на этотъ счетъ не безынтересное указаніе. Никитенко передаетъ о всеобщемъ негодованіи, возбужденномъ предостереженіемъ, даннымъ благонамѣреннѣйшей «Вѣсти», а въ особенности преданіемъ суду Краевскаго — редактора очень умѣреннаго «Голоса» — по статьѣ, карающей не болѣе не менѣе, какъ каторжными работами за невинную замѣтку о притѣсненіи администраціей раскольниковъ, при чемъ такъ заканчиваетъ своей разсказъ: «Самъ товарищъ министра (внутреннихъ дѣлъ) видитъ большой промахъ въ этомъ дѣлѣ со стороны министерства. Онъ съ жаромъ выговаривалъ это (Гончарову), который тутъ же и отвѣчалъ, (что же ему было дѣлать?) У него ни горла ни легкихъ не хватило кричать противъ рѣшенія совѣта, да и притомъ, какъ тутъ поступать, когда дѣлается внушеніе свыше, т.-е. со стороны министра. Тройницкій сильно напалъ на это послѣднее выраженіе. Мнѣ даже жаль стало бѣднаго (Гончарова)».

Нужно ли говорить, какой унижительный характеръ піробрѣтало это заслуженное сожалѣніе, обращенное на того, кому, по богатству отпущенныхъ на его долю даровъ природы, можно было скорѣе завидовать?

Изъ даннаго эпизода видно, между прочимъ, что Гончаровъ иногда, хотя и безъ надежды на успѣхъ, протестовалъ противъ казавшихся ему черезчуръ суровыми рѣшеніями совѣта, но это, повторяю, происходило только иногда. Вообще же въ силу неумолимой логики вещей, отразившейся въ извѣстныхъ народныхъ поговоркахъ: «назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ», «взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ», Гончаровъ начинаетъ подъ инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ раньше, смотрѣть на печать и мало-по-малу вступаетъ на путь репрессій. Если цензорская дѣятельность Гончарова въ С.-Петербургскомъ цензорномъ комитетѣ и даже въ совѣтѣ по дѣламъ книгопечатанія подходитъ подъ опредѣленія—«была проникнута терпимостью», «находилась въ соотвѣтствіи съ умѣренно-либеральными взглядами его», то от-

носителю его дѣятельности въ совѣтѣ главнаго управленія по дѣламъ печати этого уже нельзя сказать. Здѣсь мнѣ придется совершенно разойтись съ мнѣніемъ издателя служебныхъ донесеній Гончарова за 1865 годъ—К. А. Военскаго, который заканчиваетъ свою вводную къ нимъ замѣтку (см. «Русскій Вѣстникъ», 1906 г. № 10) словами: «Просматривая отчеты и донесенія Гончарова, можно притти къ заключенію, что онъ былъ цензоромъ снисходительнымъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ открыто выступалъ на борьбу съ тѣми общественными теченіями, которыя повидимому искренно считалъ вредными. Общее впечатлѣніе отъ донесеній Гончарова таково, что это былъ цензоръ просвѣщенный, гуманный, всегда старавшійся найти способы мягкаго воздействия на авторовъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. Въ многихъ случаяхъ Гончаровъ видимо направляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы спасти литературное произведеніе, предлагаетъ легкія измѣненія текста и воздерживается отъ суроваго осужденія. Иной разъ кажется, что то пишетъ не цензоръ-каратель, отзывы котораго звучатъ суровымъ приговоромъ Торквемады цензурнаго вѣдомства, а благосклонный критикъ, заботящійся о чистотѣ и отдѣлкѣ литературнаго произведенія».

Я готовъ подписаться подъ этой оцѣнкой Гончарова-цензора постольку, поскольку въ ней рѣчь идетъ о службѣ Гончарова до его назначенія членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, но я никакъ не могу съ ней согласиться, поскольку она касается его дѣятельности въ этомъ именно учрежденіи. А между тѣмъ изъ вводной замѣтки К. А. Военскаго видно, что онъ строитъ ее на тѣхъ донесеніяхъ Гончарова, которыя опубликованы въ его статьѣ, т.-е. сплошь относящихся ко времени службы Гончарова въ главномъ управленіи. Чтобы выяснить читателямъ тѣ основанія, которыя заставляютъ меня поддерживать мою именно точку зрѣнія, я долженъ, прежде всего, сказать нѣсколько словъ о матеріалѣ, опубликованномъ К. А. Военскимъ и Мазономъ, а затѣмъ уже перейти къ найденному мной. Изъ отзывовъ Гончарова, напечатанныхъ въ статьѣ К. Военскаго наибольшее значеніе имѣютъ отзывы объ октябрьской книжкѣ журнала «Русское Слово» и всѣхъ почти осеннихъ номерахъ (31, 3—934, 35, 36, 39, 42, 43, 44, 47, 48, 49, 50, 51) газеты «День». Первый отзывъ представляетъ въ значительной своей части разборъ статьи Писарева «Новый типъ», которую Гончаровъ характеризуетъ такими далеко не отличающимися объективностью выраженіями, какъ «поразительный образецъ крайняго злоупотребленія ума и дарованія», «буйно-младенческій лепетъ» и т. д. И эта статья и нѣкоторыя другія («О капиталѣ», «Кяхта», повѣсти «Три семьи» и

«Годъ жизни») приводятъ Гончарова къ убѣжденію, что въ нихъ «повторяются тѣ же *нарушенія* правилъ печати, за которыя даны были предостереженія журналу «Современникъ», чѣмъ самымъ сама карательная цензура поставлена въ необходимость примѣнить ту же мѣру строгости и въ отношеніи журнала «Русское Слово», направленіе котораго тождественно съ направленіемъ «Современника»—и потому не имѣетъ за собою ничего, что давало бы ему право на изытіе отъ заслуженной отвѣтственности, кромѣ развѣ меньшаго, сравнительно съ «Современникомъ» значенія, слѣдовательно меньшаго вліянія на читателей»...

Ссылка на «Современникъ» придаетъ особый интересъ и, я бы сказалъ, пикантность мнѣнію Гончарова, такъ какъ изъ имѣющихся у меня документальныхъ данныхъ явствуетъ, что при рѣшеніи вопроса о первомъ предостереженіи «Современнику» Гончаровъ, а съ нимъ еще 3 члена совѣта, возражали противъ этой мѣры, предлагавшейся большинствомъ, и въ поданномъ ими особомъ мнѣніи доказывали необходимость другого способа воздѣйствія—возбужденія противъ журнала судебного преслѣдованія. Однако, Валуевъ согласился съ большинствомъ, и этого оказалось достаточно, чтобы Гончаровъ ссылаясь на кару, постигшую «Современникъ», какъ на прецедентъ, опредѣляющій и судьбу «Русскаго Слова». Если онъ искренно возражалъ противъ предостереженія «Современнику», то выходитъ слѣдовательно, что въ отзывѣ о «Русскомъ Словѣ» онъ руководился такою логикой: «Совѣтъ учинилъ несправедливость въ отношеніи одного журнала, ergo онъ долженъ учинить ее и въ отношеніи другого».

Не слишкомъ много терпимости и снисходительности Гончаровъ обнаружилъ и къ аксаковскому «Дню», специальный надзоръ за которымъ былъ на него возложенъ. Уже первые два безцензурные номера этой газеты (31 и 32) вызвали его сильнѣйшее неудовольствіе. Утверждая, что нѣкоторыя статьи «Дня» (главнымъ образомъ, передовыя обоихъ номеровъ, посвященныя оцѣнкѣ отошедшей въ прошлое предварительной и вопросу о не отмѣненной еще духовной цензурѣ) изливаютъ на «правительственныя учрежденія всю желчь журнальнаго памфлета, не щадя словъ и выраженій», заключая отсюда, что газета, «на первыхъ шагахъ дарованной ей свободы обнаружила крайній недостатокъ такта и неспособность пользоваться умѣренно и разумно новымъ правомъ, съ которымъ обращается, какъ дитя съ огнемъ», Гончаровъ предлагалъ совѣту подвергнуть редакцію «Дня» ограниченію, указанному въ § 105-омъ правилъ о повременныхъ изданіяхъ¹⁾.

¹⁾ Какое это ограниченіе, мнѣ не удалось выяснитъ точно; повидимому Гончаровъ имѣлъ въ виду лишить газету права высказываться по нѣ-

Вопросъ, возбужденный Гончаровымъ, разсматривался въ совѣтѣ, большинство членовъ котораго склонилось къ мысли подвергнуть И. С. Аксакова судебному преслѣдованію. Сколь мало подобная репрессія была бы заслужена патріотическимъ славянофильскимъ органомъ, это видно изъ того, что на нее не пошелъ самъ Валуевъ. Въ его резолюціи, положенной на докладъ Совѣта, было, между прочимъ, сказано: «Нахожу неудобнымъ подвергать преслѣдованію повременное изданіе за первый номеръ, вышедшій въ свѣтъ послѣ вступленія въ силу новаго закона ¹⁾».

Соотвѣтственно съ этой резолюціей нѣсколько мѣняется и позиція Гончарова. Хотя въ своемъ отзывѣ о 34 номерѣ «Дня» онъ и заявляетъ, что авторъ передовыхъ статей въ этой газетѣ «часто сходитъ съ пьедестала публициста и позируется передъ публикой въ роли трибуна, смѣло касаясь вопросовъ первой важности политическихъ и особенно внутреннихъ государственныхъ, какъ напримѣръ, въ вопросѣ значенія и образа отправленія функций верховной власти», тогда какъ «предусматривать и предрѣшать подобнаго рода вопросы никогда и никому, кромѣ самой верховной власти, у насъ права не предоставлялось, тѣмъ менѣе разсуждать о нихъ въ печати во всеуслышаніе», но затѣмъ прямо ссылается на резолюцію Валуева и предлагаетъ отнестись къ этому номеру «съ бѣльшимъ равнодушіемъ», нежели къ 31 и 32 №№ и «оставить его безъ вниманія». Та же самая откровенная ссылка на министра, какъ на высшій авторитетъ, содержится и въ отзывѣ Гончарова о 35 и 36 №№, «Дня», проникнутомъ, кстати сказать, несравненно бѣльшимъ благожелательствомъ, чѣмъ два предыдущіе.

Изъ отзыва о № 39 видно, что Гончаровъ снова сильно раздражился противъ «Дня» за стихи «Наканунѣ Казни», которые, по его мнѣнію «неудобнѣе для печати всего того, что позволялось рѣзкаго въ передовыхъ статьяхъ газеты»: «бросить камень, нанести мѣткій ударъ, возбудить сильный протестъ противъ современныхъ распоряженій правительства,—вотъ цѣль подобныхъ стиховъ». Если Гончаровъ и не предлагалъ наложить на газету административное взысканіе, ею де «заслуженное», то исключительно въ виду предстоящаго скоро прекращенія «Дня». Но что же содержалось въ этихъ вызвавшихъ столь рѣзкую квалификацію стихахъ? На взглядъ современнаго читателя—протестъ противъ смертной казни вообще... и болѣе ничего.

которымъ вопросамъ (см. ст. 154 въ «Законахъ о печати», изд. Мсеріанцемъ, М. 1896 г.).

¹⁾ Собственноручныя отмѣтки министра вн. дѣлъ на журналахъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, СПб., 1868 г.

Въ послѣдующихъ №№ «Дня» (47, 48 и 49) особое вниманіе Гончарова привлекали статьи о томъ, что въ наши дни опредѣляется словами «нѣмецкое засилье». Находя, что въ нихъ содержится и «возбужденіе вражды въ одномъ сословіи противъ другого» и «порицаніе дѣйствующихъ законовъ, мѣръ правительства и самого правительства и что вообще въ нихъ можно найти не одинъ поводъ къ преданію редакціи суду», Гончаровъ, тѣмъ не менѣе, признаетъ такое направленіе дѣла нежелательнымъ, какъ въ виду того, что оно, будучи принято населеніемъ остзейскаго края съ торжествомъ, «вызоветъ новое раздраженіе и новый сильный протестъ со стороны Московскихъ журналовъ» и тѣмъ самымъ «вовлечетъ обѣ стороны въ дальнѣйшую раздражительную полемику, слѣдовательно породитъ новыя и болѣе сложныя затрудненія для цензурной администраціи», какъ и по причинѣ прекращенія «Дня» въ истекающемъ году, и предлагаетъ, «въ видахъ ограниченія невоздержанной полемики въ Московскихъ журналахъ противъ остзейской прессы» совершенно особую мѣру воздѣйствія—напечатать въ «Сѣверной Почтѣ» заявленіе или communique о томъ, что «продолженіе подобныхъ статей.... терпимо быть не можетъ».

Наконецъ, въ своемъ послѣднемъ отзывѣ о «Днѣ» (№№ 50 и 51), Гончаровъ излагаетъ содержаніе передовыя статьи по крестьянскому вопросу, доказывавшей неестественность, «выкупа государственными крестьянами у государства земли на которой они сидятъ испоконъ вѣка, на которой, такъ сказать, застала ихъ формація государства», обвиняя автора въ «настойчивой запальчивости» и въ «нарушеніи приличій», «въ предѣлахъ которыхъ всякое частное лицо обязано держаться въ отношеніи правительства». «Самою удобопримѣнимою мѣрою, продолжаетъ, Гончаровъ, въ настоящемъ случаѣ было бы предостереженіе, которому подлежала бы также и помѣщенная въ томъ же № «Дня», на стр. 1225, «Оговорка», гдѣ «по поводу даннаго журналу «Современникъ» второго предостереженія, сказано, что административныя мѣры этого рода, т.-е. предостереженія, мѣшаютъ лжи высказываться свободно, до полноты абсурда, спасаютъ ее, ложь, отъ пораженія и самоубійства и мѣшаютъ бороться съ ней явнымъ оружіемъ ея противникамъ. Однимъ словомъ характеръ и цѣль законной мѣры объясняется превратно и вполне опровергается». Въ заключеніе однако, Гончаровъ, смягчилъ суровость своего отзыва: разъ, говорилъ онъ, карательная цензура находила до сихъ поръ «особыя уваженія и поводы къ пощадѣ редакціи этого журнала», хотя «злоупотребленіе печатной гласности повторялось въ газетѣ «День» не однажды и

болѣе рѣзко, нежели теперь», то въ настоящій моментъ, когда «газета переживаетъ послѣднія минуты своего существованія», тѣмъ болѣе къ ней не слѣдуетъ относиться особенно строго.

Такимъ образомъ, хотя и трудно говорить послѣ приведенныхъ фактическихъ данныхъ «объ особо снисходительномъ отношеніи» Гончарова къ «Дню», все же нельзя не прійти къ заключенію, что къ этому именно органу онъ проявилъ, повидимому, не безъ вліянія вышеуказанной резолюціи Валуева, гораздо болѣе снисхожденія, чѣмъ къ журналистикѣ радикальнаго лагеря— «Русскому Слову» и «Современнику».

Здѣсь будетъ, кстати сказать, нѣсколько о роли Гончарова въ исторіи тѣхъ цензурныхъ гоненій на «Современникъ», которыя привели къ объявленію этому журналу второго предостереженія. Эта роль въ нѣсколько болѣе благоприятномъ свѣтѣ рисуетъ его отношеніе къ некрасовскому журналу, такъ какъ Гончаровъ сдѣлалъ попытку, если не спасти его отъ угрожавшей ему кары, то хотя бы отдалить ея примѣненіе. Какъ извѣстно, сыръ боръ загорѣлся, главнымъ образомъ, изъ-за статьи М. А. Антоновича Суемудріе Дня», стихотворенія Некрасова «Желѣзная дорога» и очерковъ Успенскаго «Деревенскія встрѣчи», помѣщенныхъ въ октябрьской книжкѣ журнала. Членъ совѣта главнаго управленія Мартыновъ представилъ цѣлую записку объ этихъ произведеніяхъ, въ которой настаивалъ на немедленномъ объявленіи предостереженія. Сохранился краткій отзывъ объ этомъ дѣлѣ Гончарова, изъ котораго видно, что онъ,— правда, въ чрезвычайно осторожныхъ выраженіяхъ, попробовалъ возразить Мартынову. Такъ какъ отзывъ этотъ, напечатанный въ недоступномъ широкомъ кругамъ читателей специальномъ изслѣдованіи Мазона о Гончаровѣ представляетъ несомнѣнный интересъ, то я позволю себѣ привести его полностью:

«Я согласенъ съ мнѣніемъ г. члена совѣта дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мартынова, что болѣе всего бросается въ глаза стихотвореніе «Желѣзная дорога», но значеніе некрасовскихъ стихотвореній давно обозначалось въ литературѣ и въ общественномъ мнѣніи; къ нимъ недовѣрчиво относится теперь и самое юношество, благодаря натяжкамъ, преувеличеніямъ и односторонности, этимъ господствующимъ чертамъ въ стихотвореніяхъ Некрасова, слѣдовательно нельзя и ожидать отъ послѣднихъ вреда для общества.

Что касается до статьи Суемудріе «Дня» и повѣсти Никитичъ, то хотя въ нихъ, особенно въ первой, и обнаруживаются мѣстами признаки общаго направленія Современника, но, по моему мнѣнію и убѣжденію, не довольно ясно и сильно, чтобы настала не-

медленная потребность дать второе предостереженіе, тѣмъ болѣе, что въ октябрьской книжкѣ Современника уже нѣтъ статей того содержанія и характера, за которыя дано было первое предостереженіе. Поэтому, въ видахъ избѣжанія всякаго упрека или жалобы на торопливость карательной цензуры, я съ своей стороны полагалъ бы возможнымъ: принявъ въ особенное соображеніе замѣчаніе г. члена совѣта Мартынова по октябрьской книжкѣ, Современника,—только повременить до слѣдующей или слѣдующихъ книжекъ, когда по всей вѣроятности явятся новые и болѣе осязательные поводы ко второму предостереженію, если только Современникъ не рѣшится измѣнить своего направленія, чего впрочемъ, конечно, никто не ожидаетъ».

Послѣднія слова были таковы, что ими можно аннулировать все предыдущее. Въ самомъ дѣлѣ, что отвѣтилъ бы Гончаровъ, если бы въ совѣтѣ ему сказали: «да съ какой же стати медлить съ предостереженіемъ, разъ Вы сами убѣждены, что его придется дать, если не за эту, то за слѣдующую книжку?» Намѣренно или не намѣренно, но Гончаровъ въ данномъ вопросѣ ставилъ себя въ довольно безпомощное положеніе. Этимъ и объясняется, что противная точка зрѣнія восторжествовала, и «Современникъ» получилъ второе предостереженіе. Думается, что въ этомъ эпизодѣ поведеніе Гончарова регулировалось совершенно особыми соображеніями. Та робкая и нерѣшительная попытка отдалить уготованную для «Современника» кару, которую онъ предпринялъ, нимало не колебля его служебныхъ отношеній, давала ему возможность сказать при случаѣ Некрасову, что онъ не забылъ стариннаго пріятельства. Некрасовъ, къ тому же, въ противоположность редактору «Русскаго Слова», былъ очень крупной литературной величиной и однимъ изъ тѣхъ дѣятелей тогдашней журналистики, которые могли замѣтнымъ образомъ вліять на общественное мнѣніе. Кромѣ того, по своимъ связямъ въ сферахъ, редакторъ издатель «Современника» принадлежалъ къ людямъ, способнымъ очень и очень постоять за себя. Понятно, что «худой миръ» съ нимъ былъ неизмѣримо выгоднѣе «доброй ссоры», а потому наше предположеніе, что образъ дѣйствій Гончарова въ данномъ вопросѣ былъ продиктованъ прежде всего желаніемъ избѣгнуть «доброй ссоры», представляется, быть можетъ, не слишкомъ лестнымъ для общественной роли Ивана Александровича, но по существу своему довольно вѣроятнымъ.

Чтобы покончить съ характеристикой отношенія Гончарова къ періодической печати въ первый годъ его членства въ совѣтѣ главнаго управленія, скажу нѣсколько словъ о напечатанныхъ въ той же книгѣ Мазона отзывахъ его еще о двухъ періодическихъ

изданійхъ того времени подцензурной газетѣ «Современный Листокъ» и безцензурномъ «Голосѣ» Краевского.

Въ «Современномъ Листкѣ» предложена была къ напечатанію 21 сентября статья «о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи», написанная по словамъ Гончарова «съ цѣлью подвергнуть одному порицанію всѣ приведенныя въ исполненіе построенія желѣзныхъ дорогъ, особенно Николаевскую, и бросить неблагоприятную тѣнь на строителей, которыхъ она обвиняетъ въ томъ, что они клали въ карманъ деньги, назначенныя на постройку». С.-Петербургскій цензурный комитетъ эту статью запретилъ, но редакторъ «Современнаго Листка» обжаловалъ его рѣшеніе, ссылаясь на то, что о злоупотребленіяхъ по постройкамъ желѣзныхъ дорогъ говорено было много разъ во всѣхъ журналахъ, и что программой газеты ей предоставлено разсуждать объ общественныхъ и политическихъ вопросахъ, а потому дѣйствія комитета совершенно не-правильны. Гончаровъ, однако, сталъ на сторону комитета и въ своемъ отзывѣ доказывалъ, что комитетъ поступилъ благоразумно, запретивъ статью, такъ какъ она является не болѣе какъ «желчнымъ и неприличнымъ памфлетомъ», а кромѣ того писана для распространенія въ низшихъ классахъ.

Отзывъ Гончарова о «Голосѣ» вызванъ былъ статьей этой газеты, порицавшей усвоенную главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати систему предостереженій. Такъ какъ подобныя же порицанія раздавались и въ другихъ органахъ, то Гончаровъ въ видахъ ихъ прекращенія предлагалъ напечатать *communiqué* или *сообщеніе*; оно, по его мнѣнію, «оказалось бы болѣе дѣйствительной силой, нежели предостереженіе: послѣднее есть наказаніе за совершенный проступокъ и въ свою очередь ведетъ за собой опять разборъ и порицанія самыхъ предостереженій, какъ этому былъ примѣръ, тогда какъ въ *communiqué* выражается положительная воля правительства или, лучше сказать, прямое приказаніе не говорить о томъ или другомъ предметѣ, чего нельзя не исполнить, не оказавъ явнаго послушанія. Напомню о сообщеніи, появившемся въ «Сѣверной Почтѣ» по поводу спора двухъ газетъ о субсидіяхъ: полемика прекратилась».

Надо ли распространяться, что этотъ сравнительно, необычайный, способъ воздѣйствія на печать, едва ли можетъ возбудить иное отношеніе, кромѣ отрицательнаго, такъ какъ неограниченно расширяетъ сферу административнаго усмотрѣнія? Предостереженіе, мѣра, на первый взглядъ, несравненно болѣе суровая, все же должна быть опредѣленнымъ образомъ мотивирована, а мотивовъ изъ пальца не высосешь, если ихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ; что же касается *communiqué*,

то оно можетъ воспослѣдовать по поводу любого вопроса, гласное обсужденіе котораго почему-либо нежелательно властямъ, но не можетъ послужить поводомъ къ предостереженію. Не подчиниться же требованію *communiqué*, при огромной власти министерства внутреннихъ дѣлъ надъ печатью, едва ли не было бы для любого органа безразсудною смѣлостью.

Итакъ, дѣйствія Гончарова въ 1865 г. въ отношеніи различныхъ органовъ періодической печати—и радикально «нигилистическихъ» («Русское Слово» и «Современникъ»), и патріотическо-славянофильскихъ («День»), и умѣренно-либеральныхъ («Голосъ») —менѣе всего оправдываютъ, думается мнѣ, наименованіе снисходительнаго цензора, которое даетъ ему К. А. Военскій. Тотъ же исследователь, между прочимъ, утверждаетъ, что наибольшую снисходительность Гончаровъ проявлялъ къ драматическимъ произведеніямъ «явно защищая авторовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе цензоры запрещали къ постановкѣ пьесы». Здѣсь, прежде всего, приходится отмѣтить, что изъ восьми драматическихъ произведеній, разсмотрѣнныхъ въ 1865 году Гончаровымъ, только одно, а именно: «Псковитянка» Мея принадлежитъ къ литературѣ, остальные же представляютъ собой издѣлія чисто ремесленнаго характера. Въ отношеніи «Псковитянки», запрещенной въ 1861 году по распоряженію генерала Тимашева, Гончаровъ, дѣйствительно, проявилъ терпимость и въ своемъ отзывѣ доказывалъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, вся эта пьеса, кстати сказать, въ политическомъ отношеніи довольно безобидная, можетъ быть разрѣшена къ постановкѣ на сценѣ. Можно говорить также о терпимости, проявленной Гончаровымъ въ отношеніи переводной пьесы «Проклятіе Галилея», не допущенной къ представленію прежней театральной цензурой на томъ основаніи, что авторъ будто бы «хочетъ доказать несостоятельность папизма и католицизма и ихъ вредное вліяніе на просвѣщеніе». Гончаровъ находилъ возможнымъ допустить эту пьесу, утверждая, что она обнаруживаетъ «несостоятельность только инквизиціи, за которую, конечно, никто, не исключая и папистовъ, не станетъ вступаться вообще, а въ дѣлѣ Галилея въ особенности». Впрочемъ, изъ пьесы, по его мнѣнію, слѣдовало бы по возможности исключить упоминаніе о монашествѣ сднаго изъ героевъ, «слишкомъ пылко» объясняющагося въ любви своей двоюродной сестрѣ, такъ какъ понятіе о значеніи монашества «принадлежитъ къ общимъ для обѣихъ религій». Испугало также Гончарова и названіе пьесы, и онъ предложилъ слово «проклятіе» замѣнить «для большей осторожности» словомъ «судъ».

Готовъ былъ также Гончаровъ разрѣшить и драму Соколова

«Мазепа», которая «для цензуры кончается очень благопріятно: измѣна открыта, преступники получаютъ должное воздаяніе, а раскаявшіеся прощеніе, и господство Россіи признано всѣми справедливымъ и законнымъ», и историческое представленіе того же автора «Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, освободитель Малороссіи», пропитанное рѣзкою полонсфобскою тенденціей, и пьесу Чаева «Дмитрій Самозванецъ». Въ этой послѣдней Гончаровъ проектировалъ нѣкоторыя измѣненія; такъ, напримѣръ, ему показалось неудобнымъ, что въ одной изъ сценъ авторъ выводитъ своего героя съ атрибутами царской власти: вѣнцомъ, скипетромъ и тронѣмъ, и онъ, опасаясь, что это «можетъ вульгаризировать корону и бармы Мономаха», предлагалъ эту сцену измѣнить.

Особенно подчеркиваетъ К. А. Военскій тотъ фактъ, что Гончаровъ «даже комедію «Прогрессистъ самозванецъ», признаваемую имъ неудобною къ представленію на сценѣ, предлагаетъ автору измѣнить и передѣлать». Но вѣдь эта пьеса болѣе чѣмъ благонамѣрена въ извѣстномъ смыслѣ по содержанію: въ ней дѣлается попытка, правда неудачная, доказать «ложь и вредъ новыхъ стремленій и началъ представителя новаго поколѣнія грубаго, безнравственнаго и весьма недалекаго господина». Этого господина автору почему-то было угодно одѣть въ офицерскій мундиръ, и вотъ Гончаровъ въ своемъ отзывѣ принимается убѣждать автора, что если онъ «дорожить постановкой своей пьесы на сцену», то ему слѣдуетъ «измѣнить мундиръ героя на фракъ», что «обобщило бы и цѣль комедіи, ибо инициатива ложнаго прогресса принадлежитъ фращному міру, въ которомъ разнообразно и обильно разыгрываются всѣ его жалкія и комическія проявленія».

«Шедевромъ дипломатическаго такта» Гончарова К. А. Военскій считаетъ его отзывъ о мелодрамѣ одного изъ высшихъ администраторовъ сѣверо-западнаго края генерала Столыпина. Дѣйствительно дипломатическаго такта въ немъ проявлено довольно, но во имя чего? Главнымъ образомъ во имя того, чтобы, не навлекая на себя и на совѣтъ неудовольствія со стороны высокопоставленнаго автора пьесы и поддерживавшаго его генерала губернатора Кауфмана, дать имъ понять, что постановка ея на сценѣ Виленскаго театра—вещь невозможная. Не надо было обладать, конечно, особымъ глубокомысліемъ и особою административною проницательностью, чтобы сознать, что въ только что замиренномъ краю съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ явилась бы верховъ политической безтактности и государственной близорукости постановка пьесы, въ которой возносится на пьедесталъ поляка, доносящая русскимъ о готовящемся возстаніи

своихъ единоплеменниковъ и «презирающая все польское», и всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ полякамъ придается «характеръ трусовъ, глупцовъ или продажныхъ негодяевъ».

Наконецъ въ числѣ отзывовъ Гончарова о драматическихъ произведеніяхъ 1865 г. находится отзывъ о французской комедіи «Les memoires de Mimi Bompasche», предназначенной для Михайловскаго театра. Гончаровъ, характеризуя эту пьесу, какъ «рядъ комическихъ, мѣстами пошлыхъ сценъ, составляющихъ цѣлую вакханалію распущенныхъ нравовъ парижской жизни», считаетъ возможнымъ ее допустить, тѣмъ болѣе, что министръ въ одной изъ своихъ резолюцій указалъ на то, что къ публикѣ Михайловскаго театра долженъ быть прилагаетъ иной критерій, чѣмъ къ «менѣе развитой» публикѣ другихъ театровъ.

Обзоръ служебныхъ донесеній Гончарова за 1865 г., посвященныхъ драматическимъ произведеніямъ различныхъ авторовъ, едва ли можетъ поколебать то представленіе о немъ, какъ чиновникѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, которое мы вынесли изъ знакомства съ его донесеніями о различныхъ органахъ современной печати за тотъ же періодъ времени. Они, во всякомъ случаѣ, не даютъ достаточно основаній говорить объ особыхъ его снисходительности и терпимости. Вліяніе того порядка, который Никитенко называлъ «валуевскимъ», сказалось на немъ, внѣ всякаго сомнѣнія, весьма ощутительнымъ образомъ съ первыхъ же мѣсяцевъ его службы въ главномъ управленіи. Находящіеся въ моемъ распоряженіи отзывы Гончарова за 1866 г. (они извлечены мною изъ дѣла канцеляріи главнаго управленія по дѣламъ печати за 1866 г. № 16; № архива 258-ой) въ значительной степени подтверждаютъ правильность такого вывода.

Среди нихъ видное мѣсто занимаютъ отзывы о современныхъ журналахъ; не безынтересенъ также отзывъ объ одномъ памфлетѣ, вызванномъ къ жизни событіемъ 4 апрѣля; не меньшаго вниманія заслуживаютъ отзывы о двухъ сочиненіяхъ по исторіи французской революціи; особая группа составляютъ отзывы о произведеніяхъ дѣтской и педагогической литературы и, наконецъ, о нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ. Изъ современныхъ журналовъ Гончаровъ въ 1866 г. далъ письменныя заключенія о двухъ книжкахъ радикальнаго «Русскаго Слова», объ одномъ номерѣ либеральнаго «Вѣстника Европы» и о двухъ номерахъ «Недѣли». Отношеніе Гончарова къ «Русскому Слову» было попрежнему рѣзко отрицательное, какъ въ этомъ удостовѣрится читатель изъ нижеслѣдующаго служебнаго его донесенія:

Журналъ «Русское Слово»; Ноябрьская книжка 1865 года.

Самое замѣчательное мѣсто въ цензурномъ отношеніи въ Ноябрьской (последней, вышедшей въ концѣ прошлаго мѣсяца) книжкѣ «Русскаго Слова», находится на страницахъ съ 225 по 228 статьи «Историческія идеи Огюста Конта», соч. Писарева.

Разсматривая критически сочиненія Конта, авторъ на означенныхъ страницахъ приходитъ къ такому выводу, что «вся исторія человѣческой мысли представляетъ колоссальную борьбу разсудка съ воображеніемъ», въ которой разсудокъ одерживаетъ постоянную побѣду. Такъ въ началѣ исторіи, воображеніе создало фетишизмъ, разсудокъ выбилъ его изъ этой позиціи; когда воображеніе перешло къ политеизму, разсудокъ подрылъ его тѣмъ аргументомъ, что *постоянство и правильность, замѣчаемыя въ явленіяхъ природы, несомѣстимы съ гипотезою о существованіи многихъ правителей, несогласныхъ между собою во мнѣніяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ.*

«Тогда, говоритъ г. Писаревъ, воображеніе еще разъ отступило назадъ и выработало себѣ ту доктрину, которая наложила свою печать на средневѣковой періодъ. Разсудокъ конечно не уgomился. Такъ какъ средневѣковая доктрина была уступкою, которую воображеніе принуждено было сдѣлать разсудку, то разумѣется эта доктрина была для разсудка менѣе стѣснительна, чѣмъ политеизмъ».

Далѣе авторъ говоритъ, что доктрина эта привлекла многихъ ученыхъ и даровитыхъ людей для развитія подробностей и пріобрѣтенія адептовъ; чтобы основать великое европейское единство и поставить надъ послѣднимъ тотъ сильный организмъ, который впоследствии далъ папамъ власть надъ императорами и королями (стр. 226).

Наконецъ эта средневѣковая или традиціонная доктрина, по выводу г. Писарева, призывала для поддержки своей мыслителей, но неудачно. Такъ какъ сама доктрина пропитана метафизикой, то ею же должна была защищаться отъ своихъ враговъ. Но метафизика *раскрошила* весь строй ея гипотезъ, отрицая сначала дисциплинарныя подробности, а потомъ добралась и до основной доктрины. «Это разрушеніе продолжается, заключаетъ авторъ на стр. 228, съ XII вѣка до нашего времени, а между тѣмъ средневѣковая организація теократической власти все еще существуетъ, несмотря на то, что передовые умы уже давно освободились изъ-подъ ея господства».

Я прошу позволенія прочесть эти три страницы вполне, чтобы рѣшить, согласно ли будетъ мнѣніе г. Предсѣдателя и гг. прочихъ Членовъ Совѣта съ моимъ заключеніемъ о томъ, что авторъ подѣ

именемъ средневѣковой и традиціонной доктрины разумѣть не иное что, какъ христіанскую религію вообще, и что послѣднее, приведенное мною выраженіе автора «*средневѣковая организація теократической власти*», очевидно, относимая имъ къ свѣтской власти папъ, не уничтожаетъ его перваго вывода (стр. 226) о томъ, что *средневѣковая доктрина* (т.-е. христіанство) есть не что иное, какъ плодъ воображенія и уступка разсудку.

Если, несмотря на замаскированную діалектику автора, выводъ будетъ ясенъ и для всѣхъ гг. членовъ Совѣта, то само собою разумѣется, что такое явное отрицаніе святости происхожденія и значенія христіанской религіи, подвергаетъ автора и редакторовъ журнала прямо отвѣтственности по суду на основаніи I ч. тома XV Свода Законовъ.

Кромѣ указаннаго, въ той же Ноябрьской книжкѣ «Русскаго Слова» можно привести нѣсколько мѣстъ, болѣе или менѣе обращающихъ на себя вниманіе въ цензурномъ отношеніи и именно:

1) Въ статьѣ «*Развитіе органическаго міра во время образованія земной коры*», на страницѣ 29, авторъ даетъ уразумѣть, что *въ развитіемъ естественныхъ наукъ, созданіе и развитіе органическаго міра войдетъ въ рядъ естественныхъ явленій, подчиненныхъ обыкновеннымъ законамъ природы и никакого вмѣшательства сверхъ естественной, творящей силы не будетъ нужно; самая творящая сила сдѣлается «безполезной гипотезой» какъ говорилъ Лапласъ.*

2) Въ статьѣ «*Библіографическій листокъ*», на стр. 45—46, заключается оскорбительная выходка противъ всего Воронежскаго дворянства.

3) Въ статьѣ «*Рабочія ассоціаціи*», соч. Шелгунова, авторъ сочувствуетъ стремленіямъ рабочихъ классовъ соединить *мускульную силу* съ силой умственной, изъ какового соединенія должны возникнуть промышленныя ассоціаціи, которымъ предназначено измѣнить существующій строй общественныхъ экономическихъ учрежденій.

Несмотря на то, что авторъ, на стр. 3, 6 и 17, неодобрительно относится какъ къ усиліямъ рабочихъ классовъ достигать благосостоянія одной *мускульной силой* (т.-е., разбивать стекла у богатыхъ людей и ломать машины на фабрикахъ стр. 3), такъ и къ *крайнимъ коммунистическимъ* воззрѣніямъ социалистовъ, между прочимъ Бабефа (стр. 6) и къ утопіямъ Фурье (стр. 17), однако же онъ обнаруживаетъ и сочувствіе (на стр. съ 20 по 26, 30 и съ 32 по 35) не только къ эконсмическимъ, но и вообще къ ссціальнымъ теоріямъ Фурье, Овена и Сентъ-Симона, приводя съ одобреніемъ главныя положенія ихъ теорій.

Наконецъ въ комедіи «Удочка» соч. Федорова выводится въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ, начальникъ какого-то мѣста, находящійся въ связи съ своей племянницей, которую онъ, уже беременную отъ него, выдаетъ замужъ за своего подчиненнаго.

Впрочемъ противъ этого послѣдняго пункта, т.-е. противъ изображенія въ драматическихъ произведеніяхъ примѣровъ кровосмѣшенія, кажется, не можетъ быть принято со стороны карательной цензуры никакой мѣры, по отсутствію положительныхъ законовъ, которые бы воспрещали писателямъ изображать для своихъ сочиненій подобные сюжеты.

Подъ законъ противъ безнравственности произведенія эти, по моему мнѣнію, подведены быть не могутъ, такъ какъ всѣ любовныя связи, внѣ брака, признаны по закону безнравственными, между тѣмъ онѣ часто служатъ сюжетомъ драмъ, комедій и романовъ.

Комедія «Удочка»—сама по себѣ не замѣчательна и не дѣлаетъ сильнаго впечатлѣнія на читателя: но, будучи оставлена безъ вниманія со стороны цензуры, она можетъ вызвать примѣры подражанія.

Всѣ вышеизложенныя вмѣстѣ взятая уклоненія отъ правилъ печати образуютъ вредное *направленіе*, почему, на основаніи высоч. Указа 6 апрѣля, Редакціи «Русскаго Слова» слѣдовало бы объявить второе предостереженіе.

Но эта административная мѣра въ настоящемъ случаѣ, и именно по поводу превратнаго истолкованія значенія христіанства, (въ статьѣ «Историческія идеи Огюста Конта») оказалась бы, по моему мнѣнію, менѣе удобопримѣнимою, нежели судебное преслѣдованіе, такъ какъ въ мотивѣ предостереженія по этой статьѣ понадобилось бы значительно смягчить противъ истины степень проступка; если же оный будетъ обозначенъ съ надлежащей точностью, то очевидно станетъ для всякаго, что такое нарушеніе подлежало бы не административной мѣрѣ, а взысканію по суду.

Кромѣ того, второе предостереженіе за XI книжку «Русскаго Слова» миновало бы наказаніемъ главнаго виновника, т.-е. автора означенной статьи г. Писарева, который, какъ объявлено въ этомъ и другихъ журналахъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сотрудниками, отдѣлился отъ редакціи; тогда какъ по суду онъ первый былъ бы подвергнутъ отвѣтственности.

Наконецъ, кажется, нельзя сомнѣваться, что какъ упомянутое вначалѣ, капитальное нарушеніе правилъ печати (въ статьѣ Писарева), такъ и другія вышеизложенныя, послужатъ достаточными поводами судебной власти принять относительно «Русскаго

Слова» рѣшительную мѣру, которая бы разомъ положила предѣлъ вредной пропагандѣ этого журнала.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю присовокупить, что крайнее замедленіе выхода книжекъ «Русскаго Слова» и доставки ихъ изъ Редакціи въ Главное Управленіе (такъ Ноябрьская книжка вышла только 25 декабря, и доставлена въ Совѣтъ 30-го того же мѣсяца) по необходимости замедляетъ вообще своевременное принятіе административныхъ мѣръ. А въ настоящемъ случаѣ, по причинѣ отложеннаго (въ праздники) до 8-го января засѣданія Совѣта, легко можетъ быть, что предостереженіе появилось бы особенно поздно и могло бы совпасть съ выходомъ въ свѣтъ слѣдующей, т.-е. Декабрьской книжки журнала.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*.

6-го января 1866 г.

По разсмотрѣнію доставленнаго мнѣ сего 7-го января, уже послѣ заготовленія мною всего вышеизложеннаго, заключенія С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета о Ноябрьской книжкѣ Журнала «Русское Слово», я не нахожу поводовъ измѣнять своего мнѣнія, которое согласно съ заключеніемъ Комитета въ томъ, что виновные въ нарушеніи правилъ печати въ упомянутой книжкѣ журнала подлежатъ не административному взысканію, а судебному преслѣдованію.

Къ этому нужнымъ считаю присовокупить, что если Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати раздѣлитъ мнѣніе Комитета и мое, то я полагаю бы справедливымъ сверхъ указаннаго Цензурнымъ Комитетомъ обвиненія по статьѣ Писарева «*Историческія идеи Огюста Конта*» (въ Ноябрьской книжкѣ «Русскаго Слова»), сообщить суду и о тѣхъ нарушеніяхъ правилъ печати, которыя, какъ по Уложенію о наказаніяхъ, такъ и по ВЫСОЧАЙШЕМУ Указу 6 апрѣля, а именно Гл. IV, п. 9, § 3 подлежатъ судебному преслѣдованію въ Октябрьской и Ноябрьской книжкахъ журнала «Русское Слово», а именно въ статьяхъ, по коимъ объявлено было первое предостереженіе и по нѣкоторымъ изъ указанныхъ въ настоящемъ моемъ докладѣ, напримѣръ въ статьяхъ «*Рабочія ассоціаціи*», Шелгунова и въ статьѣ «*Развитіе органическаго міра во время образованія земной коры*» стр. 29.

И. Гончаровъ.

7-го января 1866 г.

Хотя, такимъ образомъ, Гончаровъ и склонялся къ мысли о предпочтительности судебного преслѣдованія надъ административною мѣрою взысканія, каковою явилось бы второе предостереженіе, однако, совѣтъ, основываясь на данныхъ его же отзыва,

склонился именно къ предостереженію, и оно было объявлено въ № 6 «Сѣверной Почты», съ указаніемъ какъ разъ на тѣ статьи, которыя и разбиралъ Гончаровъ, какъ наиболѣе «зловредныя», — на «Историческія идеи О. Конта» Писарева и «Рабочія ассоціаціи» Шелгунова. Отсюда видно, что и второе предостереженіе «Русскому Слову», равно какъ первое, почти всецѣло падаетъ на совѣсть Гончарова. Характерно, что умѣреннѣйшій Никитенко, какихъ-нибудь 5 лѣтъ тому назадъ самъ разоблачавшій въ особой записи неблагонамѣренность «Русскаго Слова» (см. «Русскій Архивъ», 1895 г., № 2), возмущился на этотъ разъ карой, постигшей благосвѣтловскій журналъ, и подъ 10 января 1866 г. записалъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Это уже придирка. Мы, значитъ, поворачиваемъ назадъ къ прежнему архицензурному времени. Я далеко не сочувствую всему, что проповѣдуется въ «Русскомъ Словѣ». Но одно изъ двухъ: или надо при расширеніи свободы печати допустить разныя воззрѣнія и толки о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде толковалось не иначе, какъ официальнымъ образомъ, и предоставить другимъ воззрѣніямъ и толкамъ опровергать и парализовать первые—или остаться при прежнемъ ходѣ подцензурной литературы и при прежнихъ стѣсненіяхъ печати. Лучше бы не издавать новаго положенія и . . . такимъ образомъ, публикѣ и печати, будто бы, предоставляя послѣдней больше свободы, а на самомъ дѣлѣ, подвергая ее тягчайшему игу. Выходить на повѣрку, что, давъ свободу народу, мы хотимъ сковать всякую свободу мысли. . . .?»

Однако, мнѣнія такихъ лицъ, какъ Никитенко, оставались «гласомъ вопіющихъ въ пустынь», и главное управленіе по дѣламъ печати, въ частности И. А. Гончаровъ, продолжали идти своимъ путемъ. Въ подтвержденіе приведу второй его отзывъ о «Русскомъ Словѣ», хотя и не настаивавшій на немедленной репрессіи, но отсрочивавшій ее «до первѣйшаго повода», такъ какъ журналъ «Русское Слово» не заслуживаетъ-де того «снисхожденія», которое «относительно всякаго другого журнала можно бы было допустить». Привожу этотъ отзывъ полностью:

Журналъ Русское Слово, декабрь 1865 г.

Декабрьская книжка этого журнала, почти всѣми статьями, въ ней помѣщенными, представляетъ замѣчательный образецъ журнальной ловкости—оставаться вѣрною принятому направленію, не подавая поводовъ къ административному и еще менѣе къ судебному преслѣдованію.

Не ожидая мнѣнія Цензурнаго Комитета, который конечно не обойдетъ безъ вниманія эту книжку, я долгомъ считаю ука-

зять на тѣ ея статьи, которыя стороной, косвенно поддерживаютъ извѣстное направление «Русскаго Слова», и скажу нѣсколько словъ о каждой, предупреждая, что нѣкоторыя статьи (напримѣръ, романъ «Вспоминанія пролетарія») не были бы предварительною цензурою вовсе допущены въ печать, но съ точки зрѣнія цензуры карательной, онѣ, будучи взяты каждая отдѣльно, не подають рѣшительнаго повода къ карательной мѣрѣ, и только въ подборѣ, въ соединеніи въ одну книгу цѣлаго ряда статей тождественнаго содержанія можно угадывать намѣреніе редакціи выразить свои тенденціи.

Напримѣръ, въ романѣ «Вспоминанія пролетарія» проводится, и въ общихъ чертахъ и въ мелкихъ, частныхъ эпизодахъ, вся исторія революціи 1848 г., увѣнчавшаяся полнымъ торжествомъ народныхъ требованій и уступкою правительственныхъ властей: это послѣднее и послужило задачею всего романа.

Бѣдный столярный подмастерье является изъ провинціи въ Парижъ, въ мастерской своего хозяина, вмѣстѣ съ прочими ремесленниками и рабочими, такими же пролетаріями, какъ онъ, несетъ всю тягость нуждъ, видитъ, какъ несутъ ее всѣ бѣдные рабочіе классы, вникаетъ въ причины и находитъ ихъ въ злоупотребленіи правительственной власти, въ безчестности или неспособности министровъ, особенно Гизо, въ подкупности депутатовъ; въ той же мастерской, въ лицѣ своего хозяина, а также и нѣкоторыхъ другихъ энергическихъ личностяхъ, онъ находитъ руководителей могущественнаго народнаго протеста; постепенно, путемъ внушеній и чтенія исторіи прошедшихъ революцій, изучаетъ онъ духъ и ходъ послѣднихъ, видитъ въ нихъ славныя эпохи и въ герояхъ признаетъ великихъ дѣятелей отечества, воспитывается въ идеяхъ, возбуждающихъ перевороты, проникается сознаніемъ общихъ народныхъ нуждъ и долгомъ самопожертвованія для достиженія побѣды надъ злоупотребленіями власти. Видя въ революціяхъ средство, ведущее къ завоеванію и упроченію народнаго общественнаго благосостоянія, пролетарій однакоже гнушается революціонныхъ страстей, постороннихъ высокой цѣли, и ставитъ единственнымъ знаменемъ революцій долгъ гражданина бороться съ насиліемъ.

Воспитавшись и укрѣпившись въ такихъ идеяхъ, онъ встрѣчаетъ возстаніе 1848 года, въ подготовленіи котораго тайно участвуетъ вмѣстѣ съ массою себѣ подобныхъ, и потомъ уже является героемъ революцій, на баррикадахъ, во дворцѣ, на площадяхъ, достигаетъ успѣха и мирно торжествуетъ счастливую побѣду, наслаждаясь идеею завоеваннаго имъ народнаго блага.

Авторъ проходитъ всѣ фазисы возстанія, освѣщаетъ всѣ

подробности, оправдываетъ идею, смыслъ и средства революціонеровъ, признаетъ за послѣдними всю законность угнетеннаго и потомъ торжествующаго дѣла, возводитъ ихъ въ герои правды, добра, честности и всему событію сообщаетъ характеръ простоты и величія. Наиболѣе яркія мѣста находятся на страницахъ: 43, 46, 47, 48, 51, 52, 69, 70, 74, 77, 84, 88, 90 и 107.

Все что происходитъ въ романѣ «Воспоминанія пролетарія», во-первыхъ не ново для русской публики, частію пережившей эту революцію, частію давно прочитавшей книгу Луи-Блана и другихъ авторовъ, а во-вторыхъ, никакая аналогія, параллель или примѣненіе къ существующему у насъ порядку немислимы, какъ по духу обстоятельствъ, такъ и по настроенію умовъ, слѣдовательно всѣ подобныя описанія совершенно безвредны, и русское общество можетъ относиться къ нимъ только объективно, какъ къ любопытнымъ явленіямъ чужой и несвойственной намъ жизни. Можетъ быть одно только преувеличенное изображеніе бѣдствій рабочихъ классовъ и слѣдовательно преувеличенное сочувствіе къ нимъ, а также враждебное сопоставленіе этихъ классовъ съ правительствомъ и съ богатыми классами общества можетъ вводить неопытные умы въ какія-нибудь фальшивыя соображенія и невѣрные сравнительные выводы и относительно состоянія пролетаріата на западѣ и рабочихъ классовъ въ Россіи. Но и это трудно предположить по многимъ причинамъ.

Къ послѣднимъ соображеніямъ и выводамъ могла бы, при отсутствіи разумной критики, подать поводъ статья (въ той же книжкѣ «Русскаго Слова») подъ заглавіемъ «Производительныя силы Европы», въ которой авторъ приводитъ статистическія данныя землевладѣльческой производительности Европы (упомяная тутъ и Россію) и крайне неравномѣрнаго распредѣленія доходовъ по числу всего Европейскаго народонаселенія. Эта послѣдняя тема и служитъ главною задачею всей статьи г. Ткачева, который разсматривая вопросъ о количествѣ дохода съ земли и о неправильномъ его распредѣленіи по числу народонаселенія во всей Европѣ, обобщаетъ такимъ образомъ свой анализъ, не стараясь примѣнить его исключительно къ Россіи, и этимъ самымъ ставитъ себя внѣ обвиненія со стороны карательной цензуры въ стремленіи опровергнуть существующую экономическую систему въ Россіи новыми социальными теоріями.

Но несмотря на это обобщеніе и статистическіе приемы автора, въ статьѣ «Производительная сила Европы» мѣстами проглядываютъ, хотя слабѣе прежняго, но тѣ же социальное-экономическіе выводы, которые появлялись уже въ предыдущихъ книжкахъ «Русскаго Слова», въ статьяхъ подобнаго содержанія.

Авторъ отправляется отъ слишкомъ старой, всѣмъ до пошлости извѣстной, но горячо принятой въ основаніе юными экономическими пропагандистами точки, и именно: что «благоденствіе и роскошь счастливаго меньшинства, вкушающаго плоды европейской цивилизаціи, поражаетъ своимъ величіемъ, что нѣтъ ни одного желанія, ни одного каприза, которому не угождала бы современная жизнь привилегированныхъ классовъ, «что все къ услугамъ самодовольнаго буржуа, его прихотямъ и жаждѣ наслажденій: монументальныя зданія, желѣзныя дороги, пароходы и телеграфы, роскошныя всемірныя выставки, изящная домашняя обстановка—все создано руками бѣднаго работника для услажденія цивилизованнаго человѣка. Но это великолѣпное Эльдorado принимаетъ совершенно другой суровый и будничный видъ, если мы станемъ разсматривать его снизу; за красивыми декораціями кроется другая жизнь, которая не знаетъ никакой цивилизаціи и цѣлыя сотни лѣтъ прозябаетъ въ нищетѣ» и т. д. (начало статьи, стр. 244).

Затѣмъ авторъ, разсматривая книгу Гауснера «Сравнительная статистика Европы», приводитъ цифры количества земли во всей Европѣ, сумму дохода съ нея и распредѣляетъ послѣдній на все Европейское народонаселеніе поровну причемъ приходится на каждаго европейца по 8 коп. въ день.

Но какъ доходъ распредѣляется не поровну, а большая часть достается землевладѣльцамъ, а не земледѣльцамъ, то послѣдніе т. е. масса пролетаріевъ, получаетъ менѣе 8 коп. въ день.

Если бы, говоритъ авторъ на стр. 248—249, каждый земледѣлецъ былъ въ то же время и землевладѣлецъ, то земля обрабатывалась бы въ 10 разъ лучше, чѣмъ обрабатывается теперь и приносила бы въ 10 разъ больше дохода, еслибъ большая часть дохода не растрачивалась на безпутную роскошь буржуазнаго комфорта, на содержаніе тунеядцевъ, начиная съ сифофанствующихъ публицистовъ до пѣвцевъ и балетчицъ, еслибъ государство не облагало земли тяжелыми налогами въ пользу своихъ непроизводительныхъ затратъ, тогда бы и доходъ каждаго землевладѣльца былъ бы вдвое больше противъ нынѣшняго.

И чѣмъ больше, ненасытнѣе твои притязанія, буржуа, тѣмъ чаще долженъ голодать крестьянинъ, тѣмъ больше коры, глины и мякины долженъ онъ подмѣшивать въ свой неудобоваримый хлѣбъ.

Авторъ съ 253 по 261 стр., т. е. до конца статьи, сквозь всѣ статистическіе выводы и цифры, проводитъ этотъ постоянный мотивъ о производительномъ трудѣ и нищетѣ рабочихъ классовъ и о непроизводительности и неумѣренной потребительности буржуазіи или собственниковъ.

Кромѣ этихъ причинъ экономической нищеты, авторъ (на стр. 261) указываетъ и на налоги, взимаемые государствами во всей Европѣ и исчисляетъ сумму поступающихъ отъ этого доходовъ и также расходовъ и затѣмъ опредѣляетъ дефицитъ и государственные долги, которыхъ во всей Европѣ не имѣютъ только Швейцарія, Сербія, Черногорія и Санъ-Марино.

«Зато такъ называемыя великія державы, говоритъ авторъ, наперерывъ стараются превзойти другъ друга въ искусствѣ обременять народъ несмѣтными долгами, постоянно увеличивающагося государственнаго долга» (стр. 262).

Въ этой статьѣ, анализирующей экономической порядокъ всей Европы, несмотря на приведенныя выписки соціального свойства, неудобно, не прибѣгая къ нѣкоторой натяжкѣ, найти прямые поводы къ административному взысканію.

Затѣмъ можно указать на разборъ книги соч. Maurau Christophe подъ заглавіемъ «Le monde des Coquins»—«Честные мошенники»; какъ перевелъ авторъ статьи г. Шелгуновъ.

Критикъ опровергаетъ рутинную, по его мнѣнію, точку зрѣнія Маро-Христофа на причины преступленій, и именно кражи и мошенничества, и ищетъ этихъ причинъ не въ порочныхъ отъ природы или недостатка воспитанія наклонностяхъ, не въ праздности, лѣни и тунеядствѣ, а въ томъ, что жизнь каждаго плута и мошенника слагается подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, которыя не даютъ ему возможности стать въ болѣе выгодное положеніе (стр. 13).

Въ своихъ доказательствахъ г. Шелгуновъ впадаетъ въ поразительный своею нелѣпостью софизмъ. Маро-Христофъ, приводя факты преступленій, между прочимъ говоритъ о безсознательности нѣкоторыхъ преступниковъ въ своихъ преступленіяхъ, ссылается на фальшивую логику многихъ изъ нихъ, которою они прикрываютъ свои преступленія, называютъ на своемъ жаргонѣ и между собою воровство—*трудомъ*, считаютъ добытое ими законнымъ приобрѣтеніемъ и т. п.

Критикъ старается придать этому серьезное значеніе и доказываетъ (стр. 8), что *трудъ* вора только съ точки зрѣнія экономической теоріи не есть трудъ, а бездѣлье, но что его нельзя не признать дѣйствительнымъ трудомъ, такъ какъ онъ требуетъ и мускульной силы, и времени, и соображеній, и что это такой же трудъ, какъ и всякій трудъ разныхъ эксплуататоровъ общества, котораго только заднюю шеренгу составляютъ воры и мошенники, что онъ не трудъ съ экономической точки зрѣнія, неизвѣстной ворами, которые имѣютъ свою точку зрѣнія и, глядя съ этой точки, они правы считая воровство трудомъ (стр. 8 и 9).

Г. Шелгуновъ, продолжая развивать этотъ софизмъ на стр. 12, 13 и 14, говоритъ, что дѣйствіями мошенниковъ и воровъ руководитъ свойственная всѣмъ склонность къ приобрѣтенію, но не потому, чтобы воръ находилъ наслажденіе жить подъ страхомъ попасть въ тюрьму или на висѣлицу и влачить жизнь среди страха и опасностей. Нельзя находить удовольствіе ходить по каленымъ угольямъ и стоитъ только одинъ годъ побывать въ кожѣ вора, чтобы увидѣть, какъ покойно быть добродѣтельнымъ, что слѣдовательно воры хотѣли бы итти болѣе покойнымъ и выгоднымъ путемъ, да не могутъ, *потому что общественная жизнь слагалась*, заключаетъ г. Шелгуновъ, *не по моральнымъ нравоученіямъ такихъ храбрыхъ мыслителей*, какъ Моро-Христофъ (стр. 14).

Причину преступленій критикъ видитъ не въ порочныхъ склонностяхъ, но въ *абсурдѣ общественнаго экономическаго состоянія* (стр. 21), который все болѣе и болѣе *объясняется логикою жизни* и наконецъ скоро станетъ ясенъ и для большинства.

Во всѣхъ литературахъ, и сколько мнѣ помнится, и въ русской бывали попытки искать объясненій преступленіямъ не въ одномъ только развращеніи и распущенности нравовъ, но и другихъ причинахъ, объясняли источникъ упадка нравовъ психологическими, юридическими, наконецъ экономическими мотивами. Статья г. Шелгунова напрашивается, по моему мнѣнію не на карательную мѣру, а на здоровое критическое опроверженіе.

Въ заключеніе мнѣ остается мимоходомъ упомянуть о двухъ статьяхъ: о разборѣ романа Герцена *«Кто виноватъ»* и *«Эпизоды изъ исторіи Франціи»*, 1830—40 г. перев. Вейнберга.

Въ первой критикъ съ сочувствіемъ относится къ прошлымъ дѣятелямъ литературы, Бѣлинскому, Грановскому и Герцену, но къ послѣднему только по поводу его романа, всѣмъ извѣстнаго, и выведенныхъ въ немъ лицъ.

Во второй статьѣ подробно и съ негодованіемъ изложено покушеніе Фіески на жизнь Людовика-Филиппа.

Всякая изъ этихъ статей, повторяю я наконецъ, взятая отдѣльно, не представляетъ нарушеній новыхъ правилъ о печати и могла бы быть помѣщена въ любомъ даже состоящемъ подъ цензурою журналѣ (исключая романъ *«Воспоминанія пролетарія»*), но всѣ статьи, вмѣстѣ взятая, не могутъ не наводить на соображеніе, что редакція, можетъ быть, не безъ умысла соединила ихъ въ одну книгу, не съ тѣмъ, конечно, чтобы производить непосредственное и раздражительное впечатлѣніе на умы своихъ читателей, на что съ увѣренностію въ успѣхѣхъ разсчитывать она не могла, но съ тѣмъ развѣ только, чтобы только не

ронять, въ глазахъ подписчиковъ, своей репутаціи смѣлыхъ, ультра-либеральныхъ передовыхъ людей.

Не находя удобнымъ подвергнуть журналъ «Русское Слово» за Декабрьскую книжку карательной мѣрѣ, я полагалъ бы однако необходимымъ—отнюдь не отмѣнять, а только отсрочить эту мѣру до первѣйшаго повода, который, совокупно съ подборомъ вышеупомянутыхъ статей, неминуемо долженъ повести къ объявленію редакціи третьяго предостереженія.

Относительно всякаго другого журнала можно бы было допустить нѣкоторое снисхожденіе т. е. предупредить редакцію о предстоящей мѣрѣ, но журналъ «Русское Слово», по извѣстнымъ причинамъ, этого снисхожденія не заслуживаетъ.

Членъ Совѣта И. Гончаровъ.

7 февраля 1866 г.

Мнѣніе Гончарова было принято совѣтомъ; первѣйшій же поводъ не замедлил представиться: его дала январьская книжка журнала за 1866 г. «Русскому Слову» было объявлено *третье* предостереженіе, мотивированное неблагонамѣренностью указанныхъ Гончаровымъ статей 12-го № за 1865 г. и нѣкоторыхъ статей 1-го № за 1866 г. Одновременно журналъ былъ приостановленъ на пять мѣсяцевъ.

Насколько велико было нерасположеніе Гончарова къ идеямъ, проводимымъ «Русскимъ Словомъ», видно изъ того, что онъ старался ихъ изобличать и обнаруживать даже тогда, когда онѣ появлялись на страницахъ другихъ изданій, какъ объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго его отзыва:

«Въ числѣ доставленныхъ ко мнѣ для разсмотрѣнія по порученію г. Предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, статей изъ сборника «*Лучъ*», одна, и именно «*Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ*», направленіемъ и тономъ своимъ напоминаетъ значительно журналъ «*Русское Слово*»¹⁾.

Разсматривая «*Исторію всеобщей литературы XVIII вѣка*», Геттнера, авторъ дѣлаетъ обзоръ всѣмъ отрицательнымъ доктринамъ, направленнымъ къ ниспроверженію религіозныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ началъ, а также системъ и формъ, господствовавшихъ до революціи 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Главною причиною, подавшею поводъ къ умственной революціи доктринеровъ, авторъ полагаетъ злоупотребленія роялизма, потомъ клерикаловъ, особенно же указываетъ онъ на три личности Людовиковъ XIV, XV и Филиппа Орлеанскаго, которые

¹⁾ «*Лучъ*» «Сборникъ, изданный Благосвѣтловымъ для удовлетворенія подписчиковъ запрещеннаго «Русскаго Слова» Ред.

довели злоупотребленія стараго порядка до крайности и возбудили въ обществѣ реакцію, вождями и представителями которыхъ явились лучшіе умы и знаменитыя дарованія того времени: Вольтеръ, Руссо, наконецъ школа Энциклопедистовъ. Авторъ приводитъ рядъ ихъ сочиненій, съ краткимъ объясненіемъ содержанія и мимоходомъ упоминаетъ объ успѣхѣ, который имѣло каждое изъ нихъ.

Онъ относится съ сочувствіемъ къ ихъ дѣятельности и признаетъ за ними законную побѣду, одержанную надъ ложью, лицемеріемъ и насиліемъ стараго времени, открывшую посредствомъ *отрицанія* и *анализа* массѣ глаза и приведшую ее къ *познанію добра и зла*.

На первыхъ пяти, шести страницахъ статьи авторъ съ озлобленіемъ приводитъ факты злоупотребленій роялизма, глумится надъ роскошью королей, надъ тратой денегъ на постройки дворцовъ, на безтолковыя войны—наконецъ нападаетъ на неравномерное распредѣленіе налоговъ, на то, что чернь и бѣдняки платятъ безконечно много, а духовенство, дворянство и чиновничество, эти привилегированныя тунеядцы, избавлены отъ всякихъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей (стр. 267), что Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV *хотѣли наслаждаться жизнью, что ихъ бездарность, фривольность и капризы доказали наконецъ французамъ, что возлагать все упованіе на добродѣтели и таланты отдѣльной личности—дѣло рискованное и неблагоприятное* (стр. 268).

Въ статьѣ высказано много правды, о которой неумолкаемо говорить исторія т. е. относительно злоупотребленій роялизма въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ привело царствованіе Людовиковъ XIV и XV.

Автора разсматриваемой статьи можно упрекнуть въ недостаткѣ историческаго безпристрастія и въ озлобленіи, съ которымъ онъ относится къ роялизму; въ цензурномъ отношеніи онъ возбуждаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подозрѣніе въ томъ, что сочувствуетъ успѣшному нападенію Вольтера, Гольбаха и Гельвеція на религіозныя начала: говорю—*подозрѣніе потому*, что авторъ маскируетъ вездѣ религіозное начало подъ названіями традиціонныхъ доктринъ, *культы* (стр. 272, 273) и т. п.

На стр. 290 и 291, порицая въ Вольтерѣ поборника идеи о цѣлесообразности и предустановленности всего существующаго въ природѣ, авторъ приводитъ въ примѣръ несостоятельности такого взгляда рѣзкую аллегорію, изъ которой оказывается, что безопасно и безмятежно наслаждается своимъ бытіемъ только король, все же слѣдующее по нисходящей лѣстницѣ подъ нимъ.

служить жертвою и пищею силъ: баранъ ѣстъ траву, барана ѣстъ волкъ, волка убиваетъ мужикъ, мужика обираетъ маркизь, а маркиза король.

Въ журналѣ подобная статья, вмѣстѣ съ другими такого же содержанія, могла бы тономъ и направленіемъ обратить на себя вниманіе цензуры и можетъ быть вызвать административное взысканіе, но въ отдѣльной книгѣ она могла бы подлежать только судебному преслѣдованію, къ чему не представляетъ удобныхъ и достаточныхъ поводовъ.

Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ «*Что такое магія*» (соч. Лесевича), авторъ, рассматривая историческое происхожденіе магіи и останавливаясь на фазисахъ ея измѣненій и состояній у разныхъ народовъ въ ихъ религіи, въ трехъ мѣстахъ, и именно на стр. 347, 351 и 359, указываетъ на нѣкоторыя жертвоприношенія и поклоненія богамъ, при чемъ, впадаетъ не совсѣмъ въ удобное сближеніе съ жертвоприношеніями и поклоненіями христіанской религіи.

Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи приводимое на стр. 347 указаніе на мученическую смерть мученика у Арійцевъ *Сомы*, который умеръ, чтобы опять ожить и который позволилъ вѣрующимъ въ него принимать себя въ пищу и тѣмъ поддерживать въ сердцахъ ихъ чистоту и добродѣтель.

Далѣе авторъ, на той же страницѣ, заключаетъ, что жертвоприношенія и символическіе обряды, претендуя на сверхъестественныя дѣйствія, какъ искупленіе отъ грѣховъ и т. п., относятся къ области магіи.

Всѣ эти мѣста были бы исключены предварительною цензурою, но карательной цензурѣ по обѣимъ рассматриваемымъ статьямъ не представляется никакихъ средствъ и способовъ къ преслѣдованію, если только Сборникъ этотъ, изъ котораго мнѣ доставлена часть, не представляетъ другихъ болѣе возможныхъ причинъ къ судебному преслѣдованію.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*.

23 марта 1866 г.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ основѣ того враждебнаго отношенія, которое проявлялъ Гончаровъ къ «Русскому Слову» и воплощаемому имъ направленію, лежало искреннее убѣжденіе; хотя, конечно, я затруднился бы отрицать возможность того, что Гончаровъ нѣсколько муслировалъ свое нерасположеніе къ благосвѣтловскому журналу, выливая его въ формы цензурно-административныхъ взысканій. Во всякомъ случаѣ, думается, что мотивовъ чисто личныхъ, напр. желанія досадить тому или другому изъ несимпатичныхъ ему дѣятелей литературы,

тутъ быть не могло. По крайней мѣрѣ, у меня есть документальное доказательство того, что когда разрушительныя тенденціи главнаго сотрудника «Русскаго Слова» Писарева были направлены на сравнительно безобидную въ общегосударственномъ смыслѣ, хотя и наиболѣе близкую сердцу Гончарова, литературно-художественную область, то онъ готовъ былъ обходиться, не прибѣгая къ арсеналу имѣвшихся въ его распоряженіи карательныхъ мѣръ. Это доказательство—отзывъ Гончарова о третьей части изданныхъ Павленковымъ сочиненій Писарева (этотъ отзывъ, единственный изъ числа всѣхъ предыдущихъ, извлечень мною не изъ дѣла № 16, а изъ дѣла № 125; № архива—357-ой):

⋮ (Сочиненія Д. Писарева. Часть 3-я (2-ой не было).

Эта часть представляетъ рядъ критическихъ этюдовъ о сочиненіяхъ Ключникова (романъ *Марево*), Помяловскаго, графа Льва Толстого, наконецъ, большая статья посвящена характеристикѣ Пушкина и Бѣлинскаго.

Г. Писаревъ, съ свойственной ему заносчивостью (но не безъ дарованія и живой выработанной рѣчью), разрушаетъ господствовавшія доселѣ начала критики и эстетическій вкусъ, и смѣло ставитъ новые законы или, по крайней мѣрѣ, старается установить новую точку зрѣнія на произведенія изящной словесности. Особенно строго и разрушительно относится онъ къ Пушкину и къ его времени, беспощадно глумясь надъ собственными взглядами Пушкина на жизнь и общество, надъ понятіями того времени, особенно надъ чувствами и ощущеніями поэта, и даже часто надъ формой, въ которой они отражались. Онъ на ту эпоху смотритъ, какъ на эпоху умственного сна Россіи, поэтому неумолимо преслѣдуетъ всякое, по его мнѣнію, фальшивое проявленіе жизни вообще, убѣжденій, вѣрованій, мыслей и проч. Самого Пушкина разумѣетъ, какъ рифмоплета, какъ поверхностный, слабый и мелкій умъ, неспособный сознать и оцѣнить серьезныхъ явленій и потребностей своего времени.

Г. Писаревъ особенно издѣвается надъ Евгеніемъ Онѣгинымъ, представляетъ его какъ ничтожную личность и называетъ *филитерами* всѣхъ поклонниковъ этого романа и самого Пушкина тоже.

Всѣ эти статьи были, кажется, помѣщены съ дозволенія цензуры въ «Русскомъ Словѣ» и въ своемъ родѣ, по части эстетики и критики художественной словесности, отвѣчаютъ общему направленію этого журнала, т. е. его крайнимъ отрицательнымъ началамъ.

Впрочемъ, противнаго цензурнымъ правиламъ въ этой 3-й части сочиненій Г. Писарева нѣтъ, и она не можетъ подлежать ни

административному, ни судебному преслѣдованію. Только на стр. 222 и 223, есть нѣсколько строкъ, которыя едва ли были на разсмотрѣніи предварительной цензуры, иначе бы онѣ подверглись исключенію. Издѣваясь надъ Пушкинымъ за стихъ *Печной горшокъ тебѣ дорожке, ты пищу въ немъ себѣ варишь*, Г. Писаревъ спрашиваетъ поэта—не въ бельведерскомъ ли кумирѣ варить самъ онъ пищу и прибавляетъ, что по справкѣ у повара поэта, оказалось бы, что *сынъ неба*, т. е. поэтъ съѣдаетъ въ одинъ день столько, что стало бы *рабу* съ семействомъ на недѣлю, что *червь земли* живетъ впроголодь, а *сынъ неба* жирѣетъ и т. п.

Эти мѣста, да еще два три слова въ пользу романа *Что дѣлать*, вотъ все, что могла бы исключить изъ книги предварительная цензура.

Все остальное затѣмъ, въ статьяхъ о Ключниковѣ, Помяловскомъ и графѣ Толстомъ, клонится къ развитію взгляда автора на поэзію, которую онъ находитъ и признаетъ только въ созданіяхъ, имѣющихъ утилитарное и реальное значеніе, или же выражающихъ обличеніе и отрицаніе современнаго зла, предразсудковъ и т. п.

Затѣмъ, все прочее признаетъ мечтой и празднымъ занятіемъ филистеровъ, т. е. всѣ стихи и прозу, содержащія въ себѣ личныя чувства авторовъ, или описанія и типы, не представляющія строгихъ уроковъ обществу.

Софизмы, парадоксы, заносчивая претензія—суть отличительныя, кидающіяся въ глаза черты вообще сочиненій Писарева, а этой книги въ особенности и потому, я полагаю, что книга не разрушитъ господствующихъ началъ эстетической критики даже въ глазахъ юношества и можетъ быть оставлена безъ вниманія.

Членъ Совѣта И. Гончаровъ.

17 мая 1866 г.

Насколько суровъ былъ Гончаровъ къ «Русскому Слову», настолько онъ былъ снисходителенъ и, мѣстами я бы сказалъ, любовно-мягокъ къ умѣренно-либеральному «Вѣстнику Европы», сотрудникомъ котораго ему предстояло въ скоромъ времени сдѣлаться. Вотъ этотъ интересный отзывъ его.

Вѣстникъ Европы, журналъ историко-политическихъ наукъ. Изданіе гг. Костомарова и Стасюлевича.

(По донесенію С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, отъ 17 марта, 1866 г. за № 234).

Журналъ этотъ посвящается ученымъ и серьезнымъ трудамъ, преимущественно по части исторіи и политики, не чуждается однако же и экономическихъ наукъ, а равно и произведеній беллетристики, имѣющихъ отношеніе къ исторіи.

Судя по прежнему, извѣстному направленію сочиненій г. Костомарова, казалось, можно бы было ожидать, что въ основанномъ имъ журналѣ на первый планъ выступить проводившаяся имъ тенденція о самостоятельности малороссійскаго быта, цивилизаціи, языка и проч. Однако въ I-мъ томѣ журнала нѣтъ и намека на то, малороссійскій патріотъ выступаетъ здѣсь съ серьезною историческою монографіею *«Смутное время Московскаго государства»*, посвященной занимательному изслѣдованію о личности Самозванца. Это добросовѣстный и блистательный образчикъ таланта по части историческихъ розысканій.

Вообще, какъ эта статья, такъ и статьи г. Стасюлевича *«Средневѣковый историкъ и его отношеніе къ своему времени»*, и О. Миллера *«Ломоносовъ»* и *«Реформа Петра Великаго»*, различныя по таланту, но почти одинаково интересныя по содержанію и литературной обработкѣ, стоятъ внѣ всякихъ цензурныхъ сомнѣній, и обязанность цензора уступаетъ здѣсь интересу обыкновеннаго читателя. Къ этимъ сочиненіямъ нельзя отнести иначе, какъ съ уваженіемъ къ уму, дарованіямъ и трудолюбію авторовъ.

Въ статьѣ г. Мордовцева *«Пугачевщина»* авторъ относитъ причины появленія Пугачова и вообще казацкаго и крестьянскаго бунта жалкому и разстроенному состоянію Россіи, во всѣхъ отношеніяхъ при Екатеринѣ Великой. Недостатки Государственнаго управленія, безпорядокъ государственнаго и народнаго хозяйства, моръ, голодъ, разбои, бездѣйствіе или злоупотребленіе администраціи, ужасы крѣпостнаго права, страшная распущенность, невѣжество въ обществѣ и народѣ—все это, прикрываемое снаружи блестящими побѣдами, роскошью при дворѣ и въ столицахъ—подтачивало внутреннія основы тогдашней русской жизни—и между прочимъ выразилось и въ бунтѣ и въ появленіи Пугачова. Во второй половинѣ статьи авторъ описываетъ подавленіе бунта, обвиняетъ въ неспособности многихъ генераловъ и на первый планъ ставитъ настоящаго, скромнаго и забытаго героя Цыплятева.

Это очень живая, занимательная статья, въ которой прибавлено нѣсколько новыхъ данныхъ, пропущенныхъ прежними писателями, и между прочимъ Пушкинымъ,—и также безвредная въ цензурномъ отношеніи, какъ и прочія, вышеупомянутыя. Картина зла, можетъ быть, нѣсколько преувеличена и выходитъ рѣзка, потому что въ тѣсной рамкѣ сгруппированы вмѣстѣ слишкомъ крупныя и яркія, но, кажется, не лживыя подробности о всей извѣстной внутренней неурядицѣ при Императрицѣ Екатеринѣ и о ближайшемъ *«laissez aller»* нашихъ предковъ.

Въ статьѣ нѣтъ никакихъ, ни умышленныхъ, ни неумышлен-

ныхъ сближеній или указаній и намековъ на наше время, да, кажется, едва ли наше время, при всей недобросовѣстности какого-нибудь писателя, могло бы быть сопоставлено съ такимъ прошедшимъ, порядки, а также и безпорядки котораго, какъ на примѣръ крѣпостное право, баснословные разбои и казнокрадство, миновались.

Проходя молчаніемъ другія, незамѣчательныя и непредставляющія никакихъ цензурныхъ сомнѣній статьи, обращаюсь къ тѣмъ статьямъ, на которыя указываетъ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ т. е. на *Земское обозрѣніе* г. Крузе и *Экономическое обозрѣніе* г. Колюпанова.

Въ статьѣ «*Земское обозрѣніе*» г. Крузе, состоящей изъ 5 страницъ, собственно никакого обозрѣнія нѣтъ: авторъ ставитъ только вопросъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на земскія учрежденія и защищаетъ ихъ отъ упрековъ, обращаемыхъ къ нимъ, въ *поспѣшности, въ горячности, въ неопытности* (стр. 5), въ желаніи сдѣлать изъ нихъ *statum in statu* и т. д. Затѣмъ г. Крузе, какъ указано въ донесеніи Цензурнаго Комитета, самъ обращаетъ упреки на господство будто бы бюрократическаго начала, на гнетъ централизаціи, и доказываетъ между прочимъ, что земское начало изошло не изъ *Положенія*, а тянулось *черезъ всю исторію народной жизни*, и что новая реформа перемѣщаетъ только *на первый планъ, что долго оставалась въ тѣни* (стр. 7).

Хотя авторъ уклоняется будто бы, по его словамъ, отъ всякой полемики, но самая статья его есть не что иное, какъ отвѣтъ на статью «Сѣверной Почты», какъ замѣчаетъ Цензурный Комитетъ, и слѣдовательно есть протестъ противъ выраженного официальною газетою взгляда.

По моему мнѣнію, нельзя назвать мнѣнія г. Крузе *рѣзкимъ*, какъ назвалъ Комитетъ, а смѣлымъ и бойкимъ, выраженнымъ хотя въ полемическомъ, но приличномъ и сдержанномъ тонѣ, далеко уступающемъ тону статей подобнаго рода, помѣщавшихся въ «Днѣ», и въ послѣднее время въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Поэтому если на будущее время въ журналѣ не будетъ постоянно усвоено, въ критическихъ обзорахъ дѣйствій высшей администраціи, такихъ полемическихъ приемовъ, которые бы, вызываящимъ, рѣзкимъ тономъ, умышленно клонились къ оскорбленію достоинства правительственныхъ учреждений и лицъ, то я полагаю бы болѣе удобнымъ оставлять подобныя выходки безъ преслѣдованія.

Тоже можно сказать и о статьѣ г. Колюпанова «*Экономическое обозрѣніе*», тѣмъ болѣе, что статья эта предпринята съ серьезною цѣлью дѣйствительно *обозрѣть* всѣ отрасли государственнаго

управленія по части хозяйства. Авторъ указываетъ на близкій финансовый кризисъ, рассматриваетъ критически принимаемыя мѣры, нападая на кредитные знаки, предлагаетъ по пунктамъ разныя мѣропріятія, и особенно внимательно, и можетъ быть *черезъ чуръ откровенно* сѣтуетъ на излишество обременительныхъ (34—35 и 36 стр.) расходовъ—всего болѣе на содержаніе администраціи, при чемъ приводитъ сравнительныя, меньшія цифры подобныхъ расходовъ въ другихъ государствахъ.

Это не первая статья, *откровенно* отзывающаяся о государственномъ бюджетѣ, съ тѣхъ поръ, какъ стала обнародываться во всеобщее свѣдѣніе роспись *государственныхъ доходовъ и расходовъ*.

Авторъ рассматриваемой статьи не выходитъ изъ предѣловъ приличія, а слѣдовательно и изъ предѣловъ 16-ой статьи Указа 6 апрѣля. Но онъ, кромѣ этой внѣшней стороны соблюденія правилъ о печати, можетъ подвергаться еще отвѣтственности въ этой статьѣ и въ такомъ случаѣ, если бы впалъ въ умышленныя и невѣрныя указанія статистическихъ данныхъ и цифръ въ видахъ подрыва довѣрія къ тому или другому изъ правительственныхъ управленій: но цензурное вѣдомство не всегда располагаетъ средствами къ дознанію истины въ этомъ отношеніи и потому ему остается ожидать указаній или жалобъ со стороны тѣхъ вѣдомствъ, дѣйствія или отчетность которыхъ подверглись невѣрному или фальшивому нареканію, чтобы прибѣгать къ подлежащимъ мѣрамъ взысканія.

Членъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати

И. Гончаровъ.

30 марта 1866 года.

Не слишкомъ строгъ Гончаровъ и къ «Недѣлѣ», какъ это является изъ двухъ отзывовъ къ ней относящихся:

По рапорту Генераль-маіора Штюмера о статьѣ *На пищѣ Св. Антонія*, помѣщенной въ приложеніи № 3, къ газетѣ „Недѣля“.

С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ представилъ рапортъ Генераль-маіора Штюмера, который, по моему мнѣнію, придаетъ слишкомъ важное значеніе разсказу «На пищѣ Св. Антонія», въ которомъ представлено жалкое положеніе молодого офицера, переведеннаго изъ Польши въ Россію, безъ всякихъ средствъ, такъ что онъ нѣкоторое время питается чернымъ хлѣбомъ, наконецъ нарочно простуживается, чтобъ попасть въ лазаретъ, выздоравливается и уѣзжаетъ опять въ свой прежній полкъ.

Авторъ безъ всякой тенденціи и безъ видимаго умысла бросить тѣнь на военный бытъ и службу, изображаетъ только случайное

затруднительное положеніе молодого человѣка, упоминаетъ вскользь о пьяныхъ его товарищахъ, но въ то же время упоминаетъ и о непьяныхъ женатыхъ офицерахъ.

Разсказъ вообще такъ пустъ, незначителенъ и такъ мало способенъ *унизить военные чины*, какъ выражается г. Штюрмеръ, что и предварительная цензура едва ли затруднилась бы пропустить его въ печать.

Я полагаю, что карательной цензурѣ не остается ничего больше, какъ принять заявленіе г. Штюрмера къ свѣдѣнію.

Членъ Совѣта И. Гончаровъ.

5 мая 1866 г.

Газета «Недѣля» № 32.

Въ фельетонѣ этой газеты, подъ заглавіемъ «*листокъ Недѣли*», въ № 32, въ насмѣшливомъ и довольно рѣзкомъ тонѣ осуждается порядокъ отправленія цензурныхъ обязанностей и вообще постановляется на видъ публикѣ неудовлетворительное устройство дѣлъ печати. Авторъ (псевдонимъ Ниль Адмирари) между прочимъ указываетъ на неравноправность отвѣтственности передъ цензурной администраціей разныхъ органовъ періодической прессы на потворство, оказываемое «Московскимъ Вѣдомостямъ» рядомъ съ строгостью относительно другихъ журналовъ.

Газета, издающаяся подъ цензурнымъ надзоромъ, признается въ этомъ стыдливо, говоритъ фельетонистъ, какъ дочь признается отцу, что «она уже не въ своемъ видѣ» (стр. 505).

На той же страницѣ во 2-мъ столбцѣ авторъ называетъ Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова поэтами *закрѣпощенной, цензурной Россіи*; далѣе въ томъ же насмѣшливомъ тонѣ выводитъ образъ цензора, запрещающаго осуждать въ печати дѣйствія Царево-Нокшайскаго квартальнаго надзирателя, тогда какъ Московскій публицистъ безнаказанно осуждаетъ дѣйствія министровъ и даже обвиняетъ ихъ въ измѣнѣ (стр. 505 и 506).

Авторъ заключаетъ тѣмъ, что какъ вольный трудъ не могъ развиваться при крѣпостномъ состояніи, также точно не могутъ быть совмѣстны—и цензурная половина литературы съ нецензурною.

Поэтому онъ, авторъ, ожидаетъ скорого возвращенія къ старымъ порядкамъ, открытія многихъ вакансій, фабрикаціи красныхъ чернилъ въ отечествѣ и т. п.

Рѣзкость фельетона газеты «Недѣля» замѣчена была мною и прежде, о чемъ я въ свое время имѣлъ честь заявлять Совѣту по дѣламъ книгопечатанія.

Нынѣшняя статья не настолько рѣзка, чтобы могла вызвать строгое административное распоряженіе, особенно сравнительно

съ рѣзкими выходками противъ цензурнаго вѣдомства въ прошломъ году газеты «День», оставленными безъ вниманія. Поэтому я полагалъ бы принять настоящую статью къ свѣдѣнiю, съ тѣмъ чтобы имѣть ее въ виду при дальнѣйшихъ нарушенiяхъ правилъ печати газетою «Недѣля».

Если Совѣтъ согласится на это заключенiе, то я считалъ бы не лишнимъ словесно поставить объ этомъ въ извѣстность Редактора газеты.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

20 октября 1866 г.

В. Евгеньевъ.

(Окончанiе слѣдуетъ).

Л. Н. Толстой.

Воспоминанія и характеристика.

Мое знакомство со Л. Н. Толстымъ началось съ переписки съ нимъ по поводу моихъ разсказовъ. Первое письмо, посланное мною ему, относится къ 1886 году. Онъ скоро отвѣтилъ мнѣ, и затѣмъ между нами возникла переписка по специальному вопросу—объ искусствѣ писательства.

Шесть писемъ Л. Н. Толстого по этому вопросу уже были мною напечатаны въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» за 1903 годъ и потомъ изданы отдѣльной брошюрой. Послѣ четыре изъ нихъ были перепечатаны въ сборникъ писемъ Толстого, изданномъ П. А. Сергѣенкомъ. Въ настоящее время письма эти въ подлинникахъ хранятся въ Толстовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Здѣсь я останавлиюсь только на воспоминаніяхъ о моемъ личномъ знакомствѣ съ Толстымъ попутно дамъ характеристику его личности. Оговариваюсь: я совсѣмъ не буду касаться всеобъемлющей литературной и общественной дѣятельности Толстого, обзоръ которой требуетъ труда обширнаго. Я хочу дать лишь сильную характеристику его психической личности, характеристику его генія, какъ понимаю его я, живой его современникъ.

I.

Первый разъ пришлось мнѣ свидѣться съ Л. Н. Толстымъ только 28 марта 1894 г., т.-е. черезъ 8 лѣтъ послѣ начала переписки съ нимъ.

Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Послѣдніе три года предъ этимъ, съ 18 марта 1891 г. по 18 марта 1894 г. я провелъ по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ въ Вологодской губерніи. О моемъ пребываніи въ мѣстахъ не-

столь отдаленныхъ Л. Н. Толстой ничего не зналъ, такъ какъ за все это время я ему ни разу не писалъ по ошибочнымъ, какъ потомъ оказалось, соображеніямъ деликатности челоѣка, очутившагося внѣ закона и не желающаго компрометировать другихъ. Въ то время я еще не понималъ, что Толстого ничѣмъ скомпрометировать нельзя. Только когда срокъ ссылки окончился, я сообщилъ Льву Николаевичу о причинѣ своего пребыванія на сѣверѣ и о томъ, что собираюсь ѣхать на югъ и надѣюсь проѣздомъ чрезъ Москву побывать у него. При этомъ я послалъ ему два написанные мною въ ссылкѣ разсказа. (Одинъ изъ нихъ подъ заглавіемъ «Незванный пришлецъ» былъ напечатанъ потомъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», издававшемся Л. Я. Гуревичъ, а другой болѣе понравившейся Толстому, не увидѣлъ свѣта по цензурнымъ условіямъ). Просьба прочесть эти разсказы и потомъ, при свиданіи высказать мнѣ свое мнѣніе и была цѣлью моего письма ко Льву Николаевичу.

Прибывъ въ Москву 28 марта, утромъ, я тотчасъ же отправился въ Долгохамовнической переулокъ и, конечно, безъ всякаго затрудненія отыскалъ домъ, который въ то время принадлежалъ, какъ значилось на воротахъ, графинѣ Софѣ Андреевнѣ. Домъ деревянный, старинный съ ходомъ со двора. Я дернулъ за ручку допотопной конструкціи звонка (въ то время были уже и электрическіе). Отворившій дверь челоѣкъ въ скромномъ пиджакѣ объяснилъ, что Л. Н. теперь занятъ, а принимаетъ онъ послѣ обѣда, т.-е. послѣ 6 часовъ.

Нѣкоторое время я оставался во дворѣ, раздумывая, куда мнѣ направиться. Среди двора стояла на дрогахъ большая бочка. Какой-то челоѣкъ запрягалъ въ дроги лошадь—ѣхать за водой. Онъ объяснилъ мнѣ, что обыкновенно воду возитъ самъ Левъ Николаевичъ, а онъ лишь тогда дѣлаетъ это, когда графъ занятъ. Намѣренно останавливаюсь на этомъ обстоятельстве съ цѣлью засвидѣтельствовать, что кромѣ извѣстныхъ видовъ физической работы—шитья сапогъ, кладки печей и проч., Левъ Николаевичъ занимался также и домашними хозяйственными работами.

Когда я пришелъ ко Льву Николаевичу въ седьмомъ часу, мнѣ отворилъ дверь тотъ же челоѣкъ, что и утромъ, но уже во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, въ перчаткахъ и съ салфеткой въ рукѣ.

— Сейчасъ оканчиваютъ обѣдъ,—объявилъ онъ мнѣ и отправился въ столовую, направо отъ передней, чтобы доложить.

Изъ столовой доносился звонъ убираемой посуды.

Тотчасъ же въ переднюю стремительно влетѣлъ Левъ Николаевичъ, въ то время еще прямой, безъ сгорбленности, согнувшей

его впоследствии, стройный и высокій. Волосы на половину сѣдые. Въ длинной бородѣ запутались частицы шинкованной капусты, которую онъ, тогда уже строгій вегетаріанецъ, очевидно, ѣлъ за обѣдомъ.

— Когда пріѣхали? Гдѣ остановились?—спросилъ онъ меня, какъ давнишній хорошій знакомый, и сразу мнѣ стало тепло и уютно подъ пронзительнымъ и въ то же время необыкновенно простымъ, пріятнымъ и согрѣвающимъ взглядомъ маленькихъ, глубоко сидящихъ сѣрыхъ глазъ.

— Пойдемте ко мнѣ,—сказалъ онъ.

Легко, свободно и быстро поднимался онъ по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Пройдя залъ и узенькій коридоръ, мы вошли въ его кабинетъ-комнату съ низкими потолками, письменнымъ столомъ, кожаными или клеенчатыми диваномъ и креслами и нѣсколькими стульями. Необыкновенная простота и скромность обстановки бросились въ глаза даже мнѣ, далеко не привыкшему къ роскоши. Два лакея во фракахъ, подававшіе обѣдъ, какъ я убѣдился при дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ этого дома и Ясной Поляны, содержавшіеся графиней для поддержанія въ домѣ «хорошаго тона», производили впечатлѣніе какого-то диссонанса на общемъ фонѣ простоты и скромности, въ которыхъ жила эта семья.

Узнавъ, что въ ссылкѣ мои нервы слишкомъ расшатались, Левъ Николаевичъ спросилъ:

— Мясо ѣдите?

— Нѣтъ.

— Почему?

— По соображеніямъ гигиеническимъ: оно меня раздражаетъ.

Левъ Николаевичъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Но я чувствовалъ, что мой отвѣтъ не совсѣмъ понравился ему: ему было бы пріятно слышать, что я не ѣмъ мяса по этическимъ соображеніямъ. И онъ сказалъ:

— А я вотъ недавно пересталъ ѣсть молоко и яйца и чувствую себя отъ этого еще лучше.

Справедливость требуетъ сказать, что въ данномъ случаѣ самочувствіе обманывало Льва Николаевича, и что года черезъ два послѣ этого по настоянію врачей онъ вернулся къ употребленію молока и яицъ.

Левъ Николаевичъ внимательно спрашивалъ меня о причинѣ ссылки и пребываніи моемъ въ ней.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ графини Софьи Андреевны.

Въ этотъ же день я познакомился съ большинствомъ членовъ

семьи Льва Николаевича, которые одинъ за другимъ черезъ небольшіе промежутки входили въ кабинетъ, какъ мнѣ казалось, нарочно для того, чтобы взглянуть на вернувшагося изъ ссылки.

Раздался звонокъ. Вошелъ лакей и доложилъ:

— Опять пришелъ тотъ господинъ, который...

— Ахъ, это Гальперинъ-Каминскій! Что мнѣ съ нимъ дѣлать?— воскликнулъ Левъ Николаевичъ и, подумавъ сказалъ:— Просите.— Все пристаётъ ко мнѣ, чтобы я разрѣшилъ ему напечатать какія-то письма, которыя я давно кому-то писалъ. У меня нѣтъ этихъ писемъ, я забылъ уже, что я въ нихъ писалъ. Какъ я могу разрѣшать или запрещать что-либо?—жаловался мнѣ Левъ Николаевичъ.

Вошелъ мужчина лѣтъ около 40, извѣстный переводчикъ сочиненій Л. Н. Толстого на французскій языкъ и преподаватель русскаго языка въ нѣкоторыхъ парижскихъ учебныхъ заведеніяхъ И. Д. Гальперинъ-Каминскій. Онъ сразу приступилъ къ продолженію раньше бывшаго разговора, который, очевидно, не привелъ къ желательнымъ для него результатамъ.

Настойчиво убѣждалъ онъ Льва Николаевича дать ему письменное разрѣшеніе на напечатаніе, по крайней мѣрѣ, въ выдержкахъ, писемъ къ одной дамѣ, фамилія которой тогда не была упомянута.

Прекрасно помню слова, сказанныя и многократно повторенныя Львомъ Николаевичемъ въ отвѣтъ на эту просьбу: «какъ и прежде, я вамъ скажу, что давно уже я чрезъ газеты объявилъ, что не препятствую печатать кому и гдѣ угодно все, что написано мною, начиная съ 80-хъ годовъ. Это, конечно, относится и къ письмамъ. Больше ни разрѣшеній, ни запрещеній никакихъ я давать не могу. Каждый можетъ поступать съ написаннымъ мною, какъ ему говорятъ его разумъ и совѣсть. Обратитесь къ ней, если она разрѣшитъ, печатайте».

На это Каминскій возражалъ, что *она* въ сущности ничего не имѣетъ противъ напечатанія писемъ, но боится только, что опубликованіе ихъ не понравится Льву Николаевичу. Если же онъ дастъ свое разрѣшеніе, то она готова ихъ напечатать. Г. Каминскій доказывалъ, что письма эти имѣютъ огромное значеніе и что именно теперь своевременно опубликовать ихъ и даже грѣшно хранить ихъ подъ спудомъ.

Левъ Николаевичъ, видимо, начиналъ сдаваться, но все еще колебался. Уступая назойливымъ просьбамъ, онъ сѣлъ было уже за столъ, взялъ перо въ руки, и положилъ предъ собой маленькій листъ плохой почтовой бумаги, на какой онъ обыкновенно писалъ письма. Но потомъ онъ всталъ со стула и проговорилъ:

— Положительно рука моя отказывается написать это слово: «разрѣшаю». Какъ я могу разрѣшать то, чего никогда никому не запрещалъ?

И Левъ Николаевичъ обращался съ вопрошающимъ взглядомъ къ присутствующимъ. Графиня Софья Андреевна и сынъ Левъ Львовичъ поспѣшили отвѣтить въ томъ смыслѣ, что они не дали бы разрѣшенія. Присутствовавшій при этомъ Т. на вопрошающій взглядъ Льва Николаевича высказалъ мнѣніе, что такъ какъ по всему видно, что г. Каминскій не дастъ покоя Льву Николаевичу до тѣхъ поръ, пока не получитъ просимаго разрѣшенія, и такъ какъ Левъ Николаевичъ ни въ письмахъ, ни въ своихъ сочиненіяхъ никогда не писалъ и не пишетъ ничего такого, что онъ не былъ бы готовъ повторить публично, то для него лично не можетъ быть причины не опубликовать написанныя имъ письма. Запретить это можетъ только то лицо, къ которому эти письма адресованы. Поэтому, сказалъ Т., было бы вполне умѣстно, если бы Левъ Николаевичъ написалъ извѣстной особѣ, что онъ съ своей стороны ничего не имѣетъ противъ опубликованія писемъ.

Это мнѣніе было, очевидно, той каплей, которая перетянула чашку вѣсовъ, стоявшихъ въ равновѣсіи. Левъ Николаевичъ сейчасъ же взялъ перо, рѣшительно написалъ нѣсколько строкъ, которыя тутъ же и прочелъ вслухъ и въ которыхъ говорилось, что противъ опубликованія его писемъ онъ ничего не имѣетъ. Слово «разрѣшаю», къ удовольствію Льва Николаевича, было избѣгнуто.

Гальперинъ-Каминскій схватилъ поданный ему листокъ, какъ драгоценность, пробѣжалъ его глазами и, бережно сложивъ, положилъ въ боковой карманъ и сейчасъ же распрощался и ушелъ, сказавъ, что немедленно ѣдетъ въ Петербургъ.

Кстати сказать, упомянутая дама, у которой хранились нужныя Каминскому письма Льва Николаевича, какъ я понялъ изъ разговора, жила въ Петербургѣ. Повторяю, при мнѣ не было названо ея имя, или я не помню его, но въ настоящее время догадываюсь, что, можетъ быть, это была извѣстная тетка Льва Николаевича, жившая при дворѣ фрейлина графиня А. А. Толстая.

Разсказывая объ этомъ эпизодѣ, я упомянулъ о томъ, что Левъ Николаевичъ обращался къ присутствующимъ и спрашивалъ ихъ мнѣніе, какъ ему слѣдуетъ поступить съ просьбой Гальперина-Каминскаго. Это, конечно, мелочь, но это характерная черта нашего великаго писателя, заслуживающая быть отмѣченной. Подобно многимъ другимъ людямъ съ большою

совѣстью, онъ часто останавливался въ нерѣшительности предъ поступками съ виду кажущимися ничтожными и безразличными, но которые онъ считалъ могущими имѣть важныя послѣдствія. Чтобы скорѣе прійти къ тому или иному рѣшенію, онъ любилъ выслушивать мнѣнія окружающихъ. Это помогало ему, какъ психологу-писателю, изучать внутренній міръ тѣхъ, съ кѣмъ онъ совѣтовался и въ то же время скорѣе составлять собственное сужденіе по данному вопросу.

Чтобы покончить съ первымъ свиданіемъ моимъ со Львомъ Николаевичемъ, мнѣ остается только еще упомянуть, что въ концѣ его онъ предложилъ мнѣ пройти въ вмѣстѣ съ нимъ въ редакцію «Посредника», съ которымъ уже раньше у меня было дѣло по изданію моей повѣсти «Семень-сирота».

Въ то время Льву Николаевичу было 66 лѣтъ и держался онъ очень стройно, шелъ по улицѣ быстро, такъ что мнѣ приходилось дѣлать усиліе, чтобы не отстать отъ него.

Идти было недалеко, и мы скоро были въ «Посредникѣ». Войдя въ переднюю, Левъ Николаевичъ подаль руку отворившей намъ дверь служанкѣ Грушѣ и только любезно поздоровавшись съ нею, какъ съ своей личной знакомой и привѣтливо сказавъ ей нѣсколько словъ, спросилъ дома ли хозяева.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ первымъ свиданіемъ со Л. Н. Толстымъ.

Отправляясь ко Льву Николаевичу, я испытывалъ такое душевное состояніе, какъ будто иду на свиданіе со старымъ знакомымъ, роднымъ и близкимъ человѣкомъ, съ которымъ давно не видѣлся. Кромѣ радости предстоящаго свиданія, ничего я въ то время не ощущалъ. И когда я увидѣлъ его въ первый разъ, мнѣ казалось, что я вижу стараго, родного и близкаго человѣка. И въ чертахъ его лица, и въ звукахъ его голоса, въ его движеніяхъ и въ выраженіи глазъ я узнавалъ давно знакомыя родныя черты. Мнѣ казалось, что не только такимъ именно я ожидалъ его увидѣть, но что когда-то давно я уже видѣлъ и зналъ его точь-въ-точь такимъ и по внѣшнему облику, и по душѣ. Прежде, чѣмъ уйти съ нимъ въ редакцію «Посредника», мы нѣсколько минутъ сидѣли молча. И это, молчаніе было такъ легко пріятно. Я переживалъ впечатлѣніе этого свиданія и чувствовалъ, что Толстой смотритъ прямо мнѣ въ душу и видитъ въ ней самые сокровенные тайники ея. Такъ смотрѣть на человѣка могъ только одинъ онъ. Чувствовалось, что для него нѣтъ тайны въ душѣ моей, что его взору доступно скрытое отъ другихъ.

II.

Послѣ перваго свиданія со Львомъ Николаевичемъ, я не видѣлъ его въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ. Второе свиданіе произошло въ августѣ 1896 г. въ Ясной Полянѣ. Со станціи Козлова-Засѣка, я пришелъ ко Льву Николаевичу утромъ. Онъ встрѣтилъ меня возлѣ дома и предложилъ пройти съ нимъ по лѣсу. Помню, какъ послѣ прогулки, съѣвъ свою овсянку и выпивъ стаканъ кофе, онъ ушелъ «къ себѣ работать», а меня оставилъ за чайнымъ столомъ, за которымъ распоряжалась графиня Софья Андреевна, а потомъ Татьяна Львовна, тогда еще не вышедшая замужъ. Помню встрѣчу съ покойной Марьей Львовной, наиболѣе, какъ мнѣ казалось, любимой дочерью Льва Николаевича. Онѣ съ Татьяной Львовной послѣ завтрака и чаю стирали въ саду, возлѣ дома на машинкѣ мелкое бѣлье, чулки и проч. Изъ всей семьи Марья Львовна тогда болѣе другихъ отличалась «опрошеніемъ» и демократизмомъ. (Александра Львовна въ то время еще была 13—14-лѣтней дѣвочкой). Необыкновенно одухотворенное, сухое лицо Марьи Львовны съ сѣрыми отцовскими глазами и теперь стоитъ въ моей памяти, какъ живое. Она постоянно была занята съ крестьянами, лѣчила ихъ.

Къ обѣду пріѣхалъ верхомъ В. Г. Чертковъ, жившій по сосѣдству и навѣщавшій Л. Н. каждый день.

Здѣсь умѣстнымъ считаю отмѣтить ту роль, какую, на мой взглядъ, тогда игралъ г. Чертковъ въ семьѣ Л. Н. Толстого. Въ присутствіи Льва Николаевича, при постороннихъ, онъ упорно и угрюмо молчалъ, очевидно, прислушиваясь къ разговору. По временамъ онъ вынималъ изъ кармана записную книжку и что-то въ нее торопливо заносилъ. Такъ какъ я ловилъ его на этомъ не разъ, то у меня создалось убѣжденіе, что онъ ведетъ дневникъ, въ который заноситъ все, что совершается вокругъ Льва Николаевича, и что говоритъ Толстой.

Когда Левъ Николаевичъ уходилъ, В. Г. Чертковъ прерывалъ свое молчаніе и начиналъ развивать мысли Льва Николаевича, высказанныя имъ вскользь въ разговорѣ или тѣ, которыя онъ долженъ былъ высказать, но воздержался. Въ то время объектомъ воздѣйствій В. Г. Черткова чаще всего была старшая дочь Льва Николаевича, Татьяна Львовна, теперь Сухотина. Душевно преданная отцу, искренно любящая его и тепло ухаживавшая за нимъ во время частыхъ въ то время заболѣваній его, она въ нѣкоторыхъ, правда, довольно невинныхъ отношеніяхъ, держала себя не совсѣмъ соотвѣтственно ученію и желанію Льва Николаевича, чѣмъ, замѣтно, если не огорчала

отца, то лишала его нѣкоторой радости. Льву Николаевичу не нравились ея свѣтскія привычки, манера изящно одѣваться, ношеніе брилліантовыхъ сережекъ. И вотъ за эти слабости Татьяна Львовна В. Г. Чертковъ ополчался на нее съ добросовѣстностью преданнаго ученика Льва Николаевича. Несмотря на всѣ старанія В. Г. Черткова, усилія его не имѣли успѣха, и Татьяна Львовна, хоть видимо и охотно слушала его пространныя увѣщанія и говорила, что она очень любитъ Черткова за то, что онъ «ругаетъ» ее, осталась такою же, какова она была и раньше—остроумной и умной, доброй и сердечной, немного свѣтской и склонной къ эстетизму.

Вообще я замѣтилъ, что В. Г. Чертковъ заботился о томъ, чтобы создать вокругъ Льва Николаевича атмосферу настоящаго толстовства и усердно работалъ въ этомъ направленіи. Онъ былъ самымъ преданнымъ Льву Николаевичу человѣкомъ. Исполнить желаніе Л. Н. Толстого, хотя бы противорѣчащее его, Черткова, взглядамъ и спартанскому режиму, котораго онъ самъ придерживался, было для него большимъ удовольствіемъ. Самъ способный питаться наиболѣе грубой и дешевой пищей и собственнаго сына приучавшій съ раннихъ лѣтъ къ этому, В. Г. Чертковъ находилъ, что Л. Н. Толстой, съ дѣтства привыкшій и по художественности своей натуры нуждающійся въ хорошей пищѣ, имѣетъ право пользоваться тѣмъ вкуснымъ, хоть и вегетаріанскимъ столомъ, который ему былъ предоставленъ въ его домѣ по волѣ графини Софьи Андреевны. Помню, какъ еще при первомъ моемъ посѣщеніи его въ мартѣ 1894 г. Л. Н. Толстой получилъ прочитанное имъ тогда же вслухъ письмо отъ В. Г. Черткова, въ которомъ послѣдній приглашалъ его пріѣхать къ нему въ Россошу, Воронежской губ., гдѣ онъ тогда жилъ. Въ концѣ письма Черткова была приписка, въ которой онъ просилъ Л. Н. привезти изъ Москвы пять фунтовъ спаржи, при чемъ извинялся, что поручаетъ ему покупать «такой дорогой по времени года продуктъ». Конечно, спаржа эта предназначалась для самого Льва Николаевича.

Вообще В. Г. Чертковъ часто и охотно выступалъ истолкователемъ поведенія и жизни Л. Н. Толстого, а также и его взглядовъ.

Относительно возникшаго послѣ смерти Л. Н. Толстого обвиненія В. Г. Черткова въ томъ, что будто онъ оказывалъ «давленіе» на великаго писателя, необходимо сказать, что В. Г. Чертковъ дѣйствительно старался оказывать, нельзя сказать, чтобы «давленіе», а нѣкоторое, мягкое, деликатное вліяніе на Льва Николаевича и только въ единственной доступной ему

формѣ—посредствомъ высказыванія своего мнѣнія, какъ слѣдовало бы поступить Л. Н. въ томъ или другомъ случаѣ, что какъ уже я сказалъ, дѣлали и другіе, пользуясь привычкой Льва Николаевича выслушивать совѣты.

Л. Н. Толстой слушалъ В. Г. Черткова и обыкновенно соглашался съ нимъ и громко одобрялъ его мнѣніе, потому что В. Г. чертковъ всегда говорилъ, какъ прямолинейный, послѣдовательный толстовецъ. Но поступалъ Л. Н. совершенно независимо отъ мнѣній В. Г. Черткова, уже потому одному, что въ серьезныхъ дѣлахъ онъ каждый свой шагъ предварительно многократно и долго наединѣ обдумывалъ и, слѣдовательно, совершенно самостоятельно принималъ свое рѣшеніе; въ мелочахъ же обыденной жизни онъ иногда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своего бурнаго темперамента вопреки толстовству.

В. Г. Чертковъ былъ во всемъ послѣдователенъ, и лѣтомъ не только самъ съ семьей садился, но и гостей своихъ усаживалъ обѣдать за поставленный въ тѣни сарая непокрытый столъ, заставляя хлебать щи изъ общей миски. Л. Н. Толстой находилъ все это прекраснымъ, одобрялъ Черткова, порицалъ интеллигенцію, накрывающую свой столъ скатертью, но самъ дома обѣдалъ за прекрасно сервированнымъ столомъ и, хотя стѣсняясь и явно насилуя себя каждый разъ, но все же принималъ вегетаріанскія кушанья изъ рукъ лакеевъ въ бѣлыхъ перчаткахъ и во фракахъ, къ большому огорченію В. Г. Черткова. Дѣло въ томъ, что Л. Н. Толстой понималъ, что онъ не можетъ измѣнить обычаи и нравъ своей семьи и предпочелъ лучше подчиниться установленному режиму, чтобы сохранить добрыя отношенія съ семьей, чѣмъ порвать съ нею совсѣмъ. Таково было его совершенно самостоятельное рѣшеніе, которому онъ слѣдовалъ всю вторую половину своей жизни, насилуя себя для семьи, какъ въ этомъ, такъ и во всемъ остальномъ, пока терпѣніе его не истощилось.

Еще нагляднѣе видна независимость Л. Н. Толстого отъ В. Г. Черткова въ мелочахъ повседневной жизни, въ которыхъ, казалось бы, Л. Н. Толстому ничего не стоило уступить своему ученику. Извѣстно, что Л. Н. любилъ играть въ шахматы и въ проферансъ, любилъ физическія игры и спортъ, лаунъ-теннисъ, а еще раньше и велосипедную ѣзду, чего, какъ занятій «барскихъ», Чертковъ не могъ себѣ позволить и не одобрялъ. Толстой зналъ объ этомъ мнѣніи своего любимого и преданнаго ученика и однако же поступалъ наоборотъ. Чертковъ здѣсь не только не могъ оказать на него никакого «давленія», но, напротивъ, объяснялъ всѣмъ, что для Л. Н. Толстого, какъ натуры худо-

жественной и усвоившей съ раннихъ лѣтъ аристократическія привычки, отъ которыхъ отвыкать трудно, такія занятія допустимы и необходимы.

Начитавшись сочиненій Толстого, Чертковъ, блестящій гвардейскій офицеръ, знакомится съ Толстымъ лично, становится его преданнымъ послѣдователемъ, бросаетъ военную службу, опрощается и поселяется въ деревнѣ. Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ то время Толстой писалъ, что простой народъ жадно проситъ пищи духовной, «какъ галчата съ раскрытыми ртами», а разные лубочные издатели подносятъ ему свои издѣлія, отравляющія и развращающія народъ. Онъ искалъ издателя народныхъ книгъ, который самъ первый принялся усердно писать. Выборъ его остановился на Чертковѣ и послѣдній сталъ во главѣ издательства «Посредникъ», основаннаго по мысли Толстого. Только когда издательство это было передано, опять-таки съ благословенія Л. Н. Толстого, другимъ лицамъ, сначала П. И. Бирюкову, а потомъ И. И. Горбунову-Посадову, Чертковъ отстранился отъ этого дѣла, но лишь для того, чтобы стать еще ближе къ Толстому. Онъ занялся собираніемъ, перепиской, распространеніемъ въ Россіи, насколько было то возможно, изданіемъ за-границей, и сохраненіемъ тѣхъ сочиненій Толстого, которые не могли быть свободно изданы въ Россіи и даже самому существованію которыхъ въ рукописяхъ грозила опасность. Въ личныхъ отношеніяхъ съ Львомъ Николаевичемъ Чертковъ былъ необыкновенно услужливъ и предупредителенъ, обнаруживая къ нему исключительную любовь. Когда онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь или писалъ по тому или другому важному вопросу, онъ неизмѣнно старался говорить и писать такъ, какъ сдѣлалъ бы это въ подобномъ случаѣ Толстой.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу примѣръ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ В. Г. Чертковъ по поводу одной моей рукописи высказывалъ свои мысли объ условіяхъ художественности литературнаго произведенія. Письмо это хранится въ Толстовскомъ музеѣ, въ Москвѣ вмѣстѣ съ письмами Л. Н. Толстого ко мнѣ. Читая и обсуждая это письмо, я не могъ отрѣшиться отъ мысли, что въ немъ передаются взгляды Толстого въ изложеніи Черткова. И дѣйствительно, письмо оканчивалось такимъ заключеніемъ Черткова: «Письмо это, раньше, чѣмъ отослать вамъ, я посылаю Льву Николаевичу на всякій случай, такъ какъ я могу ошибаться».

Видите ли, Чертковъ, не довѣряя себѣ, хотѣлъ, чтобы Левъ Николаевичъ исправилъ ошибки. Въ концѣ письма дѣйствительно.

рукою Льва Николаевича было приписано: «Посылаю вамъ это письмо Черткова. Съ высказанными въ немъ мыслями я вполне согласенъ и самъ бы написалъ все то, что пишетъ вамъ Чертковъ. Левъ Толстой».

Въ довершеніе всего, случилось вотъ что. Чертковъ, отправляя ко Льву Николаевичу это письмо свое на мое имя, рассчитывалъ, что Толстой пришлетъ его съ своей припиской ему обратно, чтобы онъ отъ себя уже могъ отослать его мнѣ. Но Толстой самъ отослалъ мнѣ письмо, сдѣлавъ въ немъ упомянутую приписку. Содержаніе этой приписки было неизвѣстно Черткову. И вотъ онъ забеспокоился и пишетъ мнѣ, убѣдительно прося выслать ему «заказной корреспонденціей» обратно на время письмо его съ припиской Льва Николаевича. Ему собственными глазами хотѣлось убѣдиться, что сказалъ Левъ Николаевичъ по поводу высказанныхъ имъ мыслей. Я, конечно, поспѣшилъ исполнить просьбу. Можно себѣ представить, какъ былъ радъ Чертковъ, убѣдившись, что высказанныя имъ въ письмѣ мысли получили одобреніе его учителя.

Не очевидна ли, слѣдовательно, изъ всего этого нелѣпость разсужденій о «давленіи» Черткова на Толстого, когда Чертковъ только и думалъ о томъ, чтобы всегда поступать такъ, какъ учить Толстой.

Я слишкомъ отклонился въ сторону, заговоривъ о взаимныхъ отношеніяхъ Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова. Возвращаясь къ разсказу о своемъ посѣщеніи Льва Николаевича въ Ясной Полянѣ, я припоминаю одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ этотъ день и свидѣтельствующій объ отношеніи Л. Н-ча къ дѣтямъ.

Послѣ обѣда, въ то время, когда Л. Н-чъ съ молодежью игралъ у дома на площадкѣ въ лаунъ-теннисъ, его любимую тогда игру, пріѣхалъ со станціи прибывшій съ поѣздомъ врачъ Н. И. Д-въ съ двумя дочерьми, дѣвочками лѣтъ 11—12. Л. Н-чъ зналъ этого врача раньше, а дочерей его онъ видѣлъ въ первый разъ. Здороваясь съ ними, онъ замѣтилъ у каждой изъ дѣвочекъ на шеѣ бусы изъ мелкихъ ракушекъ.

— Что это у васъ, украшеніе?—сказалъ Левъ Николаевичъ, трогая у одной дѣвочки бусы рукою.—Украшеніе носите?—продолжалъ онъ, прикасаясь къ бусамъ другой дѣвочки.—Не хорошо, не хорошо...

Дѣвочки застыдились. Отецъ ихъ поспѣшилъ къ нимъ на выручку.

— Мы возвращаемся изъ Крыма, такъ это отсюда на память.

— А—а...—проговорилъ Л. Н. и затѣмъ самымъ нѣжнымъ голосомъ обратился къ дѣвочкамъ:

— А чѣмъ бы васъ угостить? Ну, скажите? молока хотите? Дѣвочки отказались отъ молока. Левъ Николаевичъ подумалъ и сказалъ:

— Вотъ что: у насъ тамъ сейчасъ варятъ варенье. Хотите варенья?

Дѣвочки улыбаясь, покачали головами.

— А я, представьте, очень любилъ варенье въ дѣтствѣ. И никогда не отказывался. Да не только не отказывался. а даже самъ ухитрился достать, когда мнѣ не давали... Помню, разъ мнѣ дали немного варенья, а мнѣ хотѣлось еще. Мнѣ сказали, что нельзя. Тогда я самъ тихонько пошелъ въ буфетъ, гдѣ стояло незапертое варенье и сталъ его таскать изъ банки въ ротъ прямо рукою. Когда наѣлся, такъ у меня варенье было и здѣсь, и здѣсь, и здѣсь, закончилъ онъ, показывая на носъ, щеки, подбородокъ и грудь.

Дѣвочки хохотали.

— Соня,—крикнулъ Левъ Николаевичъ на террасу графинѣ,—дай дѣтямъ варенья!.. Идите, идите же!—говорилъ онъ дѣвочкамъ.

И тѣ, уже не отговариваясь. пошли.

Припоминаю и другой случай, бывшій въ Хамовническомъ домѣ Толстыхъ. Въ одну изъ субботъ, когда было много гостей, Левъ Николаевичъ, заложивъ руки назадъ, ходилъ по залу и разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ. Среди взрослыхъ здѣсь же, по залу одиноко бродилъ мальчикъ лѣтъ пяти—шести. Не знаю, былъ ли это одинъ изъ внуковъ Льва Николаевича или его меньшій сынъ Ваня, вскорѣ послѣ того умершій. Заложивъ руки назадъ, точь-въ-точь, какъ Левъ Николаевичъ, онъ важно шествовалъ по залу, озирая публику и то обгоняя Льва Николаевича, то отставая отъ него. Онъ, вѣроятно, скучалъ одинъ среди большихъ и это, кажется, замѣтилъ Левъ Николаевичъ и рѣшилъ вывести мальчика изъ тяжелаго состоянія одиночества между неравными себѣ. Когда мальчикъ проходилъ мимо него, Левъ Николаевичъ ловко и незамѣтно лягнулъ его сзади ногою. Мальчикъ посмотрѣлъ назадъ и, не догадываясь въ чемъ дѣло, такъ какъ Левъ Николаевичъ былъ занятъ разговоромъ съ знакомымъ, продолжалъ итти. Черезъ минуту Левъ Николаевичъ повторилъ свою продѣлку, потомъ еще и еще, каждый разъ притворяясь, будто это не онъ. Наконецъ мальчикъ поймалъ его и, сразу повеселѣвъ, подбѣжалъ къ Льву Николаевичу, обнялъ его за ногу, и они пошли вмѣстѣ друзьями, какъ равные.

Эти два, повидимому, ничтожные эпизода, въ связи съ другими

подобными, о которыхъ я не стану рассказывать, служатъ отличной иллюстраціей того, какъ великій человѣкъ, писатель и учитель, плотникъ, строящій избы вдовамъ и погорѣльцамъ, печникъ, кладущій печи, и сапожникъ, точающій сапоги, прекрасно понималъ людей разнаго положенія и возраста и умѣлъ сближаться со всѣми. Ученые, профессора, европейскія знаменитости науки, искусства и литературы, интеллигентные люди и простые рабочіе и крестьяне, учащаяся молодежь, дѣти и отцы-старики, всѣ были ему одинаково близки и понятны, со всѣми онъ умѣлъ говорить и держать себя, какъ равный съ равными до тѣхъ поръ пока оставался обыкновеннымъ собесѣдникомъ, простымъ смертнымъ.

Возвращаясь къ разсказу о своемъ пребываніи въ Ясной Полянѣ, я долженъ упомянуть еще о слѣдующемъ характерномъ эпизодѣ.

Вечеромъ, когда солнце совсѣмъ садилось, Левъ Николаевичъ пригласилъ всю компанію (человѣкъ 15—20) на прогулку въ лѣсъ. Сначала мы шли дорожкой, а потомъ Л. Н-чъ повелъ насъ прямо по травѣ. Завелъ въ гущину. Въ одномъ мѣстѣ пришлось всѣмъ перебраться черезъ ровъ. Женщины не отставали отъ насъ. Даже графиня Софья Андреевна, подобравъ свое платье храбро слѣдовала за компаніей. Левъ Николаевичъ шелъ впереди и рука объ руку съ нимъ докторъ Н. И. Д-въ. Послѣдній что-то рассказывалъ о рабочихъ и о революціонной дѣятельности. Надобно сказать, что докторъ Д-въ самъ себя почти открыто и съ гордостью причислялъ къ революціонерамъ. Въ дѣйствительности же едва ли онъ былъ такимъ, по крайней мѣрѣ онъ никогда не принадлежалъ къ активнымъ дѣятелямъ и ограничивался только разговорами. Я знаю его еще со студенческой скамьи по Харьковскому Университету. Опытъ двадцати лѣтъ нисколько его не измѣнилъ: онъ и теперь остался не только такимъ же горячимъ, увлекающимся, прямолинейнымъ, чистымъ душою, но и такимъ же легкомысленнымъ, какъ былъ тогда.

Когда этотъ господинъ въ разговорѣ упомянулъ о какомъ-то террористическомъ актѣ, Левъ Николаевичъ, видимо возбужденный его разсказомъ, отвѣтилъ:

— Да, и это средство иногда допустимо...

Здѣсь я долженъ оговориться: слова «Да, и это средство иногда» я помню отчетливо, какъ только что слышанныя мною. Послѣднее же слово «допустимо» мнѣ помнится не такъ ясно. Быть можетъ, вмѣсто него было сказано «позволительно» или «возможно». Но во всякомъ случаѣ здѣсь было сказано еще только одно слово и смыслъ его былъ тотъ, что Л. Н-чъ считалъ иногда допустимыми террористическіе акты.

Чѣмъ больше я наблюдалъ Льва Николаевича въ кругу многочисленныхъ посѣтителей его по субботамъ, когда у него бывали собранія, тѣмъ чаще мнѣ приходилось слышать отъ него, проповѣдника ученія о непротивленіи злу насиліемъ, сужденія, подобныя вышеприведенному отзыву о терроризмѣ. Иногда на протяженіи одного вечера можно было поймать его въ двухъ противорѣчивыхъ отзывахъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Присматриваясь далѣе ко Льву Николаевичу, я убѣдился, что самые разнорѣчивые его отзывы объ одномъ и томъ же предметѣ и о людяхъ всегда безусловно искренни и только по внѣшности кажутся противорѣчивыми, внутренняго же противорѣчія между ними нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что Левъ Николаевичъ, какъ и всякій большой, а тѣмъ болѣе гениальный художникъ,—обладалъ пылкимъ темпераментомъ, колоссальнымъ воображеніемъ, глубокимъ взглядомъ. Какъ никто, онъ отъ одного какого-нибудь разсказа о чинимомъ гдѣ-то надъ кѣмъ-то насиліи сразу воспламенялся, начиналъ видѣть это насиліе наяву со всей его жестокостью, со всѣми его послѣдствіями. Огромная его совѣсть и любящее сердце протестуетъ противъ насилія надъ людьми, и онъ, проповѣдникъ непротивленія злу насиліемъ, въ этотъ мигъ забываетъ проповѣдь ученія вѣчнаго, съ вершинъ своего Олимпа спускается на землю, готовъ броситься на борьбу съ насиліемъ, какою бы то ни было цѣною освободить изъ рукъ насильниковъ его жертвы. И въ этотъ моментъ у него вырывается фраза: «да, и это средство иногда допустимо». Но вотъ прошло возбужденіе и Толстой по привычкѣ мыслить о вѣчномъ, стремиться къ идеалу, который ему виднѣется въ отдаленномъ будущемъ и долженъ немеркнущимъ свѣтомъ свѣтитъ всѣмъ не только настоящему, но и грядущимъ поколѣніямъ, уже не можетъ одобрить никакого насилія, всякое насиліе считается зломъ. И проповѣдь его о непротивленіи злу насиліемъ оказывается искренней и правдивой, какъ искренно было въ условіяхъ данныхъ обстоятельствъ и его восклицаніе о допустимости террористическихъ актовъ. Въ первомъ случаѣ говоритъ Толстой-борецъ за настоящее, во второмъ Толстой-проповѣдникъ идеаловъ вѣчныхъ. О противорѣчій здѣсь не можетъ быть и рѣчи. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ случаяхъ кажущихся противорѣчій.

III.

Въ теченіе двухъ зимъ 1896 г.—1897 г. и 1897 г.—1898 г. я часто бывалъ у Л. Н. Толстого на субботнихъ собраніяхъ

у него въ Долгохамовническомъ переулкѣ. Мнѣ приходилось встрѣчать здѣсь самую разношерстную публику, извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, русскихъ и иностранцевъ, мелкихъ торговцевъ и рабочихъ. Въ эти дни, послѣ 6 часовъ вечера къ нему пропускались безъ доклада всѣ, кто бы ни пришелъ изъ мало-мальски знакомыхъ.

Однажды, явившись ко Льву Николаевичу въ самомъ началѣ собранія, въ седьмомъ часу, я засталъ у него въ кабинетѣ человѣкъ 8—10 людей, которыхъ по наружности нельзя было отнести къ такъ-называемому интеллигентному обществу.

— Это мои друзья—рабочіе съ сосѣдняго пивовареннаго завода,—отрекомендовалъ онъ мнѣ своихъ гостей.

Здороваясь съ ними, я подошелъ къ человѣку, сидѣвшему, отвалившись на спинку стула и откинувъ назадъ большую красивую голову съ львиной гривой. Онъ встрѣтилъ меня необыкновенно умнымъ проницательнымъ взглядомъ. Лаковые сапоги, хорошій пиджачный костюмъ, золотая цѣпочка на жилетѣ, изъ-подъ котораго выглядывала ситцевая рубаша, сытое тѣло и этотъ умный взглядъ заставили меня невольно спросить его:

— Вы—тоже рабочій?

— Нѣтъ... Я—отходникъ, занимаюсь оздоровленіемъ Москвы. Имѣю честь—Михаилъ Алексѣевичъ Козыревъ.

Этотъ Козыревъ теперь уже умершій, содержатель частнаго ассенизаціоннаго обоза, который давалъ ему сытое существованіе, иногда посвящалъ свой досугъ сочиненію обличительныхъ статей и стихотвореній, которыя когда-то печатались въ юмористическихъ изданіяхъ.

Продолжая прерванное моимъ приходомъ собесѣдованіе съ своими друзьями рабочими, Левъ Николаевичъ обратился къ одному изъ нихъ:

— Ну, какъ же у васъ уладилось то столкновеніе съ вашимъ начальствомъ, о которомъ вы рассказывали въ прошлый разъ?

Рабочій объяснилъ, что его все преслѣдуютъ за что-то. Левъ Николаевичъ высказалъ сожалѣніе по поводу этого, привелъ извѣстные ему случаи еще болѣе жестокаго преслѣдованія рабочихъ на какомъ-то другомъ заводѣ. Разсказъ его достигъ той цѣли, которую Левъ Николаевичъ, очевидно, и имѣлъ въ виду: рабочій успокоился, ему, видимо, стало легче отъ мысли, что онъ терпитъ не одинъ.

Это была обычная тактика Льва Николаевича въ общеніи съ людьми, гонимыми обстоятельствами и властями. Выслушавъ жалобу, Л. Н. никогда не утѣшалъ и не давалъ безъ особенной нужды или просьбы объ этомъ практическихъ совѣтовъ, какъ

выйти изъ бѣды, а дѣйствовалъ, какъ художникъ—живыми образами. Съ замѣчательной находчивостью онъ сейчасъ же приводилъ одинъ за другимъ примѣры еще болѣе тяжелой жизни, еще болѣе жестокихъ преслѣдованій, указывалъ, какъ разрѣшалось дѣло въ томъ и другомъ случаѣ. Чаще всего примѣры брались общеизвѣстные, изъ газетной хроники, иногда изъ литературы, иногда изъ личныхъ встрѣчъ Льва Николаевича. Между послѣдними «примѣрами» были и такіе, которыхъ Левъ Николаевичъ никогда не встрѣчалъ въ жизни, но которые нарочно экспромтомъ придуманы имъ, какъ художникомъ, для даннаго случая.

Часовъ около восьми начала появляться другая публика. Пришли Модъ, извѣстный англійскій переводчикъ Толстого, жившій тогда въ Москвѣ, кн. Д. Д. Оболенскій, покойный художественный критикъ В. В. Стасовъ, Н. Н. Ге (сынъ знаменитаго художника, тоже художникъ), члены семьи Толстого и другіе.

По мѣрѣ появленія новыхъ гостей, рабочіе какъ-то стушевывались, отходили на задній планъ. Нѣкоторые изъ прибывшихъ не здоровались съ ними, даже не обращали на нихъ вниманія. Рабочіе уступали свои мѣста вновь прибывшимъ, отодвигались въ сторону, сбились въ одну кучку, поговорили между собой и сразу ушли, распрощавшись съ хозяиномъ.

Когда рабочіе удалились, пошли разговоры другого сорта, сообщались новости политическія, литературныя, изъ общественной жизни.

Часовъ около 10-ти одинъ изъ пріятелей Л. Н. Толстого О., съ которымъ онъ былъ съ юношескихъ лѣтъ на «ты», сталъ прощаться.

— Что такъ рано?—удивился Л. Н.

— Голова, что-то трещить, спать мало, сказалъ О.

Левъ Николаевичъ всмотрѣвшись въ лицо пріятеля, вдругъ рѣзко перебилъ его вопросомъ:

— Ты вчера опять цѣлую ночь пьянствовалъ?

Этотъ неожиданный вопросъ въ присутствіи постороннихъ,—съ нѣкоторыми изъ нихъ О. видѣлся въ первый разъ,—сильно смутилъ даже отличавшагося большой непринужденностью О. Вся его огромная фигура встрепенулась, какъ ужаленная, онъ бросилъ на насъ опасливый взглядъ и затѣмъ укоризненно сказалъ Л. Н. Толстому:

— Что ты, вѣдь я давно ничего не пью!..

Но Л. Н.-чъ вторично и рѣзко перебилъ его. Обращаясь ко всѣмъ намъ, онъ сказалъ:

— Одинъ мой знакомый выразился слѣдующимъ образомъ: у такъ называемаго культурнаго человѣка, а русскаго культурнаго человѣка въ особеннности имѣются три главныя вещи, три главныя зла, которыя вредятъ ему. Всѣ эти вещи оканчиваются на акъ: табакъ, кабакъ, б... акъ...

Для меня, да, я думаю, и для всѣхъ было ясно, что «знакомый» Л. Н-ча Толстого, сказавшій приведенныя слова, былъ не кто иной, какъ самъ онъ, Толстой, который въ ту пору, вообще любилъ свои наиболѣе рѣзкія сужденія облекать въ форму мнѣній разныхъ пріятелей и знакомыхъ.

Сказанное Л. Н. Толстымъ произвело огромное впечатлѣніе, О. молча распрощался и ушелъ.

Насъ пригласили къ чаю. Входимъ за Львомъ Николаевичемъ въ залъ, въ другомъ концѣ коридора. Здѣсь у графини Софьи Андреевны уже были свои гости. Она сидѣла за длиннымъ столомъ, на которомъ кипѣлъ большой самоваръ. Возлѣ нея дамы. При нашемъ появленіи онѣ вслѣдъ за графиней съ чашками чаю въ рукахъ вышли въ гостиную, рядомъ съ заломъ. У самовара осталась Татьяна Львовна, старшая дочь Льва Николаевича. Она налила стаканъ едва окрашеннаго чаю и подала отцу. Затѣмъ обращаясь къ присутствующимъ, сказала:

— Господа, наливайте, пейте,—и ушла.

Чувствовалась полная непринужденность. Каждый подходилъ къ самовару и наливалъ самъ себѣ.

Кто-то завелъ разговоръ о женщинахъ, не серьезно, а такъ, слегка, объ ихъ хозяйственности и пр.

Левъ Николаевичъ оглядѣлся по сторонамъ, бросилъ взглядъ на дверь въ гостиную, и убѣдившись, что изъ женщинъ никто не услышитъ, сказалъ, понизивъ голосъ:

— Одинъ мой пріятель выразился о женщинахъ такъ: женщина—это такое существо, которое до такой степени похоже на человѣка, до такой степени напоминаетъ человѣка, что иногда можно ошибиться и дѣйствительно принять ее за человѣка.

Нужно было видѣть лицо Льва Николаевича, когда онъ полушопотомъ съ добродушно-ядовитой улыбкой произносилъ эту сентенцію своего «пріятеля», обращаясь попеременно то къ одному, то къ другому, то къ третьему изъ присутствующихъ и придерживая ладонь у рта, со стороны гостиной, чтобы тамъ не услышали. Ясно было, что мнѣніе «пріятеля» о женщинахъ— это его собственное мнѣніе и что оно продиктовано ему какимъ-то неудержимо-страстнымъ и, какъ мнѣ тогда казалось, злобнымъ, нехорошимъ чувствомъ. Я тогда еще не вполне былъ освѣдомленъ о той причинѣ, которой было вызвано столь страстное чувство

и не могъ отнестись ко Льву Николаевичу съ тѣмъ участіемъ и глубокимъ состраданіемъ, которыя испытываю въ настоящее время при воспоминаніи объ этомъ разговорѣ. Теперь я хорошо понимаю, что мнѣніе о женщинахъ, вложенное имъ въ уста «пріятеля», было невольнымъ крикомъ наболѣвшей, до послѣдней степени раздраженной души великаго человѣка. Теперь, когда я лучше узналъ Толстого, для меня стало ясно, сколько страданій долженъ былъ претерпѣть отъ женщины учитель любви и непротівленія злу насиліемъ, чтобы у него могло вырваться такое мнѣніе о женщинахъ. Но тогда меня поражала только парадоксальность этого мнѣнія и противорѣчіе его вообще взглядамъ Толстого.

И послѣ приходилось мнѣ слышать отъ Льва Николаевича, очевидно, невольно вырывавшіеся у него подобные отзывы о женщинахъ. Но значеніе ихъ для меня было уже вполне понятно и такіе отзывы становились все рѣже и менѣе страстными.

Доставалось отъ Л. Н. Толстого въ ту пору и людямъ, власть имущимъ. Если мы знаемъ, что въ своихъ писаніяхъ онъ не боялся никого кромѣ Бога, то легко повѣрить, если я скажу, что въ кругу знакомыхъ о представителяхъ высшихъ сферъ онъ въ то время отзывался подъ часъ прямо ругательски.—Казалось, это говорилъ пылкій, не умѣющий и не желающій сдерживаться юноша, и не 70-тилѣтній старикъ.

Но чѣмъ онъ болѣе старѣлъ и приближался къ смерти, тѣмъ становился болѣе сдержаннымъ. Огорченія, обиды вызывали въ немъ уже только тихую скорбь, но не бурное негодованіе, какъ прежде.

Однако справедливость требуетъ отмѣтить, что и до этого періода, т.-е. въ пору болѣе раннюю, когда онъ спокойно говорилъ о женщинахъ, онъ, какъ извѣстно, отзывался о нихъ всегда съ большою любовью.

IV.

Несмотря на то, что Левъ Николаевичъ былъ человѣкъ все-сторонне и широко образованный, онъ далеко не былъ энциклопедистъ. Отдаваясь съ наибольшимъ увлеченіемъ вопросамъ нравственнымъ и религіознымъ, онъ мало интересовался вопросами соціально-экономическими. Изъ писателей этого сорта онъ дѣлалъ исключеніе только для Генри Джорджа, котораго онъ высоко цѣнилъ.

Еще при первомъ моемъ посѣщеніи Льва Николаевича, въ мартѣ 1894 г., на пути чрезъ Москву изъ Вологодской губерніи, онъ замѣтилъ у меня въ карманѣ книжку, которую я читалъ въ дорогѣ.

— Что это у васъ?—спросилъ Левъ Николаевичъ, протягивая ко мнѣ руку.

Я подаль ему книжку. Онъ прочелъ заглавіе и надпись автора на обложкѣ и брезгливо возвратилъ книжку мнѣ.

Это было недавно предъ тѣмъ появившееся сочиненіе Карелина объ общинномъ владѣніи въ Россіи. Я объяснилъ, что авторъ книги находится въ Вологдѣ въ ссылкѣ, и книжка для меня интересна. Левъ Николаевичъ нахмурился и, молча, помоталъ головой. Ясно было, что его не интересуютъ подобныя книги.

Еще болѣе убѣдило меня въ этомъ слѣдующее обстоятельство. Какъ-то въ разговорѣ со Львомъ Николаевичемъ я упомянулъ, что въ юности очень увлекался Н. Г. Чернышевскимъ и что этотъ авторъ сыгралъ значительную роль въ выработкѣ моего міросозерцанія.

— Ахъ, какъ жаль, ахъ, какъ жаль, — проговорилъ Левъ Николаевичъ.

— Почему?—спросилъ я.

— Легкомысленный писатель,—нахмурившись сказалъ онъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій.

— Какъ легкомысленный?—воскликнулъ однако я. И горячо сталъ доказывать, что Чернышевскій очень глубокій мыслитель, что его переработка политической экономіи Милля лучше самого Милля, а его журнальная борьба за освобожденіе крестьянъ съ землей, его политическія обзрѣнія въ покойномъ «Современникѣ», критическія и всякія другія статьи безподобны.

Левъ Николаевичъ не возразилъ мнѣ ни слова, но еще сильнѣе нахмурился и такъ энергично помоталъ головой, что я принужденъ былъ замолчать.

Вообще Левъ Николаевичъ не любилъ спорить, по крайней мѣрѣ, я ни разу не видѣлъ и не слышалъ его упорно спорящимъ, какъ спорятъ другіе. Онъ охотно выслушивалъ всякое мнѣніе, очень опредѣленно высказывалъ свое согласіе или несогласіе съ даннымъ мнѣніемъ, сразу признавалъ свои ошибки, если ему на нихъ указывали. На возраженія же, съ которыми онъ былъ несогласенъ, онъ обыкновенно не отвѣчалъ и переходилъ къ другому вопросу. Если же по важности дѣла онъ находилъ необходимымъ высказаться и въ такихъ случаяхъ, когда ему возражали, то свои сужденія онъ произносилъ тономъ совершенно безапелляционнымъ, и въ такомъ случаѣ уже никто не осмѣливался возражать ему. Признаюсь, первое время этотъ тонъ производилъ довольно непріятное впечатлѣніе. Но въ другихъ случаяхъ обнаруживалась его скромность. Нерѣдко случалось такъ, что когда онъ не былъ окончательно убѣжденъ въ чемъ-либо,

то высказывалъ свое мнѣніе предположительно, при чемъ спрашивалъ, какъ другіе думаютъ по этому вопросу. И это со временемъ убѣдило меня, что въ немъ нѣтъ самомнѣнія.

Какъ-то прихожу я ко Льву Николаевичу зимой, кажется, въ 1897—98 году, когда только что вышла книжка «Вѣстника Европы» съ статьей А. О. Кони о докторѣ О. П. Гаазѣ. Подъ вліяніемъ только что прочитанной статьи, я рассказалъ Л. Н-чу о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое она произвела на меня. И рассказалъ я ему объ этомъ, признаюсь, не просто, а съ затаенной цѣлью вызвать у самого Толстого подражаніе Гаазу, который заступаясь за ссылаемыхъ на каторгу, умолялъ сильныхъ міра сего снять съ арестантовъ кандалы, облегчить ихъ участь, обращался къ генералъ-губернатору, къ министру, къ самому царю, становился на колѣни и упрашивалъ помиловать осужденныхъ, по его мнѣнію, невинно или впавшихъ въ преступленіе по несчастной случайности, вездѣ просилъ, умолялъ и часто достигалъ своей цѣли.

— Вотъ образецъ истинно христіанскаго поведенія, достойный подражанія,—сказалъ я Льву Николаевичу, каюсь теперь, почти наставительно.

Онъ сильно нахмурился, стиснувъ челюсти и оттопыривая сомкнутыя губы, энергично помоталъ головой и произнесъ всего только одно слово:

— Нѣтъ...

Тогда еще я не зналъ, что Л. Н. Толстой въ своей повседневной жизни поступалъ именно такъ, какъ Гаазъ: никому не отказывалъ въ матеріальной помощи хотя очень скромными суммами, такъ какъ его личныя средства были чрезвычайно скромны. Мнѣ было неизвѣстно еще тогда, что, какъ Гаазъ, Толстой часто, хлопоча за крестьянъ, обращался къ властямъ—къ старостѣ, старшинѣ, къ уряднику, къ становому, къ исправнику, даже къ губернатору; что въ хлопотахъ за судимыхъ или осужденныхъ онъ вѣчно беспокоилъ своими просьбами прокуроровъ, судей, смотрителей тюремъ и часто достигалъ облегченія участи тѣхъ, за кого просилъ. Въ то время я еще не былъ знакомъ съ извѣстнымъ его письмомъ къ Александру III, предъ которымъ онъ выступалъ заступникомъ за гонимыхъ духовъ.

Докторъ О. П. Гаазъ, какъ убѣдился, конечно, Л. Н. Толстой на основаніи собственныхъ пріемовъ борьбы со зломъ, не можетъ служить образцомъ для поведенія въ наше время, когда мы уже извѣрились въ плодотворности обращенія къ сердцу сильныхъ міра сего, когда открылась возможность другихъ пріемовъ борьбы за лучшее будущее, когда условія общественной жизни, какъ бы

ни былъ тяжелъ режимъ усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ, все же сильно измѣнились къ лучшему, и мракъ сталъ не такимъ безпросвѣтнымъ, какъ былъ во время Гааза.

Левъ Николаевичъ Толстой обладалъ прекрасной памятью. Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться при первомъ же свиданіи съ нимъ. Онъ спросилъ меня объ одномъ обстоятельстве моей личной жизни, имѣвшемъ мѣсто еще въ первый годъ возникшей между нами переписки, т.-е. 8 лѣтъ назадъ.

— Откуда вы знаете объ этомъ обстоятельстве?—удивленный его вопросомъ, спросилъ я.

— Вы мнѣ писали.

— Не помню.

— Писали.

И мнѣ стоило большого труда припомнить и то нескоро, что я дѣйствительно когда-то вскользь упомянулъ объ этомъ обстоятельстве въ письмѣ ко Льву Николаевичу.

О такой же необычайной памяти его свидѣлствуютъ и его ссылки на классическихъ писателей, въ произведеніяхъ которыхъ онъ помнилъ не только основное содержаніе, но и мельчайшія подробности. О большой памяти свидѣлствуетъ и его манера ссылаться въ разговорѣ на своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ, разбросанныхъ буквально по всему земному шару. Какъ извѣстно, жители не только всѣхъ странъ Европы, но и Америки, Японіи, Индіи, Австраліи слали ему письма и о наиболѣе интересныхъ изъ нихъ онъ упоминалъ при случаѣ даже много лѣтъ спустя.

Въ то время, т.-е. въ 1896—98 г. Толстой, хотъ и было ему 68—70 лѣтъ, но еще не былъ, какъ уже я сказалъ, вполне установившимся человѣкомъ, онъ, суровый аскетъ и проповѣдникъ, учитель непротивленія злу насиліемъ, въ частной бесѣдѣ, когда переставалъ быть писателемъ и учителемъ и становился обыкновеннымъ человѣкомъ, кипѣлъ и бурлилъ, негодовалъ и радовался, какъ юноша. Все доброе, какъ пропагандистъ, онъ выставлялъ на показъ и хвалилъ горячо, все дурное порицалъ рѣзко и сильно. Только о своихъ братьяхъ-писателяхъ, если и приходилось ему отзываться съ осужденіемъ, онъ обыкновенно выражался снисходительно и мягко, какъ бы сознавая, что ему, великому, не подобаетъ сердиться на нихъ. Такъ, когда я по какому-то поводу упомянулъ объ одномъ маститомъ писателѣ, любящемъ справлять свои юбилеи, много пишущемъ, но котораго читать для человѣка съ эстетическимъ чутьемъ—сущая пытка, то Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Не художникъ, не художникъ...

Но зато, если въ текущей литературѣ встрѣчалось что-нибудь отрадное, онъ не жалѣлъ похвалъ и всѣмъ приходящимъ къ нему рекомендовалъ то, что такъ ему понравилось, а издателямъ «Посредника» и «Этикохудожественной библіотеки» ¹⁾ совѣтовалъ переиздать новое произведеніе, чтобы пустить въ народъ.

При этомъ необходимо оговориться и объяснить, какія именно литературныя произведенія и за что цѣнилъ Л. Н. Толстой. Его похвалъ удостоивались одинаково произведенія двухъ родовъ. Во-первыхъ, произведенія чисто художественныя, написанныя безусловно прекрасно, независимо отъ ихъ содержанія, хотя бы въ нихъ не заключалось никакой положительной идеи. Наиболѣе яркимъ примѣромъ такой литературы былъ для него Мопассанъ и позже отчасти Купринъ. Такія произведенія онъ, какъ художникъ, читалъ съ наслажденіемъ, прощая ихъ авторамъ отсутствіе серьезнаго содержанія и положительной идеи и находя что и то, что они дали, уже имѣетъ высокую цѣну, хотя, какъ извѣстно, изъ его трактата «Что такое искусство», произведенія этого сорта онъ относилъ къ разряду низшаго искусства въ отличіе отъ идейнаго, высшаго. Но стоило ему прочесть новое произведеніе съ серьезнымъ содержаніемъ, съ возвышенной идеей, не говоря уже о высокоталантливыхъ и художественно отдѣланныхъ и законченныхъ, но хотя бы посредственное, онъ оживлялся, сіялъ радостью, точно нашелъ драгоцѣнное сокровище. Выше же всего онъ цѣнилъ тѣ рѣдкія въ то время произведенія, которыя при талантливости автора и прекрасной отдѣлкѣ заключали возвышенное содержаніе. Ко мнѣ лично Левъ Николаевичъ былъ очень внимателенъ и снисходителенъ, и мнѣ не разъ приходилось просить его быть построже ко мнѣ. Какъ-то прихожу я къ нему въ началѣ весны 1897 г., когда Л. Н. работалъ надъ своимъ «Искусствомъ», Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Сейчасъ прочелъ въ «Дѣтскомъ Читеніи» вашъ рассказъ «Ржаной хлѣбушка — калачу дѣдушка». Я его привожу въ своемъ сочиненіи объ искусствѣ, какъ образецъ, высокаго искусства.

— Много чести,—сказалъ я.

— Почему?

— Боюсь зазнаюсь: нехорошо дѣйствуетъ похвала.

Л. Н. всмотрѣлся въ меня и произнесъ:

¹⁾ Къ сожалѣнію, эта фирма просуществовала очень недолго.

— Да, нехорошо. — Потомъ добавилъ: — Я не буду называть вашего имени, я назову только вашъ рассказъ.

И дѣйствительно, въ напечатанномъ потомъ трактатѣ объ искусствѣ, мой рассказъ былъ названъ, какъ принадлежащій «малоизвѣстному автору», безъ упоминанія имени.

V.

Начиная съ 1899 г. свиданія мои со Львомъ Николаевичемъ дѣлаются болѣе рѣдкими, такъ какъ замѣтно стало, что онъ ищетъ уединенія и тяготится многочисленными посѣтителями. Случалось, что въ пріемные дни, по субботамъ иногда онъ неожиданно оставлялъ гостей и исчезалъ изъ зала на полчаса. Потомъ, бывало, появится минуты на 2—3 и опять исчезнетъ.

Такъ какъ въ домѣ Толстыхъ меня интересовалъ только самъ хозяинъ, то однажды, когда Левъ Николаевичъ исчезъ изъ зала, наполненнаго гостями, я, догадываясь въ чемъ дѣло, пошелъ въ кабинетъ его, чтобы проститься съ нимъ и уйти домой.

Онъ полулежалъ въ креслѣ, откинувшись на спинку, у письменнаго стола съ лампой и читалъ.

— До свиданія, Левъ Николаевичъ.

— Уходите?

— Да.

Онъ молча подаль мнѣ руку и продолжалъ читать.

Мнѣ приходилось нѣсколько разъ встрѣчать Льва Николаевича, кажется, въ зимы 1899 и 1900 г. въ Охотномъ ряду въ началѣ 5-го часа, когда онъ совершалъ свою предъобѣденную прогулку. Вотъ описаніе первой изъ этихъ встрѣчъ. Въ вязаной шапкѣ, такихъ же перчаткахъ, въ простенькомъ ватномъ пальто темнокоричневаго бобрика, съ простой и грубой загнутой палкой въ рукѣ, онъ быстро шелъ мнѣ навстрѣчу по направленію отъ Охотнаго ряда къ Никитской.

— Я сюда постоянно хожу: яйца себѣ здѣсь покупаю, — сказалъ онъ, показывая небольшую корзинку съ покупкой.

Мы съ нимъ пошли по Б. Никитской. Во время разговора дорогой онъ постоянно совалъ руку въ карманъ пальто и, не останавливаясь, находилъ, подавалъ встрѣчнымъ милостыню, дѣлая это какъ-то неожиданно и незамѣтно. Занятый разговоромъ съ нимъ, я среди встрѣчныхъ не примѣчалъ никого, кто походилъ бы на просящихъ милостыню, и каждый разъ удивлялся, что Левъ Николаевичъ подаетъ то направо, то налево. Дѣлалъ онъ это такъ ловко и такъ быстро вслѣдъ за этимъ уходилъ дальше, что его, кажется, не могли даже разглядѣть тѣ, которые получали

отъ него. И при этомъ онъ ни на секунду не прерывалъ разговора со мной. Но оказывается, что его вниманіе болѣе, чѣмъ разговоромъ, было занято тѣмъ, что встрѣчалось ему на пути.

Такова же была и другая моя встрѣча съ нимъ на улицѣ. И на этотъ разъ карманы его были наполнены мелочью, и онъ подавалъ всѣмъ, кому находилъ нужнымъ, не ожидая, пока у него попросятъ.

Припоминаю еще одну свою встрѣчу, со Львомъ Николаевичемъ на улицѣ. Было это, кажется, въ 1900 или 1901 г., весной, наканунѣ отъѣзда семьи Толстыхъ въ Ясную Поляну. На этотъ разъ онъ ѣхалъ на извозчикѣ по Садовой, около Земляного вала по направленію къ Сухаревой башнѣ. Плохонькая бѣлая лошадка бѣжала слабой рысцой, а Толстой сидѣлъ въ пролеткѣ, высоко поднявъ голову и такъ смотрѣлъ вокругъ, что казалось, будто это полководецъ проѣзжаетъ предъ выстроенными рядами войскъ и дѣлаетъ смотръ. На другой день въ одной изъ газетъ сообщалось, что чрезъ полчаса послѣ описанной мною встрѣчи его видѣли тоже на извозничьей пролеткѣ, запряженной бѣлой лошадыю, возлѣ Смоленскаго рынка, ѣдущимъ къ Хамовникамъ. Очевидно, старику захотѣлось предъ разлукой съ Москвой объѣхать ее по кольцу Садовой и взглянуть на городъ.

Подобно тому, какъ докторъ *Ө. П. Гаазъ* говорилъ: «спѣшите дѣлать добро», такъ *Л. Н. Толстой* училъ, чтобы мы не пренебрегали мелкими добрыми дѣлами, гоняясь за большими и отдаленными, а чтобы каждый дѣлалъ то маленькое доброе дѣло, какое встрѣчается ему въ каждую данную минуту по отношенію къ окружающимъ его людямъ. И тогда, говорилъ Толстой, не будетъ несчастныхъ и каждый получить то, въ чемъ онъ нуждается.

Руководствуясь этимъ принципомъ, *Л. Н. Толстой* помогалъ не только своими скромными матеріальными средствами, но и личнымъ трудомъ всѣмъ дѣйствительно нуждающимся. Отъ такой помощи не могли его удержать ни убѣжденіе въ ничтожности всѣхъ благъ земныхъ, ни увѣренность въ невозможности искоренить бѣдность и нищенство подачками, побуждавшія его къ настойчивой проповѣди—мириться съ тѣми матеріальными условіями, въ которыя насъ поставили обстоятельства, проповѣдь, съ которою онъ часто обращался къ просящимъ у него денежной помощи и которая доставила ему много враговъ. Онъ говорилъ, что можно жить на очень скромныя средства, добываемыя личнымъ трудомъ и быть довольнымъ и можно проживать огромныя деньги и нуждаться въ еще большихъ. Все зависитъ, говорилъ онъ, не отъ внѣшнихъ условій, а отъ внутренняго отно-

шенія челоѣка къ нимъ. Но, говоря это, онъ не отказывалъ въ помощи никому, дѣйствительно нуждающемуся.

Многіе обращались ко Льву Николаевичу съ просьбой о содѣйствіи къ поступленію на службу въ разныя учрежденія. На такія просьбы онъ обыкновенно сначала возражалъ, что лучше совсѣмъ не служить, а заниматься какимъ-нибудь самостоятельнымъ трудомъ, дающимъ хлѣбъ. Но въ концѣ-концовъ онъ дѣлалъ то, что считалъ самъ проситель для себя благомъ, и хлопоталъ о предоставленіи ему мѣста. Невозможно перечестъ всѣхъ пристроенныхъ такимъ образомъ по его хлопотамъ. Его услугами въ этомъ отношеніи пользовались люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній: рабочіе, интеллигенція, учителя, чиновничество, канцеляристы. Пристраивалъ онъ на фабрикахъ—заводахъ, въ разныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Дѣлалъ онъ это при помощи своихъ «друзей», т.-е. знакомыхъ, которые рекомендовали себя его почитателями. Такими «друзьями» Левъ Николаевичъ очень дорожилъ и приближалъ ихъ къ себѣ независимо отъ ихъ личныхъ достоинствъ, единственно кажется, потому, что черезъ ихъ посредство онъ могъ пристраивать нуждающихся въ заработкѣ. Въ числѣ этихъ «друзей» были и такіе, за приближеніе которыхъ къ себѣ Льва Николаевича часто осуждали при жизни и, кажется, не перестали осуждать и теперь.

Наибольше упрековъ сыпалось на Толстого за его странную «дружбу» съ однимъ ловкачемъ, котораго, чтобы не называть его по фамиліи, я обозначу буквой *Z*. Это былъ челоѣкъ въ высшей степени легкомысленный, въ одно время вегетаріанецъ и кутила, толстовецъ и картежникъ, мотъ. Сегодня онъ не ѣстъ мяса, завтра напился вдрызгъ. Сегодня мечтаетъ «сѣсть на землю» и жить крестьянскимъ трудомъ, а завтра ѣдетъ въ Монте-Карло и проигрывается въ рулетку. *Z*. занималъ довольно самостоятельное мѣсто завѣдующаго особымъ отдѣломъ въ одномъ учрежденіи. Онъ стоялъ во главѣ обширной канцеляріи, въ которой было челоѣкъ около 150 служащихъ, вербовавшихся, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ людей съ общимъ образованіемъ—среднимъ, иногда съ высшимъ, а по особенной протекціи и съ низшимъ. Искатели подобныхъ мѣстъ осаждали Льва Николаевича со всѣхъ сторонъ. И многихъ изъ нихъ онъ посылалъ къ *Z*. Послѣдній гордился обращеніемъ къ нему великаго писателя и изо всѣхъ силъ старался исполнить его просьбу. Не обладая властью самостоятельно назначать служащихъ, онъ ходатайствовалъ объ этомъ предъ начальникомъ учрежденія *У.*, челоѣкомъ очень гуманнымъ, добрымъ и относившимся къ Л. Н. Толстому съ большимъ уваженіемъ. Достаточно было, чтобы *Z*.

сказалъ ему, что Левъ Николаевичъ просить опредѣлить такое-то лицо на службу, и показать при этомъ письмо если не самого Льва Николаевича, то Марьи Львовны или Татьяны Львовны, чрезъ которыхъ Л. Н. Толстой переписывался съ Z.; достаточно было все объяснить начальнику учрежденія У., чтобы онъ далъ свое согласіе на принятіе на службу рекомендуемаго Толстымъ лица.

И тотчасъ же среди служащихъ распространялись толки, что новичокъ принять по рекомендаціи Z. согласно просьбѣ Л. Н. Толстого, потому что Z. другъ великаго писателя.

И Z. дѣйствительно старался вести себя такъ, чтобы оправдать названіе друга Толстого: избѣгалъ предосудительныхъ увлеченій, не пилъ, не игралъ въ карты, демонстративно вегетаріанствовалъ, демонстративно помогалъ гонимымъ Толстого ради и вообще по долгу велъ себя такъ, что его ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, особенно, когда былъ въ кругу записныхъ толстовцевъ и людей, знающихъ о его принадлежности къ толстовству.

По временамъ, попавъ въ среду картежниковъ и кутиль онъ проигрывался въ карты и напивался до положенія ризъ. Но, проспавшись и возвратившись въ ту среду, въ которой обычно вращался, онъ усердно скрывалъ свое увлеченіе и опять становился такимъ же толстовцемъ, скромнымъ, добрымъ, трезвымъ, вегетаріанствующимъ.

О такихъ періодическихъ паденійхъ и подниманійхъ Z. было извѣстно и Льву Николаевичу, но онъ неизмѣнно относился къ Z. великодушно: въ минуты его паденій сокрушенно качалъ головой и говорилъ: «не хорошо, не хорошо», а въ минуту его подниманія съ улыбкой говорилъ о Z. «милый».

Уже и теперь для всѣхъ освѣдомленныхъ объ этомъ служить загадкой причина странной «дружбы» великаго писателя съ Z. Будущій біографъ Толстого съ недоумѣніемъ остановится предъ этой загадкой, какъ до сихъ поръ останавливаются съ недоумѣніемъ предъ тайной отношеній Христа къ Іудѣ. Есть нѣчто общее въ этихъ двухъ ученикахъ—Христа и Толстого и въ особенности въ отношеніяхъ къ нимъ ихъ великихъ учителей.

Я не хочу болѣе подробно останавливаться на взаимныхъ отношеніяхъ Толстого и Z., такъ какъ это повело бы къ разоблаченію псевдонима Z., что не желательно. Скажу только, что кромѣ описанныхъ услугъ по пристройкѣ ищущихъ занятій, Z. оказалъ Льву Николаевичу еще и множество услугъ личнаго характера, между которыми были очень цѣнные: Z. всегда чрезвычайно охотно брался выполнить все, что было пріятно Льву Николаевичу и такъ какъ онъ былъ человѣкъ въ высшей степени ловкій,

«обладающій большимъ умѣніемъ изворачиваться и преодолевать трудныя положенія, къ тому же имѣлъ связи въ служебныхъ и иныхъ сферахъ, то и брался съ гордостью за такія дѣла, въ которыхъ другой не могъ бы принести никакой пользы и выполнялъ ихъ съ большимъ умѣніемъ и искусствомъ. Казалось, онъ такъ преданъ Льву Николаевичу, что для него готовъ броситься въ огонь и воду. По готовности выполнить всякое желаніе Толстого онъ можетъ поспорить съ Чертковымъ; по безпринципности и легкомыслію своему онъ—прямая противоположность Черткову.

Кончилъ З. тѣмъ, что прокутилъ и проигралъ въ карты крупныя деньги, десятки тысячъ рублей, того учрежденія, въ которомъ служилъ, обманувъ такимъ образомъ своего начальника, беззавѣтно довѣрявшаго ему, какъ другу Толстого, бросилъ жену и дѣтей и скрылся съ какой-то дамой сердца. Слыша объ этихъ продѣлкахъ, Левъ Николаевичъ сокрушенно моталъ головой и говорилъ: «Ай, ай, какъ нехорошо, какъ нехорошо». Но все это онъ великодушно простилъ своему легкомысленному «другу» за то, что тотъ сдѣлалъ для него лично и ради него. И послѣ растраты денегъ и бѣгства З., когда всѣ думали, что теперь онъ покатится по наклонной плоскости и станетъ на путь преступленій, такъ какъ другіе пути ему теперь закрыты, Левъ Николаевичъ Толстой спасъ его и тутъ. Одинъ изъ приближенныхъ къ Толстому людей съ вѣдома Льва Николаевича написалъ З., что и послѣ всего случившагося Л. Н. Толстой и всѣ его друзья по прежнему любятъ и жалѣютъ его и готовы всегда придти къ нему на помощь. Это спасло З. отъ окончательнаго паденія. Въ настоящее время, послѣ смерти Толстого, З., благодаря прежнимъ связямъ, не изъ толстовскаго лагеря, опять прочно устроился. Теперь онъ уже не толстовствуетъ, не падаетъ и не подымается, періодически, сталъ «ниже воды, тише травы», живетъ какъ всѣ.

У Толстого, какъ и у всякаго прямого и честнаго человѣка, были не только друзья, но и непримиримые враги. Помимо такихъ враговъ, которые всѣмъ извѣстны, помимо тѣхъ, которые въ апогеѣ его славы и всемірной извѣстности отлучили его отъ церкви и предали проклятію, помимо этихъ, у него были еще и другіе, маленькіе, никому неизвѣстные враги среди его личныхъ знакомыхъ. Многіе изъ нихъ въ свое время получили ту или другую помощь отъ Толстого, такъ или иначе были имъ облагодѣтельствованы. Одни были недовольны имъ и ругали его за то, что онъ далъ или сдѣлалъ для нихъ слишкомъ мало, тогда какъ, по ихъ мнѣнію, могъ бы дать и сдѣлать гораздо

больше. Другіе винили за то, что онъ «живетъ въ роскоши» и требовали, чтобы онъ все, что есть у его семьи, отдалъ имъ, обвинителямъ, а самъ взялъ бы посохъ и пошелъ съ женой и дѣтьми по деревнямъ нищимъ. Третьимъ противно было самое ученіе Толстого, являющееся прямымъ осужденіемъ ихъ жизни.

Наибольшаго сожалѣнія достойны, конечно, тѣ враги Толстого, которые въ одно и то же время были и его «друзьями» и называли себя то тѣмъ, то другимъ именемъ, смотря по обстоятельствамъ. А такихъ было много. Не могу не упомянуть хотя объ одномъ изъ нихъ С. Т.¹⁾, человекъ недостаточно даже грамотномъ до знакомства съ Толстымъ. Л. Н. Толстой чрезъ посредство своихъ «друзей» буквально поставилъ его на ноги, вывелъ въ люди, помогъ ему развиться и достигнуть такого общественнаго положенія и матеріальнаго благосостоянія, о какомъ онъ и мечтать не могъ вначалѣ. И уже достигнувъ «степеней извѣстныхъ», С. Т. не переставалъ по временамъ навѣщать Л. Н. Толстого и пользоваться его содѣйствіемъ, чтобы пролѣзть выше и выше. И въ то же время за глаза онъ пушилъ своего благодѣтеля, на чемъ свѣтъ стоитъ.

Всего за годъ до смерти Л. Н. Толстого я встрѣтилъ этого господина въ Литературно-Художественномъ Кружкѣ, и спросилъ, давно ли онъ видалъ Толстого. На это онъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, которые знали объ отношеніяхъ Толстого къ нему, рѣзко отвѣтилъ:

— А ну его къ черту, вашего Толстого! Надоѣло слушать его вранье! Пишетъ... А попробуйте попросить у него!..

А дня чрезъ два или три послѣ этого С. Т. поѣхалъ въ Ясную Поляну и по возвращеніи въ Москву съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства дѣлился въ обществѣ своими впечатлѣніями отъ новаго свиданія съ Л. Н. Толстымъ. Таково было большинство «друзей»—враговъ Л. Н. Толстого.

Но я знаю и искренно преданныхъ Толстому маленькихъ, скромныхъ людей, не имѣвшихъ ни малѣйшей претензіи причислять себя къ числу толстовцевъ. Одинъ изъ нихъ Иванъ Петровичъ (фамилію его я забылъ) бывшій земскій учитель, сынъ псаломщика, кажется, Рязанской губерніи, познакомился съ Л. Н. Толстымъ въ то время, когда послѣдній во время голода устраивалъ на мѣстахъ столовые для голодающихъ. Когда голодъ окончился и Л. Н. Толстой возвращался въ Москву, учитель упросилъ старика взять и его съ собой, такъ какъ онъ очень полюбилъ Л. Н-ча и ему, учителю, слишкомъ тяжело разстаться

¹⁾ Буква Т. не есть инициалъ фамиліи обозначаемого ею лица.

съ нимъ. Просьба эта тронула Л. Н. Толстого, и онъ черезъ З. пристроилъ Ивана Петровича конторщикомъ въ томъ учрежденіи, гдѣ служилъ З.

По переѣздѣ въ Москву Иванъ Петровичъ первое время каждую почти недѣлю навѣщалъ Л. Н. Толстого, но навѣщалъ совершенно своеобразно и особенно трогательно. Придетъ тихонько съ чернаго хода на кухню, поздоровается съ прислугой и станетъ спрашивать, какъ поживаетъ «его сіятельство графъ Левъ Николаевичъ», здоровъ ли, что подѣлываетъ, какъ ведетъ жизнь. Прислуга скоро съ нимъ освоилась и принимала его, какъ своего знакомаго, угощала его чаемъ и прочее. И когда, бывало, онъ вдоволь наслушается рассказовъ о Толстомъ, тогда робко скажетъ:

— А нельзя ли повидать его сіятельство графа Льва Николаевича?

Однажды Льву Николаевичу было доложено о приходѣ Ивана Петровича въ то время, когда я сидѣлъ у него въ кабинетѣ.

— Онъ мнѣ аудіенціи всегда устраиваетъ въ кухнѣ,—пояснилъ Л. Н., обращаясь ко мнѣ.

— Почему?

— Онъ тамъ чувствуетъ себя лучше.

На этотъ разъ, однако, Левъ Николаевичъ измѣнилъ своему обыкновенію и не вышелъ на кухню, а, подумавъ, велѣлъ просить Ивана Петровича къ себѣ въ кабинетъ. Тотъ не замедлилъ явиться.

— Здравствуйте, ваше сіятельство,—радостно сказалъ онъ, останавливаясь у порога. Какъ поживаете? Какъ здоровье?

Л. Н. подалъ ему руку.

— Ничего, здоровъ. Что новаго скажете? Да вы садитесь.

— Соскучился по васъ, ваше сіятельство. Навѣстити пришелъ. Постарѣли, какъ будто, ваше сіятельство,—проговорилъ онъ, робко присаживаясь на кончикъ стула.

— Да, все къ смерти ближе.

— Поживите еще, ваше сіятельство.

— Чѣмъ скорѣе смерть, тѣмъ лучше.

— Ничего, ваше сіятельство. Пока силы есть, надо пожить еще.

Въ это время Л. Н. Толстой замѣтилъ въ рукѣ Ивана Петровича потухшую папиросу и, указывая на нее, сказалъ:

— А вы все-таки занимаетесь этой гадостью?

— Не могу, ваше сіятельство: привычка.

— Нехорошая привычка, надо бросить.

— Надо, ваше сіятельство,—и Иванъ Петровичъ швырнулъ папиросу на полъ.

— Спасибо вамъ, ваше сіятельство, за доброе слово. Извините, что побеспокоилъ.

— Ничего, ничего. Можетъ быть, что нужно?

— Ничего, ваше сіятельство, не нужно. Только по васъ соскучился. Вотъ теперь увидѣлъ. Благодарю васъ. До свиданія, ваше сіятельство.

Иванъ Петровичъ всегда уходилъ вполне довольный результатами такого свиданія и послѣ съ умиленіемъ рассказывалъ о немъ.

Помню встрѣчу свою со Л. Н. Толстымъ зимою 1897 года, въ кабинетъ Z., гдѣ я случайно былъ тогда. Курьеръ явился изъ передней доложить Z. о приходѣ графа, но послѣдній, не дожидаясь доклада, самъ вошелъ въ кабинетъ Z. одновременно съ курьеромъ. Въ старомъ непокрытомъ овчинномъ полушубкѣ, подпоясанномъ кушакомъ, за которымъ торчали рукавицы, и въ валенкахъ, онъ очень походилъ на извѣстную свою фотографію..

— У васъ здѣсь раздѣться можно?—спросилъ онъ, здороваясь.

— Конечно,—отвѣтилъ Z.

Л. Н. снялъ полушубокъ, бросилъ на стулъ и, оставшись въ вязаной сѣрой нескладной шерстяной курткѣ, похожей на кофту, оживленно заговорилъ о какомъ-то человѣкѣ, котораго необходимо устроить на мѣсто.

— Помню, помню, Левъ Николаевичъ: Марья Львовна писала мнѣ о немъ, но пока мнѣ ничего не удалось сдѣлать,—отвѣчалъ Z.

— Ему необходимо нужно и какъ можно скорѣе. Пожалуйста, голубчикъ, похлопочите! Это уже, навѣрное, послѣдній разъ, больше не буду надождать.

Л. Н. добродушно улыбался и Z. тоже улыбался, такъ какъ «послѣдній разъ» Левъ Николаевичъ просилъ уже не впервые.

Послѣ ухода Z. изъ того учрежденія, въ которомъ онъ служилъ, Левъ Николаевичъ первое время оставался лишеннымъ возможности пристраивать на службу въ это учрежденіе многочисленныхъ просителей. Но первая же настоятельная необходимость избавить отъ нужды дѣйствительно нуждающагося человѣка заставила его поискать новыхъ путей для этого.

Не будучи лично знакомъ съ начальникомъ учрежденія У., Л. Н. Толстой однажды неожиданно явился къ нему въ управленіе и этимъ визитомъ заставилъ говорить о себѣ всѣхъ. Когда было доложено, что его желаетъ видѣть Толстой, У. съ несвойственной его болѣзненному состоянію и возрасту живостью выбѣ-

жалъ изъ кабинета, встрѣтилъ Льва Николаевича на лѣстницѣ и подъ руку ввелъ его къ себѣ.

И Л. Н. Толстой получилъ опять возможность пристраивать на службу. Но пользовался онъ этимъ уже недолго: вскорѣ начальство въ управленіи перемѣнилось, и все тамъ пошло по иному. Да и самъ Левъ Николаевичъ пересталъ жить въ Москвѣ, сначала по болѣзни выѣхалъ въ Крымъ, а потомъ навсегда поселился въ Ясной Полянѣ.

VI.

Мои посѣщенія Л. Н. Толстого прекратились. Я не видѣлъ его цѣлыхъ 8 лѣтъ. Только 13 сентября 1909 г. я рѣшился, наконецъ, поѣхать къ нему, въ то время, когда онъ гостилъ у В. Г. Черткова въ Крекшинѣ, по Брянской ж. д.

За эти 8 лѣтъ Левъ Николаевичъ сильно измѣнился, постарѣлъ, сгорбился, съежился, отчего изъ рослаго и представительнаго старца, какимъ онъ былъ раньше, превратился въ маленькаго, худенькаго, хоть и очень бойкаго старичка.

Свиданіе это подробно описано мною въ напечатанномъ въ свое время въ газетѣ «Голосъ Москвы» фельетонѣ. Наружность Льва Николаевича изображалась мною тогда слѣдующимъ образомъ. «Его глаза смотрѣли на меня такимъ взглядомъ, какого я раньше никогда не замѣчалъ у него. Прежде острые, пронзительные соколиные глаза, насквозь пронизывающіе человѣка, заглядывающіе ему въ самую душу и видящіе въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ ея все, что тамъ дѣлается, теперь совершенно перемѣнились. Даже цвѣтъ ихъ будто сталъ другой: изъ сѣрыхъ они сдѣлались блѣсоватыми, будто выцвѣли отъ солнца. Я не скажу, чтобы они потускнѣли, нѣтъ, но они свѣтились какимъ-то разсѣяннымъ свѣтомъ, какъ бы смотрѣли не на того человѣка, съ которымъ Л. Н. говорилъ, а мимо него, вдаль».

Припоминаю, что при этомъ во всей фигурѣ Л. Н. Толстого и въ его движеніяхъ замѣчалась какая-то новая нервность, торопливость, вполне отвѣчающая внутреннему его настроенію, сознанію, что смерть близка, а дѣла еще много осталось несдѣланнаго и надо спѣшить, чтобы досказать и додѣлать то, что надумано за долгую жизнь. Но эта нервность была ровная, постоянная, чуждая колебаній и бурныхъ порывовъ, какіе въ немъ были раньше, всего 8 лѣтъ назадъ. Теперь онъ не пылалъ гнѣвомъ, не бурлилъ, не ругался по адресу тѣхъ, которые чинятъ неправду, не вступалъ въ борьбу со зломъ, употребляя то или другое «насиліе», которое въ немъ раньше нѣтъ—нѣтъ да и прорывалось среди проповѣди непротивленія. Теперь онъ походилъ

на старца-отшельника и прозорливца, рѣзко, но любовно обли-
чалъ зло и сейчасъ же отворачивался отъ него по правилу: «отойди
отъ зла и сотвори благо», боясь нарушить душевный свой миръ
и дорожа остаткомъ силъ, нужныхъ еще на многое. Убѣгалъ онъ
теперь отъ всего, въ чемъ видѣлъ зло, убѣгалъ отъ чужихъ,
убѣгалъ отъ своихъ, убѣгалъ изъ дому подъ предлогомъ пого-
стить у В. Г. Черткова или у дочери своей Татьяны Львовны
Сухотиной. Убѣгалъ и, отдохнувъ немного и сообразившись съ
силами, опять возвращался домой для того, чтобы продолжать
свое великое дѣло учительства въ привычныхъ условіяхъ, став-
шихъ для него необходимыми.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе тѣхъ обвиненій, которыя сыпались
на Л. Н. Толстого со стороны людей, очевидно, невѣжествен-
ныхъ и крайне ограниченныхъ, за то, что онъ раньше не бросилъ
семьи. Толстой не могъ уйти изъ семьи прежде, чѣмъ онъ это
сдѣлалъ: долгъ предъ человѣчествомъ, обязанности писателя,
гражданина, мужа и отца удерживали его отъ такого шага, пока
это было возможно. Такъ онъ самъ понималъ свой долгъ и когда
его охватывало желаніе «уйти», это пониманіе долга по его соб-
ственнымъ словамъ, удерживало его отъ рѣшительнаго шага:
на замѣчаніе своего секретаря Н. Н. Гусева, что лучше остаться
въ семьѣ, чѣмъ уходить, Л. Н. Толстой отвѣтилъ: —«Да... Это
хорошо вы сказали» (Н. Н. Гусевъ два года съ Л. Н. Толстымъ,
стр. 118).

Наконецъ, онъ рѣшилъ порвать навсегда со всѣмъ, въ чемъ
видѣлъ зло и съ чѣмъ мирился, пока были силы, уступая требо-
ваніямъ долга. Теперь этихъ силъ не стало. Онъ истомленною
душою жаждалъ покоя, жизни въ мирѣ и любви. И онъ, бросивъ
всѣхъ и все, бѣжалъ, вполнѣ сознавая рискъ этого поступка,
бѣжалъ, чтобы тамъ, гдѣ-нибудь въ глуши на закатѣ дней своихъ
вкусить вполнѣ мирной хрістіанской жизни, почувствовать
и пережить то, что еще не извѣдано и досказать міру еще недо-
сказанное. И когда онъ заболѣлъ на пути и увидѣлъ, что силы
его падаютъ, температура тѣла поднимается, и смерть идетъ ему
навстрѣчу, онъ умеръ спокойно, какъ мудрецъ. Присутство-
вавшіе при смерти записали его послѣднія слова: «какъ хорошо
и просто»—и эти слова свидѣтельствуютъ о его полномъ удовле-
твореніи сознаніемъ, что смертью такъ «хорошо и просто» разрѣ-
шается трудность положенія, въ которомъ онъ находился и выхода
изъ котораго тщетно искалъ всю жизнь. Онъ, который въ былые

годы не могъ безъ ужаса думать о смерти (см. «Исповѣдь»), теперь встрѣтилъ смерть, какъ благо для себя.

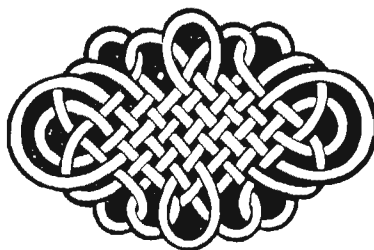
Существуетъ мнѣніе, что Л. Н. Толстой былъ преисполненъ гордыни. Въ этомъ винять его и наши церковные іерархи, особенно покойный архіепископъ Херсонскій Никаноръ, называвшій его бѣсомъ Велеаромъ; въ этомъ упрекаютъ его и люди толпы. Но справедливо ли такое мнѣніе?

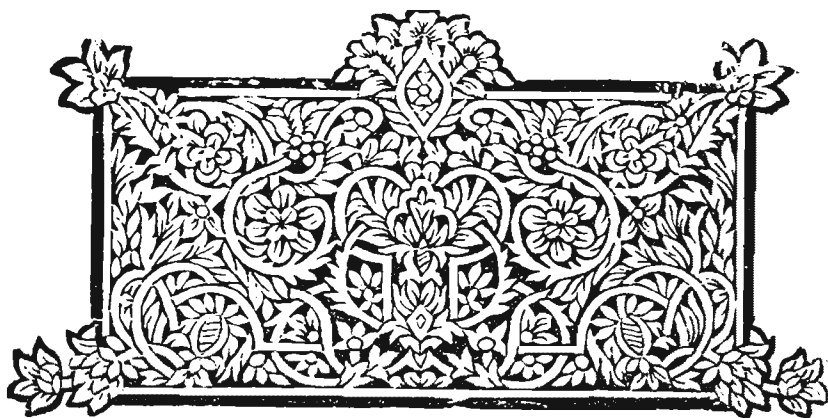
Да, Л. Н. Толстой, дѣйствительно, былъ гордъ, но его гордость была совсѣмъ особаго рода. Онъ былъ гордъ сознаніемъ своей силы, своего таланта, генія, своей способности видѣть и понимать то, чего не видятъ и не понимаютъ другіе. Онъ былъ гордъ своею способностью «глаголомъ жечь сердца людей» и вести ихъ, помимо ихъ воли и даже сознанія, иногда наперекоръ ихъ стремленіямъ, къ той отдаленной цѣли, которую онъ одинъ съ необыкновенной отчетливостью видѣлъ въ недостигаемой дали. Онъ былъ гордъ своимъ безстрашіемъ и силой, съ которыми одинъ рѣшался и умѣлъ, когда въ томъ была необходимость, открыто и громко провозглашать истины, о которыхъ другіе не смѣли заикнуться и обличать тѣхъ, предъ кѣмъ всѣ молчали.

Но въ то же время онъ и любилъ людей великою любовью, любилъ истину, любилъ правду. И хотя трудно сказать, чего въ немъ было больше, гордыни или любви, однакоже я не сомнѣваюсь ни на минуту, что стремиться къ служенію людямъ и къ личному совершенствованію одновременно побуждали его и гордость, жажда славы, безсмертія, и великая любовь его къ людямъ. Но оба эти стимула слились у него въ одинъ могучій стимулъ, какъ одно цѣлое, потому что славу и безсмертіе онъ понималъ какъ результатъ любви и добрыхъ дѣлъ. Онъ прекрасно зналъ, что самый вѣрный и надежный путь къ достиженію славы, личнаго безсмертія и одновременно съ тѣмъ всеобщаго счастья есть путь любви къ людямъ, возведенной Христомъ въ основной догматъ религіи. И онъ сознательно культивировалъ въ себѣ нѣжный ростокъ любви, лелѣя и оберегая его и стремился къ тому, чтобы побороть въ себѣ всякія другія побужденія—гордость и жажду славы въ особенности—и подчинить ихъ этому главному основному двигателю, любви. И хотъ поздно, на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, но онъ успѣлъ въ этомъ вполнѣ, побѣдивъ въ себѣ всѣ низшія побужденія и достигнувъ возможной для человѣка святости жизни. И такъ прекрасно прошла эта жизнь въ непрестанномъ служеніи человѣчеству и въ стремленіи къ идеалу, къ совершенствованію. И такъ прекрасно умеръ онъ, убѣгая

отъ грѣха, полный сознанія, что «дѣлалъ благое дѣло среди царящаго зла». Къ концу жизни онъ побѣдилъ въ себѣ гордыню и жажду славы, но именно этимъ и достигъ величайшей славы, какая возможна на землѣ. Она будетъ расти и расти съ его смертью. Пройдутъ вѣка, но человѣчество не забудетъ Л. Н. Толстого, и отдаленнѣйшія поколѣнія будутъ воодушевляться его ученіемъ и станутъ свидѣтелями постепеннаго осуществленія его идеаловъ— святости жизни, всеобщаго счастья и равенства всѣхъ людей на землѣ.

Θ. Тищенко.

Художники въ гостяхъ у Л. Н. Толстого.

Великое счастье, что современникамъ Льва Николаевича удалось навсегда запечатлѣть въ художественной формѣ черты его лица и всю обстановку его домашней жизни. Въ продолженіе 40 лѣтъ Ясную Поляну посѣщали художники, и работы ихъ, кромѣ художественнаго интереса, имѣютъ историческое значеніе: онѣ представляютъ собой свидѣтельства современниковъ, наблюдавшихъ Льва Николаевича, искренно любившихъ и понимавшихъ его.

Число художественныхъ произведеній, сдѣланныхъ въ Ясной Полянѣ,—огромно, а вмѣстѣ съ коллекціями фотографій, сдѣланныхъ Чертковымъ, графиней С. А. и другими, составляютъ полную исторію яснополянскаго мудреца въ образахъ и картинахъ.

Самъ Левъ Николаевичъ отрицательно относился къ портретной живописи. Онъ считалъ, что искусство не должно служить воспѣванію личности. Задача искусства—сближеніе людей, ихъ объединеніе. На этомъ основаніи Левъ Николаевичъ противился всѣми силами попыткамъ сдѣлать съ него портретъ. Въ 1869 г. онъ писалъ Фету: «Насчетъ портрета я прямо говорю—нѣтъ. Если это вамъ непріятно, то прошу прощенія. Есть какое-то чувство, сильнѣе разсужденія, которое мнѣ говоритъ, что это не годится».

Однако, знаменитому портретисту Крамскому удалось написать портретъ съ Льва Николаевича. Но, сколько труда стоило художнику, чтобы уговорить Льва Николаевича. Это было въ 1873 г. Крамской тогда былъ на зенитѣ своей славы. Получивъ заказъ отъ П. М. Третьякова сдѣлать портретъ Льва Николаевича для московской галлерей, онъ съ палитрой и красками.

прибыль въ Ясную; Льва Николаевича не было дома. На дворѣ, въ сараѣ, Крамской увидѣлъ работника, рубившаго дрова. «Не знаешь ли, голубчикъ, гдѣ Левъ Николаевичъ?»—«А вамъ онъ зачѣмъ? Это я и есть». И Крамской узналъ въ работникѣ великаго писателя. «Я—художникъ Крамской, пріѣхалъ просить разрѣшенія сдѣлать вашъ портретъ для Третьяковской галлерей».—«Этого не нужно. Но я радъ васъ видѣть. Я васъ знаю. Пойдемте ко мнѣ».

Всѣ упрашиванія Крамского были тщетны.—«Лучше не будемъ о портретѣ говорить, вы мнѣ интересны. Поговоримъ объ искусствѣ»,—сказалъ Л. Н.

Нѣсколько дней пробылъ извѣстный живописецъ въ Ясной, подружился съ Львомъ Николаевичемъ, но не могъ добиться своей цѣли. На прощанье умный художникъ прибѣгъ къ особому способу воздѣйствія. «Я вижу, Л. Н., что вамъ сильно не хочется позировать, и я уважаю ваши взгляды и тѣ причины, которыя васъ побуждаютъ отказаться отъ портрета. Но ваше желаніе не осуществится, портретъ вашъ будетъ въ галлерей. Я или кто-нибудь другой напишемъ, но напишемъ невѣрно, мертвенно, фальшиво, по фотографическимъ карточкамъ». И Левъ Николаевичъ, имѣвшій всегда отвращеніе ко всему фальшивому и неправильному, сдался, и согласился позировать. Крамской тогда сдѣлалъ два прекрасныхъ портрета. Одинъ находится въ Третьяковской галлерей, другой—въ Ясной. «Разъ я согласился позировать одному художнику, я не могу отказать другому»,—говорилъ впослѣдствіи Л. Н., когда къ нему обращались съ просьбой позировать для портрета.

11 лѣтъ прошло между первымъ и вторымъ портретами. Въ 1882 г. извѣстный профессоръ исторической живописи Ге, восхищенный писаніями Толстого, посѣтилъ Льва Николаевича, подружился съ нимъ, опростился и сталъ ярымъ послѣдователемъ и поклонникомъ его идей. Ему хотѣлось написать портретъ Л. Н., но на этотъ разъ великій писатель повліялъ на художника, который сталъ писать картины въ духѣ и по идеѣ Л. Н.... Лишь на третій годъ тѣсной братской дружбы, Н. Н. Ге написалъ портретъ Льва Николаевича за работой. Этотъ портретъ, изумительный по сходству, по жизненной правдѣ и по художественной красотѣ находится въ Толстовскомъ музеѣ въ Петроградѣ.

Но самое большое счастье выпало на долю третьяго столпа русской живописи, И. Е. Рѣпина.

Два лучшіе художника встрѣтились, и эта встрѣча принесла лучшіе плоды.

Почти 30 лѣтъ этотъ неутомимый живописецъ-талантъ съ особеннымъ увлеченіемъ работалъ надъ портретами Льва Николаевича.

Привязанность ко Льву Николаевичу, поклоненіе его духовному облику поднимало, окрыляло огромный талантъ Рѣпина.

«Смотрите,—восторженно говорилъ мнѣ И. Е. въ 1891 г., когда мы вмѣстѣ очутились въ Ясной,—знаете, гдѣ мы находимся,—на 4 бастіонѣ? Шутка ли, кого мы лѣпимъ и рисуемъ». Какъ влюбленный, Илья Ефимовичъ ходилъ за Львомъ Николаевичемъ; слушая его разговоры, онъ думалъ о томъ, что выражаютъ черты его лица, и какъ эти выраженія передать на бумагѣ или на холстѣ. Въ 1887 г. И. Е. сдѣлалъ первый портретъ и первую картину: «Пахарь» (обѣ находятся въ Третьяковской галлерей), а затѣмъ, каждый разъ, какъ И. Е. бывалъ въ Ясной, онъ вывозилъ оттуда множество набросковъ и законченныхъ портретовъ; все это плодъ глубокаго, долгаго наблюденія Льва Николаевича, важнѣйшіе и характернѣйшіе моменты изъ жизни великаго писателя. Такъ создались: «Пашеть», «На молитвѣ», «За чтеніемъ», «На отдыхѣ», «За работой», «У рояля», и др. Лучшія работы И. Е. находятся въ музеяхъ, но многія работы находятся въ частныхъ рукахъ, и трудно указать точно на количество работъ, сдѣланныхъ Рѣпинымъ въ Ясной Полянѣ и у себя въ мастерской по воспоминаніямъ.

Льва Николаевича въ интимной домашней жизни, въ дружеской бесѣдѣ съ близкими людьми, прекрасно изобразилъ художникъ Пастернакъ. Этотъ тонкій, чуткій талантъ, въ своихъ маленькихъ карандашныхъ наброскахъ проявилъ столько любви и художественнаго чутія, что наброски эти не уступаютъ работамъ лучшихъ мастеровъ. Большинство набросковъ находятся въ Толстовскихъ музеяхъ въ Москвѣ и Петроградѣ.

Пастернакъ имѣлъ возможность часто и долго наблюдать Льва Николаевича, который цѣнилъ въ Пастернакѣ его огромный талантъ—иллюстратора. Иллюстраціи къ «Воскресенію» имѣютъ огромную всемірную извѣстность.

Въ 1894 г. Л. Н. писалъ извѣстный художникъ-передвижникъ Ярошенко; этотъ портретъ находится въ Музеѣ имп. Александра III.

Извѣстны также портреты, рисунки и наброски слѣдующихъ художниковъ, бывавшихъ въ Ясной въ разные годы: Игумновой (много рисунковъ—Л. Н. верхомъ), Мѣшкова (Л. Н. за работой), Моравова (Л. Н. у стола), гравера Матѣ (портретъ-офортъ), Похитонова (портретъ), Т. Л. Сухотиной (портретъ) и Пархоменко (послѣдній портретъ Л. Н. 1910 г.).

Отношеніе Льва Николаевича къ портретной скульптурѣ было еще болѣе отрицательнымъ, чѣмъ къ портретной живописи.

«Я не люблю скульпторовъ,—сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ въ первый день моего пріѣзда,—и не люблю ихъ потому, что они больше другихъ художниковъ занимались восхваленіемъ личности. Они поставили по всей Европѣ памятники и монументы людямъ, иногда недостойнымъ, а, главное, представляли людей не такими, какими тѣ на самомъ дѣлѣ были». Какъ я понялъ, Левъ Николаевичъ предъявлялъ огромныя требованія къ художнику, потому что онъ очень высоко ставилъ задачи искусства и его назначенія. И Ге и Орлова онъ любилъ за то, что они въ картинахъ своихъ выражали тѣ идеи, которыя Л. Н. считалъ обязательными для искусства. «Вѣроятно, Левъ Николаевичъ отнесется непріязненно къ тому, что мы теперь дѣлаемъ»,—думалъ я, когда въ 1891 г. вмѣстѣ съ И. Е. Рѣпинымъ приступили къ работѣ.—А что, если Л. Н., увидѣвъ насъ въ его рабочемъ кабинетѣ, скажетъ: «Пустяками занимаетесь, беспокоите меня, убирайтесь вонъ!»—шутя сказалъ И. Е., и такъ жутко стало. Но наши опасенія были напрасны. Во время работы Л. Н. часто подходилъ къ намъ, интересовался техникой, дѣлалъ замѣчанія, часто восторгаясь работой И. Е. Самый процессъ работы сильно его интересовалъ,—захотѣлось ему самому попробовать лѣпить и, попросивъ у меня кусокъ воска, Л. Н. во время сеанса нашего сталъ лѣпить бюстъ (набросокъ этотъ находится въ Толстовскомъ музеѣ въ Петроградѣ).

«Да, Левъ Николаевичъ никогда не переставалъ быть художникомъ. Напрасно дѣлать Л. Н. на художника и не художника»,—подумалъ я. Особенно восторгался Л. Н. скульптурой, когда съ него лѣпилъ знаменитый скульпторъ Трубецкой.

Льву Николаевичу нравилось быстрое схватываніе сходства и красота формы. Онъ близко подружился съ Трубецкимъ, цѣнилъ его за его непосредственную натуру, за его самостоятельный умъ и за его вегетаріанство.

Трубецкой сдѣлалъ такой портретъ, который никому не удавалось сдѣлать: «Левъ Николаевичъ на конѣ». Эта изумительно художественная вещь находится во многихъ европейскихъ и американскихъ музеяхъ. А у насъ только въ Толстовскомъ музеѣ, въ музеѣ же находятся и два бюста Льва Николаевича изъ бронзы также работы Трубецкого.

Прекрасные бюстъ и барельефъ Льва Николаевича лѣпилъ извѣстный скульпторъ Аронсонъ, нарочно пріѣзжавшій для этого изъ Парижа, и московскій скульпторъ Андреевъ.

Огромнымъ подспорьемъ въ работѣ для художниковъ, прїѣзжавшихъ въ Ясную Поляну, было сочувственное отношеніе домашнихъ Льва Николаевича къ ихъ работамъ.

Въ Ясной Полянѣ всегда царила любовь къ искусству, уваженіе къ художникамъ и ихъ работѣ.

Сама Софья Андреевна, несмотря на свои заботы о дѣтяхъ, находила время и терпѣніе заниматься искусствомъ. Она копировала портретъ Льва Николаевича, работы Крамского; но душою художниковъ, ихъ постояннымъ покровителемъ была Татьяна Львовна; она сама серьезно и успѣшно занималась живописью, какъ ученица и большая поклонница таланта Рѣпина. (Она написала портретъ Л. Н.).

Прїѣздъ художниковъ въ Ясную Поляну составлялъ всегда событіе. Не забуду я, какъ въ первый мой прїѣздъ всѣ отправились искать для меня глины, которую я привезъ не въ достаточномъ количествѣ. Левъ Николаевичъ самъ копалъ эту глину, а дѣти разулись и цѣлый день мяли ее; а когда наши работы были готовы, Софья Андреевна выписала формовщика изъ Москвы, и всѣ волновались и съ великимъ интересомъ слѣдили за процессомъ отливки изъ гипса.

Не забуду также мой послѣдній прїѣздъ въ Ясную Поляну. Левъ Николаевичъ былъ боленъ; у него болѣла нога, и онъ лежалъ въ креслѣ въ своей комнатѣ. Я не думалъ его беспокоить, хотя на всякій случай привезъ съ собою небольшой кусокъ пластилина для лѣпки.

— Вы, вѣроятно, хотите работать,—сказала мнѣ Софья Андреевна.

— О, нѣтъ, я прїѣхалъ только повидаться,—оправдываюсь я.

— Знаю васъ художниковъ,—отвѣтила, смѣясь, С. А.— А я говорила съ Левушкой о васъ, онъ сказалъ: «Я къ нему привыкъ, пускай зайдетъ и лѣпитъ, когда я диктую».

То, что тогда я вылѣпилъ, мнѣ особенно дорого.

Благодаря добрымъ отношеніямъ къ художникамъ, въ Ясной легко работалось. Почти при каждомъ моемъ посѣщеніи Ясной, мнѣ удавалось что-нибудь сдѣлать. Но не однѣ работы я вывозилъ изъ Ясной Поляны. Пытался я записать мои впечатлѣнія, но на бумагѣ мнѣ не удалось выразить и сотой доли того, что я переживалъ, видя и слыша Льва Николаевича. Одно изъ такихъ записанныхъ впечатлѣній я позволю себѣ здѣсь привести:

— Я былъ у маяка; меня потянуло посмотреть тотъ свѣточъ, который далеко въ волнахъ океана бросаетъ свои лучи, указывая блуждающимъ кораблямъ вѣрный путь къ гавани. Я былъ

въ Ясной Полянѣ, видѣлъ Льва Николаевича, услышалъ его и убѣдился въ его искренней любви къ людямъ, въ его глубокомъ желаніи освѣтить имъ тотъ путь, который ведетъ къ мирной, хорошей жизни. Свѣтъ отъ маяка всѣхъ ободряетъ, всѣмъ даетъ надежду на скорое достиженіе берега, всѣмъ, не дѣлая различія между людьми, находящимися на кораблѣ.

— Былъ у меня (сообщилъ Левъ Николаевичъ) крестьянинъ съ Кавказа, онъ разсказалъ мнѣ о положеніи его братьевъ-духоборовъ, и я обѣщался похлопотать за нихъ.—А вотъ, богатый американецъ, онъ хочетъ что-нибудь устроить для бѣдныхъ и пріѣхалъ посовѣтоваться со мной, какъ и на что употребить свои деньги.—А это—мой пріятель, бывшій солдатъ, онъ страшно интересуется вопросами религіи, и самъ составилъ нѣчто въ родѣ катехизиса.—Англичанинъ пишетъ,—спрашиваетъ,—какъ воспитывать своихъ дѣтей.—Японецъ прислалъ мнѣ свою книжку о религіи и спрашиваетъ мое мнѣніе.

Разные люди разныхъ странъ, различныхъ положеній, обращаются къ Л. Н. и спрашиваютъ совѣта, какъ жить и какъ понимать жизнь; и Л. Н. съ особою радостью дѣлится своими мыслями, совѣтуетъ, ободряетъ и разсѣиваетъ тѣ сомнѣнія, которыя мучаютъ cadaго человѣка. Съ одними Л. Н. бесѣдуетъ у дерева близъ своего дома, это—все просители, бѣдные крестьяне, спрашиваютъ совѣта по дѣламъ своимъ, или просятъ о помощи. Съ другими Л. Н. говоритъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ,—эти гости приходятъ издалека; по-долгу они говорятъ съ Л. Н.; бодрые, веселые, они выходятъ потомъ изъ его комнаты. Точно голодныхъ Л. Н. насытилъ,—и онъ самъ очень доволенъ.

Помню, когда я въ первый разъ близко осмотрѣлъ маякъ (это было на берегу Ламанша), то меня поразила простота его конструкции. Онъ представляетъ собою простую, ровную, высокую башню; одиноко она стоитъ въ водѣ; волны обмываютъ стѣны, у ея основанія помѣщеніе для сторожа—помѣщеніе крошечное, оно освѣщается огаркомъ свѣчки. Очень узкая полоска земли соединяетъ маякъ съ берегомъ; и я, стоя на этой узкой полосѣ, пожалѣлъ и сторожа, и того, кто выстроилъ эту ровную, крутую башню; хотѣлось мнѣ поскорѣе уйти на берегъ; тамъ манили къ себѣ безчисленные веселые огоньки. Но я поднялъ глаза наверхъ и увидѣлъ пучокъ густыхъ сильныхъ лучей, которые, стремясь въ безконечную даль, какъ молніи, разсѣкаютъ мглу небснаго свода. Этотъ сильный потокъ свѣта такъ поднялъ мое настроеніе, что я пересталъ думать о жилищѣ сторожа и о волнахъ у основанія маяка; все мое вниманіе было поглощено

безконечнымъ океаномъ, на который устремился свѣтъ отъ маяка; казалось мнѣ, что я вижу и корабли, и людей, блуждающихъ въ безконечномъ водяномъ пространствѣ. Съ сожалѣніемъ я покинулъ маякъ и вернулся въ городъ, огни котораго показались мнѣ ничтожными и безсмысленными.

— Вотъ вы были въ Ясной Полянѣ, видѣли, какъ живётъ Л. Н. Расскажите намъ, правда ли, что живетъ зажиточно, что у него хорошее состояніе, что у него въ домѣ много слугъ. Правда ли это,—спрашивали меня разные знакомые каждый разъ, когда я возвращался изъ Ясной Поляны, и всякій разъ эти вопросы приводили меня въ большое смущеніе; я затруднялся отвѣтить на нихъ.

Я могъ бы сказать: да, Л. Н. окруженъ семействомъ, которое его любитъ; его близкіе живутъ хорошо, зажиточно, ни въ чемъ особенно, не нуждаясь; могъ бы я сказать, что самъ Л. Н. мало пользуется тѣми удобствами, которыми располагаютъ окружающіе его; еще менѣе онъ нуждается въ услугахъ живущихъ въ домѣ людей. Его костюмъ простъ и не сложенъ. Л. Н. строгій вегетаріанецъ; его простая, незатѣйливая ѣда не требуетъ особенныхъ хлопотъ и приготовленій.—Всѣмъ извѣстно, какъ Л. Н. не гнушается самой черной работы: онъ пашетъ землю, шьетъ сапоги, кладетъ печи.

Все это я могъ бы рассказать тѣмъ, кому понятна, кому дорога жизнь Л. Н. Но тѣмъ, кому нужно знать обстановку домашней жизни Л. Н. для того, чтобы по ней судить объ убѣжденіяхъ его,—тѣмъ мнѣ хочется сказать: посмотрите на верхъ, на самого Л. Н.; ни волны у маяка ни сторожъ у его основанія не скажутъ вамъ того, что вамъ нужно знать. Напрасно вы хотите судить о свѣтѣ лампы по ножкѣ, на которой она держится.

Чувство гордости, сознаніе человѣческаго достоинства охватывало меня каждый разъ, когда я стоялъ у маяка.—Вѣдь, это сооруженіе служитъ для того, чтобы помочь людямъ, терзающимся страхомъ и безпокойствомъ въ волнахъ бушующаго океана. «Въ тѣхъ мѣстахъ, куда достигаетъ свѣтъ отъ маяка, меньше всего можно ожидать несчастья», утѣшалъ я себя.

Каждый разъ, когда я пріѣзжалъ въ Ясную Поляну, меня озаряло подобное свѣтлое чувство: отсюда исходитъ настоящая любовь къ человѣку, уваженіе къ его личности, вѣра въ силу его самосознанія. «Все отъ человѣка и въ немъ самомъ»,—вотъ берегъ спасенія.

Уѣзжалъ я изъ Ясной Поляны съ тѣмъ чувствомъ радостнымъ, какъ я уходилъ отъ маяка. Я видѣлъ огромный свѣтъ, и все кругомъ казалось мнѣ ничтожными огоньками.

Илья Гинцбургъ.

О Л. Н. Толстомъ.

І. «Сорокъ лѣтъ» Н. И. Костомарова и Л. Н. Толстой.

«А у меня дѣло къ вамъ: «Сорокъ лѣтъ» Костомарова. Кому принадлежитъ право изданія? Если вдовѣ,—не будете ли добры спросить у нея, дастъ ли она разрѣшеніе печатать эту прелестьѣйшую вещь въ дешевомъ изданіи для народа. И если дастъ, то даромъ, или за плату? И какую?».

Съ такою запискою обратился Л. Н. Толстой, въ 1886 г., къ своей кузинѣ Е. Θ. Юнге. По этому поводу между послѣднею и вдовою Костомарова, Алиною Леонтьевною продолжалась нѣкоторое время на эту тему переписка, передающая намъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о упомянутомъ произведеніи нашего историка.

Сношенія между А. Л. Костомаровой и Л. Н. Толстымъ, и тоже черезъ Е. Θ. Юнге начались вскорѣ же послѣ смерти Николая Ивановича. Сейчасъ же послѣ его смерти, проф. Н. А. Лаврецкій сдѣлалъ его бюстъ и предложилъ деньги отъ продажи этихъ бюстовъ употребить на какое-нибудь доброе дѣло въ память о Костомаровѣ. Устроился маленькій комитетъ изъ близкихъ и преданныхъ людей, и предложили собирать деньги на стипендію имени Костомарова въ Харьковскомъ университетѣ. Но такъ какъ отъ продажи однихъ только бюстовъ собрать такую сумму было нельзя, то рѣшили издать сборникъ статей въ память Костомарова. При этомъ И. Е. Рѣпинъ пожертвовалъ на это свой этюдъ—портретъ, сдѣланный имъ съ умершаго историка. Рѣшено было просить и Л. Н. Толстого дать для сборника какую-нибудь статью. Просьба эта была направлена тоже черезъ Е. Θ. Юнге; но время шло и шло, а отъ Толстого почему-то все не было никакого отвѣта. А между тѣмъ самъ онъ обратился черезъ ту же Е. Θ. Юнге къ Алинѣ Леонтьевнѣ съ вышеприведеннымъ запросомъ. Такое поведеніе великаго писателя раздражило А. Л. Костомарову, и она написала, 18 февраля 1886 г., Е. Θ. Юнге слѣдующее письмо:

«Простите, что замедлила отвѣтомъ по поводу желанія Льва Николаевича печатать «Сорокъ лѣтъ» въ дешевомъ изданіи для народа. Отвѣчать прямо Льву Николаевичу я не рѣшаюсь по многимъ причинамъ; изъ нихъ самая ничтожная та, что Левъ Николаевичъ не обращался непосредственно ко мнѣ, и самая важная—что темнымъ пятномъ на моей памяти и гнетомъ на сердцѣ лежитъ воспоминаніе о томъ, какъ отнесся Левъ Николаевичъ къ нашей общей просьбѣ—дать нѣсколько страницъ для сборника, предположеннаго къ изданію въ память Николая Ивановича и съ цѣлью собрать сумму на стипендію въ Харьковскомъ университетѣ. Левъ Николаевичъ словно не замѣтилъ этой просьбы, исходившей не лично только отъ меня черезъ посредство ваше, а отъ многихъ почитателей Николая Ивановича; а между тѣмъ сборникъ несомнѣнно имѣлъ бы успѣхъ, если бы на его страницахъ русской читатель ожидалъ найти хотя небольшое произведеніе Льва Николаевича. Не Богъ вѣсть какого труда стоило бы Льву Николаевичу написать, напримѣръ, мысли по поводу разсказа «Сорокъ лѣтъ», кажущемуся ему «преlestнѣйшею вещью» и дать намъ эти мысли для сборника. Быть можетъ, Левъ Николаевичъ не сочувствуетъ цѣли изданія Сборника для стипендіи? Учащаяся молодежь не принадлежитъ развѣ къ народу и не любима такимъ евангельскимъ человѣкомъ, какимъ представляется намъ Левъ Николаевичъ въ своихъ послѣднихъ писаніяхъ? На такіе вопросы, думается мнѣ, нельзя отвѣчать предположеніями, что Левъ Николаевичъ находитъ университетское образованіе вреднымъ... Кто уже разъ хлебнулъ отъ чаши просвѣщенія, пройдя гимназическій курсъ, тотъ не вернется въ блаженное состояніе немудрствующихъ лукаво, и лучше пусть получить возможность заниматься наукою, посвящая ей свои духовныя силы, чѣмъ оставаться ему выбитымъ изъ колеи, какъ остаются многіе молодые люди, попавшіе отъ сохи и плуга на гимназическую скамью и затѣмъ лишенные средствъ продолжать ученіе. Итакъ, если цѣль нашего сборника не противна Льву Николаевичу, если писанія Николая Ивановича или даже одно изъ нихъ (Сорокъ лѣтъ) нравятся ему, если, наконецъ, онъ дѣйствительно проникся ученіемъ Христа и, отбросивши свое земное величіе, сознаетъ, что каждый ближній, обращающійся къ нему съ просьбой, имѣетъ право хоть на вниманіе къ ней, если не на исполненіе,—то почему же не внесъ Левъ Николаевичъ своего слова на пользу бѣдняка, желающаго учиться, почему не захотѣлъ участіемъ въ сборникѣ почтить память Николая Ивановича, почему не отозвался ни единымъ словомъ къ вамъ по поводу моей просьбы? Горько думать мнѣ, что и

теперь, обращаясь къ вамъ по поводу изданія разсказа «Сорокъ лѣтъ», Левъ Николаевичъ при естественномъ воспоминаніи объ авторѣ этого разсказа, не припомнилъ, что съ этимъ именемъ связывалась какая-то просьба къ нему. Но довольно объ этомъ!

Я не могу предоставить Льву Николаевичу право на изданіе *для народа* «Сорокъ лѣтъ», и причина—не въ мелкомъ бабьемъ возмездіи за невниманіе къ бывшей просьбѣ, а вотъ въ чемъ. Цензура находила этотъ разсказъ вреднымъ для малоразвитыхъ читателей «Газеты Гатцука», и чуть не полтора года хлопоталъ Гатцукъ у властей, пока дозволили напечатать, и то не въ газетѣ, а въ особомъ приложеніи, да еще съ тѣмъ, чтобы Николай Ивановичъ прибавилъ *послѣсловіе* нравственно-поучительное и разъясняющее, въ чемъ именно состояло наказаніе преступника за злодѣяніе. Цензура находила, что въ разсказѣ «Сорокъ лѣтъ» есть мѣста, которые какъ бы проводятъ матеріалистическое ученіе, а малоразвитой читатель можетъ принять буквально и усвоить его. Теперь цензурныя условія стали еще болѣе строги,—и разсказъ этотъ не только не прошелъ бы въ дешевомъ изданіи для народа, но, пожалуй, подвергся бы при этомъ случаѣ окончательному запрещенію. Дай Богъ, чтобы пропустили его въ обычно дорогомъ изданіи, когда попытаюсь напечатать его!».

Лѣтомъ того же года, Левъ Николаевичъ снова обратился къ своей кузинѣ, съ тѣмъ же вопросомъ, на этотъ разъ, повидимому, при личномъ свиданіи, такъ какъ письма такого въ ея бумагахъ нѣтъ. Теперь онъ уже собирался издать «Сорокъ лѣтъ» не въ томъ видѣ, какъ это вышло изъ-подъ пера Костомарова, а въ собственной переработкѣ.

Въ отвѣтъ на это, 7 іюля 1886 г. Алина Леонтьевна пишетъ къ Е. О. Юнге:

«Не сомнѣваюсь, говоритъ она, что передѣлка такого геніальнаго мастера, какъ Левъ Николаевичъ, сдѣлаетъ разсказъ высокохудожественнымъ, и такая параллель не выгодна для первой редакціи «Сорока лѣтъ». Но не въ этомъ дѣло. Мелкая зависть никогда не скользила по чистой душѣ Николая Ивановича, и если бы при его жизни, гр. Левъ Николаевичъ обратился къ нему съ такою просьбою о напечатаніи для народа «Сорока лѣтъ» съ его передѣлкою, то Николай Ивановичъ былъ бы очень доволенъ. Онъ поспѣшилъ бы сообщить Льву Николаевичу, что окончаніе этой легенды имѣетъ два разнородные варіанта: по одному—громъ убиваетъ преступника въ тотъ самый день, когда исполнилось 40 лѣтъ со дня совершенія преступленія; по другому варіанту—вмѣсто тѣлеснаго наказанія послѣдовало духовное. Этотъ послѣдній варіантъ избранъ Николаемъ Ивановичемъ

ради того, что рассказъ написанъ не для массы, а для читателей газетъ и журналовъ. Цензура потребовала отъ Николая Ивановича небольшого послѣсловія для разъясненія нравственной идеи рассказа,—и съ такимъ послѣсловіемъ я *имѣю* право печатать его для общенія въ публикѣ, а не въ дешевомъ изданіи для народа, чего я и не имѣла въ виду. Вы пишете, дорогая, что теперь, съ измѣненнымъ концомъ, рассказъ «Сорокъ лѣтъ» болѣе доступно выясняетъ нравственную идею рассказа и дѣлаетъ его менѣе подверженнымъ разнымъ толкованіямъ, а потому будетъ хорошо, если «прекрасное» произведеніе Николая Ивановича будетъ циркулировать въ народѣ. Я бы вполне согласилась съ этимъ, если бы циркулировало въ народѣ произведеніе Николая Ивановича, но въ передѣлкѣ Льва Николаевича это будетъ уже произведеніе Льва Николаевича, а не Николая Ивановича, слѣдовательно съ моей стороны это нѣкотораго рода жертва—выставить, такъ сказать, для невыгоднаго сравненія рассказъ «Сорокъ лѣтъ» Николая Ивановича съ рассказомъ «Сорокъ лѣтъ» Льва Толстого! Пусть—это мелко, глупо: мнѣ это простительно...

Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ Толстой не передѣлывалъ произведенія Николая Ивановича Костомарова, а только написалъ къ ней заключительную (XIV) главу. (См. сочиненія Л. Н. Толстого. Изданіе двѣнадцатое. Ч. XII. Стр. 557—562).

А. Новицкій.

II. Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого.

Въ переживаемые нами дни невольно припоминается мнѣ рассказъ покойнаго мужа моего Александра Александровича Бакунина. Этотъ эпизодъ изъ Крымской кампаніи, въ которой мужъ мой участвовалъ въ качествѣ волонтера, представляетъ интересъ потому еще, что дѣйствующимъ лицомъ является въ немъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Александръ Александровичъ Бакунинъ собрался на войну въ 1854-мъ г. еще до осады Севастополя. Его зачислили унтеръ-офицеромъ въ пѣхотный Тобольскій полкъ, который стоялъ въ Кіевѣ, ожидая отправки въ Румынію. Бакунинъ пріѣхалъ въ Кіевъ, прошелъ всю необходимую солдату строевую «муштру» и, поздней осенью, отправился со своимъ полкомъ изъ Кіева въ Бухарестъ.

Тяжелъ былъ походъ для новобранца; ночью мерзли подъ открытымъ небомъ, днемъ шли форсированнымъ маршемъ; на всю жизнь на ногахъ остались черныя пятна—слѣды наби-

тыхъ грубыми сапогами ранъ; въ Бухарештѣ онъ лежалъ въ госпиталѣ въ лихорадкѣ;—но крѣпкое сложеніе и молодость выдержали «николаевскій» режимъ, и, переведенный въ Севастополь, куда уже подступалъ союзный флотъ, Бакунинъ былъ все время въ строю, на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, при защитѣ третьяго и четвертаго бастіона. Въ теченіе года онъ получилъ два ордена: св. Анны и Георгія, и былъ произведенъ въ офицеры; ему дали подъ команду роту солдатъ. Въ это самое время и произошелъ тотъ эпизодъ, о которомъ А. А. всегда охотно вспоминалъ.

* * *

Въ темный осенній вечеръ рота Александра Александровича была назначена на охрану одной изъ сторонъ лагеря; непріятель стоялъ въ то время совсѣмъ близко, на берегу моря. Для человѣка добросовѣстнаго до педантизма, какимъ былъ всегда Бакунинъ, ночной караулъ былъ дѣломъ очень серьезнымъ и требовалъ со стороны патруля и вниманія и бдительности. Поэтому прапорщикъ проводилъ свою роту къ назначенному мѣсту по склону горы и самъ разставилъ цѣпью на разстояніи шаговъ двадцати другъ отъ друга. Затѣмъ онъ вернулся къ первому слѣва человѣку и сказалъ ему на ухо условное слово—«пароль».—«Если ты увидишь, что мимо тебя идетъ какой нибудь человѣкъ, что ты долженъ дѣлать?» спросилъ онъ солдата. «Окликнуть, ваше благородіе», отвѣчалъ часовой.—«Затѣмъ что дѣлать?» продолжалъ офицеръ; солдатъ молчитъ. «Спросить пароль!»—«Такъ точно, ваше благородіе!»—«А если онъ пароля не знаетъ, что ты тогда долженъ дѣлать?» продолжалъ настойчиво прапорщикъ. Солдатъ молчитъ. «Стрѣлять!» рѣзко, властно бросаетъ Бакунинъ. Тотъ же разговоръ дословно происходитъ со вторымъ часовымъ, затѣмъ со слѣдующимъ, и такъ до послѣдняго солдата роты. И всѣ неизмѣнно отвѣчали то же самое, знали только одно: «кликнуть», а дальше что дѣлать, никто не зналъ или не рѣшался говорить.

Давъ такую точную инструкцію своимъ солдатамъ, Бакунинъ пошелъ одинъ обратно въ гору, вошелъ въ свою палатку и легъ не раздѣваясь; возлѣ походной кровати горѣла свѣча. Бакунинъ сразу и крѣпко заснулъ, но скоро, черезъ часъ или менѣе, его разбудилъ какой то шумъ, топотъ ногъ и голоса гдѣ-то недалеко. Онъ быстро вскочилъ съ постели и вышелъ, но никакъ нельзя было понять, въ чемъ дѣло. На дворѣ было совершенно темно, и только по приближающимся голосамъ прапорщикъ узналъ своихъ солдатъ. Двое, торопливо шагая, тащили между

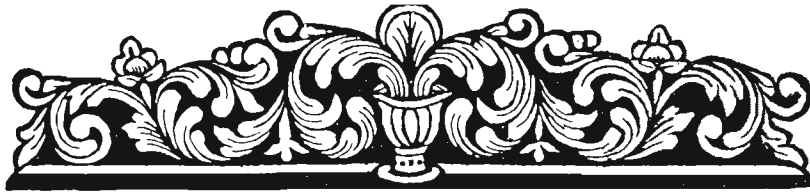
собой кого-то, рядомъ шелъ фельдфебель. Лучъ свѣта, падающій изъ-за приподнятаго холста палатки, освѣтилъ картину: штыки солдатъ, ихъ загорѣлыя, встревоженные лица и между ними плѣнника; на него, разумѣется, устремились всѣ взоры, вѣдь это могъ быть французъ, шпіонъ даже... Но стоило лишь взглянуть на конвоированнаго такъ усердно человѣка, чтобы съ него тотчасъ спало всякое подозрѣніе. Бакунину сразу бросилось въ глаза симпатичное, чисто-русское молодое лицо и не то вопросительный, не то насмѣшливый взглядъ пытливыхъ глазъ. На плѣнникѣ была форма артиллерійскаго офицера. «Что это значить? Зачѣмъ вы ведете офицера?» строго спросилъ Бакунинъ.

«Такъ что они пароля не знали, ваше благородіе», громко, но видимо смущенно рапортовалъ фельдфебель, вытянувшись во фронтъ передъ начальникомъ. «Такъ что вы приказывали окликнуть, я окликнулъ». — «Ну что же?» — «А они пароля не знаютъ, *«свой»* говорятъ, идутъ себѣ мимо; темнота значить... кто его знаетъ!.. Такъ и повели сюда-молъ, до вашего благородія»... Послѣдовало молчаніе. «Выпустить господина офицера» — строго приказалъ Бакунинъ. Молодого человѣка освободили. Онъ извинялся за причиненный переполохъ, объяснялъ, что, не зная, что будутъ разставлены патрули, пошелъ пройтись къ морю. Солдаты вернулись на свои посты; офицеры вошли въ палатку. Бакунинъ просилъ гостя сѣсть, спросилъ его имя: то былъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой! Они проговорили всю ночь... Знакомство молодыхъ людей не ограничилось случайной встрѣчей, оно продолжалось во все время осады Севастополя ¹⁾.

Елизавета Бакунина.

¹⁾ Въ 1855 г. Л. Н. Толстой собиралъ въ Севастополѣ кружокъ сотрудниковъ для «Современника»; въ письмѣ къ Н. А. Некрасову отъ 30 апрѣля онъ называетъ лучшими изъ нихъ Бакунина и Ростовцева, которые впрочемъ тогда «еще не успѣли кончить своихъ статей». *П. Бирюковъ*. «Л. Н. Толстой», т. I, изд. 2, стр. 261. *Ред.*

Мелочи прошлого.

I. Неизданный вариант стихотворения С. Я. Надсона.

Небольшая, въ восемь страницъ, тетрадь, покрытая сѣрой обложкой, наверху которой написано карандашомъ «Надсонъ». Внизу обложки рукой поэта выведено «1881 годъ» и надпись «Юнкеръ Старшаго класа 2-й роты», а сбоку, также карандашомъ, «Семень Яковлевичъ Надсонъ». Тетрадь эта, содержащая въ себѣ вариантъ извѣстнаго стихотворенія С. Я. Надсона, найдена въ бумагахъ моего покойнаго отца М. А. Россійскаго, бывшаго близкимъ другомъ и товарищемъ поэта по Павловскому военному училищу.

Первыя пять страницъ тетради содержатъ надписи и рисунки, сдѣланные рукою покойнаго поэта и изображающіе схемы построеній различныхъ военныхъ укрѣпленій. Шестая и седьмая страница тетради заполнены вариантами нижеприводимаго стихотворенія С. Я. Надсона.

* * *

Завѣса сброшена: ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ заманчивыхъ, ни счастья впереди;
Покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...
Какъ мало прожито—какъ много пережито!
Надежды свѣтлыя, и юность, и любовь...
И все оплакано... осмѣяно... забыто,
Погребено—и не воскреснетъ вновь!..

Я въ братство вѣровалъ, но въ черный день невзгоды
Не могъ я отличить собратьевъ отъ враговъ;
Я жаждалъ для людей познанья и свободы,—
А міръ—все тотъ же міръ безсмысленныхъ рабовъ;
На грозный бой со зломъ мечталъ я встать сурово
Огнемъ и правдою карающихъ рѣчей—
И въ храмъ истины—въ священномъ храмѣ слова,
Я слышу оргіи крикливыхъ торгашей!..

Любовь на мигъ... любовь—забава отъ бездѣлья,
Любовь—не жаръ души, а только жаръ въ крови,
Любовь—больной кошмаръ, тяжелый чадъ похмѣлья—
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, промчавшейся любви!..
Я не о ней мечталъ безсонными ночами,
И не она тогда являлась предо мной,
Вся—мысль, вся—красота, увитая цвѣтами,
Съ улыбкой дѣвственной и дѣвственной душой!..

Бѣдна, какъ нищая и какъ рабыня лжива,
 Въ лохмотья яркія пестро наряжена—
 Жизнь только издали нарядна и красива,
 И только издали влечетъ къ себѣ она.
 Но чуть взглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою—
 Она лицомъ къ лицу—и ты поймешь обманъ
 Ея величія, подъ ветхой мишурою,
 И красоты ея—подъ маскою румянъ.

Въ сохранившейся тетради С. Я. Надсона имѣется слѣдующій
 вариантъ вышеприводимаго стихотворенія:

* * *

Какъ мало прожито, какъ много пережито—
 Давно ли вѣрилъ я, любилъ, негодовалъ,
 И все оплакано, осмѣяно, забыто,
 И только чувствуешь, что боленъ и усталъ.

Еще я живъ¹⁾, но жизнь закрыла надо мной
 Спускъ²⁾ въ склепъ—и душный мракъ надвинулся кругомъ.
 И уничтоженный могильной тишиною
 Я сплю³⁾ томительнымъ и безотраднымъ сномъ.

Я живъ,—но грудь моя мертва—ни упованія,
 Ни знойныхъ радостей⁴⁾, ни благотворныхъ грезъ.
 Покой холоднаго⁵⁾, нѣмого отрицанья,
 Позоръ безсилія, безвѣрія и слезъ...

Сообщилъ Д. Россійскій.

II. Наказъ редактора-славянофила.

(Отъ И. С. Аксакова при сдачѣ имъ Н. А. Попову редакціи управленія «Москвы» на лѣтніе мѣсяцы 1868 г.)

1. Университетской исторіи не касаться и университета не защищать.
2. Съ Гиляровымъ въ полемику не вступать.
3. Вообще избѣгать полемики.
4. Петровикомъ не выступать и вообще никакихъ антиславянофильскихъ тенденцій не проводить (напр. противъ общины).
5. Въ вопросѣ польскомъ, западнорусскомъ, нѣмецкомъ—избѣгать всего, что носитъ на себѣ характеръ полицейскій—à la «Голось» и «Московскія Вѣдомости».

¹⁾ Я живъ еще—вар.

²⁾ Вхоть—вар.

³⁾ Я задремалъ больнымъ—вар.

⁴⁾ Ни жажды подвига—вар.

⁵⁾ Тяжелаго, глухого—вар.

6. Пошлыхъ словъ Катковскихъ—патріотизмъ, сепаратизмъ, государственное единство, народный гимнъ не употреблять,—и объ обрусеніи толковать съ осторожностью, не впадая въ Катковщину.

7. Вообще ограничиваться преимущественно фактическимъ изложеніемъ, не задаваясь отвлеченными вопросами, по которымъ могутъ быть у редактора-издателя особыя мнѣнія, которыя принадлежать къ *profession de foi*.

8. Совѣтоваль бы держаться такого порядка, чтобъ вмѣсто шести статей было *пять*. По четвергамъ можетъ не быть статей вовсе.

9. Если будетъ помѣщено что-либо еретическое, въ моемъ смыслѣ, то я, по возвращеніи къ дѣлу, не премину отречься отъ этой ереси, обличить ее и даже весьма рѣзко.

Сообщилъ К. Дюбюкъ.

III. М. Н. Катковъ.

(Одинъ изъ памфлетовъ 70 г.г.)

Кто всей Россіей управляетъ?
 Министровъ ставитъ и смѣняетъ?
 Кто насъ берегъ отъ разныхъ ковъ?
 Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.
 Кто усмирилъ сепаратистовъ?
 И въ грязь втопталъ всѣхъ нигилистовъ.
 Кто русскихъ спасъ отъ поляковъ?
 Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.
 Кто, убоясь естествознанія,
 Какъ страшной гидры отрицанія,
 Спасъ отъ него насъ, дураковъ?
 Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.
 Кто основалъ лицей, въ которомъ,
 Классическимъ питая вздоромъ,
 Готовятъ родинѣ сыновъ?
 Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.
 И кто вдругъ сталъ изъ англомановъ
 На стражѣ русскаго дурмана
 Плетей, доносовъ, кабаковъ?
 Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.
 Но намъ всего не перечестъ,
 Что дѣлаетъ Каткову честь,
 И такъ не тратя лишнихъ словъ,
 Кричите всѣ—ура Катковъ!

Сообщилъ Н. Шатиловъ.

IV. «Прогрессъ» ¹⁾—слово запретно

Въ запискѣ о евреяхъ мин. финансовъ Брока, внесенной въ 1858 г. въ Еврейскій Комитетъ, въ заключеніи ея сказано было «отмѣнить разныя ограниченія, которыя, стѣсня промышленность и торговлю, препятствуютъ развитію общенародной дѣятельности, благоприятствуютъ монополіи, отягчающей производителей и потребителей, и вообще состоящія въ противорѣчій съ прогрессомъ гражданственности». Императоръ Александръ II противъ приведеннаго мѣста въ журналѣ названнаго Комитета написалъ: «Что за прогрессъ!!! Прошу слова этого не употреблять въ официальныхъ бумагахъ». Объ этой резолюціи Предсѣдатель Комитета 18 Мая 1858 г. сообщилъ членамъ его: министрамъ внутр. дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія, главноуправляющему III отдѣленіемъ и министру статсъ-секретарю Царства Польскаго.

Когда резолюція эта оглашалась и попала въ заграничную печать, начались поиски виновниковъ такого разглашенія; 18 окт. 1858 г. князь Орловъ писалъ Государю: «вслѣдствіе вчерашняго объясненія съ вашимъ Императорскимъ Величествомъ я собиралъ сегодня о высочайшей резолюціи свѣдѣнія, относительно слова *прогрессъ*. Оказалось, что ни по Государственному Совѣту, ни по Комитету Министровъ сего повелѣнія не оказалось, но оно же послѣдовало по Еврейскому Комитету». ²⁾ На этой запискѣ Александръ II сдѣлалъ такую отмѣтку: «резолюція моя должна была быть сообщена *секретно*,—слѣдовательно въ одной изъ канцелярій приказаніе это *не было исполнено*. Стоитъ того, чтобы доискаться.—Желаю знать кто поведеніемъ (*sic!*) Карнѣева³⁾, занимается дѣлами Еврейскаго Комитета.

V. Фед. Лавр. Барыковъ о членахъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу.

Федоръ Лаврентьевичъ Барыковъ, служа въ мин. внутр. дѣлъ, принималъ участіе въ работахъ по крестьянскому вопросу въ качествѣ сперва старшаго чиновника статистическаго отдѣленія названнаго министерства, а по преобразованіи его въ «Земскій

¹⁾ Орфографія подлинника.

²⁾ Д. Хрущевъ въ изданныхъ имъ «*Материалахъ для исторіи упраздненія крепостного состоянія въ Россіи*», сообщивъ о гоненіи «и противу прогресса и употребленія этого слова Казанскою духовн. академіею», привелъ резолюцію Александра II, невѣрно, указывая что «слово это было употреблено въ одной бумагѣ Министра Народнаго Просвѣщенія». *Материалы*, т. I, 292. Берлинъ, 1860 г..

³⁾ Статсъ-секретарь Карнѣевъ въ 1858 г. Завѣдывалъ дѣлами этого комитета.

отдѣлъ»—въ этомъ отдѣлѣ; впослѣдствіи, въ 70-хъ годахъ, онъ завѣдывалъ земскимъ отдѣломъ до назначенія его въ 1882 г. сенаторомъ. Изъ бумагъ его въ моемъ собраніи находится печатный экземпляръ *«программы занятій губернскихъ дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ»*, на которомъ Барыковымъ сдѣланы противъ подписей членовъ Главнаго Комитета слѣдующія отмѣтки:

Князь Орловъ—«противъ эманципаціи».

Константинъ—«за»

Графъ В. Адлербергъ—«о».

Князь Павелъ Гагаринъ—«безъ земли».

Сергѣй Ланской—«горячъ, но безъ силы»

Гр. В. Панинъ—«сфинксъ».

Кн. В. Долгоруковъ—«лебезить Орлову
безъ убѣжденія».

Мих. Муравьевъ—«за, но мечется отъ
одного къ другому».

Константинъ Чевкинъ—«за и очень энер-
гически».

Іаковъ Ростовцовъ—«главный давила».

Государственный секретарь В. Бутковъ—«подличаетъ передъ Орловымъ; самъ ничего не дѣлаетъ, поручилъ все Жуковскому»

«Графъ Блудовъ не подписалъ, потому что, по его мнѣнію, программъ Губернскимъ Комитетамъ вовсе не слѣдовало давать».

Въ этихъ отмѣткахъ довольно вѣрно выражено отношеніе каждаго изъ членовъ Главнаго комитета къ дѣлу освобожденія крестьянъ, а замѣчаніе о гр. Блудовѣ, не подписавшемъ программы подтверждается отдѣльнымъ его мнѣніемъ по поводу изданія ея такого же содержанія, какъ отмѣчено Барыковымъ.

Сообщилъ *Алексѣй Попельницкій*.

VI. Москва въ 1792 году.

Въ одномъ рукописномъ описаніи Москвы, имѣющемъ заглавіе «Состояніе столичнаго города Москвы» (Рукописи Румянцевскаго музея, собраніе Тихонравова, № 35), находится нѣсколько любопытныхъ чертъ, характеризующихъ нашу столицу въ концѣ XVIII вѣка. Авторъ описанія, какой-то поручикъ Иванъ Барановъ, видимо, пользовался для своей работы какими-то официальными статистическими свѣдѣніями, а также планомъ Москвы. Описаніе его систематично, точно и послѣдовательно. Возьмемъ изъ этого описанія 2 отдѣла: одинъ говоритъ о жителяхъ

Москвы, другой—о тогдашнихъ «гульбищахъ». Вотъ что читаетъ въ первомъ изъ нихъ (исправляемъ только орфографію подлинника).

«Въ лѣтнее время жителей бываетъ до 300,000, а въ зимнее время съѣзжается великое множество дворянъ и другого званія, также купечества російскаго и иностраннаго, то и бываетъ около 400,000 человѣкъ. Съѣстные столовые припасы привозятся на подводахъ: изъ Тульской, Калужской, Рязанской, Воронежской губерній; а крупная рыба изъ Урала и прочихъ мѣстъ. А лѣтнимъ временемъ доставляется великое количество всякаго хлѣба водою изъ Орловской губерніи и множество пшеницы; скотъ же, воны и бараны пригоняются изъ Малороссіи, а живность привозится изъ сосѣдственныхъ мѣстъ.

«Московскіе именитые граждане, купечество, (а именно): 1-й гильдіи 131 семья, 2-й гильдіи 209 семей, 3-й гильдіи 2514 семей, объявили на 1792-й годъ капиталу 5,441,595 рублей и производятъ разныя торговли».

Затѣмъ авторъ описанія перечисляетъ московскія «гульбища» конца XVIII вѣка; это перечисленіе показываетъ, какъ много веселились москвичи въ то время; праздновались не только двенадцатые праздники, но и многіе обыкновенные церковные; послѣдніе справлялись обязательно у той церкви или того монастыря, гдѣ «былъ престолъ»; зато царскіе дни, напримѣръ, день вступленія на престолъ Екатерины II, не праздновались. Вотъ эти «гульбища».

«1-е во всю сырную недѣлю въ Покровскомъ селѣ.

2-е въ Лазарево воскресенье на Красной площади (оно сохранилось и теперь) ¹⁾.

3-е во святую Пасху: по земляному городу подъ Новинскимъ монастыремъ (въ XVIII вѣкѣ обыкновенно говорили короче: «Подъ Новинскимъ»), 2-е) у Богоявленія за Ехаловымъ мостомъ (теперь Елоховская улица), 3) въ пятокъ Свѣтлыя недѣли Живоноснаго источника подъ Дѣвичьимъ монастыремъ.

4-е въ Вознесеневъ день на Гороховомъ полѣ въ Демидовомъ саду (теперь это Басманная часть Москвы).

5-е въ шестое воскресенье по Пасхѣ у Страстнаго монастыря.

6-е мая 1-го на Нѣмецкихъ станахъ (въ Сокольникахъ).

7-е въ семикъ (четвергъ передъ Троицей) подъ Марьиною рощею, близъ камеръ-коллежскаго вала.

8-е въ Троицынъ день: 1) на Каланчевскомъ полѣ, подлѣ По-

¹⁾ Здѣсь и ниже, слова, поставленныя въ скобкахъ, принадлежать намъ. К. С.

левого двора и Краснаго пруда (теперь Каланчевская площадь и Краснопрудная улица), 2-е) за Дорогомиловскимъ мостомъ на лугу.

9-е въ недѣлю всѣхъ святыхъ: 1) у Варварскихъ воротъ, 2) въ селѣ Всѣхсвятскомъ.

10-е. мая 13-го, въ Гликеринъ день, подъ Дѣвичьимъ монастыремъ.

11-е и 12-е. мая 21-го, іюня 23-го, въ день Владимирскія Богородицы, у Срѣтенскихъ воротъ.

13-е іюня въ 24-й день Рождества Предтечи: на Трехъ Горахъ (теперь Трехгорная застава).

14-е. іюня въ 29-й день Петра и Павла: въ Преображенской слободѣ.

15-е. Іюля 20-го, въ Ильинъ день, на Воронцовскомъ полѣ (теперь въ Яузской ч.).

16-е. Іюля въ 28-й день, Смоленскія Богородицы, подъ Дѣвичьимъ монастыремъ.

17-е. Августа 1-го числа: на Трубѣ (теперь Трубная площадь) 1-е гулянье, 2-е подъ Симоновымъ монастыремъ, 3-е въ селѣ Кусковѣ графа Шереметьева Николая Петровича ¹⁾.

18-е. Августа въ 6-й день, Преображенія Господня, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

19-е. Августа 15-го дня и 16-го, въ день Успенія Богородицы и Нерукотвореннаго образа, у Андроньева монастыря, 2-е въ Осташкѣ (Останкинѣ?)

20-е. Августа въ 19-й день, Донскія Богородицы, подъ Донскимъ монастыремъ.

21-е. Августа въ 26-й день, Адриана и Наталіи за Сухаревою башнею.

22-е. Августа въ 29-й день, Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи: у Ивановскаго монастыря.

23-е. сентября 8-го, въ день Рождества Богородицы, на Бутыркахъ, 2-е у Рождественскаго монастыря.

24-е. Сентября 14-го, въ день Воздвиженія Креста Господня: въ Красномъ селѣ (теперь на Красносельской улицѣ, въ Мѣщанской части, есть церковь Покрова «Въ Красномъ Селѣ».

25-е. Октября 1-го, въ день Покрова Богородицы: въ Покровскомъ селѣ.

Сообщилъ *К. Сивковъ*.

¹⁾ По словамъ П. Безсонова, автора брошюры «Прасковья Ивановна Шереметева», число посѣтителей Кускова въ праздники доходило до 50 тыс. человѣкъ.

Изъ текущей литературы.

1. Имп. Елизавета Алексѣевна и кн. Адамъ Чарторыйскій.

По поводу статьи в. кн. Николая Михайловича «Письмо Императрицы Елизаветы Алексѣевны къ неизвестной, написанное 1 февраля 1815 г. изъ Вѣны».

(Письмо въ редакцію ¹⁾).

Глубокоуважаемый Василій Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 17/30 іюня тек. г. я получилъ здѣсь 27 іюля. Я очень обязанъ вамъ за извѣстіе о касающейся меня статьѣ, «Историческаго Вѣстника» (1916 г. № 6). Въ Швейцаріи, однако, нельзя было получить іюньскій номеръ этого изданія. Лишь на-дняхъ, 5 сентября, я получилъ ваше письмо отъ 17/30 іюля съ приложенной къ нему статьей, о которой идетъ дѣло. Вотъ причина опозданія моего отвѣта.

Авторъ статьи сообщаетъ интересное письмо Елизаветы Алексѣевны отъ 1 февр. 1815 г. изъ Вѣны, полное безнадежной скорби. Онъ присоединяетъ къ нему такое объясненіе: «что дало поводъ къ такому состоянію и отъ чего мысли обращены были на давно прошедшія времена? Единственнымъ подходящимъ объясненіемъ я могу допустить неожиданную встрѣчу съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, котораго императрица болѣе не видала послѣ увольненія съ поста управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, 1806 г., въ перепискѣ же съ нимъ она не состояла. Между тѣмъ именно въ Вѣнѣ имп. Елизавета Алексѣевна часто съ нимъ видѣлась,... о чемъ упоминается въ неизданной части воспоминаній... Оригиналъ этихъ воспоминаній находится въ Краковѣ въ музеѣ кн. Чарторыйскихъ, и выдержки изъ нихъ мнѣ удалось видѣть.

Здѣсь заключаются извѣстныя неточности. Психологическій мотивъ письма авторъ правильно усматриваетъ во встрѣчѣ съ Чарторыйскимъ. Однако онъ изображаетъ это такъ, какъ будто князь дѣйствовалъ не непосредственно, въ силу собственной

¹⁾ Оригиналъ письма написанъ по-польски.

индивидуальности, но только посредственно, какъ конфидентъ. Елизавета будто бы не видѣла его съ 1806 г. и не переписывалась съ нимъ. Потому теперь, въ 1815 г., она могла впервые откровенно высказаться передъ нимъ о событіяхъ «давно прошедшихъ»,— слѣдовательно, вѣроятно, главнымъ образомъ о смерти Охотникова, послѣдовавшей въ 1807 году. Вновь раскрытая рана служила бы объясненіемъ горечи письма. Но подобный психологическій силлогизмъ основывается на фактической ошибкѣ. Чарторыйскій послѣ своей отставки остался въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ сопровождалъ Александра въ кампаніи 1806—7 гг. и послѣ Тильзита возвратился съ нимъ на берега Невы лѣтомъ 1807 г. Съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ кратковременнаго отпуска къ родителямъ, онъ оставался въ Петербургѣ до самаго лѣта 1810 г. За все это время онъ бывалъ при дворѣ и велъ откровенныя бесѣды съ Александромъ ¹⁾. У Елизаветы поэтому было достаточно времени для изліяній. Слѣдовательно, если встрѣча съ Чарторыйскимъ столь сильно подѣйствовала на нее, то психологическій мотивъ заключается въ его личности, а не въ постороннихъ воспоминаніяхъ.

Впрочемъ, встрѣча эта вовсе не была «неожиданна». Чарторыйскій во время кампаніи 1813—14 гг. находился въ квартирѣ Александра, ѣздилъ съ нимъ въ Парижъ и Лондонъ, и было общеизвѣстно, что онъ будетъ сопровождать Александра въ Вѣну. Александръ, уѣзжая изъ Петербурга на конгрессъ, остановился по дорогѣ (20—21 сент. 1814 г.) въ Пулавахъ у Чарторыйскаго, который отсюда отправился вслѣдъ за нимъ въ Вѣну. Здѣсь, въ Вѣнѣ, Елизавета постоянно видѣлась съ княземъ съ конца сентября 1814 г., т.-е. болѣе чѣмъ за 4 мѣсяца до упомянутого письма. Наконецъ не точно утвержденіе, будто она «въ перепискѣ съ нимъ не состояла». Напротивъ, она переписывалась съ нимъ, какъ это обнаружится далѣе.

Что касается «неизданной части воспоминаній», то это собственноручный польскій Дневникъ Чарторыйскаго съ 1813 до 1816 гг., найденный и опубликованный мною въ 4-хъ номерахъ ежемѣсячника «Biblioteka Warszawska», апрѣль—іюль 1909 г.

Далѣе въ статьѣ находится слѣдующій касающійся меня отрывокъ: «Когда за три года до нынѣшней войны пріѣзжалъ въ Петроградъ проф. Аскенази, онъ передавалъ мнѣ, что намѣренъ

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ, въ ноябрѣ 1809 г., январѣ и апрѣлѣ 1810 г., опубликованы въ *Correspondance*, éd. Mazade. (См. русскій переводъ, подъ редакціей А. А. Кизеветтера, въ изданіи Некрасова. *Ред.*). По полученіи отставки въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Чарторыйскій остался придворнымъ чиновникомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и виленскимъ попечителемъ.

скоро издать не только подробную біографію кн. А. Чарторыйскаго, но и ту часть воспоминаній, которая еще не издана. Онъ же мнѣ подтвердилъ, что кн. Адамъ довольно подробно повѣствуетъ о вѣнскомъ конгрессѣ и пребываніи въ Вѣнѣ; въ частности же о своихъ разговорахъ съ русской императрицей и о томъ впечатлѣніи, которое она на него произвела въ ту пору... Тотъ же профессоръ Львовскаго университета Аскенази въ бесѣдахъ со мной приходилъ въ ярость, когда я намекалъ на происхожденіе кн. Адама Чарторыйскаго. Извѣстно, что онъ былъ сыномъ кн. Н. В. Репнина, бывшаго долго въ связи съ его матерью. Хотя Аскенази увѣрялъ, что это происхожденіе князя не доказано, но сходство не только кн. Адама, но и нынѣшняго представителя этого рода съ кн. Репнинымъ бросается въ глаза и не требуетъ другихъ доказательствъ. Желая меня уязвить, историкъ-адвокатъ переходилъ въ дальнѣйшемъ разговорѣ со мной на другую тему. Аскенази убѣжденно доказывалъ, что, по его изслѣдованіямъ, Елизавета Алексѣевна, будучи великой княгиней, была въ связи съ кн. Адамомъ, и что подтвержденіе этого факта будетъ обнаружено при изданіи всѣхъ бумагъ польскаго князя. Я старался ему доказать противное, но безуспѣшно... А до тѣхъ поръ, пока историкъ-адвокатъ, а нынѣ ярый руссофобъ, Аскенази не приведетъ достовѣрныхъ источниковъ къ подтвержденію своего предположенія, мы остаемся твердо на нашей точкѣ зрѣнія. Аскенази до того увлекался, бесѣдуя со мной, что увѣрялъ меня, будто въ 1815 г. въ Вѣнѣ, при встрѣчѣ князя съ Елизаветой, романъ возобновился въ полной мѣрѣ. Аскенази обѣщалъ привести и къ этой версіи какія-то письменныя доказательства, но пока ихъ нѣтъ»...

Изъ этого можно бы заключить, будто бы предположеніе о связи Елизаветы съ Чарторыйскимъ является моимъ изобрѣтеніемъ. Въ дѣйствительности это предметъ, издавна поднимавшійся въ исторической литературѣ. Вотъ, напр., что пишетъ извѣстный историкъ и французскій посолъ въ Петербургѣ баронъ Барантъ: «Après son mariage et lorsqu'il n'était encore que grand-duc, il (Alexandre) s'ennuya de sa femme, pourtant fort belle; mais ne jugeant pas équitable de la tenir condamnée à une fidélité qu'il ne voulait pas observer il lui proposa de se rendre mutuellement leur liberté. Un écrit fut signé entre eux pour convenir de cet affranchissement. La grande-duchesse en profita bientôt et prit pour amant le prince Czartorysky. Le grand-duc se montra content de ce hoix et favorisa de son mieux cette liaison. La grande-duchesse devint grosse et accoucha. Lorsque la comtesse de Liéven qui était sa dame d'honneur porta l'enfant à l'empereur Paul il remarqua

les yeux et les cils noirs du nouveau-né. «Madame dit-il à madame de Liéven croyez-vous qu'un mari blond et une femme blonde puissent avoir un enfant brun?» La dame d'honneur ne trouva rien de mieux à répondre que: «Sire, Dieu est tout-puissant». Cet enfant, qui était une fille, ne vécut pas» ¹⁾ (Souvenirs du baron de Barante. Paris, 1893. Vol. II, p. 201).

Аналогичныя указанія находятся и въ другихъ книгахъ, какъ то: записки гр. Головиной, русск. изд. (1900 г.) и особенно французское (Souvenirs de la comtesse Golovine née princesse Galitzine, Paris, 1910); Schiemann, Geschichte Russland: unter Nikolaus I, 1904; Xavier Branicki, Lettre au père Gagarine, 1879; Dombowski, Wspomnienia, I, 1898; Duchesse de Dino, Souvenirs-Liéven, и т. д.

Разъ объ этомъ столько разъ была рѣчь въ печати, то рождается вопросъ: на какомъ основаніи авторъ обращается ко мнѣ съ упрекомъ по поводу мнѣнія, выраженного въ частной бесѣдѣ. Кажется, этому нѣтъ прецедента въ научной литературѣ. Никто никогда не возбуждалъ публичной научной полемики съ частнымъ словомъ, конфиденціальнымъ, устнымъ. Этого не допускаютъ столь простыя соображенія, что излишне указывать на нихъ. Не допускаетъ, впрочемъ, этого хотя бы то обстоятельство, что подобное, въ послѣдствіи инкриминируемое, слово не сохраняется въ его подлинныхъ звукахъ: verba volant. Въ данномъ случаѣ авторъ приводитъ мои слова, сказанныя ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ глазу на глазъ, въ указанной выше версіи. Онъ приводитъ ихъ несомнѣнно безъ злого умысла, но не выполнѣ точно. Очевидно, его обманула память. Въ моей памяти сохранилась слѣдующая версія.

Въ 1912 г., когда я былъ въ Петербургѣ для обычныхъ занятій въ архивахъ, гр. Сигизмундъ Вѣлѣпольскій сообщилъ мнѣ, что авторъ желаетъ познакомиться со мной и разспросить меня о нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ и съ этою цѣлью просить посѣтить его. Въ виду этого приглашенія я посѣтилъ автора,

¹⁾ Переводъ: имп. Александръ послѣ своего брака и въ бытность еще вел. княземъ тяготился своей женой, очень красивой; но не считая справедливымъ обречь ее на вѣрность, которой онъ не хотѣлъ соблюдать, онъ предложилъ ей возвратитъ другъ другу свободу. Они подписали соглашеніе относительно этого освобожденія. Вел. княгиня вскорѣ имъ воспользовалась и выбрала кн. Чарторыйскаго. Вел. князь, казалось, былъ доволенъ этимъ выборомъ и покровительствовалъ изо-всѣхъ силъ этой связи. Вел. княгиня забеременѣла и родила. Когда графиня Ливень, ея статсъ-дама, принесла ребенка имп. Павлу, тотъ обратилъ вниманіе на черные глаза и черныя рѣсницы новорожденного. «Сударыня—сказалъ онъ г-жѣ Ливень,—полагаете ли вы, что у блондина-мужа и блондинки-жены можетъ быть ребенокъ брюнетъ?» Статсъ-дама не нашлась отвѣтить ничего лучшаго, какъ только: «Государь, Богъ всемогущъ». Этотъ ребенокъ—это была дѣвочка—не выжилъ».

который сейчас же въ началѣ разговора спросилъ, что думаю я объ отношеніяхъ между Елизаветой и Чарторыйскимъ? Онъ прибавилъ къ этому, что самъ онъ въ подобную связь не можетъ вѣрить, особенно въ виду дѣла Охотникова. Какъ извѣстно, авторъ посвятилъ цѣнное біографическое сочиненіе Елизаветѣ, которой онъ приходится родственникомъ по мужской и женской линіи. Я спросилъ, могу ли говорить вполне откровенно. Онъ отвѣтилъ, что—безусловно. Тогда я сказалъ приблизительно слѣдующее: Полагаю, что такая связь дѣйствительно имѣла мѣсто. Въ этомъ отношеніи существуетъ установившаяся традиція. Первое извѣстіе объ этомъ сообщила мнѣ много лѣтъ тому назадъ покойная граф. Потоцкая, жена Адама Потоцкаго, рожд. Браницкая—живой источникъ польско-русскихъ традицій ¹⁾. То же подтвердили покойный князь Адамъ Сапѣга, Константинъ Чарторыйскій, теперешній владѣлецъ записокъ гр. Головиной гр. Карлъ Ланцкоронскій и др. Существуютъ указанія на это въ печатной литературѣ, у Баранта и др. (какъ выше). Изъ изданнаго мною дневника Чарторыйскаго за 1814—15 гг., явствуетъ, что между нимъ и Елизаветой существовали неофіціальныя, необычныя отношенія романтическаго характера. При этомъ я подчеркнул оговорку, что я питаю особенный пѣтеть къ благородной и несчастной Елизаветѣ, такъ какъ она всегда обнаруживала доброжелательность къ Польшѣ ²⁾. Я прибавилъ что изъ дневника Чарторыйскаго я опустилъ въ печати нѣкоторые нецензурные отрывки, напр., его щекотливую бесѣду съ Александромъ и т. п. Я добавилъ также, что я готовлю французское изданіе этого дневника вмѣстѣ съ неизданной корреспонденціей князя (*Journal et Correspondance*, въ двухъ томахъ), но что и тамъ я, вѣроятно, сохраню нѣкоторые пропуски безъ ущерба для науки. Авторъ спросилъ, находятся ли въ архивѣ Чарторыйскихъ письма Елизаветы? Я отвѣтилъ, что не видѣлъ ихъ, но что я не видѣлъ также писемъ другихъ дамъ, безусловно близкихъ кн. Адаму; я сказалъ, что онъ, вѣроятно, возвращалъ такія письма или уничтожалъ ихъ ³⁾. Я замѣтилъ, что о письмахъ Елизаветы къ нему упоминается въ его Дневникѣ, а на его письма къ ней существуетъ намекъ въ изданной мною бесѣдѣ его съ вел.

¹⁾ Она говорила мнѣ также, будто секретъ выдали Павлу о.о. іезуиты, къ которымъ кн. Адамъ потомъ долго питалъ недоброжелательство.

²⁾ Ср. моя *Dwa Stulecia*, t. II (1910), 126.

³⁾ У него было достаточное количество романтическихъ приключеній; нѣкоторыя подлежатъ сомнѣнію, напр., съ сардинской королевой, хотя объ этомъ говорится въ современныхъ дипломатическихъ рапортахъ и даже въ печати.

кн. Константиномъ Павловичемъ ¹⁾). Я присовокупилъ, что не всё, впрочемъ, бумаги изъ Архива Чарторыйскихъ мнѣ извѣстны, что, напр., я не знакомъ съ любопытною рукописью мемуаровъ матери кн. Адама Изабеллы Чарторыйской. Въ этомъ мѣстѣ бесѣды авторъ замѣтилъ, что вѣдь кн. Адамъ—сынъ кн. Репнина отъ связи его съ княг. Изабеллой и спросилъ, что думаю я по этому поводу? Я отвѣтилъ, что подобная связь несомнѣнно существовала до рожденія кн. Адама и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его рожденія, но что отцовство Репнина до настоящаго времени не доказано, что оно остается предположеніемъ.

По этому вопросу авторъ нынѣ ссылается на «сходство», полагая, что оно «не требуетъ другихъ доказательствъ». Нѣкогда на этомъ же основывалъ отцовство Репнина покойный П. Барте-невъ въ «Русскомъ Архивѣ», поскольку мнѣ помнится, со словъ кн. Голицына. Авторъ говоритъ даже о «сходствѣ не только кн. Адама, но и нынѣшняго представителя этого рода». Это вопросы очень субъективные. Единственный находящійся въ живыхъ внукъ кн. Адама абсолютно не похожъ на своего дѣда. Поэтому только одинъ могъ бы быть похожимъ на Репнина: дѣдъ или внукъ, но ни въ коемъ случаѣ не оба. Впрочемъ, если бы «сходство» было рѣшающимъ научнымъ аргументомъ, то Наундорфъ давно уже были бы признаны Бурбонами. Я не доказываю, что кн. Адамъ не былъ сыномъ Репнина; я утверждаю только, что до сихъ поръ нѣтъ доказательствъ въ пользу того, что онъ имъ былъ. А дотолѣ—*pater est quem nuptiae demonstrant*.

¹⁾ Nowe Wczasy (1910), 450—1. Въ изданной здѣсь собственно-ручной запискѣ Чарторыйскаго о разговорѣ съ вел. княземъ въ Бельведерѣ «le 15 juin 1827» находятся слѣдующія слова Константина Павловича: «J'ai en ma possession toutes les lettres que vous avez écrites à feu l'Empereur. Il s'y trouve de belles choses contre moi... Il nous faut aller à Bielany pour combattre». Il visait de la main comme du pistolet... J'ai toutes vos lettres. *J'en ai des petites*. L'Empereur a fait de grandes sottises. Vous en avez fait de grandes. Mais on est jeune. A présent, à cinquante ans passés, vous ne les feriez plus. J'ai aussi fait de grandes sottises. Qu'il n'en fait pas? J'ai mis de côté de certaines lettres, pour qu'elles soient brûlées, s'il m'arrive quelque chose». (Переводъ: Мнѣ принадлежатъ всѣ письма, писанныя вами къ покойному императору; въ нихъ находятся сильныя мѣста противъ меня. Намъ слѣдуетъ отправиться на Бѣланы (лѣсокъ близъ Варшавы, въ которомъ въ то время происходили дуэли) драться». Онъ цѣлилса рукою, какъ пистолетомъ... «У меня находятся всѣ ваши письма. Между ними есть у меня и записочки. Императоръ дѣлалъ большія глупости. Вы тоже. Но люди бываютъ молоды. Нынѣ, по истеченіи пятидесяти лѣтъ, вы больше не сдѣлали бы ихъ. Я также дѣлалъ большія глупости. Кто ихъ не дѣлалъ? Я отложилъ въ сторону *нѣкоторыя письма*, чтобы сжечь ихъ, если со мною что-нибудь случится». Эти письма Николай I. прислалъ Константину послѣ смерти Александра и Елизаветы, такъ какъ «*petites lettres*» очевидно касаются ея. На это указываетъ обѣщаніе сжечь эти «записочки», очевидно, очень шекотливыя, на случай смерти Константина. На это же указываютъ слова: «*grandes sottises*» и «*on est jeune*».

Во всякомъ случаѣ это вопросъ старый, давно уже поднимавшійся въ литературѣ. Притомъ подобные бытовые инциденты въ XVIII в. представляли обычное явленіе и въ другихъ странахъ. Въ польскомъ историкѣ они вызываютъ сожалѣніе, но не «яро-стное» желаніе сокрытія правды. Въ моихъ сочиненіяхъ нѣтъ недостатка въ горькихъ для Польши правдахъ. Къ тому же объ этомъ именно дѣлѣ: Репнинъ—Чарторыйская я самъ неоднократно писалъ. Я велъ даже полемику, доказывая подлинность мемуаровъ герцога Лозэнъ (Lauzun)—Бирона, хотя они весьма непріятны для репутаціи княг. Изабеллы ¹⁾. Болѣе того: въ 1913 г. меня посѣтилъ въ Варшавѣ ученый директоръ петербургскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ г. С. Горяиновъ и освѣдомился о моемъ мнѣніи относительно своей подготавливаемой къ печати французской работы—о связи кн. Репнина съ княг. Чарторыйской. Рукопись этой работы, въ которой высказываетъ мнѣніе въ пользу отцовства Репнина, онъ прочелъ въ моемъ домѣ. Я сдѣлалъ нѣкоторые фактическія и библиографическія замѣчанія; я повторилъ свою оговорку о недостаточности доказательствъ; я совѣтовалъ также опустить нѣкоторые научно необоснованныя подробности, напр., о мнимыхъ денежныхъ расходахъ Репнина на этотъ романъ и т. п. Надо признать, что пренія ни на минуту не сходили съ чисто научныхъ почвъ и тона. Г. Горяиновъ на слѣдующій день показалъ мнѣ, что онъ исключилъ изъ рукописи нѣкоторые основательно оспариваемыя мною мѣста. Тогда же, въ Варшавѣ, я сообщилъ ему для освѣдомленія автора номера «Biblioteka Warszawskiej» за 1909 г., содержащія Дневникъ Чарторыйскаго.

Возвращаясь къ вышеописанному двухчасовому разговору съ авторомъ. При окончаніи разговора онъ любезно одолжилъ мнѣ неопубликованную главу объ Охотниковѣ изъ составленной имъ біографіи Елизаветы, а также отрывки рукописи сочиненія объ Александрѣ I, которое онъ тогда готовилъ. Онъ просилъ посѣтить его на слѣдующій день для обсужденія еще нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ этому сочиненію. Послѣ второго, продолжавшагося также нѣсколько часовъ, разговора онъ прислалъ мнѣ свою книгу о вел. княг. Екатеринѣ Павловнѣ. Посредничествомъ своимъ онъ прибрѣлъ для меня нѣкоторые копіи изъ Соб. Е. И. В. Библіотеки. Впослѣдствіи, послѣ выхода сочиненія объ Александрѣ, оно было доставлено мнѣ, какъ предполагаю, по порученію автора. Я вспоминаю объ этихъ мелочахъ потому, что изъ нихъ, кажется, явствуетъ,

¹⁾ Studya historyczno krytyczne (1894): «Z korespondencyi rodzinnej; Wczasy historyczne, т. I (2-е изд. 1903 г.): «Lauzun».

что изложенные разговоры не произвели тогда на автора того отрицательнаго эффекта, какъ въ настоящее время. Сознаюсь, что всѣмъ этимъ я нѣсколько озадаченъ. Честью знакомства съ авторомъ я обязанъ не своей, но его иниціативѣ. Приглашенный, поощренный къ откровенности, я, ученый передъ ученымъ, гость передъ хозяиномъ, высказываю свою мысль въ извѣстныхъ научныхъ вопросахъ по своему крайнему разумѣнію, съ искренностью и полнымъ довѣріемъ. И вотъ по истеченіи четырехъ лѣтъ встрѣчаюсь съ такой неожиданностью. Не берусь выяснитъ его. Можно бы развѣ только полагать, что въ данномъ случаѣ произошло какое-нибудь нежелательное постороннее внушеніе если обратить вниманіе на выраженіе: «нынѣ ярый руссофобъ». Ибо о политическихъ взглядахъ, которыхъ я придерживаюсь «нынѣ», проживая здѣсь, на Леманскомъ озерѣ, съ начала войны, могло донести автору только какое-нибудь постороннее лицо.

Но что это имѣетъ общаго съ наукой, съ Елизаветой, Чарторыйскимъ, Репнинимъ? Уже четверть вѣка я въ сочиненіяхъ своихъ старался, насколько могъ, наряду съ обидами, испытанными отъ двухъ другихъ участницъ польскихъ раздѣловъ, раскрывать и запечатлѣвать тяжкія историческія обиды, причиненныя Польшѣ русской политикой. Но я никогда не питалъ чувства ненависти ни къ русскому народу, ни къ другому какому-нибудь. Я презираю подобное чувство. Я не былъ никогда ни руссофобомъ, ни германофобомъ. «Великіе народы—нѣкогда писалъ я—подобно классической Антигонѣ живутъ не для того, чтобы взаимно ненавидѣть, но для того, чтобы взаимно любить (συνφιλέειν). На ненависти не основывается исторія великихъ и вѣчныхъ общественныхъ культуръ» ¹⁾. Международная ненависть—это пружина захвата и угнетенія. Это не польское чувство, такъ какъ Польша стремится исключительно къ своей собственности и свободѣ... Но не подобаетъ много говорить объ этихъ предметахъ въ личной полемикѣ. Польскій ученый, воспитатель польской молодежи, въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ не обязанъ никому отчетомъ, кромѣ Польши. Я стою предъ предпочтатю быть заподозрѣннымъ въ руссофобствѣ, чѣмъ въ *captatio benevolentiae*.

Въ заключеніе привожу изъ опубликованнаго мною Дневника Чарторыйскаго отрывки, касающіеся Елизаветы. Пусть самъ читатель сдѣлаетъ изъ нихъ заключеніе о характерѣ отношеній, существовавшихъ между ними обоими ²⁾.

¹⁾ Wczasy historyczne, т. I, 38.

²⁾ «Biblioteka Warszawska», т. 275, іюль 1909, 56—8, 61—2, 65—7, 72. У меня подъ рукою только этотъ номеръ, взятый изъ музея въ Рап-

«(Вѣна, сентябрь—октябрь 1814 г.). Приѣздъ въ Вѣну. Здѣсь я вижу ее, сильно измѣнившуюся, но для меня всегда ту же со стороны ея и моихъ чувствъ. (Они утратили свой пылъ, но въ нихъ сохранилось достаточно силы, чтобы вовсе не видѣть ея было великой мукой). Разъ только до сихъ поръ я видѣлъ ее; плохо принятый, я переживаю непріятные дни...

«Она выбираетъ меня къ танцу у Штакельберга ¹⁾. Онъ ²⁾ постоянно болтаетъ мнѣ на ухо, чтобы стереть это.

«Не вижу ея; мнѣ кажется, что она мѣняется. Всѣмъ она нравится. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похорошѣла... Я печаленъ и несчастливъ, какимъ давно не былъ. Я предостерегъ относительно его ³⁾ мысли о примиреніи...

«3 декабря... Попадаю къ Нарышкину. Вторая встрѣча. Признаны новыя обязанности... Она всегда истинный ангель. Ея письмо...

«Моя тетка ⁴⁾ сплетничаетъ; мой отецъ ⁵⁾ сказалъ ей о ней. Наука, что мало кому можно довѣрить настоящую и важную тайну. Третья встрѣча при посредствѣ Нарышкина... Визитъ императора у (къ?) моей теткѣ... Ея визитъ и письмо... Жаръ... и сны, и угрызенія, укоряющія въ виновности (*zgryzota, wyrzucajęsa winę*). Станъ и лицо измѣнились, однако все та же очаровательность, а душа ангельская...

«18 января (1815 г.)... Къ ней пишу.

«До 28 января. Письмо... отдано и сейчасъ на слѣдующій день вижу ее. Разнообразность моихъ чувствъ. Она всегда первый и единственный предметъ. Обмѣнъ кольцами. Ея доброта, ея чувства иного рода. Она не хочетъ остаться въ Германіи; герцогъ Брауншвейгскій совѣтуетъ это; она приносить себя въ жертву... Мои сплины; я испорченъ доброжелательностью и любовью;... душа не можетъ подняться до ея превосходства...

«Я желаю ей счастья и завидую ему; страстно люблю, а все-таки...; я все посвятилъ бы, а святость чувства недостаточно сохраняю. Долгая неувѣренность, противность и неустанныя обиды, и двадцатилѣтнее ожиданіе, и ея уже въ теченіе столькихъ лѣтъ прикрытое чувство разрушили правильный порядокъ

персвилѣ. Полная рукопись дневника, приготовленная къ печати вмѣстѣ съ неизданной корреспонденціей Чарторыйскаго, оставлена мною въ 1914 г. въ Польшѣ.

¹⁾ Россійскій посолъ въ Вѣнѣ.

²⁾ Вѣроятно, Александръ.

³⁾ Александра?

⁴⁾ Княг. Елизавета Любомирская, рожд. Чарторыйская, вдова маршала Станислава Любомирскаго.

⁵⁾ Старый князь Адамъ—Казимиръ Чарторыйскій тогда отсутствовалъ въ Вѣнѣ; очевидно уже раньше онъ проболтался передъ сестрой своей, княг. Любомирской.

сердца (Długa niepewność, przeciwność i ułmy nieustanne, i czekame dwudziestoletnie, i jej już od tylu lat obśnione uczucie, rozruszyły prawy porządek serca). Несчастія одной невѣрности¹⁾ потрясли нѣкоторые самые деликатные принципы. Но это не оправдываетъ меня, такъ какъ я отъ сердца простилъ; и она не прощенья, но любви, уваженія и обожанія достойна...

«16 февраля... Великая печаль угнетаетъ меня и отвращеніе къ свѣту. Она, быть можетъ, недовольна...

«До 3 марта. Боязнъ за перемѣну въ ней потрясаетъ меня сильнѣе всего своего жалостью (Boj-żn o jej odmianę wstrząsanie najmocniej swym zalem)... печаль, такъ что чувствую себя больнымъ. Пишу къ ней... Мой разговоръ съ императоромъ... Поднимаю матерію о ней.

«8 марта. Ея отъѣздъ. Въ канунъ отъѣзда утромъ прощаюсь. Сила этого союза достойна вниманія,... между тѣмъ какъ время и отдаленіе и неизбѣжность должны были стереть чувства (чувство?) и потушить его одними препятствіями, оно собственной силой все преодолеваетъ. Ничто уже не говоритъ въ его пользу; ни желаніе счастья и наслажденія, ни разсудительность, ни какая бы то ни было надежда, ничто мірское и человѣческое; однако оно сильнѣе столькохъ различныхъ побужденій (powodów). Я говорю и пишу о необходимости брака²⁾. Она радуется извѣстію о появленіи³⁾ Наполеона въ надеждѣ, что на болѣе долгое время останется въ Германіи. Перемѣна во мнѣ... чувства искреннія, глубокія, которыя захватываютъ всю душу и насквозь проникаютъ,... только принадлежали и принадлежать ей»...

Печатаая эти отрывки, я добавилъ отъ себя: «Невозможно, не подобаетъ, даже прямо не хочется входить на этомъ мѣстѣ въ мелочное передъ публикой обсужденіе этихъ личныхъ дѣлъ, о которыхъ здѣсь рѣчь, заниматься анализомъ чувствъ составляющихъ неприкосновенную собственность каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе такого, какъ кн. Адамъ. Слишкомъ часто причинялась подобная обида... вульгарнымъ сплетничаніемъ, прикрывающимся мнимою наукою, вульгарною безтактностью, прикрывающеюся фальшивымъ піэтизмомъ, извлекались наружу и бросались въ жертву праздному любопытству толпы самыя сокровенныя детали исключительно частной жизни. Если въ этомъ мѣстѣ оставлены вообще самыя краткія и самыя необходимыя упоминанія о подобнаго рода легкихъ дѣлахъ, касающихся кн.

¹⁾ Это, быть можетъ, относится къ дѣлу Охотникова.

²⁾ Кн. Адамъ, хотя ему было тогда уже 45 лѣтъ, не былъ еще женатъ, и только спустя нѣсколько лѣтъ онъ вступилъ въ бракъ съ княжной Сапѣга.

³⁾ Т.-е. о возвращеніи съ Эльбы.

Адама, то сдѣлано это по двумъ поводамъ. Прежде всего, дѣло идетъ здѣсь о предметахъ, не лишенныхъ во многихъ отношеніяхъ высшаго политическаго значенія. А во вторыхъ, показалось умѣстнымъ не зачеркивать этихъ прекрасныхъ свидѣтельствъ, этихъ подлинныхъ, по выраженію Гёте, «признаній прекрасной души» ¹⁾.

Я ограничиваюсь сопоставленіемъ этихъ моихъ взглядовъ съ предъявляемыми нынѣ мнѣ упреками.

Пользуясь вашимъ любезнымъ предложеніемъ, я позволяю себѣ довѣрить пріязненному попеченію вашему опубликованіе настоящаго письма въ русскомъ переводѣ на страницахъ «Голоса Минувшаго». Прошу васъ, глубокоуважаемый Василій Ивановичъ, принять увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и сердечной преданности.

Montreux 9 сент. 1916 г.

Шимонъ Аскенази.

Р. s. На вопросъ вашъ относительно русскаго изданія моей книги «Rosya—Polska» сообщаю, что я узналъ о немъ изъ объявленій; никто не спрашивалъ меня о разрѣшеніи. Лишь недавно этотъ т. наз. переводъ попалъ въ мои руки и привелъ меня въ изумленіе. Я очень благодаренъ проф. Мякотину и г. Рябинину ²⁾ за осужденіе подобнаго издательскаго метода.

Новое о сектѣ Іеговистовъ³⁾.

Нельзя не привѣтствовать новую изслѣдовательницу религіозно-общественной жизни русскаго народа Е. В. Молоствову, автора книги о Іеговистахъ, сектантахъ послѣдователей Н. С. Ильина, о которыхъ до сего времени въ литературѣ было извѣстно немного, а изъ этого немногаго большая часть была переполнена злой неправдой. Главная достоинство этой книги заключается въ томъ, что Е. В. Молостова писала ее по документамъ, непосредственно собраннымъ среди самихъ сектантовъ, по подлиннымъ рукописямъ основателя этого ученія, почему и все изслѣдованіе получило большую степень достовѣрности. Коренной же недостатокъ всей этой работы состоитъ въ методѣ по-

¹⁾ «Biblioteka Warszawska», іюль 1909 г., 62.

²⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1915 г. № 12.

³⁾ По поводу книги Е. В. Молостовой. *Іеговисты. Жизнь и сочиненія* кап. Н. С. Ильина. Возникновеніе секты и ея развитіе. Съ 10 рисунками. XII×299 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп. С. Петербургъ. 1914 г. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи. Томъ XXXVIII, изданный подъ редакціей А. С. Пругавина.

строенія изслѣдованія. Мы находимъ здѣсь не цѣльную монографію, исчерпывающую исторію секты, а лишь біографическій очеркъ ея основателя капитана Н. С. Ильина съ нѣкоторыми экскурсами въ область быта, религіознаго пониманія, связаннаго съ обрядами и обычаями приверженцевъ этой секты. Этотъ недостатокъ своей работы очевидно сознавалъ и самъ авторъ, писавшій, что «на свой трудъ»—онъ смотритъ,—«главнымъ образомъ, какъ на сводъ матеріаловъ,... возможно болѣе полный, чтобы эти матеріалы, мало понятные внѣ послѣдовательной своей связи и появляющіеся въ печати по большей части впервые, могли служить не только основой для изученія секты въ ея дальнѣйшемъ развитіи, но и обработаннымъ пособіемъ для будущаго историка религіознаго разномыслія». (VIII). Къ сожалѣнію отправная точка зрѣнія на исторію вообще, а потому и на исторію изучаемой общины, у Е. В. Молоствовой не только крайне туманна, но и просто невѣрна. «Если можно разсматривать,—пишетъ она,—человѣчество какъ цѣлое, то несомнѣнно, что и религіи всѣхъ временъ и народовъ суть лишь разныя звенья одной и той же же цѣпи». (17). Само собой понятно, что это «если», такъ необходимое для Е. В. Молоствовой, не имѣетъ никакой научной цѣнности. Давнымъ давно уже всѣмъ извѣстно, что «человѣчество» ни въ коемъ случаѣ не только нельзя разсматривать какъ нѣчто «цѣлое», а обязательно необходимо знать, что оно всегда кипитъ борьбой классовъ, перекрещивающихся интересовъ сословныхъ, національныхъ, торговыхъ, политическихъ, религіозныхъ и пр. Нужно ли опровергать и тотъ крайне устарѣлый взглядъ, что религіи, какъ таковыя, будто бы являются чѣмъ-то самодовлѣющимъ въ исторіи народовъ. Азбука соціальнаго значенія обязываетъ cadaго изслѣдователя исторіи твердо помнить, что формы религіозной мысли, формы общественныхъ движеній на религіозной почвѣ, все творчество жизни религіозныхъ общинъ, измѣненія въ ихъ бытѣ и пр., и пр., всецѣло подчинены общему ходу соціально-политическаго развитія тѣхъ или иныхъ странъ, гдѣ эти движенія совершаются, являясь несомнѣннымъ отраженіемъ тѣхъ формъ общественной жизни, ея противорѣчій и борьбы, которыя господствуютъ въ данной соціальной средѣ. Отправная точка зрѣнія не мѣшала бы автору во всей его работѣ подойти просто и жизненно къ вопросамъ борьбы и существованія изучаемой имъ общины. Авторъ не замѣчаетъ, что его схоластическая точка зрѣнія совершенно не свойственна тому же Ильину, который, несмотря на увлеченіе писаніями мистиковъ конца XVIII и начала XIX вѣка, быстро разобрался въ нихъ и, можетъ быть подѣ

непосредственнымъ давленіемъ русской дѣйствительности, вскорѣ перешелъ отъ отвлеченностей къ практикѣ жизни. Такъ, когда онъ, взволнованный новыми мыслями, сталъ все болѣе и болѣе углубляться въ размысленія о жизни, онъ вдругъ почувствовалъ, что его осѣнило «откровеніе», т.-е. познаніе нѣчто новаго, принятое имъ за «милость Божію» (23.). Что же сказало ему это «откровеніе», это выявленіе новой творческой мысли, освѣтившей ему его путь жизни? «Откровеніе это заключалось въ томъ,—пишетъ Е. В. Молодцова,—что вся сущность христіанства—въ одной только любви». (23). Какой же практическій выводъ сдѣлалъ изъ этого «откровенія» Ильинъ? Онъ въ послѣдствіи съ твердостью заявилъ, что не должно быть никакихъ религій въ мірѣ, ибо эти «перегородки» между людьми только мѣшаютъ людямъ по настоящему объединяться между собой? Ильинъ, во имя этой же любви, возненавидѣлъ все то, что не даетъ людямъ жить въ единеніи, въ мирѣ и въ согласіи: отсюда крайне отрицательное отношеніе его къ представителямъ духовной и свѣтской власти, и ко всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ этихъ властей, которыя не только не помогаютъ людямъ жить, но всячески уничтожаютъ самую жизнь людей, въ чемъ Ильину привелось убѣдиться на собственномъ опытѣ, ибо большую часть своей жизни онъ вѣдь самъ провелъ въ монастырскихъ и иныхъ тюрьмахъ и казематахъ, несказанно мучимый тѣми, кто тоже полагалъ свою близость хотя бы по долгу службы, — къ «Первоисточнику»... И совершенно напрасно Е. В. Молодцова стремится въ чемъ-то защитить, оправдать или извинить Ильина, когда онъ съ полнымъ нравственнымъ правомъ писалъ о своихъ мучителяхъ: «Боже! не прости имъ, ибо они знаютъ, что творять». (147). Эти слова,—пишетъ Е. В. Молодцова,—противорѣчатъ, конечно, идеалу самого Ильина «объ общечеловѣческой религіи любви», но можно-ли за нихъ осуждать его?» (147)—воскликаетъ она и... не осуждаетъ... Вотъ это-та сантиментальная приписка ясно показываетъ намъ, что Е. В. Молодцова совершенно не разобралась ни въ духѣ, ни въ смыслѣ всего ученія Ильина. Съ первой до послѣдней строчки ученіе этого религіознаго энтузіаста дышетъ непрерывной, неизсякаемой борьбой, страстью. Во имя лучшаго будущаго онъ вездѣ и всюду призываетъ людей на непримиримую борьбу съ «сатанистами», т.-е. съ тѣми сильными—духовными и свѣтскими—владыками міра, кто задавилъ жизнь людей, кто мѣшаетъ народу жить такъ, какъ нужно, какъ онъ самъ того хочетъ. Совершенно отрицая современное христіанство, которое «есть то же самое язычество» (39) «Ильинъ пришелъ къ мысли,—пишетъ Е. В. Молодцова,—разрѣшить вопросъ

о соединеніи религій... путемъ учрежденія такого братства христіанъ, которое захватило бы весь міръ, уничтоживъ своей неоспоримой истиной всѣ людскія раздѣленія и раздоры» (31). Для этого лучшаго будущаго Ильинъ требовалъ отъ людей совершенно иной «любви», чѣмъ они привыкли это слышать отъ своихъ пастырей. «Любовь къ одному только Богу, есть самая хитрая ловушка» (118)—писалъ онъ своимъ послѣдователямъ и требовалъ отъ всѣхъ «дѣятельной любви» къ человѣку, постоянной борьбы съ «ошуйными», т.-е., съ приверженцами духовной и свѣтской власти. Даже самаго Бога Ильинъ совлекалъ съ неба на землю и вселялъ его въ человѣка, какъ это дѣлаютъ многочисленные приверженцы «духовнаго христіанства» въ Россіи, т.-е., духоворцы, духовные молokane, старый и новый Израиль и т. п.

— За кого же нужно почитать Его?» т.-е. Бога.

— За человѣка, за человѣка!—отвѣчаютъ разомъ два друга въ одномъ изъ діалогическихъ произведеній Ильина (115 стр.). И эта мысль проводится Ильинымъ много разъ въ другихъ его произведеніяхъ. Весь міръ, все на свѣтѣ, по ученію Ильина,—существуетъ для человѣка. Въ будущія времена всѣ будутъ равны и равно будутъ наслаждаться радостями жизни, а теперь всюду и вездѣ должна быть борьба «свѣта съ тьмой» во имя лучшаго будущаго, во имя мира, братства и любви, провозглашенныхъ имъ какъ нѣчто совершенно необходимое для блага человѣчества. Вотъ почему въ современной дѣйствительности, по Ильину, необходимо

«Православіе безъ любви
Считать созданіемъ Сатаны;
Поповъ, пасторовъ и мулловъ—
За торгашей, вралей, плутовъ;
Ханжей, монаховъ и кликушъ—
За сонмъ безумныхъ, мертвыхъ душъ;
Судей, владыкъ, синодъ, сенатъ—
За сонмъ губителей, за адъ;
Чины и красные штаны,—
За дурь, за прелесть Сатаны;
Защиту вѣръ войной, гоньбой—
За гордость, звѣрство, за разбой.
Зане захватъ людей въ рабы
Проклятъ отъ Бога Еговы!» (147 стр.).

Ильинъ всегда былъ твердо послѣдователенъ въ своихъ выводахъ и, напримѣръ, относясь совершенно отрицательно—какъ къ «врагамъ» и къ «палачамъ»,—къ духовенству православной

церкви, онъ никогда не измѣнялъ себѣ въ этомъ мнѣніи. Такъ, давая заповѣди жизни своей общинѣ,—эти основоположенія внутренней организациі его послѣдователей,—Ильинъ, говоря о томъ, кто можетъ считаться членомъ общины, заповѣдываетъ своимъ собратьямъ: «ежели бы кто изъ духовенства увѣровалъ бы въ сіе богочеловѣческое братство (что однако очень трудно), то принимать его въ братство не слѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока Господь не освободитъ его отъ такого званія, ибо творящій ложь или служитель Іезавелинъ не можетъ быть одесною Господа, а когда же попъ оставитъ свое поповство и присоединится въ царствіе Христово, то и тогда онъ долженъ во всю жизнь свою считаться въ ономъ самымъ глупѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ членомъ и отнюдь ни о чемъ въ братствѣ не разсуждать, а пребывать въ безмолвіи и послушаніи и въ совершенномъ подчиненіи каждому брату и въ безотвѣтной покорности» (51). Можно-ли говорить, послѣ всего этого, что будто-бы Ильинъ, въ современную ему эпоху, мечталъ о какомъ то сантиментальномъ единеніи всѣхъ душъ? Конечно нѣтъ! Для Ильина не было «единого человечества», а были «ошуйные» и «десные». Съ первыми онъ призывалъ къ безпощадной борьбѣ ради счастья и блага вторыхъ и ради торжества правды во всемъ мірѣ, для чего прежде всего нужна свобода, братство и равенство, безъ которыхъ, какъ безъ воздуха, людямъ жить нельзя. «До того всѣ сбились съ толку—пишетъ онъ,—что даже не стали видѣть самой ясной аксіомы, что гдѣ есть страхъ, рабство, чиновначаліе, тамъ—нѣтъ уже истиннаго равенства, а гдѣ нѣтъ равенства, тамъ нѣтъ и любви, а гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и Христа» (145). Къ этой мысли Ильинъ возвращается постоянно. Объединеніе людей,—объединеніе въ любви и равенствѣ—по его мнѣнію совершенно необходимо для жизни человечества. «Весь неизмѣнный законъ Его Синайскій и даже Новая заповѣдь даны.... не для одиночной или не для монашеской жизни, а для общественной...»—пишетъ Ильинъ въ приложеніи къ 9-ой части его трактата «Лучъ Свѣта для разсвѣта» (288). «Словомъ,—заключаетъ онъ свои разсужденія,—гдѣ нѣтъ любви или равенства, тамъ нѣтъ и Бога: ибо Богъ есть Любовь, а гдѣ нѣтъ Бога, тамъ нѣтъ и безсмертія. Слѣдовательно, всѣ одиночники, иноки, монахи или пустынники суть уже не люди, а бѣснующіеся звѣри: потому что и звѣри, если они въ своемъ умѣ, то живутъ обществами же, растутъ и плодятся и наслаждаются жизнею и произведеніями природы по благословенію Божію» (289).

Эти отвлеченныя разсужденія Ильинъ старался воплотить въ самую жизнь своей общины. Слѣдственная комиссія, разби-

равшая первое дѣло объ «общинѣ Десныхъ»,—какъ въ то время называли себя послѣдователи Ильина,—установила, что по понятію этихъ сектантовъ «весь законъ Божій состоитъ только въ единой братской любви по духу, тѣлу, имѣнію и стяжанію такъ, чтобы отнюдь не было ни въ чемъ раздѣленія въ Тѣлѣ Христовомъ и всѣ его члены одинаково бы заботились другъ о другѣ, сирѣчь,—страждетъ-ли одинъ членъ, да страдаютъ съ нимъ и всѣ члены, славится-ли одинъ членъ, да торжествуютъ съ нимъ и всѣ члены потому, что всѣ Десные составляютъ одно Тѣло Христово и по одиночкѣ члены Его» (101). Власти въ этихъ убѣжденіяхъ сектантовъ видѣли крайнюю опасность для государства, такъ какъ прекрасно сознавали, что всякое объединеніе угнетенныхъ всегда ведетъ къ тому, что угнетенные рано или поздно пожелаютъ сбросить иго. А такъ какъ Десные имѣли строгую заповѣдь, глубоко проникшую въ ихъ сознаніе, что «каждый членъ братства по мѣрѣ средствъ своихъ долженъ оказывать помощь всякому нуждающемуся единовѣрцу, что мы и исполняемъ,—говорятъ они,—поэтому у насъ нѣтъ нищихъ и всѣ равны» (214),—то понятно, что окружающее населеніе не могло не видѣть яркой разницы между разобщенной, безпомощной жизнью православныхъ и всегда радостной, общей, взаимно поддерживающей жизнью—этихъ новыхъ людей, несущихъ новую вѣсть о новой счастливой жизни «тысячелѣтняго царства, Ерусалимской Республики», о которомъ такъ заманчиво говорится въ «Символѣ» іеговистовъ, въ томъ «Символѣ», который каждый іеговистъ знаетъ наизусть и всегда старается распространить между тѣми людьми, среди которыхъ каждый членъ братства ведетъ неустанную пропаганду. Обѣщая новую, вѣчную жизнь въ свободной, въ всѣсвѣтной республикѣ, Ильинъ, конечно, быстро находилъ себѣ послѣдователей, которые всегда твердо стояли на стражѣ своихъ вѣрованій и на вопросъ властей: почему они присоединились къ Ильину, устами обвиняемаго Григорія Волгина отвѣтили: «мы были ищущіе и страждущіе правды» (70). Достаточно вспомнить мрачное, тяжелое, полное кошмарныхъ ужасовъ время николаевской эпохи, чтобы понять, что новая «Сіонская вѣсть» Ильина, призывавшая людей освободиться отъ всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ путъ, висѣвшихъ на народѣ,—должна была всюду имѣть хорошій успѣхъ. Не надо забывать, что постоянной идеей Ильина была воссоединеніе въ одно цѣлое «всего человѣчества», съ уничтоженіемъ всякихъ «перегородокъ» и привилегій между людьми. Уничтоженіе сословій, чиновъ, духовнаго и свѣтскаго начальства, самихъ религій, и пр. и пр.—вотъ что всегда и вездѣ внушалъ Ильинъ изстрадавшимся про-

стымъ русскимъ людямъ, знавшимъ на себѣ всю тягость крѣпостного права и «кнутобойнаго»—какъ говорилъ Ильинъ—общественнаго порядка Россіи того времени.

Еще въ молодости Ильинъ, искавшій путей воссоединенія человѣчества, работалъ надъ новымъ языкомъ,—своего рода эсперанто,—такъ какъ хотѣлъ «путемъ одной азбуки создать одинъ языкъ, и путемъ одого языка соединить человѣчество» (10). Но помимо этой мечты о воссоединеніи всего человѣчества, Ильинъ для Россіи страстно жаждалъ освобожденія отъ всѣхъ нашихъ общественныхъ золъ и напастей.

И эта жажда освобожденія отъ «деспотизма предрержащихъ властей» не могла не найти самаго глубокаго душевнаго отклика среди тѣхъ простыхъ русскихъ людей, которые, будучи рабами рабовъ, всегда вдвойнѣ чувствовали этотъ дворянско-бюрократическій гнетъ общественнаго строя Россіи того времени. Само собой понятно, что всѣ власти, соприкасавшіяся съ Ильинымъ, смотрѣли на него подозрительно. Мундиръ капитана нѣсколько охранялъ его. Слѣдившіе за нимъ агенты власти, зная его постоянные разговоры о Богѣ, не рѣшались заподозрить въ его взглядахъ ничего политическаго и,—какъ это сдѣлалъ нижнетагильскій исправникъ въ своемъ донесеніи,—«сильное раздраженіе противу правительственныхъ властей» стремились объяснить тѣмъ, что, какъ имъ казалось, «по временамъ бываетъ у него (у Ильина)—отсутствіе разсудка» (84).

На ту же точку зрѣнія стала и слѣдственная коммиссія, отнесшая все ученіе и всю пропаганду Ильина къ «порожденію больного ума и разстроеннаго воображенія», которое «испытываетъ судьбу тѣхъ безчисленныхъ заблужденій, которыми такъ богата исторія мистицизма и религіознаго изуверства» (102). И на этомъ основаніи Ильинъ, вмѣстѣ со своими ближайшими учениками, понесъ тяжкое наказаніе. По Высочайшему повелѣнію, Ильина «за основаніе имъ религіозной секты, сущность ученія которой заключается въ искаженіи смысла словъ Евангелія и въ превратномъ толкованіи значенія православной вѣры»—предписано было «сослать въ Соловецкій монастырь безъ обозначенія срока заключенія», (102) Ссылкѣ въ различные монастыри были подвергнуты и ближайшіе друзья и родственники Ильина: его дочь А. Н. Ильина (по мужу Будрина) была сослана въ Новгородскій Свято-Духовъ монастырь; Лалетинъ—въ Казанскій Свѣжскій монастырь; Лалетина—въ Новгородскій Покровскій Звѣринскій монастырь, при чемъ у Лалетиной были отняты старшія дѣти и отданы родственникамъ, которыми они были «помѣщены въ закрытыя учебныя заведенія, гдѣ они выросли сиротами». (103).

Жизнь Ильина въ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ—была постинѣ ужасна. Сплошная пытка и надругательство тѣхъ, кому онъ былъ врученъ «для духовнаго убѣжденія»—какъ говорилось въ указѣ, посланномъ въ Соловецкій монастырь,—сопровождали многострадальную жизнь въ заточеніи Ильина. Въ Соловецкій монастырь Ильинъ былъ доставленъ 25 сентября 1859 года, гдѣ онъ пробылъ въ одиночномъ заключеніи до 28 сентября 1873 г., когда, послѣ четырнадцатилѣтняго заточенія онъ былъ переведенъ въ другую монастырскую тюрьму—въ Суздальскій монастырь, гдѣ пробылъ въ условіяхъ нисколько не лучшихъ—до 18 іюля 1879, т.-е. всего въ обоихъ монастыряхъ почти двадцать лѣтъ! Но «духовные вразумители» не имѣли никакого успѣха въ своемъ дѣлѣ. Ильинъ не только остался непреклоннымъ въ убѣжденіяхъ, но онъ еще подробнѣе развилъ все свое ученіе, формулировалъ его въ рядѣ трактатовъ и популяризировалъ во множествѣ небольшихъ брошюръ, написанныхъ въ стихахъ и въ прозѣ. Несмотря на вѣчный дозоръ, обыски и преслѣдованія, онъ ухитрился въ казематахъ Соловецкаго монастыря написать очень много произведеній и, что удивительнѣй всего, переправивъ ихъ на волю, дать имъ весьма широкое распространеніе. Его страданія и страданія ближайшихъ его друзей, заставили еще тѣснѣй сплотиться его послѣдователей, организовать въ весьма дѣятельную тайную организацію. ореолъ мученичества озарилъ Ильина и его друзей яркимъ свѣтомъ духовной красоты и привлекъ и до сихъ поръ привлекаетъ въ общины іеговистовъ многихъ крестьянъ и рабочихъ Предкавказья, Поволжья и Урала.

Послѣ Ильина осталось большое литературное наслѣдство. Его рукописи, разсѣянные по множеству организацій, еще должны быть собраны и изданы, дабы въ матеріалахъ по изслѣдованію русскаго сектантства и связаннаго съ нимъ религіозно-общественнаго движенія остался бы ясный слѣдъ проявленія въ Россіи хиліастическаго теченія западно-европейскихъ мистиковъ XVIII в.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

Критика и бібліографія.

Несторъ Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Петроградъ, 1916. Стр. 560. Ц. 2 р. 75 к.

Новая книга академика Котляревскаго составилаь изъ статей, печатавшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ «Вѣстникѣ Европы» подъ общимъ заглавіемъ «Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія въ Россіи въ шестидесятихъ годахъ». Авторъ полагаетъ, что въ жизни русской радикальной интеллигенціи 1855—1861 годы представляютъ вполне цѣльный и законченный періодъ: это—время выработки радикальной доктрины, прологъ революціоннаго движенія въ Россіи. Книга г. Котляревскаго состоитъ изъ слѣдующихъ частей: сначала авторъ даетъ общую характеристику русской радикальной мысли въ эпоху реформъ, затѣмъ идутъ отдѣльные очерки, посвященные Герцену, Добролюбову и Чернышевскому. Послѣднія главы говорятъ о постановкѣ женскаго вопроса въ 60-е годы, о значеніи иностранной книги въ образованіи міросозерцанія радикальной молодежи 1855—1861 г. г. и о русской изящной словесности той же эпохи.

Устанавливая общую точку зрѣнія на разсматриваемую эпоху, г. Котляревскій неоднократно подчеркиваетъ, что радикальное настроеніе 60-хъ г.г. было явленіемъ совершенно новымъ, безъ всякихъ прецедентовъ въ русской жизни. «Радикалы собственно не имѣли исторіи и должны были начинать собою совсѣмъ новое движеніе въ русской жизни...» (Стр. 57). Тѣ вспышки общественной мысли и чувства, которыя были въ царствованіе Александра I и Николая I, носили только обликъ радикализма: самые «крайніе» представители той эпохи неизмѣнно сохраняли ясное тяготѣніе къ религіозности, къ идеалистическому міропониманію и къ эстетикѣ. Относительно декабристовъ г. Котляревскій даже прямо повторяетъ не выдерживающее критики утвержденіе Ключевскаго, что декабрьское движеніе «имѣло

больше сходства со старыми дворцовыми переворотами, чѣмъ съ натискомъ широкой общественной мысли и общественнаго настроенія на установившійся порядокъ»; не видитъ авторъ подлиннаго радикализма и въ программѣ петрашевцевъ. Мы думаемъ, что представленіе о радикализмѣ 60-хъ г.г., какъ о чемъ-то явившемся сразу во всеоружіи, неизвѣстно откуда, и не имѣвшемъ никакихъ корней въ прошломъ, не можетъ быть принято историкомъ: преемственность идей и настроеній, напр., между кружкомъ петрашевцевъ и Бѣлинскимъ съ одной стороны, шестидесятниками—съ другой можетъ быть установлена съ несомнѣнностью. И эта преемственность до извѣстной степени чувствовалась и самими радикалами. Г. Котляревскій изображаетъ разницу въ отношеніяхъ къ прошлому либераловъ и радикаловъ въ такомъ видѣ: «Не говоря уже о славянофилахъ—либералы всѣхъ оттѣнковъ, и тѣ никогда бы не согласились, вступая на новый путь, предать прошлое полному забвенію. Осуждая общественныя и политическія традиціи прошлаго, они не думали отрекаться отъ тѣхъ духовныхъ благъ, которыя были куплены большимъ трудомъ и дорогой цѣной въ старые дореформенные годы. Все накопленное богатство духа, хотя бы и скромное, хотѣли они взять съ собой въ новую жизнь. Радикалы не цѣнили этого богатства. Отрицательное отношеніе къ старинѣ въ ея цѣломъ получилось у радикаловъ отнюдь не какъ плодъ глубокаго, всесторонняго раздумья надъ цѣнностью отвергаемыхъ культурныхъ пріобрѣтеній. Оно было въ большой степени плодомъ накопившагося раздраженія... (стр. 64—65). Нельзя не признать, что здѣсь позиція радикаловъ изображена съ грубоватой элементарностью: получаютъ суздальскаго типа нигилисты, все отрицающіе—въ противоположность культурнымъ либераламъ. Какъ это, собственно, радикалы «все» отрицали въ прошломъ? Вѣдь это выраженіе—почти безсодержательное по своей широтѣ и приближающееся къ категоріи «страшныхъ словъ». И въ 60-е годы, несомнѣнно, радикалы ставили себѣ вопросъ, отъ какого наслѣдства они отказываются,—и не такъ ужъ огульно было ихъ отрицаніе всего прошлаго. Кто, какъ не вождь радикаловъ Чернышевскій, первый произнесъ запретное имя Бѣлинскаго и въ восторженныхъ выраженіяхъ напомнилъ русскому обществу о заслугахъ великаго критика? Съ отрицаніемъ ли относились самые рьяные радикалы къ художественной дѣятельности Гоголя? Вѣдь въ книгѣ самого г. Котляревскаго найдутся указанія на подобные факты (см. напр., стр. 381—382, 478). Можно ли при этихъ условіяхъ говорить о полномъ отказѣ радикаловъ отъ всѣхъ духовныхъ цѣнностей, выработанныхъ въ предшествующій періодъ русской жизни?

По мнѣнію г. Котляревскаго, шестидесятые годы являются не началомъ обновленной Россіи, а эпилогомъ старой, хотя этотъ эпилогъ существенно отличается отъ самой «дореформенной эпопеи». Существенно новымъ было то, что въ эту эпоху впервые создалась передовая интеллигенція, выдвинувшая, въ противовѣсъ бюрократіи, силу общественнаго мнѣнія. «Своимъ темпераментомъ, совсѣмъ для русской жизни необычнымъ, равно какъ и своимъ идейнымъ направленіемъ, для Россіи опять-таки новымъ, эпоха реформъ была обязана именно передовой интеллигенціи—тѣмъ двумъ группамъ людей, которыя, признавъ перемѣну въ строѣ жизни неизбежной и необходимой, расходились въ опредѣленіи и въ оцѣнкѣ средствъ и способовъ, какими такая перемѣна должна производиться. Одни изъ представителей окрѣпшаго общественнаго мнѣнія были болѣе или менѣе умѣренными либералами; другіе болѣе или менѣе неуступчивыми радикалами». (Стр. 18). Здѣсь довольно неожиданнымъ является признаніе общности конечной цѣли у либераловъ и радикаловъ, которые расходились только въ путяхъ къ «перемѣнѣ строя», а самую «перемѣну» мыслили яко-бы одинаково. Кромѣ того, наряду съ радикалами, и либераламъ эпохи реформъ приписанъ необычный для старой Россіи темпераментъ. Неужели же эти либералы своимъ общественнымъ темпераментомъ превосходили, скажемъ, Пестеля, Петрашевскаго, Бѣлинскаго? Авторъ и самъ въ другихъ мѣстахъ книги говоритъ совсѣмъ иное, напр., на стр. 26-й говорится, что «публицистика обще-либеральнаго тона, въ отличіе отъ зарождавшейся тогда же молодой публицистики радикальнаго лагеря, была очень безцвѣтна, такъ какъ вести ее должны были люди старой литературной школы, которымъ публицистическій темпераментъ былъ несвойственъ, а приемы публицистической борьбы чужды». Такъ или иначе,—авторъ устанавливаетъ, что въ 60-е годы въ идейной жизни русской интеллигенціи происходитъ большая перемѣна, возникаютъ явленія совершенно новыя, до тѣхъ поръ невѣдомыя. Каковы же причины такой важной перемѣны? Отъ одного объясненія, заключающагося въ своеобразіи соціальнаго состава радикальной интеллигенціи, авторъ съ самаго начала совершенно опредѣленно отказывается. Онъ допускаетъ еще, что «сословныя тенденціи» можно отыскать въ консервативныхъ кругахъ,—но убѣжденъ въ томъ, что либеральная и въ особенности радикальная группа отъ такихъ тенденцій свободны. «Всѣ характерныя черты въ психикѣ радикаловъ, вышедшихъ изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества, ничѣмъ не отличаются отъ психическихъ движеній той «дворянской» души, которая въ тѣ годы также нерѣдко

становилась въ ряды радикаловъ. Радикалами, происходившими изъ разныхъ сословій, руководила прежде всего гуманная идея; эта идея и придавала ихъ мыслямъ, стремленіямъ и поступкамъ цѣльность и единство». (Стр. 37—38). Вопросъ о вліяніи той или иной классовой психики на стремленія и настроенія интеллигенціи 60-хъ — 70-хъ г.г. поставленъ уже давно; вопросъ это очень сложный, но въ то же время и очень увлекательный для историка; къ сожалѣнію, книга академика Котляревскаго не даетъ никакихъ матеріаловъ для его разрѣшенія. Но если авторъ не придаетъ никакого значенія классовому составу радикальной интеллигенціи, чѣмъ же можно объяснить новыя, совершенно необычныя ея проявленія? На стр. 33-й г. Котляревскій поражается, откуда взялись у радикаловъ рѣзко обнаруженная склонность къ свободному мышленію, необычная сила воли и энергія, большой задоръ. «Вспоминая, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ воспитывались ихъ умъ и характеръ, нельзя не подивиться необычности самаго ихъ появленія». Вмѣстѣ съ авторомъ остается дивиться и читателю,—за неимѣніемъ объясненій. Единственное объясненіе, которое можно найти въ одномъ мѣстѣ (стр. 47), это ссылка на воспитательныя вліянія, подъ которыми росли представители молодой интеллигенціи 60-хъ гг.: правительство своей системой воспитанія подготовило цѣлые кадры людей, ему принципиально враждебныхъ. Объясненіе, конечно, крайне недостаточное: вѣдь и поколѣніе 40-хъ гг. воспитывалось въ точно такой же атмосферѣ, въ реакціонной школѣ 20-хъ и начала 30-хъ г. г. Полная невыясненность условій, создавшихъ радикальныя настроенія молодежи, тѣмъ ощутительнѣе, что авторъ сводитъ всю культурную роль радикаловъ 60-хъ г. г. къ свойствамъ ихъ личностей. Идеи свои они не сами выработали, а заимствовали и только довели до крайностей; въ религіи они были простыми индифферентами и отрицателями, въ философіи—послѣдователями наивнаго матеріализма, въ этикѣ—проповѣдниками какъ будто яснаго «разумнаго» эгоизма; въ вопросахъ политическихъ старались превзойти другъ друга радикализмомъ. Не эти упрощенныя идеи создали силу радикаловъ, а самое ихъ отношеніе къ своимъ мыслямъ и къ жизни вообще, настроеніе гордой вѣры въ свое призванье. Эти новые люди производили впечатлѣніе прежде всего какъ личности»... (Стр. 80).

Общія сужденія г. Котляревскаго объ идеологіи 60-хъ г. г. представляются такимъ образомъ не свободными отъ противорѣчій и мало дающими для историческаго пониманія генезиса этой идеологіи. Много спорнаго по существу и въ характеристикахъ отдѣльныхъ представителей интеллигенціи. Въ главахъ,

посвященныхъ Герцену, главнымъ образомъ, уясняется та позиція, которую занялъ «Колоколъ» въ общественномъ движеніи конца 50-хъ г. г. Позиція эта характеризуется, какъ чрезвычайно неловкая и до послѣдней степени невыгодная, при всемъ блескѣ герценовской публицистики. Значеніе «Колокола» пало такъ скоро потому, что рѣшительно по всѣмъ вопросамъ Герценъ давалъ отвѣты, не удовлетворявшіе ни либераловъ, ни радикаловъ, ни вообще кого бы то ни было (стр. 99). Будучи, въ сущности, по природѣ миролюбивой натурой, Герценъ въ «Колоколѣ» слишкомъ часто прибѣгалъ къ рѣзкой революціонной терминологіи, отпугивавшей отъ него умѣренныхъ людей, такъ какъ ему было неловко въ столь боевой моментъ выкинуть знамя мирнаго труда. «Колоколъ», не будучи революціоннымъ изданіемъ, вводилъ въ заблужденіе тѣхъ, кто желалъ видѣть въ немъ органъ русской революціи. (Стр. 129—131). Станнымъ представляется, какъ могъ «Колоколъ» имѣть хотя бы кратковременный успѣхъ, да еще такой огромный, если во главѣ его стоялъ «старѣющій либераль-идеалистъ 40-хъ г. г.» (стр. 161), становившійся по временамъ въ революціонную позу и ко всѣмъ вопросамъ жизни дававшій отвѣты, которые рѣшительно никого не удовлетворяли? Своеобразіе общественныхъ взглядовъ Герцена мало уясняется отъ того, что г. Котляревскій неоднократно называетъ его либераломъ. Вопросъ о наличности революціоннаго темперамента у Герцена какъ будто не ясенъ для самого автора; по крайней мѣрѣ, въ разныхъ мѣстахъ находятся противорѣчащія утвержденія: на стр. 129-ой мы узнаемъ, что «природа отказала ему въ даръ истинно революціоннаго духа, агитаторскаго и организаціоннаго», а на стр. 96-й читаемъ: «А Герцену природа все-таки не отказала вполне въ темпераментъ агитатора и революціонера». Въ концѣ-концовъ авторъ какъ будто больше склоняется къ тому, что революціоннаго духа у Герцена не было, и, повидимому, главной ошибкой Герцена для него является то, что онъ не сумѣлъ пойти одной дорогой съ либералами. Онъ съ сожалѣніемъ говоритъ о натянутыхъ отношеніяхъ между людьми, которые могли бы сговориться и размежеваться мирно въ общей работѣ. «Либералы отъ разногласія съ Герценомъ ничего не теряли, такъ какъ оставались при своей работѣ, на своихъ постахъ, въ границахъ большей или меньшей законности. Но Герценъ несомнѣнно проигрывалъ: онъ терялъ многихъ союзниковъ, которые, хотя въ борцы и не годились, но симпатіей своей несомнѣнно могли способствовать укрѣпленію престижа газеты». (Стр. 143). Можно спросить: а былъ ли бы Герценъ той колоссальной фигурой, какой онъ является, если бы онъ цѣликомъ укладывался въ рамки

мирнаго либерализма? Говоря объ отношеніяхъ Герцена съ либералами, г. Котляревскій въ частности останавливается на извѣстной полемикѣ Герцена съ Чичеринымъ, письмо котораго къ Герцену, съ упреками за крайности, было напечатано въ «Колоколѣ». Симпатіи автора въ этомъ спорѣ явно склоняются на сторону Чичерина: онъ сожальѣтъ, что темпераментъ Герцена заставлялъ часто его рѣчь сбиваться съ умѣреннаго тона. По поводу фразы Герцена въ его отвѣтѣ Чичерину: «Мы хотѣли быть протестомъ Россіи, ея крикомъ освобожденія и крикомъ боли». Котляревскій говоритъ: «Но протестомъ Россіи былъ вѣдь и авторъ письма, который потомъ, во все продолженіе долгой своей жизни, оставался образцомъ свободно мыслящаго гражданина». (Стр. 140). Что собственно понимаетъ авторъ подъ выраженіемъ «протестъ Россіи», если онъ и умѣренный либерализмъ Чичерина считаетъ такимъ протестомъ? Общественное значеніе публицистики Герцена опредѣляется въ книгѣ такъ: «Изъ всего, что было напечатано на русскомъ языкѣ въ періодъ отъ 1855-го до 1861-го года, Лондонская публицистика была всего болѣе насыщена боевымъ элементомъ и яснѣе, чѣмъ чьи-либо слова, говорила о силѣ и значеніи свободной личности, за долгіе годы столь принижаемой въ Россіи». (Стр. 161). Непонятно, какъ соединить эти похвалы боевому элементу «Колокола» съ сожальніями о вредившемъ Герцену его темпераментѣ.

Если въ характеристикѣ Герцена, наряду съ интересными страницами, многое вызываетъ сомнѣніе, то совсѣмъ неудачнымъ является у г. Котляревскаго освѣщеніе, которое онъ даетъ личности и общественной программѣ Добролюбова. Приступая къ характеристикѣ Добролюбова, авторъ съ самаго начала заявляетъ: «То, чему училъ Добролюбовъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, давно стало азбукой, и въ настоящее время намъ болѣе видны недочеты въ его міросозерцаніи, чѣмъ стороны сильныя, которыя отъ времени потускнѣли». Объ устарѣлости многого въ идеяхъ Добролюбова спорить не приходится, но гдѣ въ книгѣ живая личность критика со всѣмъ ея обаяніемъ? Ея нѣтъ и въ поминѣ. Много и подробно говорится о томъ, чего у Добролюбова не было, такъ что въ концѣ концовъ возникаетъ вопросъ: да что же въ немъ было? Въ обликѣ Добролюбова нѣтъ ничего, что заставляло бы предполагать особенно сильное кипѣніе думъ и страстей (стр. 176); религіозность свою Добролюбовъ утратилъ безъ особыхъ усилій ума и безъ особенно сильныхъ потрясеній душевныхъ (стр. 179); онъ былъ почти что равнодушенъ къ раздумью надъ отвлеченными началами жизни, обнаруживалъ холодность къ вопросамъ философскимъ (181, 206); онъ относился невнима-

тельно къ вопросу о значеніи красоты въ жизни, мало интересовался проблемами эстетики (208—209); не углублялся въ вопросъ о значеніи личности въ исторіи, ибо не любилъ отвлеченныхъ историческихъ тонкостей (216); не смущалъ читателя широтой замысловъ, героическими помыслами и подъемомъ героического чувства (190); скользилъ по этическимъ вопросамъ, не давая имъ никакого оригинальнаго освѣщенія (212); совершенно не обнаружилъ стойкаго революціоннаго темперамента (223—226). Зато Добролюбовъ давалъ хотя и чрезвычайно скромную, но совершенно простую и ясную, всѣмъ доступную безъ большаго напряженія ума общественную программу; правда, онъ очень упрощалъ всѣ вопросы, которыхъ касался, лишалъ ихъ глубины, но тѣмъ доступнѣе дѣлалъ ихъ для широкихъ круговъ (стр. 194); онъ предъявлялъ такія моральныя требованія, которые были всѣмъ по плечу (185). Не мудрено, что среди молодого поколѣнія «побѣда осталась за словомъ простымъ и не перегруженнымъ идеями и чувствами» (252). Была и еще одна причина популярности Добролюбова среди радикаловъ: въ рѣчахъ критика, обращенныхъ къ молодымъ людямъ, были большія похвалы по ихъ адресу—похвалы, пока еще мало заслуженныя, и потому тѣмъ болѣе лестныя (стр. 255). Неужели все это объясняетъ обаяніе, производимое личностью Добролюбова на тѣхъ, кто съ нимъ соприкасался, и въ частности на такого человѣка, какъ Чернышевскій?

Имя академика Котляревскаго пользуется большой и заслуженной извѣстностью, которую онъ пріобрѣлъ своими талантливыми изслѣдованіями чисто литературныхъ явленій. Въ послѣдней своей книгѣ г. Котляревскій выступилъ въ роли историка русскаго общественнаго движенія. Нельзя сказать, чтобы эта новая роль удалась ему.

М. Клевенскій.

Собраніе сочиненій В. И. Григоровича, 1864—76 г.г. Изд. Ист.—Фил. Общества при Имп. Новоросс. Университетѣ, подъ редакціей проф. М. Г. Попруженка. Одесса, 1916 г.

Желая отдать должное памяти піонера славянофильства въ Одессѣ, одинъ изъ преемниковъ В. И. Григоровича по кафедрѣ славяновѣдѣнія въ Имп. Новоросс. Университетѣ издалъ, по порученію мѣстнаго Историко-Филологическаго Общества, ко дню столѣтія рожденія извѣстнаго слависта (30 апр. 1915 г.), собраніе его сочиненій, напечатанныхъ имъ за время пребыванія профессоромъ въ Одессѣ.

Во вступительной статьѣ проф. Попруженко выясняетъ, что

въ Одессу проф. Григоровичъ стремился, какъ въ центръ, удобный и для изученія исторіи Южной Россіи, и для культурнаго сближенія и общенія съ южными славянами. Открытое въ маѣ 1870 г. Одесское Славянское Благотворительное Общество имени свв. Кирилла и Меѳодія и рядъ статей по исторической географіи и археологіи южной Россіи, съ благоговѣйной старательностью собранныхъ теперь въ одинъ томъ проф. Попруженкомъ, остаются памятниками дѣятельности В. И. Григоровича въ Одессѣ. Такія статьи, какъ «Записки антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра и Днѣстра» или какъ «Записки о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-ученомъ Archivъ Главнаго Штаба» въ живой формѣ точнаго описанія научныхъ экскурсій въ историческія мѣстности и книгохранилища до сихъ поръ могутъ служить введеніемъ въ кругъ вопросовъ и матеріаловъ науки о древностяхъ южной Россіи, поставленныхъ ей еще на зарѣ ея развитія, отчасти именно самимъ В. И. Григоровичемъ.

Но особенно сильное впечатлѣніе производитъ это «Собраніе сочиненій В. И. Григоровича» на каждого, кто слѣдитъ за ростомъ русской науки и историческаго самосознанія въ русскомъ обществѣ за послѣднія 40 лѣтъ. Теперь, при сопоставленіи съ трудами Бертье Делагарда, ф. Штерна, Хвойка, Латышева, Фармаковского, Кулаковского, Середонина, Эварницкаго и друг. свѣдѣнія около 1864—76 г.г. такого знатока южно-русской старины, какъ В. И. Григоровичъ, о памятникахъ древности надъ или подъ поверхностью южно-русскихъ степей, о тамошнихъ древнихъ географическихъ названіяхъ, по скромности размѣровъ и своей свѣжести, представляются чаще всего какимъ-то отрочествомъ археологіи южной Россіи. Даже о христіанскихъ памятникахъ въ Херсонесѣ Григоровичъ замѣчаетъ: «Въ Севастополѣ мое пребываніе не могло быть продолжительнымъ... Бѣдное это собраніе не достойно значенія знаменитаго Херсона»—«Имѣя въ виду собрать свѣдѣнія о христіанской культурѣ Тавриды, я съ сожалѣніемъ убѣдился, что въ музеяхъ Керчи и Феодосіи памятники этой культуры почти ничтожны». Григоровичъ для Херсонеса только мечтаетъ о русскомъ Шлиманнѣ. При этомъ среди новороссовъ практическіе интересы къ досадѣ «антиквара» заглушаютъ любознательность къ прошлому быту и старинѣ: «нельзя не сѣтовать на то, что особенно нажившіеся выходцы мстятъ равнодушіемъ и пренебреженіемъ къ былому за трудъ русскаго народа на этой южно-русской землѣ».

Впечатлѣніе почки или перваго ростка производитъ и славянофильство В. И. Григоровича въ Одессѣ въ эпоху Ивана Акса-

кова, на зарѣ русско-турецкой войны 1877—78 гг., въ особенности теперь, когда славянскій вопросъ разрѣшается въ болѣе чѣмъ двухлѣтней войнѣ.

Желаніе бѣжать изъ крупныхъ центровъ научной энергіи, изъ Москвы въ Казань, изъ Одессы въ Елисаветградъ, составляетъ загадочную особенность въ порывахъ этого крупнаго по своимъ дарованіямъ и эрудиціи ученаго. То же добровольное самоограниченіе сказывается и въ одностороннемъ бѣгствѣ отъ размаха академическаго изслѣдователя въ скромную скорлупу чернорабочаго антиквара. Конечно, малочисленность мѣстныхъ изслѣдователей и научныхъ обществъ оправдывала эту тенденцію Григоровича—самому обжигать кирпичи для своихъ научныхъ построеній. Истор.-Филол. Общество создано послѣ Григоровича, а въ Одесск. Общество Исторіи и Древностей онъ почему-то не вложилъ своей энергіи. Однако, примѣры изъ исторіи русской науки доказываютъ, что въ дни Григоровича уже назрѣло время для широкихъ научныхъ замысловъ. Можетъ быть, только В. И. Григоровичъ неудачно выбралъ себѣ мѣсто для постановки подобныхъ задачъ. Вѣдь слависты Богишичъ и Ягичъ около того-же времени просто ушли изъ Одессы.

Евг. Щепкинъ.

Д. Дарскій. *«Радость земли». Изслѣдованіе лирики Фета.* Кн-во Некрасова. МСМХVI. Стр. 207, цѣна 2 р.

В. С. Федина. А. А. Фетъ. *Матеріалы къ характеристикѣ.* Петроградъ. 1915. Стр. 146, цѣна 1 р.

Русская литература не имѣетъ такого крупнаго изслѣдованія Фета, какое далъ ей г. Дарскій. Послѣ очерковъ, статей, замѣтокъ появляется, наконецъ, книга о Фетѣ съ тщательнымъ разборомъ всѣхъ важнѣйшихъ мотивовъ его лирики. Въ основу изслѣдованія положено психологическое изученіе того факта, который всѣмъ бросался въ глаза, а большинству казался загадочнымъ,—факта совмѣщенія въ одномъ человѣкѣ такихъ противоположностей, какими были крѣпостникъ-хозяинъ Шеншинъ и чуткій лирикъ Фетъ. Для Писарева это обстоятельство было лишнимъ аргументомъ для констатированія ничтожества Фета, какъ поэта. Для другихъ это было загадкой, игрой природы. По мнѣнію г. Дарскаго «практичность» Шеншина была той почвой, въ которую уходили волевые корни личности поэта, чтобы дать ему возможность чистаго отвлеченія въ сферу поэтическаго созерцанія міра.

Выясняя глубокую, органическую связь Фета съ почвой, съ природой,—съ космосомъ, г. Дарскій иллюстрируетъ ее лирикой природы и любви и вырисовываетъ проникающее эту поэ-

зію цѣльное міросозерцаніе. Авторъ использовалъ кое-что изъ сказаннаго уже о Фетѣ, давъ извѣстнымъ мыслямъ исчерпывающее развитіе, высказалъ много новаго, оригинальнаго. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ остался вполне самостоятельнымъ, потому что общая концепція принадлежитъ исключительно ему. Примѣромъ вполне оригинальнаго наблюденія автора можетъ служить глава «Неприступный храмъ», гдѣ съ замѣчательнымъ искусствомъ возсоздана страница изъ біографіи Фета, вычитанная исключительно изъ его стихотвореній зоркимъ изслѣдователемъ,—исторія неудачной любви поэта.

Прекрасный стиль автора нерѣдко впадаетъ въ красоту, а это—большой порокъ критика: когда послѣдній пытается соперничать съ разбираемымъ поэтомъ, вмѣсто того, чтобы отбѣнить его блескъ строгой простотой своей рѣчи,—становится досадно.

Одного не хватаетъ въ книгѣ г. Дарскаго,—анализа формы стихотвореній Фета.

Совершенно иного типа изслѣдователь—г. Федина. Если г. Дарскимъ руководитъ интуиція, то основное свойство г. Федины—кропотливость, свойство весьма важное, но обрекающее автора на вспомогательную роль. Дана богатая бібліографія литературы о Фетѣ, дано освѣщеніе двухъ важныхъ біографическихъ вопросовъ—о рожденіи и смерти поэта. Оказывается вѣроятнымъ, что въ Фетѣ не было ни капли русской крови, что онъ былъ сыномъ не А. Н. Шеншина, а нѣмца-ассессора Фета. Оказывается вѣроятной и версія о самоубійствѣ поэта. Дано нѣсколько статей по разнымъ вопросамъ поэзіи Фета, но эрудиція и кропотливость отягощаютъ робкую мысль автора. Онъ вычислилъ, сколько разъ какія животныя, растенія, цвѣты, упоминаются у Фета и Тютчева, составилъ таблицы, но едва ли это кому нужно, да и самъ г. Федина не извлекъ ничего существеннаго изъ своей сизифовой работы. Она не спасла его отъ произвольныхъ утвержденій, въ родѣ того, что Лермонтовъ не воспріимчивъ къ обонятельнымъ ощущеніямъ. Въ заключеніе даю цитаты, опровергающія эти утвержденія: «сады благоуханіемъ наполнились живымъ», «дыханье тысячи растеній», «и ароматною росой всегда увлажненные ночи...» «кадильницъ благовонный дымъ», «дохнули сонные цвѣты...»

Влад. Фишеръ.

*В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе»? («Отрывокъ путешествія въ *** И *** Т ***» 1772 г. и «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» 1790 г.). Изд. Л. Э. Бухгеймъ М. 1916 г. стр. 46; ц. 1 руб.*

Книжка г. Семенникова занимается разрѣшеніемъ стараго вопроса, является ли Радищевъ авторомъ знаменитаго «Отрывка

путешествія», помѣщенного въ «Живописцѣ» Новикова 1772 г. Близость этого «Отрывка» къ «Путешествію изъ Петербурга въ Москву» давно была замѣчена, и соблазнила многихъ изслѣдователей высказать догадку о принадлежности Радищеву этой статьи въ «Живописцѣ». Правда, никакихъ серьезныхъ данныхъ для такихъ утверждений не было: всѣ догадки покоились на ошибочномъ сообщеніи сына Радищева Павла о томъ, что одна изъ главъ «Путешествія» была напечатана въ «Живописцѣ» («Русск. Вѣстн. 1858, № 23»). Это дало толчокъ догадкамъ, сопоставленіямъ въ области стиля и идей, предположеніямъ, что «Отрывокъ»—первоначальный набросокъ какой-нибудь главы «Путешествія», не вошедшей потомъ въ книгу Радищева ¹⁾.

Г. Семенниковъ не располагаетъ, какъ и предыдущіе изслѣдователи вопроса, никакими новыми объективными данными, но анализъ и сличеніе стиля и образа мыслей въ «Отрывкѣ» и нѣкоторыхъ главахъ «Путешествія» онъ провелъ значительно глубже, конкретнѣе, чѣмъ у другихъ изслѣдователей. Во всей богатой литературѣ о Радищевѣ—это первая попытка подойти вплотную къ изученію и характеристикѣ стиля Радищевскихъ произведеній. Правда, наблюденія надъ стилемъ ведутся не широко и ограничены лишь описательными главами «Путешествія». Здѣсь г. Семенниковъ обращаетъ вниманіе на два основныхъ элемента стиля—сентиментальный и народный, и дѣлаетъ попытку отмѣтить особенности словоупотребленія у Радищева. Все это имѣетъ значеніе и внѣ связи съ вопросомъ о принадлежности Радищеву отрывка.

Опираясь на свой анализъ стиля г. Семенниковъ категорически высказывается «съ полнымъ убѣжденіемъ» за авторство Радищева въ «Отрывкѣ». Своимъ убѣжденіемъ г. Семенниковъ заражаетъ и читателя: удачно комбинируя свои наблюденія надъ стилемъ и ходомъ мысли автора «Отрывка» и автора «Путешествія», онъ легко подготавливаетъ читателя къ принятію его «полнаго убѣжденія» въ тождественности обоихъ авторовъ. Но насколько убѣдительнымъ кажется общая умѣлая группировка соображеній и доводовъ, настолько неубѣдительнымъ и шаткимъ кажется каждый отдѣльный выводъ при критическомъ подходѣ къ нему. Такъ увлекаетъ дышащая убѣжденіемъ рѣчь, хотя

¹⁾ Въ своей статьѣ о Радищевѣ («Гол. Мин.» 1913 г., № 5 стр. 103) мы коснулись тоже этого вопроса и пытались чисто формально разрѣшить его въ отрицательномъ смыслѣ, не вдаваясь въ сличенія и анализъ по содержанію и стилю. Одинъ изъ нашихъ существенныхъ формальныхъ доводовъ теперь опровергнутъ г. Семенниковымъ (стр. 8). Но всѣ остальные соображенія о невозможности для Радищева участія въ «Живописцѣ» не опровергнуты убѣдительнымъ образомъ г. Семенниковымъ.

съ каждымъ отдѣльнымъ аргументомъ мы не можемъ согласиться въ полной мѣрѣ.

Г. Семенникову мы можемъ указать нѣсколько общихъ соображеній, которыя ослабляютъ силу его доводовъ.

Анализъ стиля можетъ быть убѣдителенъ только въ томъ случаѣ, если берутся для сличенія близкія по времени произведенія. Между «Отрывкомъ» и «Путешествіемъ» промежутокъ времени опредѣляется въ 10—17 лѣтъ, а эти годы были какъ разъ годами приспособленія къ русской дѣйствительности отвлеченнаго книжнаго міровоззрѣнія, выработаннаго Радищевымъ въ Лейпцигѣ. Между «Отрывкомъ» и «Путешествіемъ» лежитъ изученіе церковно-славянскихъ книгъ, штудированіе декламатора Рейналя.

Анализъ стиля можетъ имѣть силу объективныхъ данныхъ только тогда, когда такая же работа продѣлана надъ стилемъ другихъ современниковъ Радищева, когда изъ многихъ наблюденій надъ слогомъ многихъ писателей уже опредѣленъ отпечатокъ на немъ эпохи, свойственный большинству современниковъ. Вѣдь только по этимъ даннымъ можетъ быть установленъ индивидуальный стиль того или иного автора. Вся эта работа еще не продѣлана, и г. Семенниковъ очень часто оперируетъ съ сопоставленіями, которыя не имѣютъ никакой цѣны, потому что къ параллельнымъ выдержкамъ изъ «Отрывка» и «Путешествія» можно привести цѣлый рядъ аналогичныхъ выдержекъ, хотя бы изъ «Трутня». Большая часть тѣхъ словоупотребленій, которыя г. Семенниковъ считаетъ характерными для Радищева—характерны для всей эпохи или для одинаково настроенныхъ и мыслящихъ писателей. Таковы, на примѣръ, «человѣчество»-человѣколюбіе, «бояринъ»-баринъ; особенные, оттѣнки и значенія, придаваемые словамъ: «тиранъ», «хижина и подобный», «жестокосердый», и проч. (см. у Семенникова стр. 26—30), какъ разъ въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ они употреблены въ «Отрывкѣ» и «Путешествіи», мы найдемъ во множествѣ примѣровъ изъ «Трутня», издававшагося въ 1769—1770 г. и ужъ безъ сомнѣнія внѣ всякаго участія Радищева, сидѣвшаго тогда за школьной скамьей Лейпцигскаго университета (см., напр.: Трутень, ч. I. Стр. 7, 27, 30, 38, 39, 55, 57, 63, 142, 151 и др. по изд. А. С. Суворина). Для стиля Радищева г. Семенниковъ считаетъ характерной комбинацію народнаго и сентиментальнаго элементовъ, рѣдкихъ по его словамъ, въ то время. Но стоитъ заглянуть въ «Трутень», чтобы легко отыскать оба эти элемента и тамъ. Стоитъ вспомнить журналы Чулкова 1769—1770 г.г., носящіе явный отпечатокъ народности, чтобы шире раздвинуть рамки, въ которыя хочетъ г. Семенниковъ уложить этотъ элементъ. Стоитъ вспомнить,

что и sentimentalный элементъ былъ не такъ ужъ рѣдокъ, чтобы понять, что нити, связывающія русскій sentimentalизмъ съ западно-европейскимъ, протягиваются къ Руссо, а не къ Стерну, еще не извѣстному на русскомъ языкѣ, хотя однимъ изъ первыхъ русскихъ читателей Стерна и могъ быть Радищевъ, такъ какъ въ Лейпцигѣ во время его пребыванія «Sentimentальное путешествіе» Стерна вышло въ нѣмецкомъ переводѣ. Но со своимъ sentimentalнымъ «Дневникомъ одной недѣли» (1780-е годы) Радищевъ не былъ ужъ такимъ новаторомъ въ этой области. О. А. Эминъ еще въ 1766 г. издалъ свое подражаніе «Новой Элоизѣ» Руссо въ видѣ знаменитыхъ «Писемъ Эрнеста и Доравры». Типичнымъ «руссоизмомъ» является словечко «хижина», употребленное въ «Отрывкѣ» и въ «Описаніи моего владѣнія» Радищева въ смыслѣ «крестьянская изба». А это тоже является доводомъ для г. Семенникова.

Кромѣ всего этого, работа г. Семенникова оставляетъ неразрѣшеннымъ сомнѣніе, затронутое въ литературѣ вопроса и обойденное авторомъ. Мы имѣемъ въ виду старую расшифровку инициаловъ И*** Т***—какъ И. П. Тургеневъ и Издатель Трутня. Если первая догадка не имѣетъ другой почвы подъ собой, кромѣ сходства буквъ, то вторая наводитъ на нѣкоторыя размышленія, и изслѣдователю вопроса объ авторѣ отрывка непременно надо было сказать что-нибудь по существу этой догадки.

Въ общемъ работа г. Семенникова, несмотря на большую убѣжденность и убѣдительность тона, не отличается большой доказательностью. Съ несомнѣнной ясностью изъ нея вытекаетъ одно. Между «Отрывкомъ» и «Путешествіемъ» есть безусловная связь, установленная и подтвержденная теперь документально г. Семенниковымъ. Принадлежать ли оба произведенія одному лицу, вопросъ все-таки остается открытымъ. И тайна близости ихъ, быть можетъ, заключается въ томъ, какъ мимоходомъ допускаетъ г. Семенниковъ (стр. 20), что «Отрывокъ» вмѣстѣ съ другими литературными произведеніями, обычно называемыми со словъ самого Радищева, повліялъ на него въ процессѣ работы надъ «Путешествіемъ».

В. Міаковскій.

С. Ф. Либровичъ. *На книжномъ посту. Воспоминанія. Записки. Документы.* Изд. М. Вольфа. Петроградъ—Москва. 1916 г. 496 стр. ц. 2 р. 75 к.

Книгоиздательства, да и просто книжные магазины, сыграли крупную роль въ исторіи русскаго народнаго просвѣщенія. И не даромъ благородный Новиковъ пламенно берется за книго-

издательскую дѣятельность. Во времена Пушкина достаточно вспомнить книжную лавку Смирдина. Въ новѣйшее время у насъ былъ цѣлый рядъ книгоиздательствъ, ставившихъ себѣ идейныя, просвѣтительныя цѣли. Достаточно вспомнить Павленкова или Солдатенкова.

Книгоиздательство М. Вольфа не принадлежитъ къ числу указанныхъ идейныхъ затѣй, ставящихъ себѣ цѣлью создать и распространить книги опредѣленнаго характера, опредѣленной окраски. Покойный М. Вольфъ былъ чуждъ такихъ идейныхъ заданій. Его издательство было коммерческимъ предпріятіемъ, что и отразилось на чрезвычайной пестротѣ и идейной разнородности изданныхъ имъ книгъ. Но, однако, и издательство М. Вольфа и его извѣстные книжные магазины сыграли свою роль въ исторіи распространенія просвѣщенія на Руси и за долгіе годы тутъ скопился богатый архивъ по исторіи книгъ, читателей и писателей Руси.

С. Ф. Либровичъ въ теченіе долгихъ годовъ принимающій близкое участіе въ книгоиздательствѣ и книжномъ магазинѣ М. Вольфа, собралъ всѣ эти архивныя данныя, дополнилъ ихъ своими личными воспоминаніями и издалъ чрезвычайно любопытную книгу «На славномъ посту». Въ ней собранъ богатый матеріалъ, характеризующій и читательскіе и писательскіе круги, условія литературной работы и распространенія книги на Руси. О какихъ-либо «крамольныхъ» стремленіяхъ издательства Вольфа говорить не приходится. Но, несмотря на это, надъ нимъ не разъ скоплялись грозовыя тучи.

Въ началѣ 1879 г. М. Вольфъ получаетъ приглашеніе въ пресловутое «третье отдѣленіе», гдѣ ему грозно заявляютъ: «У насъ имѣются неоспоримыя доказательства, что вами въ разное время такого-то и такого-то числа высылались денежныя суммы на имя русскихъ революціонеровъ, проживающихъ въ Парижѣ и Вѣнѣ».

Все дѣло оказалось въ томъ, что М. Вольфъ предпринялъ изданіе русскаго перевода книги Готтенрота. Переводчикомъ, по рекомендаціи И. Тургенева, былъ русскій эмигрантъ Клячко. Ему-то и пересылаетъ деньги М. Вольфъ. И на этой почвѣ возникаетъ обвиненіе М. Вольфа въ томъ, что онъ «поддерживаетъ своими средствами революцію». По счастью для М. Вольфа однимъ изъ первыхъ на книгу Готтенрота подписался тогдашній всесильный министръ гр. Дм. Толстой. М. Вольфъ пользуется первымъ посвященіемъ всесильнаго министра, чтобы въ шутиливой формѣ сообщить, что оба они оказались сообщниками революціи. И гр. Д. Толстой своими подписными деньгами поддерживаетъ

революцію. Гр. Д. Толстой разсмѣялся и его вмѣшательство повело къ тому, что громъ изъ тучи третьяго отдѣленія не грянулъ.

И еще не разъ всесильные кліенты магазина М. Вольфа разряжали назрѣвавшую надъ издательствомъ грозу.

Въ архивѣ М. Вольфа сохранились любопытныя «бытовыя» картинки.

Какъ напр., выразительна маленькая исторія съ романомъ Л. Толстого «Анна Каренина». Романъ, какъ извѣстно, печатался въ «Рус. Вѣстн.» Каткова. Читатели ждали каждую книжку журнала съ волнующимся нетерпѣніемъ. Распространился слухъ, что въ магазинѣ М. Вольфа раньше выхода книжки журнала получаютъ корректурные листы «Анны Карениной» и продаютъ въ рукописныхъ копіяхъ. Въ числѣ многихъ другихъ къ М. Вольфу обратилась одна изъ его знатныхъ кліентокъ, близко стоявшая къ всесильному тогда министру, все съ тою же просьбою—прислать ей корректурные листы. М. Вольфъ разъяснилъ нетерпѣливой дамѣ, что никакихъ корректурныхъ листовъ онъ отъ Каткова не получаетъ.—«А какъ вы думаете—спросила дама,—если я попрошу X (она назвала фамилію министра), чтобъ онъ распорядился присылать корректуры въ Петербургъ, будетъ это исполнено?»

— Ваше сіятельство—отвѣтилъ М. Вольфъ,—мы живемъ въ Россіи, гдѣ министрамъ ни въ чемъ не отказываютъ.

— Je comprends—отвѣтила дама.

Спустя нѣсколько дней, Вольфъ узнаетъ, что по требованію пресловутаго «третьяго отдѣленія» Каткову послано было распоряженіе присылать въ Петербургъ немедленно, по мѣрѣ набора, корректуру «Рус. Вѣстн.»

Книжный магазинъ М. Вольфа всегда служилъ посредникомъ книгъ петроградской знати. И, приспособляясь къ этому высокопоставленному спросу, М. Вольфъ всегда старался запастись соотвѣтствующей литературой. Дѣло было нелегкое, такъ какъ вкусы тутъ мѣнялись быстро и неожиданно. Одна книжная мода нагоняла другую.

Инымъ сановникамъ приходилось прибѣгать къ М. Вольфу не только, однако, въ погонѣ за модой. Бывали и болѣе серьезные мотивы. Приходилось на-спѣхъ готовиться къ неожиданно полученному важному государственному посту. И въ архивѣ М. Вольфа сохранились интересныя записки, рассказывающія о томъ, какъ крупные сановники спѣшно «по Вольфу» готовились къ новой государственной должности или разрѣшенію государственнаго вопроса. «Бывали случаи, когда какой-нибудь сановникъ получалъ неожиданно назначеніе въ вѣдомство, о дѣятель-

ности котораго онъ не имѣлъ ровно никакого понятія, а которое между тѣмъ требовало хотя бы нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній. И сановникъ обращался за содѣйствіемъ къ Вольфу, которому нерѣдко приходилось выручать изъ затруднительнаго положенія такихъ новоиспеченныхъ государственныхъ дѣятелей, указаніями на существующую литературу. Случалось, что такой новоиспеченный, подвигаясь по іерархической лѣстницѣ, достигалъ важнаго государственнаго поста—Вольфъ съ гордостью тогда замѣчалъ: «А вѣдь онъ выросъ на моихъ книгахъ». Когда адмиралъ К. Н. Посєтъ назначенъ былъ министромъ путей сообщенія онъ немедленно явился въ магазинъ М. Вольфа за «литературой».

— «Вѣкъ живи—вѣкъ учишься»,—говорилъ онъ,—вотъ какая пословица особенно примѣнима ко мнѣ. На 53 году мнѣ приходится опять приниматься въ буквальномъ смыслѣ слова за ученіе. Вѣдь въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ я совершенный новичокъ.

Когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ заговорили о конституціи, то петроградскіе сановники стали обращаться къ М. Вольфу за соотвѣтствующей литературой. И, волею судьбы, Вольфъ руководить самообразовательнымъ чтеніемъ нашихъ бюрократовъ...

«Обращались къ М. Вольфу—пишетъ г. Либровичъ,—и тѣ, которые были извѣстны какъ сторонники введенія конституціи, и тѣ, которые считались непоколебимыми ея противниками. На ряду съ Побѣдоносцевымъ и Строгановымъ, кліентами Вольфа были гр. П. Шуваловъ, и Лорисъ-Меликовъ, и Абаза, и великій кн. Константинъ Николаевичъ».

Одинъ изъ этихъ сановниковъ, проходившихъ подъ руководствомъ Вольфа курсъ государственнаго права, очень предусмотрительно просилъ все это держать въ секретѣ.

— Не знаешь, что изъ всего этого выйдетъ, а чего добраго могутъ еще въ упрекъ поставить, что «увлекаешься» конституціей—откровенно объяснилъ онъ свою скрытность.

Въ книгѣ С. Либровича собрано очень много цѣнныхъ бытовыхъ черточекъ изъ исторіи книги на Руси, ея читателей и авторовъ, друзей и недруговъ. Въ этомъ основная цѣнность превосходно изданнаго труда г. С. Либровича. Что касается обобщеній и освѣщенія, то его мало и оно блѣдно. Авторъ, близкій участникъ книгоиздательства М. Вольфа, является невольно «стороной» въ дѣлѣ оцѣнки роли этого издательства.

П. Берлинъ.

К. А. Кузнецовъ. *Англійская Палата Общинъ при Тюдорахъ и Стюартахъ*. Одесса 1915 г. Стр. XXII+320 Цѣна 2 р. 35 к.

Книга проф. Кузнецова состоитъ изъ 3 отдѣловъ, трактующихъ послѣдовательно: о верховной судебности парламента и о перипетіяхъ этой доктрины въ жизни Палаты Общинъ XVI и первыхъ 40 лѣтъ XVII вѣка; о повѣркѣ палатой общинъ парламентскихъ выборовъ и объ отношеніи къ этимъ выборамъ населенія страны.

По словамъ автора это—опытъ построенія политической теоріи—такъ, какъ она выкристаллизовывается въ жизни англійскаго парламента «старого режима».

Проф. Кузнецовъ считаетъ вторую половину XVI вѣка той критической эпохой, въ какую совершился рѣзкій переломъ въ англійскомъ конституціонализмѣ. Передъ нами, говоритъ онъ, палата общинъ, которая не хочетъ, какъ раньше, взваливать на лордовъ защиту своихъ привилегій и перелагать на нихъ отвѣтственность то за одно, то за другое государственное дѣло.

Какова же точка опоры у палаты общинъ для выработки ея государственнаго самосознанія? Какими она располагаетъ средствами для самостоятельной защиты своихъ привилегій?

Такую точку опоры нашъ авторъ видитъ въ доктринѣ о парламентѣ, какъ судѣ; а примѣненіе этой доктрины къ различнымъ казусамъ, возникающимъ въ жизни нижней палаты XVI и начала XVII в. онъ считаетъ важнѣйшимъ изъ средствъ защиты ея привилегій.

Палата общинъ ревниво оберегаетъ свои привилегіи отъ чьего бы ни было посягательства на нихъ, но нельзя сказать, чтобы дореволюціонная палата общинъ была послѣдовательна въ борьбѣ съ тѣми злоупотребленіями, какія накопились вокругъ основной ея привилегіи, именно свободы ея членовъ отъ судебного преслѣдованія и ареста.

По отношенію къ парламентскимъ выборамъ позиціи палаты общинъ 16 и 17 вѣковъ глубоко различны.

Палата общинъ 16 вѣка слѣдитъ за тѣмъ, чтобы депутатскія вакансіи заполнялись немедленно, но она совершенно не вмѣшивается въ избирательный процессъ, ограничиваясь анализомъ документовъ, гдѣ зарегистрированъ результатъ выборовъ.

Палата общинъ XVII в., постепенно, хотя и не безъ колебаній усваиваетъ себѣ другую точку зрѣнія по отношенію къ выборамъ, а именно, что ея свободы покоятся на свободѣ выборовъ. Нѣтъ этой свободы, нѣтъ и истинныхъ народныхъ представителей, готовыхъ стать на защиту парламентскихъ свободъ.

Заботы общинъ въ отношеніи свободы выборовъ направлены

прежде всего на охраненіе избирателя отъ давленія, угрозъ и даже насилія со стороны представителей власти и вообще сильныхъ людей. Далѣе, П. О. XVII в. отказывается санкціонировать суженіе избирательной свободы съ помощью ограничительнаго толкованія избирательныхъ статутовъ. Наоборотъ тамъ, гдѣ требуется охрана избирательной свободы, общины придерживаются строгаго формализма и даже готовы итти дальше, выставляя положеніе, что ни муниципальный статутъ, ни королевская хартія не могутъ сузить избирательныхъ правъ, ибо это было бы противъ общей свободы страны.

Эта свобода поощряетъ всѣ средства, чтобы обставить выборы членовъ парламента наибольшимъ безпристрастіемъ, а здравый смыслъ подсказываетъ достижимость этого тамъ, гдѣ въ выборахъ принимаетъ участіе наибольшее число лицъ; въ этомъ случаѣ меньше опасности подтасовки и всякихъ махинацій.

П. О. движется послѣдовательнымъ образомъ къ чистой формѣ избирательнаго демократизма, и когда въ эпоху Долгаго Парламента раздаются рѣчи объ одномъ изъ прирожденныхъ правъ, то здѣсь въ сущности нѣтъ ничего революціоннаго: почва подготовлялась раньше.

Въ свободныхъ выборахъ, по мнѣнію проф. Кузнецова нуждалась и сама страна. Авторъ полагаетъ, что въ городскомъ представительствѣ дореволюціонныхъ лѣтъ происходитъ процессъ не только закрѣпощенія, но и раскрѣпощенія; утраченную самостоятельность своихъ парламентскихъ выборовъ горожане стараются вернуть, хотя и не всегда съ успѣхомъ. Но агитація и хлопоты о возвращеніи избирателю его прирожденной свободы наталкиваются на упорное, порой непреодолимое сопротивленіе городской олигархіи, городскихъ верховъ, заправляющихъ выборами. Городскимъ низамъ, устранившимся отъ парламентскихъ выборовъ, остается въ такомъ случаѣ или признать себя побѣжденными или же выбрать параллельно городскимъ верхамъ своихъ собственныхъ представителей.

Правда, нельзя поручиться, что эти представители городскихъ низовъ всегда рѣшались явиться въ палату; но если не всегда, то иногда, города дѣйствительно оказываются представленными 2 парами депутатовъ.

Какъ же обстоитъ дѣло съ выборами въ графствахъ?

Въ одномъ юридическомъ трактатѣ XVII в. мы можемъ прочесть, что согласно общему праву (Common Law) всѣ свободнорожденные англичане имѣютъ право голоса на выборахъ отъ графствъ, но въ силу статута установлено то ограниченіе, что лишь собственники или держатели «фригольда» въ 40 шиллинговъ чистаго годового дохода пользуются этимъ правомъ.

Дѣйствительно, замѣчаетъ проф. Кузнецовъ, у насъ есть данныя, показывающія, что цензъ «свободнаго держанія» признается нормальнымъ явленіемъ; но съ другой стороны относительно выборовъ въ 1614, 1621 и 1624 г. г. есть опредѣленные указанія, которыми устанавливается участіе въ выборахъ отъ графствъ иныхъ элементовъ, кромѣ фригольдеровъ.

Автору думается, что дѣйствительный составъ избирателей отъ графствъ далекъ отъ той чистоты, какой требовали избирательные статуты и съ этимъ положеніемъ вещей мирились тамъ, гдѣ не было рѣзкой борьбы — партій ли или личныхъ самолюбіи.

Въ книгѣ проф. Кузнецова такимъ образомъ затронутъ и изслѣдованъ рядъ интересныхъ вопросовъ изъ эпохи стараго порядка и революціи въ Англіи.

Автору удалось собрать въ Британскомъ Музеѣ и англійскомъ Государственномъ Архивѣ разнообразный матеріалъ, который видимо, не легко поддается обработкѣ для намѣченной авторомъ цѣли. Нѣкоторая неравномѣрность въ разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ и не всегда тщательное отдѣленіе важнаго отъ неважнаго можетъ быть легче всего объясняются свойствами матеріаловъ, но есть мѣста, которыя вызываютъ вопросъ, почему авторъ забылъ тутъ объ индуктивномъ методѣ, за который онъ такъ горячо ратуетъ на одной изъ страницъ своего изслѣдованія.

Такъ напр., проф. Кузнецовъ утверждаетъ, что доктрина о парламентѣ, какъ высшемъ судѣ, совсѣмъ не затрагивала интересы видимаго носителя государственнаго суверенитета-короля: въ XVI вѣкѣ потому, что король есть часть парламента, его глава, а въ XVII в., потому, что наступила, благодаря политикѣ Стюартовъ, та разобщенность та противоположность между короной и націей, которую парламентъ старался возвести на степень государственно-правового принципа.

Въ этомъ вопросѣ авторъ совсѣмъ не хочетъ считаться съ одной изъ боевыхъ идей того времени—представленіемъ о надзаконной власти короля, о королевской прерогативѣ. Выходитъ, что доктрина о парламентѣ-судѣ, какъ высшемъ въ государствѣ органѣ, развивалась какъ-то особнякомъ, безъ шума, безъ борьбы, совсѣмъ не затрагивая и не будучи затронута представленіемъ о королевской прерогативѣ. Едва ли это было возможно.

Другой примѣръ. Нашъ авторъ слѣдитъ за развитіемъ идеи «общаго» избирательнаго права въ дореволюціонные годы, но онъ не довольствуется собираніемъ по крохамъ документально установленныхъ свѣдѣній по данному вопросу, а хочетъ растворить идею «общаго» избирательнаго права въ томъ потокѣ специфическаго пуританскаго демократизма, который овладѣлъ пар-

ламентскими и непарламентскими кругами англійскаго населенія въ первой половинѣ XVII в. и былъ обусловленъ, по выраженію нашего автора, не столько единеніемъ матеріальной заинтересованности, сколько единеніемъ душъ. Наврядъ-ли отъ такого растворенія идея «общаго» избирательнаго права становится болѣе опредѣленной и ясной.

Проф. Кузнецовъ уже много лѣтъ занимается тѣми вопросами, которые разобраны въ его «Палатѣ общинъ». Три года тому назадъ онъ выпустилъ свои «Опыты по исторіи политическихъ идей въ Англіи XV—XVII вв.» (Владивостокъ 1913 г.), гдѣ разсмотрѣнъ рядъ политическихъ трактатовъ и памфлетовъ, приблизительно той же эпохи, которой касается и «Палата общинъ». Тема той и другой книги приблизительно одна, но «подходы» къ темѣ разные: въ «Опытахъ», выражаясь словами автора, подходъ «книжный»; въ «П. О.» жизненный.

Полная, исчерпывающая теорія жизни англійской палаты общинъ при Тюдорахъ и Стюартахъ требуетъ для своего построенія цѣлаго ряда солидныхъ подготовительныхъ работъ, которыя еще не существуютъ (напр., о личномъ составѣ палаты и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ); но появленіе въ свѣтъ «П. О.» проф. Кузнецова наглядно показываетъ, что и теперь возможно написать интересный по содержанію и живой по изложенію трактатъ о политической идеологіи П. О. XVI и XVII вв.

М. Бердоносъ.

Г. М. Бѣлоцерковскій. Тула и тульскій уѣздъ въ 16 и 17 вѣкахъ. Кіевъ 1915 г. Стр. 275—164.¹⁾

Удостоенная осенью 1912 г. историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра золотой медали и исправленная и расширенная въ настоящемъ изданіи, работа г. Бѣлоцерковского примыкаетъ къ ряду появляющихся въ послѣдніе годы частныхъ изслѣдованій богатаго писцоваго матеріала, сохранившагося отъ 17 вѣка.

Имѣющая въ виду изученіе движенія населенія и экономической жизни Тулы и Тульскаго уѣзда въ 17 вѣкѣ, книга г. Бѣлоцерковского распадается на три большія главы. Первая знакомитъ съ географическимъ положеніемъ изучаемаго края, выдвигая впередъ сосѣдство его со степью и характеризуя Тулу и ея уѣздъ, какъ форпостъ русской военной и мирной колонизаціи 16 и начала 17 в. Здѣсь автору приходится исходить отъ общихъ представленій о колонизаціи и оборонѣ южной окраины; впро-

¹⁾ Сборникъ студенческаго историко-этнографическаго кружка при имп. университетѣ св. Владиміра подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, выпускъ V.

чемъ, изученіе соотвѣтствующаго архивнаго матеріала позволяетъ г. Бѣлоцерковскому сообщить новыя интересныя данныя о засѣнкахъ 17 в., организаціи работъ и сторожевой службы на засѣнкахъ.

Слѣдующія двѣ главы посвящены экономической исторіи Тулы-посада и Тульского уѣзда въ 17 в.

Авторъ постоянно обращается къ подлиннымъ писцовымъ и переписнымъ книгамъ, тщательно и внимательно анализируя ихъ матеріалъ. Для Тульскихъ посада и уѣзда сохранились всѣ писцовыя и переписныя книги 17 в. Это дало возможность г. Бѣлоцерковскому не только группировать матеріалъ отдѣльныхъ переписей, но и намѣтить основныя тенденціи экономической эволюціи уѣзда за весь вѣкъ.

Вторая глава, посвященная торговлѣ, промышленности и составу населенія посада, отчасти и слободъ, едва ли не самая интересная въ книгѣ г. Бѣлоцерковского, который въ противоположность взглядамъ, готовымъ сблизить посадскаго человѣка въ его хозяйственной дѣятельности съ крестьяниномъ-земледѣльцемъ, подчеркиваетъ ясно выраженный торгово-ремесленный характеръ посада. Анализъ писцового матеріала позволяетъ автору отмѣтить постепенное уменьшеніе доли участія въ экономической жизни посада того военного элемента, который въ началѣ вѣка сообщалъ еще Тулѣ характеръ военного лагеря, и намѣтить ростъ къ концу вѣка противопологаемыхъ другъ другу торгово-промышленной буржуазіи и городского пролетаріата.

Послѣдняя глава, посвященная вопросамъ движенія населенія, землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ уѣздѣ, отмѣчаетъ увеличеніе количества населенія въ селахъ за 17 в., увеличеніе состава крестьянскаго двора и для служилаго сословія дифференціацію служилой аристократіи съ одной стороны и съ другой служилой бѣдности, будущихъ однодворцевъ. Таковы главные выводы книги г. Бѣлоцерковского. Интересная и во всѣхъ своихъ деталяхъ работа г. Бѣлоцерковского не можетъ не быть признанной цѣннымъ вкладомъ въ изученіе экономической исторіи 17 в.

Къ книгѣ приложенъ рядъ вновь публикуемыхъ матеріаловъ, относящихся къ темамъ, затрагиваемымъ авторомъ, таблицъ и хорошо задуманныхъ діаграммъ.

Вл. Сыроѣчковскій.

Исторія Московскаго Купеческаго Общества. Т. IV. вып. 1. Императорское Московское Коммерческое Училище на Остоженкѣ. Изданіе Моск. Куп. Общества, подъ ред. В. Н. Сторожева. М. 1914 г.

Московское Коммерческое Училище на Остоженкѣ—одно изъ старѣйшихъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ

насчитываетъ теперь уже 111 лѣтъ своего существованія. Естественно, что исторія его представляетъ большой интересъ, давая возможность прослѣдить шагъ за шагомъ за такой большой промежутокъ времени судьбы коммерческаго образованія въ Россіи. Вся эта многолѣтняя исторія сводится въ сущности къ борьбѣ московскаго купечества съ петербургской бюрократіей за самостоятельность этого училища. Московское коммерческое училище никогда не состояло въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, и потому въ его исторіи мы не найдемъ отзвуковъ того, что пережила съ 1804 года наша школа, подвѣдомственная этому министерству. Но тѣмъ, можетъ быть, любопытнѣе прослѣдить, какъ въ сущности тѣ же явленія и вѣянія господствовали въ другомъ вѣдомствѣ, въ которомъ и до сихъ поръ состоитъ Московское коммерческое училище—въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи. Основанное въ 1804 году по инициативѣ и на средства московскаго купечества, это училище было тогда же принято подъ покровительство императрицы Маріи Федоровны и почти тогда же начало борьбу за свободное существованіе—и матеріальное и духовное (главнымъ образомъ). Московское купечество, въ цѣломъ и въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей вложившее въ коммерческое училище много капиталовъ, всегда стремилось участвовать въ дѣлѣ управленія училищемъ; петербургскія канцеляріи всячески старались отъ этого участія его устранить. Перипетіи этой борьбы и нашли свое отраженіе въ 1-мъ выпускѣ IV тома «Исторіи Московскаго Купеческаго Общества», издаваемой подъ редакціей В. Н. Сторожева. Цѣлый томъ въ 494 стр. текста и 94 стр. приложеній посвященъ этой темѣ. Составителю пришлось оперировать съ массой сырого архивнаго матеріала, и надо признать, что этотъ матеріалъ не въ должной мѣрѣ подвергся обработкѣ: онъ недостаточно систематизированъ, не всегда изъ него выбрано одинаково цѣнное, такъ что въ книгѣ не мало совершенно второстепенныхъ данныхъ, и т. п. Поэтому, строго говоря, это не есть исторія Московскаго коммерческаго училища въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, а лишь скорѣе подготовительная работа.

Что касается матеріаловъ, помѣщенныхъ въ исторіи Московскаго коммерческаго училища, то, какъ уже указано, не всѣ они представляютъ одинаковый интересъ: наряду съ высоко цѣнными тутъ есть и документы, такъ сказать, обыденные, не характеризующіе эпохи и ея представителей; исторія всѣхъ учебныхъ заведеній знаетъ ихъ во множествѣ. Среди документовъ другой категоріи можно было бы намѣтить 2 разряда: одни интересны съ историко-педагогической точки зрѣнія, другіе важны въ обще-

бытовомъ отношеніи. Среди первыхъ любопытно дѣло о наказаніи воспитанниковъ училища (въ 1805 г.) за какой-то «злостный умыселъ» противъ надзирателя Лаубанскаго. Совѣтъ училища раздѣлилъ виновныхъ по степени вины на 4 «разбора» и приговорилъ: 1 ученика «нечадно высѣчь розгами при собраніи всѣхъ воспитанниковъ» и уволить, 4-хъ—«болжно высѣчь розгами при собраніи всѣхъ воспитанниковъ» и тоже исключить, 10—просто высѣчь публично и не исключать и 5—«высѣчь умѣренно и келейно» и оставить въ училищѣ. Имп. Марія Ѳедоровна утвердила этотъ приговоръ, измѣнивъ существенно наказаніе лишь для 4-го «разбора»: сѣчь его не велѣно было, но зато, какъ говорилось въ повелѣніи, «весь 4-й возрастъ лишается счастья въ присутствіи Государыни Императрицы въ Училищѣ быть Ея Величеству представленнымъ, пока покаяніемъ своимъ и отличнымъ поведеніемъ не изгладитъ своего дурного поступка, и при всякомъ прибытіи Ея Величества имѣютъ отсылаться въ спальни, когда не заняты они ученіемъ» (стр. 8—10). Наконецъ, можно отмѣтить еще повѣствованіе о томъ, какъ появилась въ 1824 году балловая система оцѣнки знаній учащихся (стр. 182).

Изъ документовъ болѣе общаго характера останавливаются на себѣ вниманіе, напримѣръ, тѣ, которые относятся къ 1812 году; тутъ мы находимъ рассказъ объ эвакуаціи коммерческаго училища изъ Москвы въ Муромъ (стр. 94—99), который наглядно показываетъ, какъ мало усовершенствовалось это дѣло за 103 года; весь интересъ современности носить на себѣ также повелѣніе императрицы Маріи Ѳедоровны, данное въ этомъ году (7-го іюля) относительно учителей и служащихъ иностранцевъ. Далѣе, очень колоритны въ бытовомъ отношеніи описанія посѣщеній училища Высочайшими Особами, въ частности имп. Николаемъ I, стр. 320—24, 327—8 и проч. Интересны также документы, касающіеся запрещенія чиновникамъ вступать въ масонскія и другія тайныя общества (они извѣстны, впрочемъ, и по другимъ изданіямъ), стр. 198—201. Наконецъ, отмѣтимъ еще 2 бумаги, полученныя Совѣтомъ въ 1816 г. и въ 1837 г. Первая гласитъ: «Ея Императорское Величество Всеилостивѣйше пожаловать соизволила для библіотеки Коммерческаго Училища одинъ экземпляръ сочиненій г. Жуковскаго 1-я часть, который имѣя честь препроводить къ вамъ ¹⁾, за нужное почитаю объяснить, что тѣ піесы, которыя по содержанію ихъ неудобно позволить читать воспитанникамъ, отмѣчены мною для осторожности карандашемъ». Но какъ долженъ былъ поступить Совѣтъ съ этими «неудобными» мѣстами,

¹⁾ Авторъ бумаги д. с. с. И. Ф. Вольфъ.

выдавая книгу изъ библіотеки воспитанникамъ, въ бумагѣ не сказано. Въ 1837 году. ст. секр. по дѣламъ управленія учрежденій императрицы Маріи Г. И. Вилламовъ писалъ: «Г. статсъ-секретарь Танѣевъ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, Высочайше замѣтивъ, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу жидовъ, или подражая французскимъ модамъ», Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданского вѣдомства строго смотрѣть, чтобы изъ подчиненныхъ ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру».

1-й выпускъ IV тома «Исторіи Московскаго Купеческаго Общества» снабженъ 33 рисунками и факсимиле въ текстѣ и 10 фототипіями на отдѣльныхъ листахъ; по большей части это—воспроизведеніе подписей подъ разными бумагами, исходившими изъ Совѣта училища, и воспроизведеніе публикацій въ газетахъ относительно разныхъ моментовъ въ жизни училища. Интересы они представляютъ мало.

К. Сивковъ.

Положеніе 19 февраля 1861 года о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Изд. историко-философск. факультета Московск. В. Женск. Курсовъ. М. 1916. VI—410. Ц. 2 р.—*Положеніе о Губернскихъ и Уѣздныхъ Земскихъ Учрежденіяхъ 1 января 1864 года.*—Изд. Высш. Женск. Курсовъ, учр. В. А. Полторацкой. Сергіевъ Посадъ. 1916. 63—12. Ц. 30 к.

Нельзя не привѣтствовать появленія обѣихъ книгъ. Вопросы «крестьянскій» и «земскій» за послѣдніе годы являются не только объектами изслѣдованія специалистовъ историковъ и юристовъ, не только служатъ предметомъ изученія нашей исторической науки, но въ то же время, не утративъ до сихъ поръ характера злободневности и жизненности, не перестаютъ волновать самыя широкіе круги русскаго общества. Рядъ статей въ періодической печати, появленіе отдѣльныхъ изданій по крестьянскому и земскому вопросамъ, внесеніе этихъ вопросовъ на обсужденіе законодательныхъ учрежденій и, наконецъ, горячія пренія по крестьянскому вопросу въ Государственной Думѣ въ іюнѣ настоящаго года, самымъ краснорѣчивымъ образомъ говорятъ въ пользу того, что «Государственное законодательство, благоустроая вышія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности» и по наше время, что «права помѣщиковъ» и «днынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ» и что до сихъ поръ открытъ

«путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія» ¹⁾).

Объ книги представляютъ собою перепечатки съ официальныхъ изданій 1861 и 1886 г.г. и являются звеньями въ серіи однородныхъ изданій, предпринятыхъ съ учебными цѣлями историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета («Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» и «Уставныя грамоты Московскаго Государства») и историко-философскимъ факультетомъ М. В. Женск. Курсовъ («Учрежденіе для управленія губерній 1775 года» и «Жалованныя грамоты дворянству и городамъ 1785 года»).

Точность и правильность перепечатки гарантируютъ Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтеръ, В. Н. Сторожевъ, В. И. Пичета и А. И. Яковлевъ, подъ наблюденіемъ которыхъ вышли изъ печати объ книги.

Б. Ѳедоровъ.

Къ пятидесятилѣтію Императорскаго Русскаго Историческаго общества.

(1866—1916г г.).

По случаю исполнившагося 23 мая сего года пятидесятилѣтія со дня учрежденія означеннаго общества изданъ историческій очеркъ ²⁾, въ которомъ изложены данныя объ основаніи, составѣ и собраніяхъ общества, объ его научно-издательской дѣятельности и участіи въ правильной постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи.

Возникшее по почину статсъ-секретаря А. А. Половцова для изданія матеріаловъ, относящихся къ русской исторіи XVII и XVIII ст., названное Общество въ истекшее пятидесятилѣтіе главнымъ образомъ и сосредоточило свою дѣятельность на такомъ издательствѣ, выпустивъ въ свѣтъ 147 т. своего сборника, содержащихъ первостепеннаго значенія матеріалы и документы, касающіеся: 1) исторіи Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія (12 томовъ), 2) исторіи высшихъ государственныхъ учреждений въ Россіи послѣ смерти Петра Великаго (20 т.), 3) переписки (личной и дипломатической) имп. Екатерины II (18 т.). Дипломатической перепискѣ иностранныхъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ, извлеченной изъ заграничныхъ архивовъ, общество удѣлило 47 томовъ, при чемъ

¹⁾ Манифестъ 19 февраля 1861 года.

²⁾ «Императорское Русское Историческое Общество». 1866—1916. I—XI—I—193. Петроградъ 1916.

французская дипломатическая переписка еще не окончена печатаніемъ. Не ограничиваясь изданіемъ матеріаловъ по исторіи XVII и XVIII в., общество выпустило рядъ томовъ, посвященныхъ времени Александра I (5 том.), Николая I (6 том.) и бытовой и политической исторіи 1812 г. (3 т.).

Исподволь Историческое Общество расширило свою издательскую дѣятельность, взявъ на себя въ 1876 г. продолженіе изданія «памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами», которымъ раньше занималось II отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Этого рода матеріаловъ, относящихся къ до-Петровскому періоду нашей исторіи, вышло нѣсколько томовъ. Кромѣ того, уже въ концѣ перваго десятилѣтія существованія Общества возникла мысль объ изданіи Русскаго Біографическаго Словаря, но только въ 1882 г. благодаря исключительной энергіи предсѣдателя Общества А. А., Половцова, начались подготовительныя работы по ея осуществленію составленіемъ общаго азбучнаго списка лицъ, біографіи которыхъ должны были войти въ Словарь. Издававшійся при жизни А. А. Половцова на личные средства его, Словарь съ 1910 г. принять на средства Государя Императора, и до 1916 г. вышло 22 тома его.

Такимъ образомъ, за истекшее пятидесятилѣтіе Историческое Общество обогатило науку русской исторіи многочисленными документами и матеріалами, впервые сдѣлавшими общедоступными и уже отразившимися на разработкѣ и освѣщеніи нашего прошлаго. Хотя по послѣднему рѣшенію постановлено печатать документы XIX ст. только до времени вступленія на престолъ Александра II, но приближающееся столѣтіе со дня рожденія этого государя (17 апр. 1918 г.) и возложенная на Общество рескриптомъ 23 мая «выработка предположеній о порядкѣ и способахъ чествованія» этого событія, вѣроятно, побудятъ Общество выйти за поставленные себѣ предѣлы по изданію матеріаловъ, и оно ознаменуетъ юбилей выпускомъ въ свѣтъ такого же сборника матеріаловъ, относящихся къ жизни и царствованію Александра II, какимъ оно отмѣтило столѣтіе, со дня рожденія Николая I, издавъ «матеріалы и черты къ біографіи Императора Николая I изъ исторіи его царствованія» (т. 98 сборника).

Не предназначенный въ продажу, очеркъ жизни Историческаго Общества напечатанъ роскошно и снабженъ 33 таблицами одиночныхъ и групповыхъ портретовъ членовъ Общества.

Алексѣй Попельницкій.

Заслуги Императорскаго Русскаго Историческаго Общества по изданію источниковъ первостепенной важности очень велики и потому

редакція охотно даетъ мѣсто освѣдомительной замѣткѣ А. З. Попельницкаго о юбилейномъ изданіи Общества, но находимъ съ своей стороны необходимымъ сдѣлать къ ней нѣкоторыя добавленія.

Значительное мѣсто среди изданныхъ Обществомъ 147. томовъ Сборника занимаютъ донесенія о Россіи XVIII и первой четверти XIX в. иностранныхъ дипломатовъ. Первымъ изъ этой серіи былъ вышедшій въ 1873 г. XII т. Сборника, содержащій донесенія англійскихъ дипломатовъ 1762—69 гг. Въ предисловіи къ этому тому было заявлено, что документы эти подверглись цензурѣ двухъ англійскихъ чиновниковъ, которые не допустили къ печати «незначительное число бумагъ, содержавшихъ почти исключительно неблагоприятныя слухи о подробностяхъ семейной жизни извѣстныхъ въ то время лицъ» въ Россіи. Общество нашло, что «скандальные рассказы, случайныя минутныя сплетни» не имѣютъ историческаго значенія и, «раздѣляя взглядъ своихъ англійскихъ цензоровъ», выразило имъ «глубокую признательность». А между тѣмъ, при сравненіи напечатанныхъ текстовъ хотя бы съ однимъ изъ упоминаемыхъ въ предисловіи къ нимъ сборниковъ извлеченій, изданныхъ на иностранныхъ языкахъ, изъ донесеній англійскихъ дипломатовъ, а именно «La cour de Russie il y a cent ans» (1858 г.), оказывается, что исключены далеко не одни «скандальные рассказы, случайныя минутныя сплетни». Такое сопоставленіе было сдѣлано въ подробномъ разборѣ XII тома Сборника въ «Русской Старинѣ» (1874 г., № 4, стр. 807—817) и доказано, что исключены любопытныя подробности о судѣ и казни надъ Миновичемъ, судьбѣ Брауншвейгской фамиліи, неблагоприятный отзывъ о нравахъ, правительствѣ и политикѣ Россіи,—все это никакъ не можетъ быть отнесено къ «скандальнымъ рассказамъ» и «сплетнямъ».

Казалось бы послѣ подобнаго разоблаченія, сдѣланнаго въ серьезномъ и распространенномъ историческомъ изданіи, большого дефекта въ изданіи донесеній англійскихъ дипломатовъ, должны были бы быть приняты мѣры для того, чтобы этотъ крупный недостатокъ изданія не повторялся впредь. Однако этого сдѣлано не было, и въ юбилейномъ очеркѣ Общества мы находимъ любопытное и очень важное признаніе, что «потребованные англійскою цензурою пропуски.... не казались однако незначительными послѣдующимъ издателямъ англійскихъ дипломатическихъ документовъ въ Сборникѣ. Благодаря этимъ пропускамъ созданъ былъ сухой, отрывочный характеръ сообщеній англійскихъ

дипломатическихъ документовъ, напечатанныхъ въ Сборникъ»¹⁾ (стр. 74). Изъ этого заявленія видно, насколько испорчены англійскія донесенія въ русскомъ изданіи, и естественно является желаніе, чтобы эти пропуски были восстановлены, какъ это сдѣлано въ 140 т. относительно пропусковъ во французскихъ донесеніяхъ 1763—4 гг., сдѣланныхъ переписчиками. При теперешнихъ союзныхъ отношеніяхъ съ Англіей администрація англійскихъ архивовъ пойдетъ, конечно, навстрѣчу желанію Историческаго Общества, если бы оно такое желаніе выразило. Для восстановленія пропусковъ, подобныхъ даннымъ о Миновичѣ и Брауншвейгской фамилии, быть можетъ не нужно будетъ даже наводить справки въ англійскихъ архивахъ; не найдутся ли они и въ полученныхъ копіяхъ и не составляютъ ли они результатъ чрезмѣрной мнительности и осторожности покойнаго председателя Общества А. А. Половцова?

Рѣшить послѣдній вопросъ можетъ, конечно, только администрація Общества, но на чрезмѣрную строгость цензорскаго карандаша А. А. Половцова приходилось слышать жалобы, напр., хотя бы отъ покойнаго Н. П. Павлова-Сильванскаго.

Въ одномъ изъ томовъ «Русскаго Біографическаго Словаря», издававшася «подъ наблюденіемъ» и на средства А. А. Половцова, была напечатана біографія извѣстнаго декабриста Пестеля, написанная Павловымъ-Сильванскимъ. При печатаніи статья была сильно сокращена. Сокращенія словарныхъ статей вызываются нерѣдко естественными требованіями ввести ихъ въ рамки извѣстнаго размѣра, но когда при изложеніи проектовъ государственныхъ преобразованій, составленныхъ Пестелемъ, изъ очерка Павлова-Сильванскаго исключаются такіе слова: «судьи должны быть несмѣняемы (непремѣнно) и удаляемы только по судебному приговору или по собственному желанію», или такіе мотивы требованія совершеннаго прекращенія смертной казни, какъ наказанія непоправимаго въ случаѣ судебной ошибки: «всякій человѣкъ подверженъ заблужденіямъ и, слѣдовательно, всякій судья можетъ ошибиться; почему всякое наказаніе должно быть налагаемо такимъ образомъ, чтобы возмездіе и удовлетвореніе были возможны»,—то очевидно, что исключеніе такихъ мѣстъ при печатаніи статьи объясняется не желаніемъ сократить ее, а соображеніями, ничего общаго съ наукою не имѣющими.

Приведемъ еще примѣръ мнительности администраціи Общества. Въ 1881 году членомъ Общества, академикомъ А. Ѳ.

¹⁾ Они заняли всего 13 томовъ.

Бычковымъ было приготовлено къ изданію «Введение къ уложенію государственныхъ законовъ» (1809 г.) М. М. Сперанскаго. Этотъ знаменитый проектъ былъ не только набранъ, но даже сверстанъ, и однако помѣщеніе его въ «Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества» было признано несвоевременнымъ, а въ печати трудъ Сперанскаго не появлялся до тѣхъ поръ, пока съ согласія А. Ѳ. Бычкова онъ былъ напечатанъ въ приготовленномъ имъ въ 1881 г. къ изданію видѣ, въ «Историческомъ Обзорѣни, Сборникъ Историческаго Общества при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ» (т. X, 1899 г., стр. 3—62). Такимъ образомъ этотъ знаменитый проектъ государственныхъ преобразованій, выработанный Сперанскимъ и сыгравшій такую громадную роль въ его жизни, лишннихъ 18 лѣтъ могъ быть достояніемъ не всѣхъ русскихъ ученыхъ, а лишь тѣхъ немногихъ, которымъ удалось ознакомиться съ нимъ въ рукописи.

Въ 1911 г. при Обществѣ образована особая коммиссія по сохраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ, и въ юбилейномъ очеркѣ мы находимъ уже подробныя свѣдѣнія о мѣрахъ, принятыхъ вслѣдствіе работъ этой коммиссіей. Эти мѣры будутъ конечно, полезны, для сохраненія многихъ неизданныхъ источниковъ, важныхъ для мѣстной исторіи. Но Общество оказало бы еще большую пользу наукѣ, если бы обратило вниманіе на то, что творится въ архивахъ нѣкоторыхъ центральныхъ правительственныхъ учреждений. Такъ въ архивѣ одного изъ такихъ учреждений было очень недавно продано до тысячи пудовъ различныхъ бумагъ и въ томъ числѣ очень много дѣлъ, имѣющихъ большую важность для исторіи крестьянскихъ волненій царствованія Имп. Николая I и начала царствованія Имп. Александра II. И продажа эта была совершена не въ видѣ какого-либо злоупотребленія, а по рѣшенію коммиссіи, состоящей изъ чиновниковъ этого учрежденія, быть можетъ очень усердныхъ, но къ сожалѣнію совершенно невѣжественныхъ въ томъ дѣлѣ, относительно котораго они были призваны произносить свои достойныя халифа Омара рѣшенія.

Ред.

«Историческія извѣстія».

(Новый историческій журналъ въ Москвѣ).

Несомнѣнно у насъ существуетъ потребность въ спеціальныхъ историческихъ журналахъ. Въ этомъ отношеніи мы значительно отстали отъ Западной Европы, и когда два года назадъ Н. И. Карѣевъ предпринялъ свой «Научный историческій журналъ»,

мы искренно привѣтствовали его благое начинаніе. Къ сожалѣнію, война прервала изданіе журнала, прервала преждевременно, такъ какъ опасенія, охватившія на первыхъ порахъ войны издателей и книжниковъ, оказались въ значительной степени неосновательными. Совершенно естественно, что идея Н. И. Карѣева не заглохла и теперь вновь возродилась, хотя и въ иной нѣсколько комбинаціи. У насъ сразу возникло два новыхъ историческихъ журнала, преслѣдующихъ болѣе или менѣе аналогичныя цѣли—цѣли освѣдомительныя главнымъ образомъ, въ чемъ именно и ощущается наибольшая потребность.

Журналы возникли одновременно и въ Москвѣ и въ Петроградѣ. Петроградскій журналъ подъ названіемъ «Русскій историческій журналъ» будетъ выходить подъ редакціей гг. Бенешевича, Дьяконова, Приселкова и Рождественскаго. Повидимому болѣе или менѣе близкое участіе будутъ принимать такіе видные наши ученые, какъ А. С. Лаппо-Данилевскій и А. А. Шахматовъ. Редакція просто и легко опредѣляетъ свою задачу—«содѣйствовать изученію русской исторіи во всемъ объемѣ», при чемъ въ журналѣ «должно получить чисто научное освѣщеніе всѣ стороны исторической жизни Россіи». До выхода перваго № трудно, конечно, что-либо сказать о характерѣ этого журнала.

Московскій журналъ выходитъ подъ фирмой возобновившагося послѣ многихъ лѣтъ молчанія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Въ редакціонный комитетъ вошли гг. Богословскій, Готье, Грушка, Егоровъ, Котляревскій, Любавскій, Орловъ, Пичета, Розановъ, Савинъ, Тураевъ, Филипповъ.

«Учсть плодотворныя дѣйствія русскихъ ученыхъ силъ и путемъ такого освѣдомленія объединить русскихъ историковъ, и всѣхъ, кто по долгу службы (?) или по личному призванію связанъ съ историческими интересами»—такъ опредѣляетъ свои задачи московскій журналъ. Въ отличіе отъ петербургскаго начинанія журналъ охватываетъ и отечественную исторію и «зарубежную».

Москвичи затѣяли то, что затѣяли петербужцы и что уже съ успѣхомъ осуществлялъ не такъ еще давно Н. И. Карѣевъ. Но любопытно, что въ предисловіи отъ редакціоннаго комитета къ вышедшему первому номеру о карѣевскомъ журналѣ не упоминается ни слова; зато въ очень высокихъ тонахъ говорится о томъ новомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, которое предпринято группой московскихъ историковъ. Свое рожденіе «Историческія Извѣстія», какъ названъ московскій журналъ, связываютъ съ «моментомъ величайшей исторической отвѣтственности», пере-

живаемой Россіей. «Nostra res agitur... всюду и вездѣ и каждый по мѣрѣ силъ и возможности долженъ внести свою лепту на укрѣпленіе Родины во всѣхъ ея богатыхъ проявленіяхъ, дабы общее дѣло росло и ширилось. Всюду слышенъ этотъ бодрящій кличъ къ совмѣстнымъ и организованнымъ усиліямъ взаимѣнъ прежней раздробленности и розни; призывъ Родины долженъ немедленно претворится въ дѣйствіе».

Историки безъ затрудненія и легко, какъ видимъ, разрѣшаютъ мучительный вопросъ современности: переживаемъ ли мы въ дѣйствительности время общественнаго упадка или подъема? Быть можетъ съ большимъ основаніемъ надо придти къ выводу противоположному, но не будемъ спорить на эту тему, такъ какъ очевидно, что въ данномъ случаѣ «научный» объективизмъ и наша субъективная оцѣнка момента будутъ лежать въ разныхъ плоскостяхъ.. Редакція журнала связала появленіе своего органа не только съ моментомъ величайшей исторической отвѣтственности, но и съ первымъ съѣздомъ «историковъ русскихъ¹⁾», который, какъ извѣстно, зачался въ 1913 г. при специфическихъ условіяхъ, не имѣющихъ абсолютно ничего общаго съ подлинной наукой. Будутъ ли въ послѣднемъ случаѣ какія-либо интимныя связи или нѣтъ—не знаемъ, но первое заявленіе, достаточно громкое, налагаетъ на инициаторовъ большую отвѣтственность: извѣстная скромность всегда имѣетъ значительное преимущество.

Nostra res agitur.... «а посему да не посѣтуютъ на первоначально скромные размѣры, на неизбѣжные промахи и неполноту»—

гъ нужнымъ въ заключеніе оговорить редакція. Но невольно напрашивается сравненіе первыхъ №№ вышедшаго журнала съ Карѣвскимъ, и надо сказать, сравненіе будетъ скорѣе не въ пользу перваго. Конечно, по первымъ №№ еще трудно говорить о достоинствахъ или недостаткахъ изданія—начало всегда бываетъ особенно трудно. Но тѣмъ не менѣе сразу видно, что въ планѣ изданія нѣтъ додостаточной продуманности. И прежде всего нѣтъ самаго цѣннаго, что было въ карѣвскомъ журналѣ — обзора иностранныхъ новостей. Между тѣмъ въ этой области ощущается самая острая нужда и для ученыхъ и для не специалистовъ. Журналъ библиографическій по преимуществу, какимъ въ дѣйствительности являются «Историческія Извѣстія», долженъ этой потребности удовлетворить.

Въ первыхъ двухъ номерахъ журнала имѣются и цѣнные обзоры, и весьма обстоятельная рецензія, подписанная компетент-

¹⁾ Жирный шрифтъ въ текстѣ.

ными именами и нѣсколько статей ¹⁾. Отъ карѣвскаго журнала редакция заимствовала хорошій примѣръ давать авторефераты (г. Шпеттъ далъ изложеніе своей работы). Мы нѣсколько подробнѣе остановимся на справочномъ отдѣлѣ журнала, который вызываетъ существенныя замѣчанія. Въ каждой книгѣ журнала помѣщаются обзоры «литературы по русской исторіи» подъ редакціей Ю. В. Готье и В. И. Пичеты и «русскихъ новинокъ по всеобщей исторіи» подъ редакціей Д. Н. Егорова (продолженіе обзоровъ, печатавшихся въ «Русской Мысли»). Обзоры представляютъ собой сообщенія о текущихъ книжныхъ и журнальных новинкахъ, которыя сопровождаются краткими редакционными характеристиками. Такого рода обзоры могутъ быть незамѣнимыми справочными пособіями, но для этого требуется прежде всего полнота. Редакция идетъ по другому пути—она производитъ выборъ, очевидно того, что считаетъ интереснымъ. Когда мы взяли первый № «Историческихъ Извѣстій», то при всемъ желаніи не могли опредѣлить принципа выбора новинокъ. Съ одной стороны отмѣчались статьи Серебренникова «Бракосочетаніе вел. кн. Александры Николаевны» («Ист. Вѣстн.» № 1), К-скаго «Славная страница русскаго боевого прошлаго» (къ 30-лѣтію Геокъ-Тепе) ²⁾, курьезная, чтобы не сказать большаго, замѣтка г. Булацеля объ одномъ изъ героев 1812 г. (въ «Вѣстн. Общ. Ревн. Исторіи» —кстати сказать очень старая новинка; см. «Голосъ Минувшаго» 1915 г. № 1) и проходились мимо наиболѣе крупныя новинки за январь—мартъ 1916 г. (время, которому посвященъ обзоръ). Редакция оговорила, что вслѣдствіе спѣшности обзоръ «далеко не полонъ». Но удивительно, что оказалось пропущеннымъ почти все, что касалось исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Правда,

¹⁾ Статьи Ю. Герье «Переписка Гумбольдта» и «Лейбницъ и Петръ Великій», А. Н. Филиппова о Сперанскомъ, Е. В. Спекторскаго—эпигоны монархомаховъ, Некрологи Ковалевскаго (А. Н. Савина), Протопопова (Д. П. Кончаловскій), Смирнова (М. М. Богословскій), Семевского (В. И. Пичета). Обзоры: М. А. Поліевикова — литература по внѣшней русской исторіи XVIII—XIX в. за 1900—1915; (обзоръ отличается значительной полнотой, едва ли только авторъ правъ, характеризую книгу Фурньера о вѣнскомъ конгрессѣ, какъ посвященную главнымъ образомъ закулисной исторіи въ области «галантныхъ походовъ» —въ ней имѣются необычайно цѣнныя донесенія политическихъ агентовъ. Кстати одно замѣчаніе по поводу даннаго обзора—не слѣдуетъ въ слишкомъ восторженныхъ тонахъ говорить о работахъ лицъ, близкихъ къ журналу), И. И. Любименко—новыхъ работъ по исторіи сношеній Московской Руси съ Англіей, Е. Н. Щецкина—Аскетизмъ христіанскаго востока. Критическія статьи М. М. Богословскаго о «Сошомъ письмѣ» Веселовскаго; Д. Н. Егорова о книгѣ г. Карсавина и др.

²⁾ Отмѣтка сопровождается замѣчаніемъ «статья юбилейнаго характера, не вносящая ничего новаго. Зная характеръ официальныхъ вѣдомостей (статья напечатана въ «Дон. Вѣд.») легко себѣ представить цѣнность подобнаго рода статьи.

въ слѣдующемъ №, посвященномъ обзору за мартъ — сентябрь, главнѣйшіе пропуски были заполнены. Но и теперь недоумѣнные вопросы тѣмъ не менѣе остались. Совершенно непонятно, почему, отмѣчая въ указанномъ «Вѣстникѣ» такія пустяковыя работы, какъ Булацеля, редакція не считала необходимымъ отмѣтить наиболѣе значительныхъ вещей въ «Вѣстникѣ», напр., статьи г-жи Соколовской о масонствѣ. Непонятно, почему изъ рецензій редакціей или составителями отмѣчаются преимущественно коротенькія замѣтки освѣдомительнаго характера, помѣщаемыя на обложкѣ «Русскаго Архива» и часто не представляющія никакой буквально цѣнности ¹⁾, игнорируются весьма за малымъ исключеніемъ обстоятельныя отзывы, напечатанные въ другихъ журналахъ. Читателю, думается, было бы интересно знать какъ разъ обратное. Непонятно, почему редакція считаетъ необходимымъ отмѣтить компилятивный восторженный очеркъ г. Творцова въ Битнеровскомъ (!!) «Вѣстникѣ Знанія» — «Жизнь и идеалы славянофиловъ», и за «спѣшкой», очевидно, забываетъ отмѣтить статью В. И. Семевского «Петрашевцы. Кружокъ Кашкина», С. А. Ефремова о Галиціи, В. А. Мякотина о Малороссіи — статьи, основанныя на архивномъ матеріалѣ; она успѣваетъ слѣдить за малограмотнымъ журналомъ, «Вѣстникъ Знанія» и не успѣваетъ слѣдить за серьезной журналистикой — за «Русскою Мыслью», «Лѣтописью», «Русскими Записками» и т. д. По нашему мнѣнію это — непростительная небрежность, непростительная тѣмъ болѣе, что редакція съ какимъ-то исключительнымъ вниманіемъ относится къ литературѣ иного рода. Почему ни съ того, ни съ сего удѣляется серьезное и многократное вниманіе «популярнымъ рассказамъ» г-жи Арсеньевой, напр., «Горе и радость Царя Самодержавца и его вѣрноподданныхъ» (подъ этимъ претенціозномъ заголовкомъ рассказаны крестьянскія волненія въ дореформенное время)? Вообще, редакція, повидимому, приступивъ къ работѣ, за спѣшкой не удосужилась подумать о системѣ, которая трещитъ по всѣмъ швамъ. Исторія и исторія литературы часто такъ близко соприкасаются между собой, что ихъ трудно отдѣлить. Какой точки зрѣнія здѣсь будетъ держаться редакція опредѣлить пока трудно. Все основано на случайности выбора или субъективнаго вкуса редакціи. Почему, напр., отмѣчается статья г. Фаресова въ *Истор. Вѣстн.* о «поэтѣ» (?) Лѣсковѣ и умалчивается статья М. А. Цявловскаго о Пушкинѣ въ «Голосѣ Минувшаго»?

¹⁾ Признаетъ это и редакція иногда, такъ какъ сопровождаетъ цитаты замѣчаніями: «безъ особаго содержанія», написана въ «подобострастномъ тонѣ», лишена «чувства достоинства» и т. д.

Приведенные примѣры могли бы быть значительно умножены, такъ какъ въ обзорахъ господствуетъ и хронологическая случайность и полная случайность въ самой системѣ. Но еще болѣе насъ удивило въ этихъ обзорахъ отсутствіе должной критики. Мы встрѣчаемся, напр., съ непростительными оплошностями для журнала, научность котораго, по предложенію проф. Савина, вошедшаго въ редакціонный комитетъ, должна была выразиться въ особомъ усиленіи «критической оцѣнки». Журналъ отмѣчаетъ, напр., какъ новинку, указъ 10 апрѣля 1730 г. о сыскѣ и доносахъ, напечатанный въ «Русской Старинѣ». Съ послѣдней многого требовать не приходится, но ученымъ редакторамъ все же слѣдовало бы знать, что указъ этотъ давно напечатанъ въ полномъ Собраніи Законовъ. Такихъ новинокъ при желаніи можно печатать безчисленное множество. Едва ли можно сейчасъ согласиться и съ мнѣніемъ проф. Котляревскаго (кстати сказать одного изъ членовъ редакціоннаго комитета), высказаннымъ въ «Русской Мысли», что «особенно пріятно отмѣтить господствующій въ немъ (т.-е. въ журналѣ) духъ научнаго безпристрастія и широкой терпимости». Къ сожалѣнію, и съ нѣкоторымъ удивленіемъ именно ихъ-то мы и не нашли. Правда, все дѣло въ томъ, что подразумѣвать подъ «безпристрастіемъ» и «широкой терпимостью». По нашему мнѣнію редакція «Ист. Изв.» явно грѣшитъ противъ такъ называемаго научнаго объективизма. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Трудъ гр. Шереметова «Вязѣмы», проникнутый весьма своеобразной публицистикой, редакція называетъ настоящей ученой монографіей. Но отошлемъ лучше читателя къ рецензіи В. Н. Сторожева, которая будетъ напечатана въ слѣдующей книгѣ нашего журнала. Отмѣчая статью г. Брюсова «Пушкинъ передъ судомъ ученаго историка» (по поводу комментарій проф. Өирсова къ 11 т. сочиненій Пушкина), редакція бездоказательно «вполнѣ соглашается» съ мнѣніемъ г. Брюсова, что работа Н. Н. Өирсова бесполезна въ научномъ отношеніи и что попытка сдѣлать «разность» Пушкину достигаетъ совершенно обратныхъ результатовъ. Можетъ быть и другая оцѣнка труда проф. Өирсова—см. напр., рецензію В. И. Семевского (*Гол. Мин.* 1915 г. № 9). Мнѣнія вообще имѣютъ склонность къ разнообразію. Психіатръ П. И. Ковалевскій давно давно уже оцѣненъ, какъ историкъ (см. напр., рецензіи С. Л. Авельяни, *Гол. Мин.* 1914 г. № 8), и едва ли не впервые историческіе труды г. Ковалевскаго нашли столь лестную оцѣнку, какъ въ московскомъ научномъ историческомъ журналѣ. Съ изумленіемъ прочитали мы въ научномъ журналѣ извѣстіе о «маленькой критической замѣткѣ» г. Высоцкаго (на обложкѣ того же «Рус-

скаго Архива)), обличающая въ г. Высоцкомъ—говорить редакция —«наличность большого скепсиса»(!!). Дѣло идетъ объ отзывѣ г. Высоцкаго на книгу Н. А. Котляревскаго «Канунъ освобожденія». Отошлемъ вновь нашего читателя къ выше напечатанной у насъ *критической* рецензій М. М. Клевенскаго. Но г. Высоцкій въ нѣсколькихъ строкахъ расправляется съ заслуженнымъ историкомъ литературы: «Акад. Котляревскій—пишетъ авторъ — принадлежитъ тѣмъ нашимъ ученымъ, которые берутся по преимуществу за модныя темы и пишутъ на нихъ нѣчто пространное и малосодержательное» (sic!). Далѣе еще сильнѣе: г. Высоцкій полагаетъ, что и въ новой своей работѣ Н. А. Котляревскій занимается только «извитіемъ словесъ». Г. Высоцкій извѣстенъ намъ работами (или вѣрнѣе изданіемъ матеріаловъ) по исторіи ранняго скопчества и такъ называемой хлистовщины. Компетентности его въ исторіи литературы и эпохи 60 гг. не знаемъ, такъ какъ рецензія на книгу Котляревскаго его первый, повидимому, трудъ въ этой области. Но все же писать такія вещи дѣйствительно смѣшно, а перечитывать безъ оговорокъ въ научномъ журналѣ не только стыдно, но и, пожалуй, неприлично... А вотъ какъ редакция излагаетъ статью Е. Колосова «Лавровъ и Михайловскій о балканскихъ событіяхъ 1875—76 г.» (*Голосъ Минувшаго*). «Лавровъ, видѣвшій корень зла въ экономикѣ, съ полной догматизма прямолинейностью отнесся отрицательно къ возстанію сербовъ»... Не можетъ ли неосвѣдомленный читатель (можетъ быть такого не должно быть въ «Историч. Извѣст.»?) счесть Лаврова за марксиста, да еще очень и очень узкаго! Вообще оцѣнки въ обзорѣ иногда удивительно своеобразны: «письма Лаврова къ Штакеншнейдеръ» (*Голос. Мин.*), по ихъ мнѣнію, имѣютъ «исключительно библиографическій интересъ»—это тѣ письма про которыя А. А. Кизеветтеръ писалъ въ «Рус. Вѣд.», что это одно изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ изъ всего опубликованнаго за послѣдніе годы въ историческихъ журналахъ. Но мы смѣло можемъ сказать, что только не читавшій дневника флигель-адъютанта Дурново о 1825 г., напечатаннаго въ «Вѣст. Общ. Ревн. Ист.», могъ найти въ немъ «большую наблюдательность», какъ это показалось составителямъ обзора въ «Истор. Изв.». Повидимому у редакціи есть предубѣжденіе—относиться со «скепсисомъ» ко всему революціонному (можетъ быть это и не настоящая исторія?) и откапывать интересное въ исторіи противоположнаго ¹⁾. Необходимо и еще одно замѣчаніе—смѣемъ въ-

¹⁾ Между прочимъ о *Голосѣ Минувшаго*: въ обзорѣ приводится отмѣтка нашего примѣчанія о романѣ корнета Охотникова съ «высокопоставленной дамой». Не совсѣмъ такъ: мы опредѣленно говорили о романѣ

ритель почтенную редакцію, что генераль Н. А. фонъ-Розенбахъ не могъ быть въ 1854—1880 г. начальникомъ штаба *петроградскаго* военного округа. Такая модернизация должна быть отнесена на счетъ плохого тона въ научномъ историческомъ журналѣ ¹⁾.

Въ обзорахъ по всеобщей исторіи имѣется уже опытъ нѣсколькихъ лѣтъ. Но нѣкоторыя общія замѣчанія, сдѣланныя выше, могутъ быть повторены и здѣсь: почему, напр., не отмѣчается вышеуказанная статья С. А. Ефремова или В. Керженцева. Парнелъ и его время (статья основана на матеріалѣ, вѣроятно, въ огромномъ своемъ большинствѣ недоступномъ русскимъ изслѣдователямъ-специалистамъ); но не забывается любая мелочь изъ халдскаго прошлаго? Отмѣчая русскій переводъ книги Аскеназы «Царство Польское 1815—1830 г.» и давая ей оцѣнку, рецензія указываетъ, что книга написана по предложенію кембриджскаго университета, что имѣетъ въ сущности для книги второстепенное значеніе, но не указываетъ, что русскимъ изданіемъ нельзя пользоваться, а это уже существенно (см. вышепомѣщенную статью Ш. Аскеназы). По поводу этого обзора хочется сдѣлать еще одно замѣчаніе, для пользы дѣла въ будущемъ. Редакція упрекаетъ, между прочимъ, проф. Крусмана за тяжелый языкъ въ диссертации и употребленіе «нарочито русскихъ оборотовъ рѣчи»: напр., «за деревьями не видно лѣса». Это очень не «нравится» редакціи журнала, но не лучше писать и выпреннымъ *quasi* научнымъ языкомъ, который явно любятъ нѣкоторые изъ сотрудниковъ журнала: «цитации», «фолько» и т. д. Проще—будетъ дѣйствительно лучше.

Обзоры, помѣщенные въ журналѣ, и въ теперешнемъ своемъ видѣ, конечно, имѣютъ значительную пользу—лучше что-нибудь, чѣмъ ничто. Намъ кажется, что читатель принесъ бы большую благодарность, если бы редакція вмѣсто «выбора»—столь субъективнаго въ настоящій моментъ, давала по возможности *полный*

Охотникова съ императрицей Елизаветой Алексѣвной, фигурирующей подъ наименованіемъ высокопоставленной дамы въ словарѣ кавалергардовъ подъ редакціей Панчуладзева и въ отзывахъ «Историческаго Вѣстника».

¹⁾ Конечно, вопросъ довольно второстепенный именовать ли нашу сѣверную столицу С.-Петербургъ, Петроградъ или градъ Св. Петра, какъ это хочется, напр., гр. Шереметьеву. Но совершенно естественно, что въ историческихъ изслѣдованіяхъ слѣдуетъ сохранять старую номенклатуру. Недопустимъ «Петроградъ» по отношенію къ Петру I, какъ это дѣлаетъ проф. Герье въ своей статьѣ—это шокируетъ. А между тѣмъ это стало общимъ явленіемъ: и въ энциклопедическихъ словаряхъ и въ научныхъ работахъ. Не пора ли, однако, вывести подобную несуразицу изъ историческаго обихода? Неужели, если современная фамилія Ренненкамповъ будетъ передѣлана согласно точному переводу въ Бѣгобойцевыхъ, то и александровскаго массона Ренненкамфа передѣлывать въ Бѣгобойцева?

обзоръ, даже безъ соотвѣтствующихъ характеристикъ—тѣмъ болѣе, что эти характеристики пока еще совершенно случайны.

Стремясь къ кажущейся полнотѣ, редакція привлекаетъ даже къ обзорамъ епархіальныя и губернскія вѣдомости. Не знаю, что она тамъ найдетъ—пока отмѣтки были лишь ничего незначащія. Но она много могла бы найти въ такихъ совершенно почему-то игнорируемыхъ журналахъ, какъ «Русскія Записки», «Лѣтопись», «Русская Мысль», «Сѣверныя Записки», «Русскій Библиофилъ», «Старые Годы» ¹⁾. Она могла бы найти полезное въ газетахъ «Русскія Вѣдомости» «Рѣчь», «День», и «Кіевская Мысль», гдѣ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ печатается больше, чѣмъ въ поразительно безцвѣтныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Наша критика нѣсколько растянулась на мелочахъ, но 1) намъ не хотѣлось быть голословными, а 2) многое многому и обязываетъ: критикъ долженъ исходить изъ тезисовъ редакціоннаго предисловія.

Если журналъ забудетъ ту великую отвѣтственность, которую возложила на него редакція въ связи съ войной, и взглянетъ на дѣло такъ же просто, какъ, повидимому, склонно другое возникающее ученое начинаніе; если онъ съ большей тщательностью будетъ выполнять простое, но почетное и нужное дѣло освѣдомленія—несомнѣнно цѣнность его только повысится и онъ стяжаетъ всеобщую благодарность.

При современныхъ условіяхъ издавать частный, независимый научный журналъ въ Россіи такъ трудно, что организаторамъ обоихъ журналовъ необходимо подумать о разграниченіи сферы своего вѣдѣнія. Два болѣе или менѣе *аналогичныхъ* журнала едва ли смогутъ одновременно долго просуществовать. Здѣсь приходится быть не только теоретикомъ, но и практикомъ.

С. Мельгуновъ.

¹⁾ «Совр. Мір.» и «Вѣстн. Европы», очевидно, слегка просматриваются редакціей.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

- 1) Азбукинъ, В. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ. Орель. Ц. 2 р. 50 к. 2) Бицилли, П. Салимбене (Очеркъ итал. жизни XIII в.). Одесса. 3) Бобровъ, С. Н. М. Языковъ о міровой литературѣ. К-во Центрифуга. Ц. 50 к. 4) Боднарскій, Б. Междунар. библиограф. инстит. и его богатства. Изд. журн. «Библ. Изв.» 5) Е. А. Боратынскій. Материалы и его біографіи. Съ введ. и примѣч. Ю. Верховскаго. П. Ц. 2 р. 6) Ваксвейлеръ, Э. Бельгія въ великой войнѣ. Перев. З. Кочетковой. Вступ. ст. бар. Б. Нольдэ. М. Из. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 1 р. 75 к. 7) Водовозовъ, В. На Балканахъ. Из-во «Огни» Ц. 1 р. 50 к. 8) Волковъ, В. Чтеніе, какъ основа развитія умствен. и нравствен. Изд. Ком. по устр. чт. и развл. въ чайн. «Столбы». Ниж.-Н. Ц. 15 к. 9) Всероссийскій Земскій Союзъ, какъ новое интенданство. 10) Вѣстникъ Студенчества № 1. П. Ц. № 20 к. 11) Гольдинъ, Н. Паденіе сословно-земскаго строя въ Прусской монархіи. Харьковъ. Ц. 2 р. 12) Древній міръ Ч. II Греція. Сост. Д. Жариновъ, Н. Никольскій, С. Радцигъ и В. Стерлиговъ. Изд. Т-ва «Міръ» Ц. 3 р. 75 к. 13) Збірникъ памяти Тараса Шевченка (1814—1914) Вид. Укр. Наук. Тов. в Київі. К. 14) Ивневъ, Р. Золото смерти М. «Центрифуга». Ц. 50 к. 15) Измайловъ, А. Чеховъ М. Ц. 2 р. 50 к. 16) Исторія западной литературы (1800—1910) подъ ред. проф. О. Батюшкова. Кн. 10. изд. Т-ва Міръ. 17) Исторія Русской литературы подъ ред. А. Е. Грузинскаго Т. I. Изд. Т-ва «Міръ». М. 18) Кагаровъ, Е. проф. Основные идеи античной науки. Харьк. 19) Каръевъ, Н. Исторія западной Европы въ нач. XX ст. Т. VII. Ч. 1. гл. I—VIII. Ц. 3 р. 50 к. 20) Колосовъ, Е. Русскіе волонтеры во Франціи Из-во «Огни» П. Ц. 60 к. 21) Маяковский, В. Простое какъ мычанье. П. Из-во «Парусъ» Ц. 1 р. 50 к. 22) Милль, П. Монархъ П. Из-во «Парусъ» Ц. 1 р. 23) Protiem poganny Dwutygodnik № 1 Petr. Num. 20 к. 24) Роденбахъ, Ж. Агонія городовъ. Авт. перев. М. Веселовской. Пред. Ант. Роденбаха. Ц. 1 р. 25) Rosenthal, H. A list of russian, other slavic and baltic periodicals in the New York public library. New York. 21) Русская литература XX вѣка 1890—1910. Подъ ред. проф. С. Венгерова Кн. VI и VII Изд. Т-ва «Міръ». 27) Суражевскій, Д. Тишина. Ц. 1 р. 28) Толстовскій музей въ Петроградѣ за 1913—1916 г. П. 29) Хирьяковъ, А. Десять лѣтъ Трудовой Группы. Ц. 15 к. 30) Ховинъ, В. Не угодно-ли-съ? Силузъ В. В. Розанова. Изд. «Очарован. Страны». П. Ц. 60 к.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

С. П. МЕЛЬГУНОВА:

О СОВРЕМЕННЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ
ПРАВАХЪ.

Цѣна 60 коп.

Складъ: Москва. М. Никитская 29,
Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

Открыта подписка на новое издание Т-ва «МІРЪ»:

Исторія РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ до XIX в.

подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.

Вышелъ *первый томъ*. Содержаніе 1-го тома: Введеніе. Особенности древне-русской литературы, влияющія на способы ея изученія. Проф. М. Н. Сперанскаго. Территорія и племя. Доисторическій бытъ и вѣрванія. Первые формы государственнаго общежитія. Проф. М. Н. Любавскаго. Русский языкъ, его особенности. Акад. А. А. Шахматова. Начало письменности. Характеристика начального періода литературной жизни. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древнѣйшій періодъ (XI—XII в. в.) Историческій очеркъ Кіевской Руси Проф. М. Н. Любавскаго. Общій обзоръ литературы кіевского періода. Проф. А. С. Архангельскаго. Апокрифъ и легенда. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древне-русское летописаніе. Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова. Слово о полку Игоревѣ. Прив.-доц. С. Н. Шамбинаго. Средній періодъ (XIII—XVI в. в.). Историческая жизнь Руси въ XIII—XVI в. в. Проф. М. Н. Любавскаго. Общая характеристика областной литературы. Проф. М. Н. Сперанскаго. Летописное дѣло въ XIV—XVI вв. Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова. Литература Московскаго государства въ XVI в. Прив.-доц. А. С. Орлова. Переводныя повѣсти древней Руси. Прив.-доц. А. С. Орлова.—376 стр., 18 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ, изъ нихъ 6 цвѣтныхъ таблицъ

Изданіе составитъ 4 тома (3 тома—„Исторія русск. литературы до XIX в.“ и 1 томъ — „Устное творчество“) по 22—23 листа каждый; многочисленныя иллюстраціи. Цѣна 4 томовъ въ переплетъ безъ пересылки — 32 руб.; при подпискѣ уплачивается 3 руб. и при полученіи каждаго тома по 8 руб. (кромя перес.); задатокъ засчитывается при высылкѣ послѣдняго тома.

Продолжается подписка на другія изданія т-ва „Міръ“:

Исторія западной литературы (1800—1910).

подъ редакціей О. Д. Батюшкова. При близж. уч. проф. О. А. Брауна, акад. Н. А. Нотляревскаго, проф. Д. Н. Петрова, пр.-доц. Е. В. Анчикова и пр.-доц. Н. О. Тандера. Около 6 т. въ перепл. Цѣна по подпискѣ — 9 р. за томъ въ переплетъ (безъ пересылки). Вышли I, II и III томы.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННАГО ЗНАНІЯ. Подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго (†), проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Изданіе распадается на четыре большихъ отдѣла: I. Мертвая природа. II. Жизнь. III. Психическій міръ. IV. Общественная жизнь. 12 томовъ. Цѣна въ переплетъ (безъ перес.) 110 руб. Вышло 9 томовъ (I, II, III, V, VI, VII, IX, X и XI).

Г. В. Плехановъ. Исторія русск. обществ. мысли. Около 6 томовъ. Условія подписки: при подп. упл. 2 р. 50 к. и при получ. каждаго тома въ переплетъ—3 р. 60 к. (включая перес.) и за перев. плат.—10 к. Вышли I и II томы.

Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ ред. С. А. Венгерова. Около 16 книгъ, въ 7—8 листовъ каждая. УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 р. 60 к. и при полученіи каждаго книги—2 р. 20 к., (включая пересылку) и, сверхъ того, по 10 к. за перев. платежа. Вышли I—VI книги.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, при ближайшемъ участіи А. Е. Грузинскаго и проф. П. Н. Сакулина. 5 т. въ переплетъ, безъ пересылки 43 р. Изданіе закончено.

М. Н. Покровский.—Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.

При уч. Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. 5 т. въ перепл. (безъ пересылки)—35 р. Изданіе закончено.

Исторія еврейскаго народа Изданіе составитъ 15 томовъ по 30—35 листовъ въ каждомъ, ок. 1,500 рисунковъ, 18 географ. картъ и плановъ. Цѣна 15 томовъ въ переплетъ (безъ пересылки)—140 р., на веленой бумагѣ—175 р. Вышелъ I томъ („Древнѣйшая эпоха еврейской исторіи“) и XI томъ (I томъ „Исторія евреевъ въ Россіи“).

Карусъ Штерне.—Эволюція міра. 3 АНІЯ. Переводъ съ изданія, переработан. В. Бельше, подъ редакціей В. К. Агафонова. Съ дополнительными статьями профессора Н. А. Умова и Н. А. Морозова. 2-е улучшенное изданіе. 3 тома. 1,424 страницъ, 742 рисунка. Цѣна изданія безъ пересылки, въ изыномъ переплетѣ—27 р. ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

Допускается разсрочка платежа. Проспекты безплатно.

Главная контора т-ва „МІРЪ“. Москва, Знаменка, 9. — Телефонъ 1-37-31.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Т-ва „ОГНИ“.

Петроградъ, Фонтанка, 80.

Московское отд.: Книгоизд. «ЗАДРУГА»; М. Никитская 29.

НОВЫЯ КНИГИ:

В. В. Водовозовъ. На Балканахъ. Статьи. Путевые очерки съ приложеніемъ карты Македоніи. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д. С. Мережковский. Будеть радость. Пьеса въ 4 дѣйств. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Е. Колосовъ. Русскіе волонтеры во Франціи. 1916 г. Ц. 60 к.

Г. Гриммъ. Микель-Анджело Буонарроти. Иллюстрир. изданіе, выходящее по подпискѣ. Выпускъ V, заканчивающій собою I-й томъ. Ц. 2 р. 25 к.

З. Гиппиусъ. Зеленое кольцо. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ послѣсловіемъ «Зеленое-Бѣлое-Алое». 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Гинзбургъ-Гальперина. Міровая война и судьбы международного права. 1916 г. Ц. 50 к.

О. Э. Озаровская. Бабушкины старинны. Сказительница бывше М. Д. Кривополѣнова. Съ портретами сказительницы и нотными прилож. 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Л. Н. Модзалевскій. Для дѣтей. Стишки. Съ иллюстраціями Г. И. Нарбута. 1916 г. Ц. 80 коп.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. 1916 г. Ц. 4 р. 75 к.

А. Н. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пискарева. 1916 г. Ц. 4 р.

В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Р. Эшеръ. Пипгермапизмъ. Переводъ В. Я. Фанъ-деръ-Флитъ. 1916 г. Ц. 1 р.

Н. А. Бородинъ. Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты и Россія. 1915 г. Ц. 2 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 75 к.

О. Генри. Срдце запада. Разказы. Перев. съ англійскаго. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Корниловъ. Русская полтинка въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. 1915 г. Ц. 80 к.

Э. Леви. Греческая скульптура. Перев. Вѣры Конради. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ. Собраніе сочиненій въ 4 томахъ. Редакція и вступ. статья П. О. Морозова. 1915 г. Ц. 1 р. 60 к., въ папкѣ—2 р.

Сказки. У т ѣ х и д о с у ж і я. Тексты избралъ Е. А. Ляцкий при участіи М. Н. Чернышевскаго. 1915 г. Ц. 2 р.

Литературно-художественные сборники «ОГНИ».

Книга первая. **С. Кондурушкинъ.** Въ солнечную ночь. Ц. 1 р. 25 к.

Книга вторая. **Г. Гребенниковъ.** Змѣй горынычъ. Ц. 1 р. 25 к.

Книга третья. **Латышскій сборникъ** современной художественной литературы подъ ред. Авг. Деглавъ. Ц. 1 р. 75 к.

Книга четвертая. **Вяч. Шишковъ.** Сибирскій сказъ. Ц. 1 р. 25 к.

Складъ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ; каталоги—**бесплатно.**

ИЗДАНИЯ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

Серія учебниковъ по биологiи подъ общей редакціей проф. М. А. Мензбира.

Собраніе иллюстрированныхъ руководствъ по всѣмъ отдѣламъ науки о жизни для студентовъ, преподавателей, врачей, ветеринаровъ, агрономовъ, любителей естествознанія и для самообразованія. Каждая отдѣльная книга представляетъ законченное цѣлое, все же собраніе составляетъ полную **энциклопедію биологiи**.

Борисякъ, А. Курсъ палеонтологiи. Ч. I. Безпозвоночныя. 2 р. 40 к. Ч. II. Позвоночныя. 2 р. 40 к.

Вейсманъ, А. Лекціи по эволюціонной теорiи. Пер. Г. Риттера и В. Елпатьевского, подъ ред. проф. В. Львова. 2 р. 40 к.

Ветштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растений. Пер. проф. С. Ростовцева. Т. I. Низшія растения. 1 р. 20 к. Т. II, ч. I. Высшія растения. 1 р. 40 к. Т. II, ч. II. Высшія растения. 2 р. 60 к.

Видерсгеймъ. Строеніе человѣка. Пер. проф. М. Мензбира. 1 р. 50 к.

Гексли, Г. Ракъ. Введеніе въ изученіе зоологiи. Пер. Г. Ярцева. 1 р. 50 к.

Гексли-Розенталь. Основы физиологiи. Пер. проф. В. Львова. 2 р.

Гребнеръ, П. Географія растений. Пер. съ многочисл. передѣлками и дополненіями проф. М. Голенкина. 2 р. 50 к.

Карпентеръ, Г. Насѣкомыя, ихъ строеніе и жизнь. Пер. В. Герда. 1 р. 75 к.

Клебсъ, Г. Произвольное измѣненіе растительныхъ формъ. Пер. проф. К. Тимирязева. 1 р. 60 к.

Лехе, В. Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе. Пер. проф. М. Мензбира и С. Усова. 2 р. 60 к.

Маршалъ, М. Развитіе человѣческаго зародыша. Пер. проф. В. Львова. 1 р. 25 к.

Маршалъ, М. Руководство къ эмбриологiи. Пер. Н. Кольцова, подъ ред. проф. В. Львова. 2 р. 50 к.

Мейеръ, А. Практическій курсъ анатомiи растений. Пер. Г. Риттера. 80 к.

Ньюманъ, Д. Бактерiи. Пер. Е. Гурвичъ, подъ ред. В. Воронина. 1 р. 75 к.

Паркеръ, Т. Лекціи по элементарной биологiи. Пер. проф. В. Львова. 2 р. 50 к.

Розенталь, И. Общая физиологiя. Введеніе въ изученіе естественныхъ наукъ и медицины. Пер. подъ ред. акад. кн. Тарханова. 3 р.

Уоллэсъ, А. Дарвинизмъ. Изложеніе теорiи естественнаго подбора. Пер. проф. М. Мензбира. 2 р. 40 к.

Шиплей, А. Мэкъ-Брайдъ, Э. Курсъ зоологiи для высшихъ учебныхъ заведеній. Пер. проф. В. Львова и проф. М. Мензбира. 3 р.

Новая книга: **Н. КАБАНОВЪ.**

УЧЕБНИКЪ—АТЛАСЪ АНАТОМИИ.

Съ 600 рис. въ текстѣ. 4 р. 50 к.

Проф. **М. А. МЕНЗБИРЪ.**

ЗООГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ.

30 таблицъ цвѣтныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ животное населеніе суши земного шара по зоологическимъ областямъ, съ **объяснительнымъ текстомъ и картой зоологическихъ областей.**

Рисунки исполнены подъ руководствомъ проф. М. А. Мензбира художникомъ **В. А. Ватагинымъ.**

Цѣна въ папкѣ 16 руб.

Складъ у издателя: Москва, Тверской бульв., 6.

„ПРИРОДА“

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

подъ редакціей проф. Н. Н. Кольцова и проф. Л. А. Тарасевича.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ № 10.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. Л. Баевъ. Катастрофы въ исторіи развитія солнечной системы. Прив.-доц. А. И. Бачинскій. Вильгельмъ Веберъ—творецъ электронной теоріи. Заслуж. проф. акад. В. М. Бехтеревъ. Значеніе гормонализма и социального отбора въ эволюціи организмовъ. Акад. В. В. Заленскій. Біологическіе парадоксы. Акад. В. И. Вернадскій. Памяти А. Н. Краснова. **Научныя новости и замѣтки.** Астрономія. Химія. Экспериментальная біологія. Ботаника. Зоопсихологія. Физиологія. Медицина и гигиена. Лабораторная практика. Некрологи. Природныя богатства Россіи. Хроника. Астрономическія извѣстія. Почтовый ящикъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1916 годъ: на годъ—6 р., на 3 мѣс.—1 р. 50 к. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ—**Цѣна на годъ—3 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. Отдѣльная книжка съ перес. 70 к., налож. платеж.—90 к.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: Москва, Моховая 24.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.

на литературный, научный и политическій журналъ

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“

ВЫШЕЛЪ № 10 (ОКТАБРЬ).

СОДЕРЖАНИЕ: На покой. С. Подъячева.—Слѣдствіе и судъ по дѣлу петрашевцевъ. (По неизданнымъ матеріаламъ). (Продолженіе). В. И. Семеваго.—Стихотворенія. I. XXX. II. Надъ Бугомъ. III. Вечеръ. IV. Осень въ городѣ. V. Осеннее. Д. Якубовича.—Конецъ карьеры Бубиѣва. И. Емельяненко. Ковыль и вѣтеръ. Стихотвореніе Зинаиды Тулубъ.—Жена сэра Айзекса Хармана. Романъ Г. Уэллса. Переводъ А. Даманской.—Очерки социальной исторіи Малороссіи. 4. Образованіе крестьянскаго сословія въ лѣво-бережной Малороссіи XVII—XVIII в.в. (Продолженіе). В. Мякотина.—Изъ Англіи. На отдыхъ. Діонео.—Германскій социаль-империализмъ. И. Майскаго.—Внутренняя лѣтопись. I. Черты лѣтняго междудумья. До гр. А. А. Бобринскаго. II. До установленія твердыхъ цѣнъ. III. По установленіи твердыхъ цѣнъ. А. Петрищева.—Бумажный кризисъ и журналы. А. Пѣшехонова.—Случайныя замѣтки. I. Котляревскій и Мазепа. II. Уголокъ Галиціи въ Ростовѣ-на-Дону. Вл. Нороленко.—Иностранная лѣтопись.—Роль Японіи на Дальнемъ Востоцѣ.—Война и миръ въ программахъ американскихъ партій.—Положеніе дѣлъ въ концѣ 27-го мѣсяца войны. Н. С. Русанова.—Библиографія. Письмо въ редакцію. С. Мельгунова. Отчетъ конторы журнала. О движеніи.

Подписная цѣна съ доставкой пересылкою: на годъ—15 р., на 6 мѣс.—7 р. 50 к., на 4 мѣс.—5 р., на 1 мѣс.—1 р. 25 к. **за границу на годъ 18 р., на 6 мѣс.—9 р.** Отд. книжка 1 р. 50 к.

Подписчиковъ просятъ адресовать деньги и корреспонденцію исключительно по адресу редакціи «Русскихъ Записокъ»—Петроградъ, Баскова, 9. Телеф. 20—83.

Редакторъ В. Н. Цѣхановская (Ольнемъ). Издатель Н. С. Русановъ.

Книжный магазинъ И. М. ФАДЪЕВА. Моховая, д. 26.

	цѣна р. к.		цѣна р. к.
Орловъ, А. Лекціи по русской древней литературѣ. . .	3.—	Винклеръ. Гербы городовъ.	10.—
Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. 2 тома въ листъ.	275.—	Книга Калила и Димана. Сборникъ арабскихъ басенъ.	3.—
Щедровскій. Альбомъ типовъ Москвы 50-хъ гг. XIX в.	75.—	Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь.	2.—
Луи Бланъ. Исторія французской революціи. 12 т.	15.—	Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. . .	150
Соловьевъ. Исторія Россіи. 7 т.	20.—	Рѣшетилло. Лѣченіе лучами Рентгена.	3.—
Батюшковъ, К. Сочиненія 3 т. Лучшее издан. съ рис.	40.—	Болотовъ, А. Памятники протекшихъ временъ (изъ временъ Павла I.)	150
Веберъ. Всеобщая исторія т. 5, 6, 7, 8, 9. . . .	15.—	Пастуховъ. Разбойникъ Чуркинъ. 4 части.	4.—
Лилеевъ. Исторія раскола на Вѣткѣ въ Стародубьи.	4.—	Фойгтъ. Возрожденіе классической древности или вѣкъ итальянскаго гуманизма. 2 т.	6.50
— Новые матеріалы по расколу.	2.—	Магаффи. Греческая литература (пер. классич.) 2 т.	6.—
Вегеле. Данте.	3.—	Саади. Гулистанъ.	1.—
Гюбаръ. Современная испанская литература. . . .	1.—	Селивановъ. Видѣнное и слышанное.	1.50
Тьюкъ. Духъ и тѣло. . .	2.50	Обольяниновъ. Н. Каталогъ русскихъ иллюстр. изданій 1725—1860 г. 2 т.	15.—
Давидъ Саважо. Реализмъ и натурализмъ.	2.—	Ровинскій, Д. Русскія народныя картинки 2 т. съ указ.	8.—
Пелисье. Французская литература XIX в.	2.—	Собко, Н. Словарь русскихъ художниковъ т. I в. 1. А. (500 именъ) т. II в. 1. II (400 именъ) т. III в. 1. П. (700 именъ).	5.—
Дмитріевъ-Мамоновъ. Пугачевцы.	2.50	Праховъ, А. Альбомъ исторической выставки предметовъ искусства. . . .	20.—
— Декабристы въ Сибири.	2.50	Дройзенъ. Эллинизмъ. 3 т.	11.—
Болотовъ. Исторія церкви т. I. Ц. 2 р. 25 к.—т. II Ц. 3 р.—т. III.	2.—	Тикноръ. Испанская литература 3 т.	9.50
— Сиро-персидская церковь.	3.50	Крижаничъ. Сочиненія въ изданіи Безсонова. . .	5.—
— Церковная исторія Египта. День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка. .	1.25	Элхенъ. Греческій и римскій театр.	1.—
Веберъ. Исторія всемірной торговли 3 т.	7.50	Забѣлинъ. Опыты изученія русской жизни 2 т. .	5.—
Куглеръ. Исторія живописи.	7.—	Максимъ Грекъ. Сочиненія. 3 т.	6.—
Любке. Исторія пластики.	5.—	Чернышевскій. Матеріалы для біографіи Добролюбова.	2.—
Каррьеръ. Исторія искусства. т. 2, 3, 4. Перев. Корша	12.—	Мережковскій. Трилогія 3 т. 5 р. 75 к., лучшее изд.	50.—
Семевскій. Слово и дѣло. — Царица Екатерина Алексѣевна и Анна Монсъ.	2.— 2.50		
Дневникъ Храповицкаго. .	3.—		
Стасовъ. Сочиненія 3 т. съ атласомъ.	10.—		
Лабуле. Балканскій полуостровъ.	2.—		

и въ книжныхъ и библіотекахъ и отдѣльными сочиненіями, также книгъ церковной старой славянской печати и древнихъ рукописей по хорошей цѣнѣ.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Петроградъ. Фонтанка, домъ 38, кв. 19. Телефонъ 227—42.

Сочин. М. Горькаго.

- Т. X. Жизнь кенужнаго человека. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XI. Городокъ Окуровъ. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XII. Матвей Кожемякинъ. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
Т. XIII. Матвей Кожемякинъ. Ч. II. Ц. 1 р. 85 к.
Т. XIV. Лето. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XV. Мать. Ц. 3 р.
Т. XVI. Пожаръ. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVII. Сказки. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVIII. Хозяинъ Ц. 1 р. 50 к. Въ переп.—2 р. 10 к.
Т. XIX. По Руси. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XX. Дѣтство. Ц. 1 р. 50 к.
О писателяхъ-самоучкахъ. Ц. 25 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Разказы, Ц. 1 р.
Т. II. Хозяинъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. III. Страна отцовъ. Ц. 1 р. въ переп.—1 р. 25 к.
Т. IV. Въ приходѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. V. Золотой сонъ. Ц. 1 р.
Т. VI. Надъ поёмой. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VII. Дьяволъ и смерть. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Непомѣніе. Ц. 1 р.
Т. IX. Мгла. Ц. 1 р.
Т. X. Курычанскіе прихожане. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XI. Враги. Ц. 1 р.
Т. XII. Въ глухомъ уездѣ. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XIII. Люди. Ц. 1 р.
Т. XIV. Призракъ. Ц. 1 р. 15 к. Въ переп. 1 р. 85 к.

Семенъ Юшквичъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Распадъ. Ц. 1 р.
Т. II. Ита Гайне. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. III. Евреи. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Наши сестры. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. V. Прологъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. Невинные. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VII. Въ городѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VIII. Очерки дѣтства. Ц. 1 р. Въ переп. 1 р. 85 к.
Т. IX. Комедія брака. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. X. Драма въ домѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп. 1 р. 85 к.

- Т. XI. Вышла изъ круга. Ц. 1 р. 25 к.
Т. XII. Голуби. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. XIII. Леонъ Дрей. Ч. I. Ц. 1 р.
Т. XIV. Леонъ Дрей Ч. II. Ц. 1 р. Человѣкъ воздуха. Ц. 1 р.

Скиталецъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Сквозъ строй. Ц. 1 р. 25 к.
Т. II. За тюремной стѣной. Ц. 1 р. 25 к.
Т. III. Полевой судъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Огарки. Ц. 1 р. 25 к.
Т. V. Этапы. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. Метеоръ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VII. Местъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Пѣсни. Ц. 1 р. 25 к.
Д. Айзманъ. Дѣти. Ц. 1 р. 25 к.
Д. Айзманъ. Вѣрность. Ц. 1 р. 25 к.
Д. Айзманъ. Бѣлая пустошь. Ц. 1 р. 25 к.
Байронъ. Манфредъ.—Небо и земля.—Кантъ. Въ пер. И. Бунина. Ц. 1 р.
Д. Мицкевичъ. Конрадъ Валленродъ. Ц. 60 к.
В. В. Брусянинъ. Темный ликъ. Ц. 2 р.
Его же. Въ рабочихъ кварталахъ. Ц. 1 р.
Его же. Чаша смертный. Ц. 1 р. 25 коп.
Его же. Въ странѣ озеръ. Ц. 1 р. 25 коп.
Вл. Бончъ-Бруевичъ. Знаменіе времени. (О дѣлѣ Бейлиса). Ц. 1 р.
Вл. Крайхфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украйны. Ц. 60 к.
И. В. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту. 60 к.
Вл. Бончъ-Бруевичъ. Избранная произведенія русск. поэзіи.—Сбор. стих. отъ Пушкина до нашихъ дней. Ц. 2 р., въ пер. 3 р.
Демьянъ Бѣдный. Басни. Ц. 60 к.
Сазеракъ-де-Форжъ. Человѣкъ сталъ летать. Ц. 65 к. Въ переп. 1 р. 15 к.
В. М. Величнина. Швейцарія. Ц. 80 к.
А. М. Хирьяковъ. Въ смертельной опасности. Ц. 65 к. Въ папк.—85 к.
Гекторъ-Мало. Приключенія Ромеи Кальбри. Ц. 1 р. Въ папк.—1 р. 20 к.
И. С. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Ц. 65 к. Въ папк.—1 р. 20 к.
Его же. Подъ роднымъ солнцемъ. Ц. 1 р.

П. Н. Сурожскій. Зеленый шумъ. Ц. 85 к.

Ал. Алтаевъ. Поэты юности. Ц. 1 р. 85 к.

Его же. Внизъ по Волгѣ рѣкѣ. Историч. повѣсть. Ц. 65 к. Въ папк.—85 к.

Его же. Пѣвецъ страданія и свободы. Ц. 1 р.
Его же. Юноша-поэтъ. (С. Я. Надсонъ). Ц. 50 к.

Н. А. Вигдорчикъ. Жертвы мирнаго труда. (о несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ). Ц. 25 к.

А. М. Коллонтай. Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства. Ц. 3 р. 50 к.

С. Т. Семеновъ. 25 лѣтъ въ деревнѣ. Ц. 2 р.

П. П. Масловъ. Капитализмъ. Наемный трудъ и заработная плата. Ц. 2 р.

П. П. Масловъ. Исторія народнаго хозяйства. Ц. 2 р.
Дешевая бібліотека. (большинство книгъ съ рис.).

Всеволодъ Гаршинъ. Сигналь. Ц. 6 к.

Его же. Сказка о гордомъ Аггеѣ. Ц. 6 к.

Его же. То, чего не было. Ц. 5 к.

Его же. Легушка путешественница. Ц. 5 к.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Пастырь добрый. Ц. 10 к.

Его же. Кахетинка. Ц. 7 к.

Его же. Конокрадъ. Ц. 4 к.

Его же. По теченію. Ц. 8 к.

Его же. Интрига. Ц. 7 к.

Его же. Рабочій. Ц. 7 к.

Его же. Сквозъ преграды. Ц. 7 к.

Его же. На родину. Ц. 8 к.

Его же. Заступникъ. Ц. 8 к.

Его же. Отецъ Памфилъ. Ц. 7 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Пѣсня про царя Ивана Васильевича. Ц. 3 к.

Его же. Узники и др. стих. Ц. 4 к.

Его же. Мшари. Ц. 4 к.

Его же. Ашикъ-Керибъ. Ц. 4 к.

Его же. Вѣтка Палестины и др. стих. Ц. 6 к.

Его же. Изманлъ-Бей. Ц. 12 к.

Его же. Бэла. Ц. 7 к.

Его же. Максимъ Максимовичъ. Ц. 5 к.

Его же. Демонъ. 8 к.

С. Т. Семеновъ. Своя судьба. въ народн. театрахъ. Ц. 12 к.

Демьянъ Бѣдный. Диво-дивное и др. сказки. Ц. 10 к.

Его же. Пирогъ да блинъ. Сказки. Ц. 10 к.

Книжный складъ и магаз. «ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ». Петроградъ, Фонтанка 38, кв. 9. Тел. 227—42.

Книжный магазинъ и складъ «ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ» принимаетъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учреждений.—Выполняетъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ.—Высылаетъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка.—Составляетъ новыя и пополняетъ уже существующія бібліотеки и читальни. Подробныя каталоги высылаются бесплатно.

Выписывающіе въ провинцію изданія книгоиздательства «Жизнь и Знаніе» не платятъ за доставку, а за доставку изъ нашего магазина, за пересылку не платятъ. Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Всѣ заказы, письма, рукописи и пр. по дѣламъ склада и издательства «Жизнь и Знаніе» просить адресовать такъ: Книжный складъ и магазинъ (или книгоиздательство) «Жизнь и Знаніе», Вадиміу Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу. Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19.

ИЗДАНИЕ Л. Э. БУХГЕЙМА.

Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. Съ 4 портр. М. 1909. Цѣна 1 руб.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка». Подъ редакціей В. А. Ляцкскій. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. М. 1910. Цѣна 2 руб.

К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства (1832—1835 гг.). Съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. Спб. 1911. Цѣна 60 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія. Текстъ Жандровскій рукописи, хранящейся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Съ 2 портретами и 5 снимками съ рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. М. 1912. Цѣна 3 руб.

У. Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. Обзоръ жизни и трудовъ. Съ 2 фототипич. портретами. М. 1913. Цѣна 2 р. 75 коп. (Распродано).

У. Г. Иваскъ. Жизнь и труды Василія Ивановича Соболевскаго, старшаго бібліотекаря и архитектора Императорскій Публичной Библіотеки. Съ гравир. портретомъ. М. 1914. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Н. Синявскій и М. Цявловскій. Пушкинъ въ печати 1814—1837. Хронологическій указатель произведеній Пушкина, напечатанныхъ при его жизни. М. 1914. Цѣна 3 руб.

М. Цявловскій. Два автографа Пушкина. Съ двумя снимками М. 1914. Цѣна 1 руб.

Три письма В. Г. Бѣлинскаго къ Н. М. Щепкину. Съ неизданнымъ портретомъ Бѣлинскаго. М. 1914. Цѣна 50 коп.

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго къ бібліографу С. И. Пономареву. Съ 1 гравюрой и 14 иллюстраціями. М. 1915. Цѣна 5 руб.

(Осталось небольшое количество экземпляровъ).

Сочиненія Михаила Николаевича Лонгинова. Томъ первый. (1850—1859). Съ портретомъ М. 1915. Цѣна 4 руб. 50 коп.

В. П. Семеновъ. Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе». М. 1916. Цѣна 1 руб.

СЪЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, П. кровка, Введенскій пер. 28. Л. Э. Бухгеймъ. Тел. 5-13-63.

СОДЕРЖАНІЕ СЕНТЯБРЬСКОЙ КНИЖКИ

„УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

I. Украинство и російская пресса. Проф. **М. С. Грушевского**. II. Национализм, его основы и критика. **А. Яковлевича**. III. Страдалицу села. Памяти Архипа Тесленка. **М. Ивченка**. IV. Изъ воспоминаній о М. М. Коцюбинскомъ. **Ал. Салиновского**. V. Дни осенние, ненастные. Вѣнокъ на могилу А. Павливскаго, А. Русова, И. Франка. **Нат. Романовичъ-Ткаченко**. VI. Случайныя замѣтки. Маниловы современности. **Л. Бурчака**. VII. На Украинѣ и изъ нея. VIII. Изъ русскихъ журналовъ и газетъ. (В. Мякотинъ о Галичлѣ и Буковинѣ.—В. Г. Короленко о заточеніи графа Шелитинаго) IX. Библиографія. X. Литературная Лѣтопись.

Въ ближайшихъ книжкахъ «Украинской Жизни» будутъ въ числѣ другихъ напечатаны статьи—**В. Винниченка** «О нашей молодежи» и «Къ вопросу объ украинскомъ театрѣ»; **С. А. Ефремова** «Нояль политика въ Галиціи» и «Душа города»; **И. Свиницкаго** «И. Франко, какъ ученый»; **П. Смутна** — «О польско-украинскихъ отношеніяхъ» и друг.

Въ концѣ года редакціей «Украинской Жизни» будетъ выпущенъ систематическій и алфавитный **указатель содержанія журнала за пять лѣтъ**.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ дост. и перес. въ Россіи: годъ—6 р., 6 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—1 р. 50 к. За границу: годъ—8 р., 6 мѣс.—4 р., 3 мѣс.—2 р.

Подписка принимается въ конторѣ «Украинской Жизни»—Москва, Новинскій бульв., д. № 103, кв. 39. Телеф. 3-44 48.

XXVIII г.
з.д.н.н.

Открыта подписка
на журналъ

1917г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.“

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободного развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей. даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и друг. Кроме того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не ходитъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки—9 р., съ доставкой и пересылкой—10 р., въ полгода—5 р., съ пересылкой за границу—12 руб., для недостаточныхъ людей. Цена въ годъ съ доставкой и безъ доставки—8 р.

Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣдательнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5% подписной цѣны, при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ—въ размѣрѣ 10% и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 100 экземпляровъ—15%. Уступки эти дѣлаются при непремѣнномъ условіи высылки денегъ непосредственно въ редакцію.

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и 15 руб. за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Г. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ**.

Издательство К. Ф. НЕКРАСОВА. Москва, Цвѣтной бульв., 12.

КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРИЖСКИЙ. Мемуары. Пер. А. Дмитриевой. Ред. и вступит. статья А. А. Кизеветтера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.; т. II. Ц. 2 р.

П. МОРАНЪ. Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширевой. Ц. 3 руб.

ГР. ШУАЗЕЛЬ ГУФФЕ. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. З. Мировичъ. Вступит. статья А. А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к.

МЕМУАРЫ Г-ЖИ ДЕ-РЕМЮЗА. Пер. О. Рудченко. Редакция и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Т. I. Ц. 2 р.; т. II, ц. 1 р. 25 к.; т. III, ц. 1 р. 25 к.

«Мемуары г-жи де-Ремюза» продолжаютъ ту интересную и цѣнную библиотечку мемуаровъ, какую безъ шума и ненужной рекламы выполняетъ книгоиздательство Некрасова. Ремюза была придворной дамой при дворѣ Жозефины, жены Наполеона. Это былъ внимательный, тонкій, весьма злой умъ, одинъ изъ тѣхъ, которымъ превосходно удаются записки. Кто хотѣлъ бы изучать личность Наполеона, этого человека, «поднявшаго корону изъ грязи копчикомъ своей шпаги», тотъ не долженъ пройти мимо записокъ Ремюза.

(Р. С. № 283, 1912.)

АББАТЪ ЖОРЖЕЛЬ. Путешествіе въ Петербургъ въ царствованіе императора Павла I. Перев. Н. Соболевскаго. Ред. и вступит. статья А. А. Кизеветтера(Ц. 1 р. 20 к.

Аббатъ Жоржель направился въ Петербургъ сопровождать депутацію великой пріоріи германской малтійскаго ордена къ новому гротмейстеру послѣднего—императору Павлу I. Наблюдательный, уже много повидавшій раньше аббатъ рѣшилъ ознакомиться съ впечатлѣніями своего путешествія и почти полугодового пребывания въ Петербургѣ, какъ тѣхъ, которые намѣревались бы совершить ту же поѣздку, такъ и прямо интересующихся страной и ея жизнью. Вѣроятно считался именно съ первыми онъ такъ цѣпо для насъ описалъ свой путь, отмѣчалъ и состояніе дорогъ и стоимость проѣзда, давая свѣдѣнія о невозможномъ городѣ, его гостиницахъ и условіяхъ жизни въ немъ вообще, обращалъ вниманіе на денежный курсъ, и при всемъ этомъ не забывая упомянуть о гастрономической новості русскаго обѣда. Скорѣе для вторыхъ папюла еще болѣе интересная часть книги, посвященная Петербугу и его жизни, а затѣмъ и современному правительству

Интересная и содержательная и относящаяся къ нему автора книга должна войти широкій кругъ читателей. («День» № 285—1913).

А. КИЗЕВЕТТЕРЪ. Историческіе отклики. Ц. 2 р. 50 к.

Въ книгу талантливаго историка вошли статьи и замѣтки, напечатанныя за послѣдніе годы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Наиболѣе крупной изъ статей является мастерски сдѣланный на широкомъ историческомъ фонѣ портретъ Ф. В. Ростопчина. Чрезвычайно ярко написанный этотъ портретъ получаетъ въ свѣтѣ переживаемыхъ событий особую рельефность и жизненность.

Этотъ г. Кизеветтера, посвященный знаменитому патріоту дѣвнадцатаго года, является безспорно лучшею характеристикой Ф. В. Ростопчина, освѣщая многія оставшіяся въ тѣни черты его характера и дѣятельности. Очень содержательна маленькая замѣтка объ «Избраніи на царство Михаила Феодоровича Романова». Большая статья посвящена Николаю Алексѣеви Миллюшину. Но эта статья менѣе удалась автору, принявъ слишкомъ апологическій характеръ.

Остальныя статьи посвящены «Русскому обществу и реформѣ 1861 г.», «Борьба за земство при его возникновеніи», «Московскому университету и его традиціи», Т. II. Грайковскому, А. Герцину, В. Ключевскому.

Всѣ статьи написаны въ большомъ публицистическомъ подъемѣ и во всѣхъ «историческихъ откликахъ» А. Кизеветтера чувствуется горячая пульсация публицистической мысли, никогда, однако, не показавшей исторической перспективны и строгихъ историческихъ чертъ, лицъ и событій. Книга А. Кизеветтера читается съ большимъ интересомъ, давая и знанія, уча и пониманію историческихъ событій и историческихъ уроковъ.

Издана книга К. Некрасовымъ превосходно.

(«День» № 108—1916).

РОССІЯ И РУССКІЕ. Николая Тургенева. Томъ I. Воспоминанія изгнанника. Пер. Н. И. Соболевскаго подъ ред. А. А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к. (Постановленіемъ Моск. Судебн. палаты отъ 29 Апр. 1916 г. арестъ снятъ).

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКАХЪ подъ общей редакціей В. Я. Уланова.

М. Н. Коваленскій. Русскій ученый XVIII вѣка. Страницы изъ жизни Ломоносова. Ц. 45 коп.

Мин. Нар. Просв. допущена въ ученнч. библіотеки высш. нач. училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Увѣдомл. отъ 1 сентября 1915 г. за № 40086).

Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вѣка. (Св. Сергій и его хозяйство) Ц. 40 коп.

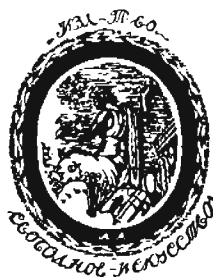
Мин. Нар. Просв. внесена въ списки сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученнческихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. (Увѣдомл. отъ 4 ноября 1915 г. за № 180).

П. П. Кашенко. Судь въ Моск. государствѣ (XVI—XVII столѣт. Ц. 30 к.

Н. Д. Комовская. Въ странѣ великаго хана. (Картины изъ жизни монголовъ.) Ц. 40 коп.

Н. Н. Коваленская. Вельможы въ фаворѣ и ссылкѣ (кн. Долгорукіе) Ц. 40 коп.

М. Н. Коваленскій. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. Ц. 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО

ПЕТРОГРАДЪ, Б. КАЗАЧІЙ ПЕР., № 9. ТЕЛЕФОНЪ 684 36.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЗАКАНЧИВАЮЩЕЕСЯ ПЕЧАТАНИЕМЪ

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ГРАФИКА

подъ редакціей СЕРГЪЯ МАКОВСКАГО

при участіи:

А. АРНШТАМА, АЛЕКСАНДРА Н. БЕНУА, И. БИЛИБИНА, М. ДОБУЖИН-
СКАГО, Е. ЛАНСЕРЕ, В. ЛЕВИТСКАГО, Д. МИТРОХИНА, Е. НАРБУТА,
Н. РЕРИХА, К. СОМОВА, С. СУДЕЙКИНА, С. ЧЕХОНИНА и др. Текстъ
Н. РАДЛОВА.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ въ 500 нумерованныхъ экземплярахъ на лучшей
бумагѣ въ тѣлѣ съ большимъ количествомъ красочныхъ воспроизведеній и
репродукціями, исполненными всевозможными способами графическаго искус-
ства. Вся книга исполнена въ Художественно-Графическомъ Заведеніи «УНИОНЪ»
въ Петроградѣ.

Для любителей отпечатаны 50 именныхъ экземпляровъ изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ИЗДАНІЯ:

НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 25 руб.
ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ИМЕННОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 35 »

По выходѣ въ свѣтъ стоимость изданія будетъ повышена.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАТЕЛЬСТВА—Б. КАЗАЧІЙ
ПЕР., 9. ТЕЛ. 684-36 И ВЪ ЛУЧШИХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ И КНИЖ-
НЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Тамъ же продается дѣтская художественная книжка

„НАШЪ ЖУРНАЛЪ“

исполненная дѣтьми. Цѣна 3 руб 25 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“

(Москва, М. Никитская, 29, кв. 6, тел. 4-50-61).

Московское отдѣленіе изданій «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

Я. КОКОСОВЪ. Разказы о Карійской каторгѣ. (Изъ воспоминаній врача). Ц. 1 р.

ВЛАДИМІРЪ КОРОЛЕНКО. Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Исторія моего современника. I. Раннее дѣтство и годы ученья. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Е. КУДРИНЪ. Галлерей современныхъ французскихъ знаменитостей. Съ приложеніемъ 12 портретовъ. (Луи Пастеръ. Альфонсъ Додэ. Эмиль Золя. Клемансо. Вальдекъ Руссо. Комбъ. Анри Рошфоръ. Жанъ Жоресъ. Жюль Гэдъ. Анатолий Франсъ. Поль Бунже). Ц. 1 р. 50 к.

П. Л. ЛАВРОВЪ. Историческія письма. 4-е изд. безъ перем. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Формула прогресса Н. К. Михайловскаго. Противники исторіи. Научныя основы исторіи цивилизаціи. 2-е изд. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Ц. 40 к.

Л. МЕЛЬШИНЪ. (П. Ф. Якубовичъ). Очерки русской поэзіи. (Пушкинъ, Некрасовъ, Фетъ, Тютчевъ, Надсонъ. Современныя миниатюры. О старомъ и новомъ настроеніи). 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

В. А. МЯКОТИНЪ. Изъ исторіи русскаго общества. (Протопопъ Аввакумъ. Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи. На зарѣ русскій общественности. Изъ Пушкинской эпохи. Прессоры сороковыхъ годовъ. К. Д. Кавелинъ, какъ историкъ и публицистъ. Памяти Г. И. Успенскаго. П. ямти Н. К. Михайловскаго). 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

А. Б. ПЕТРИЩЕВЪ. Триста лѣтъ. (1606—1906 гг.) 2-е изд. Ц. 25 к.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича. Съ вступительной статьей В. Г. КОРОЛЕНКО и примѣчаніями В. Г. ЧЕРТКОВА. Ц. 20 к.

КАРЛЬ ШУРЦЪ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Перев. А. Н. Анненской. Ц. 30 к.

П. Я. Русская муза. Художеств.-историческая хрестоматія. 3-е изд. Ц. 1 р. 75 к., въ изящн. коленкор. переплетѣ 2 р. 40 к.

Галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей Н. Ѳ. АННЕНСКАГО, В. Я. БОГУЧАРСКАГО, В. И. СЕМЕВСКАГО и П. Ф. ЯКУБОВИЧА. Съ 29 портретами. Ц. 3 р.

В. И. СЕМЕВСКИЙ. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Ц. 3 р. 50 к.

ДАНИЕЛЬ СТЕРНЪ. Исторія революціи 1848 г. Перев. съ франц. подъ редакц. Н. Е. КУДРИНА. Т.т. I и II. Ц. по 75 коп.

М. ФРОЛЕНКО. Милость. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Ц. 10 к.

Э. ШАМПЬОНЪ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1780 г. Ц. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1917-ый годъ
НА НОВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
научно-популярнаго характера

ПСИХОЛОГІЯ и ДѢТИ,

посвященный вопросамъ воспитанія, основаннаго на изуче-
ніи природы ребенка.

Ближайшими задачами журнала являются:

1. Научное изученіе жизни дѣтей. 2. Примѣненіе выводовъ психологін къ практикѣ воспитанія. 3. Выясненіе общихъ основъ воспитанія и обученія. 4. Ознакомленіе съ современнымъ движеніемъ педагогической мысли въ Россіи и на Западѣ. 5. Критика и библиографія въ формѣ систематическихъ обзоровъ по вопросамъ, относящимся къ прикладной психології.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками 5—6 листовъ. Подписная плата съ по-
ставкой и пересылкой **6 руб. въ годъ**, на полгода **3 р. 50 к.**, отдѣльная книжка **1 р.**

Книгопродавцамъ обычная скидка.

Первый номеръ выйдетъ въ декабрь 1916 г.

Контора и редакция журнала помѣщаются—**Москва, Малая Никитская, 29, Книго-**
издательство «ЗАДРУГА». Отд. конторы въ **Петроградѣ**, кн.-во «ОГНИ», Фортанка, 8).
Редакторъ **И. М. Соловьевъ.**

Открыта подписка на 1917 годъ

(Четвертый годъ изданія)

на ежемѣсячный историческій журналъ

„НАША СТАРИНА“.

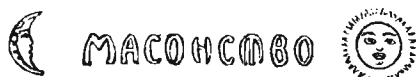
Журналъ, чуждый сухого педантизма, является органомъ живой истор. мысли, освѣщающимъ вопросы, какъ нашей старины, такъ и ближайшаго прошлаго. Мировая исторія затрагивается въ предѣлахъ взаимоотношенія ея съ исторіей русской. Литература, искусство, бытъ, наука, политика находятъ отраженіе на страницахъ журнала. Безпристрастіе и правда—основной принципъ его, занимательность на основѣ серьезнаго трактованія затрагиваемыхъ вопросовъ—общія заданія. Журналъ издается изящно, иллюстрируется портретами, рисунками, худож. старинными заставками и концовками и проч., печатается стариннымъ (елизаветинскимъ) шрифтомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ **11 р.**, полгода—**5 р. 50 к.** Допускается и большая разсрочка. Проспекты высылаются по первому требованію. **ПОДПИСЫВАТЬСЯ СЛѢДУЕТЪ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.** Адресъ для почтовыхъ переводовъ и писемъ: Петръ оградъ, Каменноостровский пр., 26. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, въ Петроградѣ—въ Конторѣ: ул. Жуковского, 24.

Редакторъ-издатель **Н. Н. Сергіевскій.**

Издание «ЗАДРУГИ» и Н. Ф. НЕКРАСОВА.

ТРЕХТОМНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

Рисунок обложки и перепл., ум. въ $3\frac{1}{2}$ раза.

И НАСТОЯЩЕМЪ.

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ

Рисунок обложки и перепл.: ум. въ $3\frac{1}{2}$ раза.

Под. ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова.

ВЫШЛО 2 ТОМА.

Условія подписки: цѣна изд. въ трехъ томахъ (отдѣльно не продаются) по подпискѣ, съ перепл. въ предѣлахъ Европ. Россіи, въ переплетахъ 27 р.; при подпискѣ вносится 5 р., по полученіи I и II т. по 8 р., III—6 р.; безъ переплета—21 р.; при подп. 4 р., по полученіи I и II т. по 6 р., III—5 р.

Съ выходомъ третьяго тома весной 1917 г., цѣна на изданіе будетъ значительно повышена.

Подписч. «Голоса Минувшаго» имѣютъ право получить изданіе за 24 р. (въ перепл.) и пользоваться разсрочкой по соглашенію съ конторой.

Подписка принимается: Т-во „Задруга“, Москва, М. Никитская, 29. Отд. въ Петроградѣ: Н-во „ОГНИ“, Фонтанка 80.

Новая книга Н. И. КАРЪЕВА.

Исторія Западной Европы въ началѣ XX вѣка. Ц. 3 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

ПЕТРОГРАДЪ, В. О., 5 л., 28, типографія Стасюлевича.

МОСКВА, Милютинскій пер., д. 13/14 Бр. Башмаковыхъ.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

МОСКВА, М. Никитская, 29.

Поступили на складъ:

МОРОЗОВЪ, Н. А. Звѣздныя пѣсни. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

БОБОРЫКИНЪ, П. Д. Европейскій романъ. Ц. 3 р. 50 к.

ЖУКОВСКАЯ. В. Сестра Варенька. Повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Полный каталогъ — бесплатно.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Бывшій **М. В. ПОПОВА.** ПЕТРОГРАДЪ,
Невскій пр., 66.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ.

«ОТЕЧЕСТВО». Сборники. НАЦИОНАЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ РОССІИ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ. Подъ редакціей проф. И. Бодуанъ де Куртене, проф. Н. Гредескула, Б. Гуревича, ин. П. Долгорукова, проф. В. Сперанскаго. Томъ I. 1) ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ. 2) ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВЪ РОССІИ, стр. 108+498. Ц. 3 руб. 75 коп.

Г. ПЛЕХАНОВЪ. Дневникъ социаль-демократа. Вып. I. Изд. 2-е. Ц. 40 коп.

Г. ПЛЕХАНОВЪ. Интернаціонализмъ и защита отечества. Цѣна 40 коп.

Н. СУХАНОВЪ. Наши направленія-марксизмъ и «народничество». 2-е изд. Ц. 1 руб.

А. ПОТРЕСОВЪ. Война и международное демократическое сознаніе. Ц. 75 коп.

А. ПОТРЕСОВЪ. П. Б. Аксельродъ (Опр. Суд. Палаты арестъ снятъ). Ц. 25 коп.

Проф. Н. ГРЕДЕСКУЛЬ. Россія и ея народы. Ц. 75 коп.

М. ПАВЛОВИЧЪ. Смерть Жореса. Изъ дневника Эмигранта. Ц. 60 коп.

С. ЗОЛОТАРЕВЪ. Диаграмма и историко-литературн. карта по исторіи русской литературы. Ц. 80 коп.

Г. МАГНИТСКІЙ. Докторъ Орловъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 2 руб.

Б. ВЕРХОУСТИНСКІЙ. Маленькая буря. Романъ. Ц. 1 руб. 50 коп.

Д. ЛЛОЙДЪ-ДЖОРДЖЪ. Рѣчи во время войны. Изд. 2-е. Ц. 1 руб. 50 коп.

З. ПАННХЕРСТЪ. Моя жизнь. Записки суффражистки. Ц. 2 руб.

ДЖЕНЬ ЛОНДОНЪ. Смирительная рубашка. Ц. 2 руб. 25 коп.

Постоянно на складѣ большой выборъ художественной и научной литературы по всѣмъ отраслямъ знаній и по специальнымъ вопросамъ.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя выполнение книжныхъ заказовъ для школъ, общественныхъ и частныхъ библиотекъ.

Лицамъ, интересующимся литературой по определенному вопросу, регулярно высылаются соответствующія книжныя новинки.

КАТАЛОГИ СЪ ОТЗЫВАМИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

(ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.)

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ —

ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

(5-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 17 руб., на $\frac{1}{2}$ года 9 руб., на 3 мѣсяца 4 руб. 50 к., за границу 20 руб.,

— Перемѣна адреса 40 коп. —

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 2 руб.

Комплекты за прежніе годы по 8 руб.: 1913 г. (безъ № 1), 1914 г., 1915 г. (безъ №№ 4, 5). На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1917 г. имѣютъ право пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“.

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Въ отдѣленія конторы: Петроградъ, Фоптанка, 80. Книгоиздательство «ОГНИ».

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**

ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА НА 1917 ГОДЪ
имѣють право получить на ЛЬГОТНЫХЪ
условіяхъ книги по исторіи и исторіи
литературы, изданныя книгоиздатель-
ствомъ „ЗАДРУГА“. Списокъ книгъ бу-
детъ приложенъ къ ЯНВАРЬСКОЙ книгѣ.

При этомъ № иногороднимъ подписчикамъ разсылается
почтовый бланкъ о подпискѣ на „Голосъ Минувшаго“
въ 1917 г.

КНИЖНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ
„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

принимаются ПОСЛѢ ТЕКСТА по
цѣнѣ 60 руб. стр. и 30 руб.— $\frac{1}{2}$ стр;
на ОБЛОЖКѢ 100 руб.